

Николай Васильевич Гоголь

Статьи из "Арабесок"
(Другие редакции)

Содержание

#1	0005
СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА	0007
О СРЕДНИХ ВЕКАХ	0016
О ПРЕПОДАВАНИИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ	0041
ВЗГЛЯД НА СОСТАВЛЕНИЕ МАЛОРОССИИ	0069
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПУШКИНЕ	0090
ОБ АРХИТЕКТУРЕ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ	0102
АЛ-МАМУН. (ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)	0144
ЖИЗНЬ	0157
ШЛЕЦЕР, МИЛЛЕР И ГЕРДЕР	0163
О МАЛОРОССИЙСКИХ ПЕСНЯХ	0173
МЫСЛИ О ГЕОГРАФИИ (ДЛЯ ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА)	0189
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ (КАРТИНА БРЮЛОВА)	0208
О ДВИЖЕНИИ НАРОДОВ В КОНЦЕ V ВЕКА	0223
ВАРИАНТЫ СТАТЕЙ ИЗ «АРАБЕСОК»	0279
СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА	0279
О СРЕДНИХ ВЕКАХ	0320
О ПРЕПОДАВАНИИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ	0461
ВЗГЛЯД НА СОСТАВЛЕНИЕ МАЛОРОССИИ	0471
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПУШКИНЕ	0543
ОБ АРХИТЕКТУРЕ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ	0589
АЛ-МАМУН	0781

ЖИЗНЬ	0832
ШЛЕЦЕР, МИЛЛЕР И ГЕРДЕР	0850
О МАЛОРОССИЙСКИХ ПЕСНЯХ	0886
МЫСЛИ О ГЕОГРАФИИ	0892
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ	0905
БОРИС ГОДУНОВ. ПОЭМА ПУШКИНА	0972
О ПОЭЗИИ КОЗЛОВА	0977
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗАПИСКИ 1836 ГОДА	0982
РЕЦЕНЗИИ ИЗ «СОВРЕМЕННОГО»	1005
РЕЦЕНЗИИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В «СОВРЕМЕННОГО»	1031
УТРЕННЯЯ ЗАРЯ	1069

Николай Васильевич Гоголь

СТАТЬИ ИЗ "АРАБЕСОК"

Собрание это составляют пьесы, писанные мною в разные времена, в разные эпохи моей жизни. Я не писал их по заказу. Они высказывались от души, и предметом избирал я только то, что сильно меня поражало. Между ними читатели, без сомнения, найдут много молодого. Признаюсь, некоторых пьес я бы, может быть, не допустил вовсе в это собрание, если бы издавал его годом прежде, когда я был более строг к своим старым трудам. Но вместо того, чтобы строго судить свое прошедшее, гораздо лучше быть неумолимым к своим занятиям настоящим. Истреблять прежде написанное нами, кажется, так же несправедливо, как позабывать минувшие дни своей юности. Притом если сочинение включает в себе две, три еще не сказанные истины, то уже автор не вправе скрывать его от читателя, и за две, три верные мысли можно простить несовершенство целого.

Я должен сказать о самом издании: когда я прочитал отпечатанные листы, меня самого испугали во многих местах неисправности в слогe, излишности и пропуски, происшедшие

от моей неосмотрительности. Но недосуг и обстоятельства, иногда не очень приятные, не позволяли мне пересматривать спокойно и внимательно свои рукописи, и потому смею надеяться, что читатели великодушно извинят меня.

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА

Благодарность зиждителю мириад за благость и сострадание к людям! Три чудные сестры посланы им украсить и усладить мир: без них он бы был пустыня и без пения катился бы по своему пути. Дружнее, союзнее сдвинем наши желания и — первый кубок за здравие скульптуры! Чувственная, прекрасная, она прежде всего посетила землю. Она — мгновенное явление. Она — оставшийся след того народа, который весь заключился в ней, со всем своим духом и жизнью. Она — ясный призрак того светлого, греческого мира, который ушел от нас в глубокое удаление веков, скрылся уже туманом и до которого достигает одна только мысль поэта. Мир, увитый виноградными гроздьями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана,

под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование. Белая, млечная, дышащая в прозрачном мраморе красотой, негой и сладострастием, она сохранила одну идею, одну мысль: красоту, гордую красоту человека. В каком бы ни было пылу страсти, в каком бы ни было сильном порыве, но всегда в ней человек является прекрасным, гордым и невольно остановит атлетическим, свободным своим положением. Всё в ней слилось в красоту и чувственность: с ее страдающими группами не сливаешь страдающий вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься са-

мым их страданием; так чувство красоты пластической, спокойной пересиливает в ней стремление духа! Она никогда не выражала долгого глубокого чувства, она создавала только быстрые движения: свирепый гнев, мгновенный вопль страдания, ужас, испуг при внезапности, слезы, гордость и презрение и наконец красоту, погруженную саму в себя. Она обращает все чувства зрителя в одно наслаждение, в наслаждение спокойное, ведущее за собою негу и самодовольство языческого мира. В ней нет тех тайных, беспредельных чувств, которые влекут за собою бесконечные мечтания. В ней не прочитаешь всей долгой, исполненной потрясений и переворотов жизни. Она прекрасна, мгновенна, как красавица, глянувшая в зеркало, усмехнувшаяся, видя свое изображение, и уже бегущая, влача с торжеством за собою толпу гордых юношей. Она очаровательна, как жизнь, как мир, как чувственная красота, которой она служит алтарем. Она родилась вместе с языческим, ясно образовавшимся миром, выразила его — и умерла вместе с ним. Напрасно хотели изобразить ее высокие явления

христианства, она так же отделялась от него, как самая языческая вера. Никогда возвышенные, стремительные мысли не могли улечься на ее мраморной сладострастной наружности. Они поглощались в ней чувственностью.

Не таковы две сестры ее, живопись и музыка, которых христианство воздвигнуло из ничтожества и превратило в исполинское. Его порывом они развились и исторгнулись из границ чувственного мира. Мне жаль моей мраморно-облачной скульптуры! Но... светлее сияй, покал мой, в моей смиренной келье, и да здравствует живопись! Возвышенная, прекрасная, как осень в богатом своем убранстве мелькающая сквозь переплет окна, увитого виноградом, смиренная и обширная, как вселенная, яркая музыка очей — ты прекрасна! Никогда скульптура не смела выразить твоих небесных откровений. Никогда не были разлиты по ней те тонкие, те таинственно-земные черты, вглядываясь в которые, слышишь, как наполняет душу небо, и чувствуешь невыразимое. Вот мелькают, как в облачном тумане, длинные галереи, где из

старинных позолоченных рам выказываешь ты себя живую и темную от неумолимого времени, и перед тобою стоит, сложивши накрест руки, безмолвный зритель; и уже нет в его лице наслаждения, взор его дышит наслаждением не здешним. Ты не была выражением жизни какой-нибудь нации; нет, ты была выше: ты была выражением всего того, что имеет таинственно-высокий мир христианский. Взгляните на нее, задумчивую, опустившую на руку прекрасную свою голову: как вдохновенен и долог ясный взор ее! Она не схватывает одного только быстрого мгновения, какое выражает мрамор; она длит это мгновение, она продолжает жизнь за границы чувственного, она похищает явления из другого безграничного мира, для названия которых нет слов. Всё неопределенное, что не в силах выразить мрамор, рассекаемый могучим молотом скульптора, определяется вдохновенною ее кистью. Она также выражает страсти, понятные всякому, но чувственность уже не так властвует в них; духовное невольно проникает всё. Странствие выражается живее и вызывает сострадание, и вся она требу-

ет сочувствия, а не наслаждения. Она берет уже не одного человека, ее границы шире: она заключает в себе весь мир; все прекрасные явления, окружающие человека, в ее власти; вся тайная гармония и связь человека с природою — в ней одной. Она соединяет чувственное с духовным.

Но сильнее шипи, третий покал мой! Ярче сверкай и брызгай по золотым краям его, звонкая пена, — ты сверкаешь в честь музыки. Она восторженнее, она стремительнее обеих сестер своих. Она вся — порыв; она вдруг за одним разом отрывает человека от земли его, оглушает его громом могущих звуков и разом погружает его в свой мир. Она властительно ударяет, как по клавишам, по его нервам, по всему его существованию и обращает его в один трепет. Он уже не наслаждается, он не страдает, он сам превращается в страдание; душа его не созерцает непостижимого явления, но сама живет, живет своею жизнью, живет порывно, сокрушительно, мятежно. Невидимая, сладкогласная она проникла весь мир, разлилась и дышит в

тысяче разных образов. Она томительна и мятежна; но могущественней и восторженней под бесконечными, темными сводами катедраля, где тысячи поверженных на колени молельщиков стремится она в одно согласное движение, обнажает до глубины сердечные их помышления, кружит и несется с ними горé, оставляя после себя долгое безмолвие и долго исчезающий звук, трепещущий в углублении остроконечной башни.

Как сравнить вас между собою, три прекрасные царицы мира? Чувственная, пленительная скульптура внушает наслаждение, живопись — тихой восторг и мечтание, музыка — страсть и смятение души; рассматривая мраморное произведение скульптуры, дух невольно погружается в упоение; рассматривая произведение живописи, он превращается в созерцание; слыша музыку, — в болезненный вопль, как бы душою овладело только одно желание вырваться из тела. Она — наша! она — принадлежность нового мира! Она осталась нам, когда оставили нас и скульптура, и живопись, и зодчество. Нико-

гда не жаждали мы так порывов, воздвигающих дух, как в нынешнее время, когда наступает на нас и давит вся дробь прихотей и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век. Всё составляет заговор против нас; вся эта соблазнительная цепь утонченных изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждем спасти нашу бедную душу, убежать от этих страшных оболстителей и — бросились в музыку. О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! Не оставляй нас! буди чаще наши меркантильные души! ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам! Волнуй, разрывай их и гони, хотя на мгновение, этот холодно-ужасный эгоизм, силящийся овладеть нашим миром. Пусть, при могущественном ударе смычка твоего, смятенная душа грабителя почувствует, хотя на миг, угрызение совести, спекулятор растеряет свои расчеты, бесстыдство и наглость невольно выронит слезу пред созданием таланта. О, не оставляй нас, боже-ство наше! Великий зиждитель мира поверг нас в немеющее безмолвие своею глубокою

мудростью: дикому, еще не развернувшемуся человеку он уже вдвинул мысль о зодчестве. Простыми, без помощи механизма, силами он ворочает гранитную гору, высоким обрывом громоздит ее к небу и повергается ниц перед безобразным ее величием. Древнему, ясному, чувственному миру послал он прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту — и весь древний мир обратился в фимиам красоте. Эстетическое чувство красоты слило его в одну гармонию и удержало от грубых наслаждений. Векам беспокойным и темным, где часто сила и неправда торжествовали, где демон суеверия и нетерпимости изгонял всё радужное в жизни, дал он вдохновенную живопись, показавшую миру неземные явления, небесные наслаждения угодников. Но в наш юный и дряхлый век ниспослал он могущественную музыку, стремительно обращать нас к нему. Но если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?

1831.

О СРЕДНИХ ВЕКАХ

Никогда история мира не принимает такой важности и значительности, никогда не показывает она такого множества индивидуальных явлений, как в средние веки. Все события мира, приближаясь к этим векам, после долгой неподвижности, текут с усиленною быстротою, как в пучину, как в мятежный водоворот, и, закружившись в нем, перемешавшись, переродившись, выходят свежими волнами. В них совершилось великое преобразование всего мира; они составляют узел, связывающий мир древний с новым; им можно назначить то же самое место в истории человечества, какое занимает в устройении человеческого тела сердце, к которому текут и от которого исходят все жилы. Как совершилось это всемирное преобразование? какие удержались в нем старые стихии? что прибавлено нового? каким образом они смешались? что произошло от этого смешения? как образовалось величественное, стройное здание веков новых? — Это такие вопросы, которым равные по важности едва ли найдутся во всей ис-

тории. Всё, что мы имеем, чем пользуемся, чем можем похвалиться перед другими веками, всё устройство и искусное сложение наших административных частей, все отношения разных сословий между собою, самые даже сословия, наша религия, наши права и привилегии, нравы, обычаи, самые знания, совершившие такой быстрый прогрессивный ход, — всё это или получило начало и зародыш, или даже развилось и образовалось в темные, закрытые для нас средние века. В них первоначальные стихии и фундамент всего нового; без глубокого и внимательного исследования их не ясна, не удовлетворительна, не полна новая история; и слушатели ее похожи на посетителей фабрики, которые изумляются быстрой отделке изделий, совершающейся почти перед глазами их, но позабывают заглянуть в темное подземелье, где скрыты первые всемогущие колеса, дающие толчок всему: такая история похожа на статую художника, не изучившего анатомии человека.

Отчего же, несмотря на всю важность этих

необыкновенных веков, всегда как-то неохотно ими занимались? Отчего, приближаясь к ним, всегда спешили скорее пройти их и отделаться от них, и редкие, очень редкие, пораженные величием предмета, возлагали на себя труд разрешить некоторые из приведенных вопросов? Мне кажется, это происходило оттого, что средней истории назначали самое низшее место. Время ее действия считали слишком варварским, слишком невежественным, и оттого-то оно и в самом деле сделалось для нас темным, раскрытое не вполне, оцененное не по справедливости, представленное не в гениальном величии. Невежественным можно назвать разве только одно начало, но это невежественное время уже имеет в себе то, что должно родить в нас величайшее любопытство. Самый процесс слияния двух жизней, древнего мира и нового, это резкое противоречие их образов и свойств, эти дряхлые, умирающие стихии старого мира, которые тянутся по новому пространству, как реки, впавшие в море, но долго еще не сливающие своих пресных вод с солеными волнами; эти дикие, мощные стихии нового, упорно не

допускающие к себе чуждого влияния, но наконец невольно принимающие его; это старание, с каким европейские дикари кроют по своему римское просвещение; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римских форм, законов, среди новых, еще неопределенных, не получивших ни образа, ни границ, ни порядка; самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы и тысящелетней силы ее, — они все для нас занимательнее и более возбуждают любопытства, нежели неподвижное время всесветной Римской империи под управлением ее бессильных императоров.

Другая причина, почему неохотно занимались историею средних веков, это — мнимая сухость, которую привыкли сливать с понятием о ней. На нее глядели, как на кучу происшествий нестройных, разнородных, как на толпу раздробленных и бессмысленных движений, не имеющих главной нити, которая бы совокупляла их в одно целое. В самом деле ее страшная, необыкновенная сложность с первого раза не может не показаться чем-то

хаосным, но рассматривайте внимательнее и глубже, и вы найдете и связь, и цель, и направление; я однако же не отрицаю, что для самого умения найти всё это нужно быть одарену тем чутьем, которым обладают немногие историки. Этим немногим предоставлен завидный дар увидеть и представить всё в изумительной ясности и стройности. После их волшебного прикосновения происшествие оживляется и приобретает свою собственность, свою занимательность; без них оно долго представляется для всякого сухим и бессмысленным. Всё, что было и происходило, — всё занимательно, если только о нем сохранились верные летописи, выключая разве совершенное бесстрашие народов; везде есть нить, как во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бывает заткана утком: как в лучистом камне есть невидимый свет, который он отливает, будучи обращен к солнцу, — она исчезает только с утратою известий. Так и в первоначальных веках средней истории сквозь всю кучу происшествий невидимую нитью тянется постепенное возрастание папской власти и развивается фео-

дализм. Казалось, события происходили совершенно отдельно и блеском своим затемняли уединенного, еще скромного римского первосвященника; действовал сильный государь или его вассал и действовал лично для себя, а между тем существенные выгоды незаметно текли в Рим. И всё, что ни происходило, казалось, нарочно происходило для папы. Гильдебрандт только отдернул занавес и показал власть, уже давно приобретенную папами.

История средних веков менее всего может назваться скучною. Нигде нет такой пестроты, такого живого действия, таких резких противоположностей, такой странной яркости, как в ней: ее можно сравнить с огромным строением, в фундаменте которого улегся свежий, крепкий как вечность гранит, а толстые стены выведены из различного, старого и нового материала, так что на одном кирпиче видны готфские руны, на другом блестит римская позолота; арабская резьба, греческий карниз, готическое окно — всё слепилось в нем и составило самую пеструю

башню. Но яркость, можно сказать, только внешний признак событий средних веков; внутреннее же их достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юноши, и оригинальность, делающая их единственными, не встречающими себе подобия и повторения ни в древние, ни в новые времена.

Бросим взгляд на те из событий, которые произвели сильное влияние. Главный сюжет средней истории есть папа. Он — могущественный обладатель этих молодых веков, он движет всеми силами их и, как громовержец, одним мановением своим правит их судьбою. Словом, вся средняя история есть история папы. Его непреодолимое желание властвовать, его постоянные средства, исполненные проницательности и мудрости, следствия старческого возраста, его деспотизм и деспотизм бесчисленных легионов его могущественного духовенства — ревностных подданных духовного монарха, наложивших свои железные оковы на все углы мира, куда ни проникло

знамение креста, — представляют явление единственное, колоссальное и не повторявшееся никогда. Не стану говорить о злоупотреблении и о тяжести оков духовного деспота. Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развернулись; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста. Невольно преклонишь

колена, следя чудные пути провидения: власть папам как будто нарочно дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнут возраста повелевать другими; чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна. И как только народы достигли состояния управлять собою, власть папы, как исполнившая уже свое предназначение, как более уже ненужная, вдруг поколебалась и стала, разрушаться, несмотря на все сильные меры, на всё желание удержать гибнущие силы свои. Власть их в этом отношении была то же, что подмости и лес для постройки здания; вначале они выше и кажутся значительнее самого строения, но как только строение достигло настоящей высоты, они как ненужные принимаются прочь.

С мыслию о средних веках невольно сливается мысль о крестовых походах — необыкновенном событии, которое стоит как исполин в середине других, тоже чудесных и необыкновенных. Где, в какое время было ко-

гда-нибудь равное ему своею оригинальностью и величием? Это не какая-нибудь война за похищенную жену, не порождение ненависти двух непримиримых наций, не кровопролитная битва между двумя алчными властителями за корону или за клочок земли, даже не война за свободу и народную независимость. Нет! ни одна из страстей, ни одно собственное желание, ни одна личная выгода не входят сюда: все проникнуто одною мыслию — освободить гроб божественного спасителя! Народы текут с крестами со всех сторон Европы; короли, графы в простых власяницах; монахи, препоясанные оружием, становятся в ряды воинов; епископы, пустынноики с крестами в руках предводят несметными толпами — и все текут освободить свою веру. Владычество одной мысли объемлет все народы. Нет ли чего-то великого в этой мысли? И напрасно крестовые походы называются безрассудным предприятием. Не странно ли было бы, если бы отрок заговорил словами рассудительного мужа? Они были порождение тогдашнего духа и времени. Предприятие это — дело юноши, но такого юноши, которо-

му определено быть гением. А какие бесчисленные, какие удивительные и непредвиденные следствия крестовых походов! Нужно было всю массу образовать и воспитать, дать ей увидеть свет, который часто заслоняло духовенство, и вся масса для этого извергается в другую часть света, где потухающее аравийское просвещение силится передать ей свой пламень, и — вся Европа вояжирует по Азии. Не вправе ли мы изумляться? Обыкновенно какой-нибудь выходец из земли образованной один приносит просвещение и первые сведения в неизвестную страну и постепенно образует дикарей; но образование это тянется медленно, неровно. Здесь же, напротив, народы сами всею своею массою приходят за образованием и, несмотря на долгое пребывание, не сливаются с своими учителями, ничего не перенимают у них роскошного и развратного, удерживают свою самобытность, при всем взаимодействии множества азиатских обыкновений, и возвращаются в Европу европейцами, а не азиатцами. Я уже не говорю о тех следствиях, тех переменах в феодальном правлении, для которых нужно было времен-

ное удаление многих сильных.

Но бросим взгляд на другие происшествия, наполняющие среднюю историю. Они хотя в сравнении с крестовыми походами могут почесться второстепенными, но тем не менее все исполнены чудесности, сообщающей средним векам какой-то фантастический свет, все — порождение юношества прекрасного, исполненного самых сильных и великих надежд, часто безрассудного, но пленительного и в самой безрассудности. Рассмотрим их по порядку времени; возьмем то блестящее время, когда появились аравитяне — краса народов восточных. И одному только человеку и созданной им религии, роскошной, как ночи и вечера Востока, пламенной, как природа, близкая к Индийскому морю, важной и размышляющей, какую только могли внушить великие пустыни Азии, — обязаны они всем своим блестящим, радужным существованием! С непостижимой быстротою они, эти смуглые чалмоносцы, воздвигают свои калифаты с трех сторон Средиземного моря. И воображение их, ум и все способно-

сти, которыми природа так чудно одарила араба, развиваются в виду изумленного Запада, отпечатываясь со всею роскошью на их дворцах, мечетях, садах, фонтанах, и так же внезапно, как в их сказках, кипящих изумрудами и перлами восточной поэзии. Век вперед — и уже он исчез, этот необыкновенный народ, так что в раздумьи спрашиваешь себя: точно ли он жил и существовал, или он — самое прекрасное создание нашего воображения?

Как чудесно и какой сильной исполнено противоположности появление норманнов — народа, которого гневный Север свирепо выбросил из ледяных недр своих. Горсть людей дерзких, за которыми как будто гонятся по пятнам мрачный их Один и снеговые горы Скандинавии, наводит панический страх на обширные государства! По Северному океану плывут их движущиеся королевства под начальством морских своих королей, — и всё падает ниц перед этими малолюдными пришлецами, воспитанными бурею, морями, страшною бедностью Скандинавии и дикою

религию.

Колоссальные завоевания и распространение монголов были также делом почти сверхъестественным. Необъятная внутренность Азии, которая была скрыта от глаз всех народов, осветилась вдруг в самом страшном величии. Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травую, почти равняющуюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерз-

шем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге. Словом, как будто на завоеваниях их отразилась колоссальность Азии. Такого быстрого распространения тоже не видала ни древняя, ни новая история.

Я уже ничего не говорю о важной торговле Венеции — этого небольшого лоскутка земли, которую всю занимал один город, и город без государства, выжимая золото со всего мира, и коего царственные купцы своими кораблями, горделиво обошедшими все моря, и дворцами при Адриатическом море далеко превосходили многих монархов. Этого явления я не считаю единственным и необыкновенным. Оно повторяется в истории мира часто, хотя в других формах и с разными изменениями. Несравненно оригинальнее жизнь Европы во время и после крестовых походов, когда в ней всё еще темны и неопределенны границы государств; когда еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленькой император в своей земле; когда вся Европа об-

лекается в неприступные замки с башнями и зубцами, и твердые крепости усеивают ее поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души. Казалось, эта дикая храбрость должна бы совершенно закалить их и сделать так же бесчувственными, как непроницаемые их латы. Но как удивительно они были укрощены, и таким явлением, которое представляет совершенную противоположность с их нравами! это — всеобщее беспредельное уважение к женщинам. Женщина средних веков является божеством; для ней турниры, для ней ломаются копья, ее розовая или голубая лента вьется на шлемах и латах и вливает сверхъестественные силы; для ней суровый рыцарь удерживает свои страсти так же мощно, как арабского бегуна своего, налагает на себя обеты изумительные и неподражаемые по своей строгости к себе, и всё для того, чтобы быть достойным повергнуться к ногам своего божества. Если эта воз-

вышенная любовь изумительна, то влияние ее на нравы и того более. Всё благородство в характере европейцев было ее следствием. А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу в какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи опытов и приключений каждому и произведшая впоследствии в европейских жажду к открытию новых земель! Как самые их взаимные брани и битвы, вечно беспокойное положение, вместо того, чтобы ослабить всеобщий дух и напряжение, как то обыкновенно делается в периодах истории, когда роскошь разъедает раны нравственной болезни народов и алчность выгод личных выводит за собою низость, лесть и способность устремиться на все утонченные пороки, — вместо этого они только укрепили и развили их! Пороки народов образованных не смели коснуться рыцарства Европы. Казалось, провидение бодрствовало над ним неусыпно и с заботливостью преданного наставника берегло его. Едва только возникли улучшения для жизни, которые подносила Венеция и Ганза, и начали отдалять рыцарей от их обетов и строгой жизни, подогревать

желание наслаждений и уменьшать энтузиазм религиозный, как появившиеся чудные, небывалые никогда дотолде общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совестью перед народами Европы. Никогда история не представляла обществ, связанных такими неразрывными узами, как эти духовные ордена рыцарей. Ничего для своей пользы или для своего существования, что всегда составляло цель обществ! Уничтожить всё, что составляет желание человека, и жить для всего человечества; жить, чтобы быть грозными хранителями мира, чтобы носить в себе одно: защиту веры Христовой; всё принести ей в жертву и отказаться от всего, что отзывается выгодой жизни! Не чудесно ли это явление! Эта энергия и сила для него могла быть только вычерпнута из средних веков. И как только ордена рыцарские стали уклоняться от своей цели и обращать глаза на другие, как только начали заражаться желанием добычи и корысти, и роскошь заставляла их живее привязываться к собственной жизни, и они стали походить сами на тех, за которыми наложили на себя сами же смотрение, —

как возникают уже страшные тайные суды, неумолимые, неотразимые, как высшие предопределения, являющиеся уже не совестью перед ветренным миром, но страшным изображением смерти и казни. Ни сила, ни обширные земли, ни даже самая корона не спасают и не отменяют произнесенного ими приговора. Незнаемые, невидимые как судьба, где-нибудь в глуши лесов, под сырым сводом глубокого подземелья, они взвешивали и разбирали всю жизнь и дела того, которому посреди необъятных своих земель и сотни покорных вассалов и в мысль не приходило, есть ли где в мире власть выше его. И если эти подземные судьи раз произносили обвиняющее слово — всё кончено. Напрасно властитель грозой могущества своего затрудняет к себе приближение, напрасно его золото залепляет уста и заставляет всех прославлять его — неумолимый кинжал настигает его на конце мира, крадетя мимо пышной толпы и разит его из-за плеча друга. Не составляет ли это чудесности почти сказочной? Только там так неотразимо, так сверхъестественно, так неправильно действует человек, оторванный

от общества, лишенный покровов законной власти, не знающий, что такое слово: невозможность.

А самый образ занятий, царствовавший в середине и конце средних веков, — это всеобщее устремление всех к чудесной науке, это желание выпытать и узнать таинственную силу в природе, эта алчность, с какою все ударились в волшебство и чародейственные науки, на которых ясно кипит признак европейского любопытства, без которого науки никогда бы не развились и не достигли нынешнего совершенства! Самая даже простодушная вера их в духов и обвинения в сообщении с ними имеют для нас уже необыкновенную занимательность. А занятия алхимиею, считавшаяся ключом ко всем познаниям, венцом учености средних веков, в которой заключилось детское желание открыть совершеннейший металл, который бы доставил человеку всё! Представьте себе какой-нибудь германский город в средние веки, эти узенькие, неправильные улицы, высокие, пестрые готические домики и среди их какой-нибудь вет-

хий, почти валящийся, считаемый необитаемым, по растреснувшимся стенам которого лепится мох и старость, окна глухо заколочены — это жилище алхимика. Ничто не говорит в нем о присутствии живущего, но в глухую ночь голубоватый дым, вылетая из трубы, докладывает о неусыпном бодрствовании старца, уже поседевшего в своих исканиях, но всё еще неразлучного с надеждою, — и благочестивый ремесленник средних веков со страхом бежит от жилища, где, по его мнению, духи основали приют свой, и где вместо духов основало жилище неугасимое желание, непреборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже от неудачи — первоначальная стихия всего европейского духа, — которое напрасно преследует инквизиция, проникая во все тайные мышления человека: оно вырывается мимо и, облеченное страхом, еще с большим наслаждением предается своим занятиям.

А самая инквизиция? Какое мрачное и ужасное явление! Инквизиция свирепая, сле-

пая, владевшая бесчисленными сводами и подземельями монастырей, не верящая ничему, кроме своих ужасных пыток, на которых человек показал адскую изобретательность; инквизиция, выпускавшая из-под монашеских мантий свои железные когти, хватавшие всех без различия, кто только ни предавался странному и необыкновенным занятиям; подтвердившая великую истину, что если может физическая природа человека, доведенная муками, заглушить голос души, то в общей массе всего человечества душа всегда торжествует над телом.

Не единственны ли все эти явления? Не дают ли они права назвать средние века веками чудесными? Чудесное прорывается при каждом шаге и властвует везде во всё течение этих юных десяти веков; юных потому, что в них действует всё молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, не думавшие о следствиях, не призывавшие на помощь холодного соображения, еще не имевшие прошедшего, чтобы оглянуться. Всё было в них — поэзия и безотчетность. Вы вдруг почувствуете пере-

лом, когда вступите в область истории новой. Перемена слишком ощутительна, и состояние души вашей будет похоже на волны моря, прежде воздымавшиеся неправильными, высокими буграми, но после улегшиеся и всею своею необозримою равниною мерно и стройно совершающие правильное течение. Действия человека в средних веках кажутся совершенно безотчетны; самые великие происшествия представляют совершенные контрасты между собою и противоречат во всем друг другу. Но совокупление их всех вместе в целое являет изумительную мудрость. Если можно сравнить жизнь одного человека с жизнью целого человечества, то средние века будут то же, что время воспитания человека в школе. Дни его текут незаметно для света, деяния его не так крепки и зрелы, как нужно для мира: об них никто не знает, но зато они все — следствие порыва и обнажают за одним разом все внутренние движения человека, и без них не состоялась бы будущая его деятельность в кругу общества.

Теперь рассмотрите, между какими колос-

сальными событиями заключается время средних веков! Великая империя, повелевавшая миром, двенадцативековая нация, дряхлая, истощенная, падает; с нею валится полсвета, с нею валится весь древний мир с полужычским образом мыслей, безвкусными писателями, гладиаторами, статуями, тяжестью роскоши и утонченностью разврата. Это их начало. Оканчиваются средние века тоже самым огромным событием: всеобщим взрывом, поднимающим на воздух всё и обращающим в ничто все страшные власти, так деспотически их обнявшие. Власть папы подрывается и падает, власть невежества подрывается, сокровища и всемирная торговля Венеции подрываются, и когда всеобщий хаос переворота очищается и проясняется, пред изумленными очами являются монархи, держащие мощною рукою свои скипетры; корабли, расширенным взмахом несущиеся по волнам необъятного океана мимо Средиземного моря; в руках у европейцев вместо бессильного оружия — огонь; печатные листы разлетаются по всем концам мира; и всё это результаты средних веков. Сильный напор и усиленный

гнет властей, казалось, были для того только, чтобы сильнее произвести всеобщий взрыв. Ум человека, задвинутый крепкою толщею, не мог иначе прорваться, как собравши все свои усилия, всего себя. И оттого-то, может быть, ни один век не представляет таких гигантских открытий, как XV; век, которым так блистательно оканчиваются средние века, величественные, как колоссальный готический храм, темные, мрачные, как его пересекаемые один другим своды, пестрые, как разноцветные его окна и куча изузуривающих его украшений, возвышенные, исполненные порывов, как его летящие к небу столпы и стены, оканчивающиеся мелькающим в облаках шпцем.

О ПРЕПОДАВАНИИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

I.

Всеобщая история, в истинном ее значении, не есть собрание частных историй всех народов и государств без общей связи, без общего плана, без общей цели, куча происшествий без порядка, в безжизненном и сухом виде, в каком очень часто ее представляют. Предмет ее велик: она должна обнять вдруг и в полной картине всё человечество, каким образом оно из своего первоначального, бедного младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и наконец достигло нынешней эпохи. Показать весь этот великий процесс, который выдержал свободный дух человека кровавыми трудами, борясь от самой колыбели с невежеством, природой и исполинскими препятствиями: вот цель всеобщей истории! Она должна собрать в одно все народы мира, разрозненные временем, случаем, горами, морями, и соединить их в одно стройное целое; из них составить одну величественную пол-

ную поэму. Происшествие, не произведшее влияния на мир, не имеет права войти сюда. Все события мира должны быть так тесно связаны между собою и цепляться одно за другое, как кольца в цепи. Если одно кольцо будет вырвано, то цепь разрывается. Связь эту не должно принимать в буквальном смысле. Она не есть та видимая, вещественная связь, которою часто насильно связывают происшествия, или система, создающаяся в голове независимо от фактов и к которой после своевольно притягивают события мира. Связь эта должна заключаться в одной общей мысли: в одной неразрывной истории человечества, перед которою и государства и события — временные формы и образы! Мир должен быть представлен в том же колоссальном величии, в каком он являлся, проникнутый теми же таинственными путями промысла, которые так непостижимо на нем означались. Интерес необходимо должен быть доведен до высочайшей степени, так, чтобы слушателя мучило желание узнать далее; чтобы он не в состоянии был закрыть книгу или не дослушать, но если бы и сделал это, то разве с тем

только, чтобы начать сызнова чтение; чтобы очевидно было, как одно событие рождает другое и как без первоначального не было бы последующего. Только таким образом должна быть создана история.

II.

Всё, что ни является в истории: народы, события — должны быть непременно живы и как бы находиться пред глазами слушателей или читателей, чтоб каждый народ, каждое государство сохраняли свой мир, свои краски, чтобы народ со всеми своими подвигами и влиянием на мир проносился ярко, в таком же точно виде и костюме, в каком был он в минувшие времена. Для того нужно собрать не многие черты, но такие, которые бы высказывали много, черты самые оригинальные, самые резкие, какие только имел изображаемый народ. Для того, чтобы извлечь эти черты, нужен ум, сильный схватить все незаметные для простого глаза оттенки, нужно терпение перерыть множество иногда самых неинтересных книг. Но что уже один узнал, то другим передается легко; и потому слушатели должны узнать это, не роясь в архивах.

III.

Преподаватель должен призвать в помощь географию, но не в том жалком виде, в каком ее часто принимают, т. е. для того только, чтобы показать место, где что происходило. Нет! География должна разгадать многое, без нее неизъяснимое в истории. Она должна показать, как положение земли имело влияние на целые нации; как оно дало особенный характер им; как часто гора, вечная граница, взгроможденная природою, дала другое направление событиям, изменила вид мира, преградив великое разлитие опустошительного народа или заключивши в неприступной своей крепости народ малочисленный; как это могучее положение земли дало одному народу всю деятельность жизни, между тем как другой осудило на неподвижность; каким образом оно имело влияние на нравы, обычаи, правление, законы. Здесь-то они должны увидеть, как образуется правление; что его не люди совершенно устанавливают, но нечувствительно устанавливает и развивает самое положение земли; что формы его оттого священны, и изменение их неминуемо должно навлечь

несчастье на народ.

IV.

События и эпохи великие, всемирные, должны быть означены ярко, сильно, должны выдвигаться на первом плане со всеми своими следствиями, изменившими мир: не так, как делают иногда преподаватели, которые, сказавши, что такое-то происшествие есть великое, тем и отделяются или приводят близоручие следствия в виде отрубленных ветвей, тогда как должно развить его во всем пространстве, вывести наружу все тайные причины его явления и показать, каким образом следствия от него, как широкие ветви, распростираются по грядущим векам, более и более разветвляются на едва заметные отпрыски, слабеют и наконец совершенно исчезают или глухо отдаются даже в нынешние времена, подобно сильному звуку в горном ущельи, который вдруг умирает после рождения, но долго еще отзывается в своем эхе. Эти события должно показать в таком виде, чтобы все видели ясно, что они великие маяки всеобщей истории; что на них она держится, как земля держится на первоначальных грани-

тах, как животное на своем скелете.

V.

Теперь об образе преподавания. Слог профессора должен быть увлекательный, огненный. Он должен в высочайшей степени овладеть вниманием слушателей. Если хоть один из них может предаться во время лекции посторонним мыслям, то вся вина падает на профессора: он не умел быть так занимателен, чтобы покорить своей воле даже мысли слушателей. Нельзя вообразить не испытавши, какое вредное влияние происходит от того, если слог профессора вял, сух и не имеет той живости, которая не дает мыслям ни на минуту рассыпаться. Тогда не спасет его самая ученость: его не будут слушать; тогда никакие истины не произведут на слушателей влияния, потому что их возраст есть возраст энтузиазма и сильных потрясений; тогда происходит то, что самые ложные мысли, слышимые ими стороною, но выраженные блестящим и привлекательным языком, мгновенно увлекут их и дадут им совершенно ложное направление. Что же тогда, когда профессор еще сверх того облечен школьною методою,

схоластическими мертвыми правилами и не имеет даже умственных сил доказать их; когда юный, развертывающийся ум слушателей, начиная понимать уже выше его, причаётся презирать его? Тогда даже справедливые замечания возбуждают внутренний смех и желание действовать и умствовать наперекор; тогда самые священные слова в устах его, как-то: преданность к религии и привязанность к отечеству и государю, превращаются для них в мнения ничтожные. Какие из этого бывают ужасные следствия, это видим к сожалению нередко. И потому-то не должно упускать из внимания, что возраст слушателей есть возраст сильных впечатлений; и потому нужно иметь всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этот энтузиазм их на прекрасное и благородное; чтобы рассказ профессора дышал сам энтузиазмом. Его убеждения должны быть так сильны, так выведены из самой природы, так естественны, чтобы слушатели сами увидели истину еще прежде, нежели он совершенно укажет на нее. Рассказ профессора должен делаться по временам возвышен, должен сыпать и возбуждать

высокие мысли, но вместе с тем должен быть прост и понятен для всякого. Истинно высокое одето величественною простотою: где величие, там и простота. Он не должен довольствоваться тем, что его некоторые понимают; его должны понимать все. Чтобы делаться доступнее, он не должен быть скуп на сравнения. Как часто понятное еще более поясняется сравнением! и потому эти сравнения он должен всегда брать из предметов самых знакомых слушателям. Тогда и идеальное и отвлеченное становятся понятным. Он не должен говорить слишком много, потому что этим утомляется внимание слушателей и потому что многосложность и большое обилие предметов не дадут возможности удержать всего в мыслях. Каждая лекция профессора непременно должна иметь целость и казаться оконченною, чтоб в уме слушателей она представлялась стройною поэмою; чтобы они видели в начале, что она должна заключать в себе и что заключает: чрез это они сами в своем рассказе всегда будут соблюдать цель и целость. А это необходимее всего в истории, где ни одно событие не брошено без цели.

VI.

План же для преподавания, после многих наблюдений, испытаний себя и слушателей, я полагаю лучшим следующий:

Прежде всего почитаю необходимым представить слушателям эскиз всей истории человечества, в немногих, но сильных словах и в нераздельной связи, чтобы они вдруг обняли всё то, о чем будут слышать, иначе они не так скоро и не в такой ясности постигнут весь механизм истории. Всё равно, как нельзя узнать совершенно город, исходивши все его улицы: для этого нужно взойти на возвышенное место, откуда бы он виден был весь, как на ладони. Я набрасываю здесь эскиз для того, чтобы показать вместе, в каком виде и в какой связи должна быть история.

Прежде всего я должен представить, каким образом человечество началось Востоком. Я должен изобразить Восток с его древними патриархальными царствами, с религиями, облеченными в глубокую таинственность, так непонятную для простого на-

рода, кроме религии евреев, между коими сохранилось чистое, первобытное ведение истинного бога; как эти древние государства оградились друг от друга, будто неприступною стеною, нетерпимостью и китайскою осторожностью; как один только народ финикийский, первые мореплаватели древнего мира, приводил невольно своею промышленностью в сообщение эти почти неподвижные государства, и каким образом первый всемирный завоеватель, Кир, с свежим и сильным народом, персами, подверг весь Восток своей власти и насильно соединил разнохарактерные народы; но нравы, религия, формы правления остались в государствах те же, цари только обратились в сатрапов, и весь Восток видел над собою одну верховную власть царя царей, персидского повелителя; как постепенно от взаимного сообщения эти народы теряли свою особенность и национальность и вместе с своим царем царей, почти богом, невидимым для народа, поверглись в азиатскую роскошь. — Здесь я останавливаюсь и обращаюсь к другой части древнего мира, к Европе. Я должен изобразить, как возник в

ней этот цвет его, народ греческий, с живым, любопытным умом, республиканским духом, совершенно противоположными формами правления, поэтической религией, ясными, живыми идеями, так противоборствующими важной таинственности Востока; как развернулось у них просвещение в таком необыкновенном блеске, и как наконец один честолюбивый грек подверг их своей монархической власти, как этот великий грек задумал гигантское дело: соединить Восток с Европою и разнести везде греческое просвещение. И вот, чтобы связать теснее три части света, строится город Александрия; герой умирает, всесветная монархия падает вместе с ним. Но подвиги его живы, плоды зреют: настает знаменитый александрийский век, когда весь древний мир толпится у гавани александрийской, когда греческие ученые во всех городах, и национальность опять исчезает, народы опять смешиваются! А между тем в Италии, почти невидимо от всех, созревает железная сила римлян.

Я должен изобразить, как этот суровый, во-

инственный народ покоряет одно за другим государства, обогащается награбленными богатствами, поглощает весь Восток. Легионы его проникают в те земли Европы, где владение уже не доставляет ничего нужного для человека. Уже Цезарь заносит ногу в Британию, римские орлы на скалах Албиона..., между тем неведомые степи Средней Азии извергают толпы неведомых народов, которые теснят и гонят пред собою других, вгоняют их в Европу, сами несутся по пятам их и грозно останавливаются на севере, как зловеющая кара, ожидающая обреченной жертвы, скрытые от римлян германскими лесами и непроходимыми болотами. А между тем уже ни одного не остается независимого царства.

Весь мир разделен на римские провинции. Римляне перенимают всё у побежденных народов, сначала пороки, потом просвещение. Всё мешается опять. Все делается римлянами и ни одного настоящего римлянина! И когда развратные императоры, своевольное войско, отпущенники и содержатели зрелищ тиранствуют над миром, — в недрах его непримет-

но совершается великое событие: в ветхом мире зарождается новый! воплощается неузнанный миром божественный спаситель его; и вечное слово, не понятое властелинами, раздается в темницах и пустынях, таинственно выжидая новых народов. Наконец на весь древний мир непостижимо находит латаргический сон, та страшная неподвижность, то ужасное онемение жизни, когда просвещение не двигается ни вперед, ни назад, сила и характер исчезают, всё обращается в мелкий, ничтожный этикет, жалкую, развратную бесхарактерность. А в Азии между тем новый толчок, как электрическая искра, пробегает по всей цепи: один народ теснит и гонит перед собою другой, который в свою очередь стоняет третий, и самые крайние появляются уже на римских границах, тогда как жалкие победители мира употребляют все усилия спасти себя: сначала откупаются золотом, потом из них же составляют себе войско защитников, потом отдают им одну за другою все свои провинции, наконец предают им Рим, и те, которые сохраняли еще слабые остатки познаний, бегут на восток, прочие,

невежественные и слабые, исчезают в сильных толпах нового народа.

Я должен изобразить, как начинается новая жизнь в Европе; как основываются и принимают крещение дикие государства в границах, назначенных природою, с феодальными правами, с вассальными владениями, и как могущественный папа, прежде только римский первосвященник, делается государем, незаметно присоединяет к своей сильной религиозной власти светскую. Между тем, на Востоке остатки римлян теснятся и покоряются новым сильным народом, мгновенно, как бы фантастически возродившимся на своем каменном аравийском полуострове, подвигнутым до исступления религией, совершенно восточной, основанной полупомешанным энтузиастом Магометом; как этот народ, с азиатской саблей в руках, распространял магометанство на место прежних остатков греческого просвещения, и как изумительно, быстро этот чудесный народ из завоевателей делается просветителем, развертывается во всем блеске, с своей роскошной фантазией, глубо-

кими мыслями и поэзией жизни, и как он вдруг меркнет и затмевается выходцами из-за моря Каспийского, которым оставляет в наследство одно магометанство, как почти в то же время в Европе корсары северных морей, норманны, с неслыханною дерзостью, в малом числе, грабят и овладевают целыми государствами, наконец переменяют дикую религию свою на христианство и прибавляют Европе свою силу и нравы; а между тем папа мало-помалу делается неограниченным монархом всей Европы, и самый император немецкий, которого уважали все народы, не смеет противустать ему, и как по мановению его целые народы, вассалы, короли оставляют свои земли, богатства, кладут пламенный крест на рамена и спешат с энтузиазмом в Палестину; как вся Европа, двинувшись с мест, валится в Азию, Восток сшибается с Западом, и две грозные силы, христианство — с магометанством; как это великое событие порождает рыцарство, обнявшее всю Европу; как возникли орденские общества, осудившие себя на безбрачную, одинокую жизнь, чтобы быть верными одной цели, и произошел са-

мый сильнорелигиозный христианский век; как энтузиазм к вере перешел потом границы, начертанные десницею божественного спасителя; и как в то же время невидимо от всей Европы совершается великий эпизод всемирной истории: создается беспрецедентная по величине монархия Чингисханова, поглотившая все азиатские земли, неизвестные европейцам. В Европе одни только монастыри имеют землю и оседлость; всё обратилось в рыцарство, всё кочует, всё беспокойно: каждый вместе и воин и полководец, и вассал и повелитель, и слушается и не слушается, — век величайшего разъединения и вместе единства! Каждый управляется своей волей, и между тем все согласны в одной цели и мыслях. Бедные поселяне, вытерпев чашу бед, наконец решаются соединиться независимо от своих повелителей в города. Возникает среднее сословие граждан, города начинают богатеть, и на севере Европы, в отпор рыцарям, образуется Ганзейский союз, связывающий всю северную Европу своей торговлей. Между тем на юге возникает порождение крестовых походов — страшная торговля Венеция, эта

царица морей, эта чудная республика, с таким замысловатым и необыкновенно устроенным правлением. Все богатства Европы и Азии невидимо перешли в ее руки, и как папа религиозною властью, так Венеция непомерным богатством повелевала Европою. Духовный деспот употреблял все силы убить ее торговлю, но всё было напрасно — пока наконец генуэзский гражданин не убил ее открытием Нового Света. Наконец я должен представить, как вдруг расширился круг действий; как пала торговля Средиземного моря. Европейцы с жадностью спешат в Америку и вывозят кучи золота; Атлантический и Восточный океаны в их власти; и в то же время папские миссии проникают в северо-восточную Азию и Африку — и мир открывается почти вдруг во всей своей обширности. Между тем в Европе понемногу сомневаются в справедливости папской власти и, как прежде торговлю Венеции убил бедный генуэзец, так власть папы сокрушил августинский монах Лютер. Как образовалась эта мысль в голове смиренного монаха, как сильно и упрямо защищал он свои положения! Как, при падении своем, папа ста-

новился грознее и изобретательнее: ввел ужасную инквизицию и страшный невидимую силою орден иезуитский, который вдруг рассыпался по всему свету, проник во всё, прошел везде и тайно сообщался между собою на двух розных концах мира. Но чем грознее становился папа, тем сильнее против него работали типографские станки. Вся Европа разделилась на две партии, и эти партии наконец схватились за оружие, и война жестокая внутри и вне государств, долгая, обхватила вдруг всю Европу. Но уже не копьями и не стрелами производилась она. Нет! пушками, ядрами, громом и огнем, ужасным и благодетельным изобретением монаха-алхимиста разыгралась эта великая тяжба. Духовная власть пала. Государи становятся сильнее. Я должен изобразить, как изменилась Европа после этих войн. Государства, народы сливаются плотнее в нераздельные массы. Нет того разъединения власти, как в средние века. Она сосредоточивается более в одном лице. И как оттого сильные характеры становятся виднее, круг государей, министров, полководцев обширнее! Сам собою, невольно завязывается в

Европе политический союз, полагающий защищать оружием неприкосновенность каждого государства. А между тем неутомимые купцы-голландцы, вырвавшие свою землю у моря, овладевают островами Восточного океана, берут миллионы за разводимые на них плантации драгоценных растений юга и, как прежде Венеция, схватывают торговлю всего мира, пока один необыкновенный государь не подрывает ее и не покушается на неприкосновенность государств. Я должен изобразить блестящий век, произведенный этим государем (Лудовиком XIV), когда Франция закипела изделиями роскоши, фабриками, писателями, когда Париж сделался всемирною столицею, куда съезжались со всей Европы, и французский язык, французские нравы, французский этикет и обычаи распространились по всей Европе. Но, нарушивши неприкосновенность чужих владений, этот честолюбивый король хотя и расстроивает торговлю голландцев, но вместе разоряет свое государство и сам убивает свое величие. Как быстро пользуются этим островитяне британские, которые до того медленно, но верно близились

к своей цели, наконец очутились почти вдруг обладателями торговли всего мира: ворочают миллионами в Индии, собирают дань с Америки, и где только море, там британский флаг. Им преграждает путь исполин XIX века, Наполеон, и уже действует другим орудием: совершенно военным деспотизмом; своими быстрыми движеньями оглушает Европу и налагает на нее железное свое протекторство. Напрасно гремит против него в английском парламенте Питт и составляет страшные союзы. Ничто не имеет духа ему противиться, пока он сам не набегаёт на гибели свою, вторгнувшись в Россию, где неведомые ему пространства, лютость климата и войска, образованные суворовскою тактикою, погубляют его. И Россия, сокрушившая этого исполина о неприступные твердыни свои, останавливается в грозном величии на своем огромном северо-востоке. Освобожденные государства получают прежний вид и прежние формы, утверждают снова союз и неприкосновенность владений. Просвещение, не останавливаемое ничем, начинает разливаться даже между низшим классом народа; паровые ма-

шины доводят мануфактурность до изумительного совершенства; будто невидимые духи помогают во всем человеку и делают силу его еще ужаснее и благодетельнее; и он, в священном трепете, видит, как слово из Назарета обтекло наконец весь мир.

Когда история мира будет удержана в таком кратком, но полном эскизе и происшествия будут так связаны между собою, тогда ничто не улетит из головы слушателей, и в уме их невольно составитя целое. Наконец этот эскиз, развившись в великом объеме, составит полную историю человечества.

VII.

После изложения полной истории человечества, я должен разобрать отдельно историю всех государств и народов, составляющих великий механизм всеобщей истории. Натурально та же полнота, та же целостность должна быть видна и здесь в обозрении каждого порознь. Я должен обнять его вдруг с начала до конца: как оно основалось, когда было в силе и блеске, когда и отчего пало (если только пало), и каким образом достигло того вида, в ка-

ком находится ныне; если же народ стерся с лица земли, то каким образом на место его образовался новый и что принял от прежнего.

VIII.

Чтоб еще глубже всё сказанное вошло в память, по окончании курса необходимы повторительные обзоры. Но чтобы повторение было успешнее, нужно стараться давать ему интерес и занимательность новизны. После истории всего мира и отдельно каждой земли и народа, не мешает сделать обзор каждой части света и тут показать всё отличие как их, так и народов, в них находящихся, чтоб слушатели сами могли вывести результат:

Во-первых, об Азии, этой обширной колыбели младенчеству человечества — земле великих переворотов, где вдруг возрастают в страшном величии народы и вдруг стираются другими; где столько наций невозвратно пронесли, одна за другою, а между тем формы правления, дух народов одни и те же: всё так же важен, так же горд азиатец, так же быстро воспламеняется и кипит страсть-

ми, так же скоро предается лени и бездейственной роскоши. И вместе с сим эта часть света есть земля разительных противоположностей и какого-то великого беспорядка: еще один народ кочует беззаботно в необозримом многолюдстве с необозримыми табунами, а между тем на другом конце, где-нибудь в пустыне, исступленный изувер изнуряя себя бесконечным постом, замышляет новую религию, которая впоследствии обхватит всю Азию, оденет народ, как непроницаемой броню, своим исступленным вдохновением и поведет его на разрушение; и тут же, может быть, недалеко от него находится народ, уже перешедший все эти явления и кризисы, уже погруженный в роскошь, утомленный азиатским пресыщением. Только здесь может находиться та странная противоположность, которой удивимся в дереве юга, где на одной ветке, в одно время, один плод цветет, между тем как другой наливается, третий зреет, четвертый переспелый валится на землю.

Потом о Европе, история которой означена совершенно противоположною характерно-

стью, где существование народов, напротив, долго и мощно; где всё, напротив, порядок и стройность: народы разом подвигаются такт в такт, как регулярные европейские войска; государства все почти в одно время растут и совершенствуются; при всех характерных отличиях наций, в них видно общее единство, и каждая из них так чудно запутана с другими, что становится совершенно понятною только в соединении со всей Европою, и вся Европа кажется одним государством. И в этой небольшой части света решилась долгая тяжба: человек стал выше природы, а природа обратилась в искусство; самая бедность и скупость ее вызвали наружу весь безграничный мир скрывавшийся в человеке, дали ему почувствовать, во сколько он выше земного, и превратили всю страну в вечную жизнь ума. В этой одной только части света могущественно развился высокий гений христианства, и необъятная мысль, осененная небесным знаменем креста, витает над нею, как над отчизною.

Потом об Африке, представляющей в про-

тивоположность Европе смерть ума, где природа всегда деспотически властвовала над человеком; где она во всем своем царственном величии и всегда почти возвращала его в первобытное состояние, в жизнь чувственную, где ни один коренной туземный народ не прожил мощною жизнью и не отбросил от себя ярких лучей на мир; где даже переселенцы с других земель напрасно вступали в борьбу с палящею природою африканскою; чем далее погружались они в Африку, тем глубже повергались в чувственность.

Наконец об Америке, этой всемирной колонии, вавилонском смешении наций, где столкнулись три противуречащие части света, смешались, но еще не слились в одно, и потому еще не имеющей покамест никакого единства, даже единства религии; невзирая на частную характерность, не получившей общего характера; несмотря на огромную массу, всё еще состоящей из первоначальных стихий, разложенных начал; несмотря на независимые государства, всё еще похожей на колонию.

Быстрый обзор истории каждой части света, во всей ее резкой характерности, не поверхностный, но глубокий — результат веков и событий, потому необходим, что он наводит на мысли и заставляет слушателей думать. Ум тогда быстрее развивается, когда сам предлагает себе великий и поэтический вопрос. Этот обзор каждой части тем более еще необходим, что показывает часто с новой стороны те же предметы. А для полного уразумения нужно, чтобы предмет был освещен со всех сторон. «Только тогда вы знаете хорошо историю, — говорит Шлецер, — когда знаете ее и вдоль и поперек, и вкось, и во всех направлениях».

IX.

И для того в виде эпилога после окончания курса хорошо рассмотреть за одним разом весь мир по столетиям. Тогда всеобщая история представит у меня великую лестницу веков. Я должен непременно показать, чем ознаменовано начало, середина и конец каждого столетия, потом дух и отличительные черты его. Чтобы лучше определить каждый

век и избежать монотонности числ, я назову его именем того народа, или лица, который стал в нем выше других и ярче действовал на поприще мира. Эта лестница столетий есть лучшее средство к утверждению в памяти слушателей современности событий, лиц и явлений.

Х.

Мне кажется, что такой образ преподавания будет действительнее и ближе к истине. По крайней мере глубоко понимающий величие истории увидит, что он не произведение мгновенной фантазии, но плод долгих соображений и опыта; что ни один эпитет, ни одно слово не брошено здесь для красоты и мишурного блеска, но их породило долговременное чтение летописей мира; что составить эскиз общий, полный истории всего человечества, хотя даже столь краткий, как здесь, можно не иначе, как когда узнаешь и постигнешь самые тонкие и запутанные нити истории, и что одна любовь к науке, составляющей для меня наслаждение, понудила меня объявить мои мысли; что цель моя — образовать сердца юных слушателей той основательной

опытностью, которую разворачивает история, понимаемая в ее истинном величии; сделать их твердыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками великого государя, чтобы ни в счастье, ни в несчастье не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными отечеству и государю.

1832.

ВЗГЛЯД НА СОСТАВЛЕНИЕ МАЛОРОССИИ[1]

Г. Какое ужасно-ничтожное время представляется для России XIII век! Сотни мелких государств единоверных, одноплеменных, одноязычных, означенных одним общим характером и которых, казалось, против воли соединяло родство, — эти мелкие государства так были между собою разъединены, как редко случается с разнохарактерными народами. Они были разъединены не ненавистью, сильные страсти не досягали сюда, ни постоянную политикою — следствием непреклонного ума и познания жизни. Это был хаос браней за временное, за минутное, браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманнских князьях. Религия, которая более всего связывает и образует народы, мало на них действовала. Религия не срослась тогда тесно с законами, с жизнью. Монахи, настоятели, даже митрополиты были

схимники, удалившиеся в свои кельи и закрывшие глаза для мира; молившиеся за всех, но не знавшие, как схватить с помощью своего сильного оружия, веры, власть над народом и возжечь этой верой пламень и ревность до энтузиазма, который один властен соединить младенчествующие народы и построить их к великому. Здесь была совершенная противоположность Западу, где самодержавный папа, как будто невидимую паутину, опутал всю Европу своею религиозною властью, где его могущественное слово прекращало брань или возжигало ее, где угроза страшного проклятия обуздывала страсти и полудикие народы. Здесь монастыри были убежищем тех людей, которые кротостью и незлобием составляли исключение из общего характера и века. Изредка пастыри из пещер и монастырей увещали удельных князей; но их увещания были напрасны: князья умели только поститься и строить церкви, думая, что исполняют этим все обязанности христианской религии, а не умели считать ее законом и покоряться ее велениям. Самые ничтожные причины рождали между ими бес-

конечные войны. Это были не споры королей с вассалами или вассалов с вассалами: — нет! это были брани между родственниками, между родными братьями, между отцом и детьми. Не ненависть, не сильная страсть воздымала их: — нет! брат брата резал за клочок земли или просто, чтобы показать удаливость. Пример ужасный для народа! Родство рушилось, потому что жители двух соседних уделов, родственники между собою, готовы были каждую минуту восстать друг против друга с яростью волков. Их не подвигала на это наследственная вражда, потому что кто был сегодня друг, тот завтра делался неприятелем. Народ приобрел хладнокровное зверство, потому что он резал, сам не зная за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство, ни фанатизм, ни суеверие, ни даже предрассудок. Оттого, казалось, умерли в нем почти все человеческие сильные благородные страсти, и если бы явился какой-нибудь гений, который бы захотел тогда с этим народом совершить великое, он бы не нашел в нем; ни одной струны, за которую бы мог ухватиться и потрясти бесчувственный состав его, выключо-

чая разве физической железной силы. Тогда история, казалось, застыла и превратилась в географию: однообразная жизнь, шевелившаяся в частях и неподвижная в целом, могла почтяться географическою принадлежностью страны.

II. Тогда случилось дивное происшествие. Из Азии, из середины ее, из степей, выбросивших столько народов в Европу, поднялся самый страшный, самый многочисленный, совершивший столько завоеваний, сколько до него не производил никто. Ужасные монголы, с многочисленными, никогда дотоле невиданными Европою табунами, кочевыми кибитками, хлынули на Россию, осветивши путь свой пламенем и пожарами — прямо азиатским буйным наслаждением. Это нашествие наложило на Россию двухвековое рабство и скрыло ее от Европы. Было ли оно спасением для нее, сберегши ее для независимости, потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей, или оно было наказанием за те непрерывные брани: как бы то ни было, но это страшное событие

произвело великие следствия: оно наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в южной России, которого вся жизнь была борьба и которого историю я взялся представить.

III. Южная Россия более всего пострадала от татар. Выжженные города и степи, обгорелые леса, древний, разрушенный Киев, безлюдье и пустыня — вот что представляла эта несчастная страна! Испуганные жители разбежались или в Польшу, или в Литву; множество бояр и князей выехало в северную Россию. Еще прежде народонаселение начало заметно уменьшаться в этой стороне. Киев давно уже не был столицею; значительные владения были гораздо севернее. Народ, как бы понимая сам свою ничтожность, оставлял те места, где разнovidная природа начинает становиться изобретательницею; где она раскинула степи прекрасные, вольные, с бесчисленным множеством трав почти гигантского роста, часто неожиданно среди них опрокинула косогор, убранный дикими вишнями,

черешнями, или обрушила рытвину всю в цветах и по всем вьющимся лентам рек сбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днепр с ненасытными порогами, с величественными гористыми берегами и неизмеримыми лугами, и всё это согрела умеренным дыханием юга. Он оставлял эти места и столплялся в той части России, где местоположение, однообразно-гладкое и ровное, везде почти болотистое, истыканное печальными елями и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движения, но какое-то прозябение, поражающее душу мыслящего. Как будто бы этим подтвердилось правило, что только народ, сильный жизнью и характером, ищет мощных местоположений или что только смелые и поразительные местоположения образуют смелый, страстный, характерный народ.

IV. Когда первый страх прошел, тогда мало-помалу выходцы из Польши, Литвы, России начали селиться в этой земле, настоящей отчизне славян, земле древних полян, северян, чистых славянских племен, которые в

Великой России начинали уже смешиваться с народами финскими, но здесь сохранялись в прежней цельности со всеми языческими поверьями, детскими предрассудками, песнями, сказками, славянской мифологией, так простодушно у них смешавшейся с христианством. Возвращавшиеся на свои места прежние жители привели по следам своим и выходцев из других земель, с которыми от долговременного пребывания составили связи. Это население производилось боязненно и робко, потому что ужасный кочевой народ был не за горами: их разделяли или, лучше сказать, соединяли одни степи. Несмотря на пестроту населения, здесь не было тех браней междоусобных, которые не переставали во глубине России: опасность со всех сторон не давала возможности заняться ими. Киев — древняя мать городов русских — сильно разрушенный страшными обладателями табунов, долго оставался беден и едва ли мог сравниться со многими, даже не слишком значительными городами северной России. Все оставили его, даже монахи-летописцы, для которых он всегда был священ. Известия

о нем разом прервались, и несмотря на то, что там оставалась еще отрасль князей русских, ничто не спасло его от полувекового забвения. Изредка только, как будто сквозь сон, говорят летописцы, что он был страшно разорен, что в нем были ханские баскаки, — и потом он от них задернулся как бы непроницаемою завесою.

V. Между тем как Россия была повергнута татарами в бездействие и оцепенение, великий язычник Гедимин вывел на сцену тогдашней истории новый народ — народ, бедный и жизнью и средствами для жизни, населявший дикие сосновые леса нынешней Белоруссии, еще носивший звериную кожу вместо одежды, еще боготворивший Перуна и поклонявшийся древнему огню в нетроганных топором рощах, плативший прежде дань русским князьям, известный под именем литовцев. И этот народ при своем князе Гедимине сделался самым видным на огромном северо-востоке Европы! Тогда города, княжества и народы на западе России были какие-то отрывки, обрезки, оставшиеся за гранью татар-

ского порабощения. Они не составляли ничего целого, и потому литовский завоеватель почти одним движением языческих войск своих, совершенно созданных им, подверг своей власти весь промежуток между Польшей и татарской Россией. Потом двинул он войска свои на юг, во владения волынских князей. Весьма естественно, что успех сопровождал его везде. В Луцке однако ж князь Лев сильно сопротивлялся, но не в силах был отстоять земель своих. Гедимин, назначив старост и начальников, шел далее на юг, к самому сердцу южной России, к Киеву. Убежавший луцкий князь Лев успел кое-как уговорить киевского князя Станислава выйти с своими немногочисленными дружинами навстречу грозному победителю: дружины были усилены союзниками-татарами; но всё бежало перед мощным литовцем. Гедимин, сильно поразив их при реке Ирпени, вступил с торжеством в Киев, носивший на себе свежую печать татарского посещения, и постановил в нем правителем князя Миндова Ольшанского, принявшего греческую веру. Итак, литовский завоеватель у самых татар вырвал

почти перед глазами их находившуюся землю! Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами, но Гедимин был человек ума крепкого, был политик, несмотря на видимую свою дикость и свое невежественное время. Он умел сохранить дружбу с татарами, владея: отнятыми у них землями и не платя никакой дани. Этот дикий политик, не знавший письма и поклонявшийся языческому богу, ни у одного из покоренных им народов не изменил обычаев и древнего правления; всё оставил по-прежнему, подтвердил все привилегии и старшинам строго приказал уважать народные права; нигде даже не означил пути своего опустошением. Совершенная ничтожность окружающих его народов и прямо исторических лиц придают ему какой-то исполинский размер. Он умер в 1340 году; мертвый был посажен на коня с своим оруженосцем, с охотничьими собаками, соколами и сожжен по языческому обычаю литовцев. Вслед за ним такие же два сильные характера, Ольгерд и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику с присоединенными народами.

VI. И вот южная Россия, под могущественным покровительством литовских князей, совершенно отделилась от северной. Всякая связь между ими разорвалась; составились два государства, называвшиеся одинаким именем — Русью. Одно под татарским игом, другое под одним скипетром с литовцами. Но уже сношений между ими не было. Другие законы, другие обычаи, другая цель, другие связи, другие подвиги составили на время два совершенно различные характера. Каким образом это произошло, — составляет цель нашей истории. Но прежде всего нужно бросить взгляд на географическое положение этой страны, что непременно должно предшествовать всему, ибо от вида земли зависит образ жизни и даже характер народа. Многие в истории разрешает география.

Эта земля, получившая после название Украины, простирающаяся на север не далее 50° широты, более ровна, нежели гориста. Небольшие возвышенности встречаются очень часто, но ни одной гористой цепи. Се-

верная ее часть перемежается лесами, содержащими прежде в себе целые шайки медведей и диких кабанов; южная вся открыта, вся из степей, кипевших плодородием, но только изредка засевавшихся хлебом. Девственная и могучая почва их своевольно произращала бесчисленное множество трав. Эти степи кипели стадами сайг, оленей и диких лошадей, бродивших табунами. С севера на юг проходит великий Днепр, опутанный ветвями впадающих в него рек. Правый берег его горист и представляет пленительные и вместе дерзкие местоположения; левый весь из лугов, покрытых рощами, потоплявшимися водою. Двенадцать порогов — выросших из dna реки скал, недалеко от впадения его в море, преграждают течение и делают плавание по нем чрезвычайно опасным. Около порогов водился род диких коз — сугаки с белыми лоснящимися рогами, с мягкой, атласною шерстью. Прежде воды в Днепре были выше, разливался он шире и далее потоплял луга свои. Когда воды начинают опадать, тогда вид поразителен: все возвышенности выходят и кажутся бесчисленными зелеными островами среди

необозримого океана воды. В Днепр впадает только одна судоходная река, Десна, проходящая в северной Украине, с лесистыми берегами, почти с обеих сторон потопляемыми водою; но и эта река только в некоторых местах судоходна. Кроме того на севере Остер и часть Сейма, на юге Сула, Псел, с цепью видов, Хорол и другие; но ни одна из них не судоходна. Сообщения никакого нет; произведения не могли взаимно размениваться — и потому здесь не мог и возникнуть торговый народ. Все реки разветвляются посередине; ни одна из них не протекала на рубеже и не служила естественною гранью с соседственными народами. К северу ли с Россией, к востоку ли с кипчакскими татарами, к югу ли с крымскими, к западу ли с Польшей — везде она граничила полем, везде равнина, со всех сторон открытое место. Будь хотя с одной стороны естественная граница из гор или моря — и народ, поселившийся здесь, удержал бы политическое бытие свое, составил бы отдельное государство. Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошений и набегов, местом, где сшибались три враждующие нации, унаво-

жена костями, утучнена кровью. Один татарский наезд разрушал весь труд земледельца: луга и нивы были вытаптываемы конями и выжигаемы, легкие жилища сносимы до основания, обитатели разгоняемы или угоняемы в плен вместе со скотом. Это была земля страха; и потому в ней мог образоваться только народ воинственный, сильный своим соединением, народ отчаянный, которого вся жизнь была бы повита и взлелеяна войною. И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей — татар и турков. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю Украину, сделавший чудо — превративший мирные славянские поколения в воинственные, известный под именем козаков, народ, составляющий одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно

сдержало это опустошительное разлитие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу.

VII. Если не к концу XIII, то к началу XIV века можно отнести появление козачества, к тем векам, когда святая, сильная ревность к религии еще не остыла в Европе, когда почти вдруг во всех концах беспрестанно образовывались братства и ордена рыцарские, составлявшие странную противоположность с тогдашним разъединением, с изумительным самоотвержением разрушившие и отвергнувшие условия обыкновенной жизни, безбрачные, суровые, неотразимые соглядатаи дел мира, железные поборники веры Христовой. Чем слабее была связь тогдашних государств, тем сильнее росла ужасная сила этих обществ. Разлитие магометанства и магометанских новых сильных народов, уже врывающихся в Европу, увеличивало их еще более. Дух этих братств распространился везде и не между рыцарями и не для подобных предначений. В это время явился близ порогов городок, или острог Черкасы, построенный уда-

лыми выходцами, имя которого звучит обитателями Кавказа, которого даже построение многие приписывают им, и где было главное сборище и местопребывание козаков. Вначале частые нападения татар на северную часть Украины заставляли жителей спасаться бегством, приставать к козакам и увеличивать их общество. Это было пестрое сборище самых отчаянных людей пограничных наций. Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший от деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин, может быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днепра, впоследствии постановившему целью, подобно орденским рыцарям, вечную войну с неверными. Это скопище людей не имело никаких укреплений, ни одного замка. Землянки, пещеры и тайники в днепровских утесах, часто под водою, на днепровских островах, в гуще степной травы, служили им укрытием для себя и для награбленных богатств. Гнездо этих хищников было невидимо; они налетали внезапно и, схвативши добычу, возвращались назад. Они поворотили против татар их же

образ войны, те же азиатские набеги. Как жизнь их определена была на вечный страх, так точно с своей стороны они решились быть страхом для соседей. Татары и турки должны были всякой час ожидать этих неумолимых обитателей порогов. Магометанский сосед не знал, как назвать этот ненавистный народ. Если кто хотел к кому выразить величайшее презрение, то называл его козаком.

VIII. Большая часть этого общества состояла однако ж из первобытных, коренных обитателей южной России. Доказательство — в языке, который, несмотря на принятие множества татарских и польских слов, имел всегда чисто славянскую южную физиономию, приближавшую его к тогдашнему русскому, и в вере, которая всегда была греческая. Всякой имел полную волю приставать к этому обществу, но он должен был непременно принять греческую религию. Это общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников; но, бросивши взгляд глубже, можно было увидеть в нем зародыш политическо-

го тела, основание характерного народа, уже вначале имевшего одну главную цель — воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей. Это однако ж не были строгие рыцари католические: они не налагали на себя никаких обетов, никаких постов; не обуздывали себя воздержанием и умерщвлением плоти; были неукротимы, как их днепровские пороги, и в своих неистовых пиршествах и бражничестве позабывали весь мир. То же тесное братство, которое сохраняется в разбойничьих шайках, связывало их между собою. Всё было у них общее — вино, цехины, жилища. Вечный страх, вечная опасность внушали им какое-то презрение к жизни. Козак больше заботился о доброй мере вина, нежели о своей участи. Но в нападениях видна была вся гибкость, вся сметливость ума, всё умение пользоваться обстоятельствами. Нужно было видеть этого обитателя порогов в полутатарском, полупольском костюме, на котором так резко отпечатались пограничность земли, азиатски мчавшегося на коне, пропадавшего в густой траве, бросающегося с быстротою тигра из неприметных тайников

своих или вылезавшего внезапно из реки или болота, обвешанного тиною и грязью, казавшегося страшилищем бегущему татарину. Этот же самый козак после набега, когда гулял и бражничал с своими товарищами, сорил и разбрасывал награбленные сокровища, был бессмысленно пьян и беспечен до нового набега, если только не предупреждали их татары, не разгоняли их пьяных и беспечных и не разрывали до основания городка их, который, как будто чудом, строился вновь, и опустошительный, ужасный набег был отмщением. После чего снова та же беспечность, та же разгульная жизнь.

IX. Казалось, существование этого народа было вечно. Он никогда не уменьшался: выжившие, убитые, потонувшие заменялись новыми. Такая разгульная жизнь приманивала всякого. Тогда было то поэтическое время, когда всё добывалось саблею; когда каждый в свою очередь стремился быть действующим лицом, а не зрителем. Это скопление мало-помалу получило совершенно один общий характер и национальность, и чем ближе к кон-

цу XV века, тем более увеличивалось приходящими вновь. Наконец целые деревни и сёла начали поселяться с домами и семействами около этого грозного оплота, чтобы пользоваться его защитой, с условием за то некоторых повинностей. И таким образом места около Киева начали пустеть, а между тем по ту сторону Днепра люднели. Семейные и женатые мало-помалу от обращения и сношения с ними получали тот же воинственный характер. Сабля и плуг сдружились между собою и были у всякого селянина. Между тем разгульные холостяки вместе с червонцами, цехинами и лошадьми стали похищать татарских жен и дочерей и жениться на них. От этого смешения черты лица их, вначале разнохарактерные, получили одну общую физиогномию, более азиатскую. И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие

и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование.

1832.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПУШКИНЕ

При Имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русской человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русской характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Самая его жизнь совершенно русская. Тот же разгул и раздолье, к которому иногда поза-

бывшись стремится русской и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет. Судьба как нарочно забросила его туда, где границы России отличаются резкою, величавою характерностью; где гладкая неизмеримость России перерывается подоблачными горами и обвеивается югом. Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, среди знойных долин, поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях. Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набеги; и с этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию. Рисует ли он боевую схватку чеченца с козакком — слог его молния; он так же блещет, как сверкающие сабли, и летит быстрее самой битвы. Он один только певец Кавказа: он влюблен в него всею душою и чувствами; он проникнут и налитан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной

Грузии и великолепными крымскими ночами и садами. Может быть, оттого и в своих творениях он жарче и пламеннее там, где душа его коснулась юга. На них он невольно означил всю силу свою, и оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную, магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его. Смелое более всего доступно, сильнее и просторнее раздвигает душу, а особенно юности, которая вся еще жаждет одного необыкновенного. Ни один поэт в России не имел такой завидной участи, как Пушкин. Ничья слава не распространялась так быстро. Все кстати и некстати считали обязанностью проговорить, а иногда исковеркать какие-нибудь ярко сверкающие отрывки его поэм. Его имя уже имело в себе что-то электрическое, и стоило только кому-нибудь из досужих мара-телей выставить его на своем творении, уже оно расходилось повсюду.[2]

Он при самом начале своем уже был наци-

онален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами. Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означать весь предмет. Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает. Его небольшая пьеса всегда стоит целой поэмы. Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина.

Но последние его поэмы, писанные им в то время, когда Кавказ скрылся от него со всем своим грозным величием и державно возно-

сящюся из-за облак вершиною, и он погрузился в сердце России, в ее обыкновенные равнины, предался глубже исследованию жизни и нравов своих соотечественников и захотел быть вполне национальным поэтом, — его поэмы уже не всех поразили тою яркостью и ослепительной смелостью, какими дышит у него всё, где ни являются Эльбрус, горцы, Крым и Грузия.

Явление это, кажется, не так трудно разрешить: будучи поражены смелостью его кисти и волшебством картин, все читатели его, образованные и необразованные, требовали непрерыв, чтобы отечественные и исторические происшествия сделались предметом его поэзии, позабывая, что нельзя теми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить более спокойный и гораздо менее исполненный страстей быт русской. Масса публики, представляющая в лице своем нацию, очень странна в своих желаниях; она кричит: изобрази нас так, как мы есть, в совершенной истине, представь дела наших предков в таком виде, как они бы-

ли. Но попробуй поэт, послушный ее велению, изобразить всё в совершенной истине и так, как было, она тотчас заговорит: это вяло, это слабо, это не хорошо, это нимало не похоже на то, что было. Масса народа похожа в этом случае на женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий, но горе ему, если он не умел скрыть всех ее недостатков. Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частью был бесцветен; разнообразие страстей ему мало было известно. Поэт не виноват; но и в народе тоже весьма извинительное чувство придать больший размер делам своих предков. Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слог, дать силу бессильному, говорить с жаром о том, что само в себе не сохраняет сильного жара, тогда толпа почитателей, толпа народа на его стороне, а вместе с ним и деньги; или быть верну одной истине, быть высоким там, где высок предмет, быть резким и смелым, где истинно резкое и смелое, быть спокой-

ным и тихим, где не кипит происшествие. Но в этом случае прощай толпа! ее не будет у него, разве когда самый предмет, изображаемый им, уже так велик и резок, что не может не произвести всеобщего энтузиазма. Первого средства не избрал поэт, потому что хотел остаться поэтом и потому что у всякого, кто только чувствует в себе искру святого призвания, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талант таким средством. Никто не станет спорить, что дикий горец в своем воинственном костюме, вольный как воля, сам себе и судия и господин, гораздо ярче какого-нибудь заседателя, и несмотря на то, что он зарезал своего врага, притаясь в ущельи, или выжег целую деревню, однако же он более поражает, сильнее возбуждает в нас участие, нежели наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом посредством справок и выправок пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ. Но тот и другой, они оба — явления, принадлежащие к нашему миру: они оба должны иметь право на наше внимание, хотя по естественной причи-

не то, что мы реже видим, всегда сильнее поражает наше воображение, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кроме нерасчет поэта — нерасчет перед его многочисленной публикою, а не перед собою. Он ничуть не теряет своего достоинства, даже, может быть, еще более приобретает его, но только в глазах немногих истинных ценителей. Мне пришло на память одно происшествие из моего детства. Я всегда чувствовал маленькую страсть к живописи. Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево. Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи мои были окружные соседи. Один из них, взглянувши на картину, покачал головою и сказал: «Хороший живописец выбирает дерево рослое, хорошее, на котором бы и листья были свежие, хорошо растущее, а не сухое». В детстве мне казалось досадно слышать такой суд, но после я из него извлек мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпе. Сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и беспорывны, как русская природа. Их только мо-

жет совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух. Потому что чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочим совершенная истина. По справедливости ли оценены последние его поэмы? Определил ли, понял ли кто Бориса Годунова, это высокое, глубокое произведение, заключенное во внутренней, неприступной поэзии, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа? — по крайней мере печатно нигде не произнеслась им верная оценка, и они остались донныне нетронуты.

В мелких своих сочинениях, этой прелестной антологии, Пушкин разносторонен необыкновенно и является еще обширнее, виднее, нежели в поэмах. Некоторые из этих мелких сочинений так резко ослепительны,

что их способен понимать всякой, но зато большая часть из них и притом самых лучших кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобы быть доступну понимать их, нужно иметь слишком тонкое обоняние. Нужен вкус выше того, который может понимать только одни слишком резкие и крупные черты. Для этого нужно быть в некотором отношении сибаритом, который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ест птичку не более наперстка и услаждается таким блюдом, которого вкус кажется совсем неопределенным, странным, без всякой приятности привыкшему глотать изделия крепостного повара. Это собрание его мелких стихотворений — ряд самых ослепительных картин. Это тот ясный мир, который так дышит чертами, знакомыми одним древним, в котором природа выражается так же живо, как в струе какой-нибудь серебряной реки, в котором быстро и ярко мелькают ослепительные плечи, или белые руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темных кудрей, или прозрачные гроздия винограда, или мирты и древесная сень, созданные для

жизни. Тут всё: и наслаждение, и простота, и мгновенная высота мысли, вдруг объемлющая священным холодом вдохновения читателя. Здесь нет этого каскада красноречия, увлекающего только многословием, в котором каждая фраза потому только сильна, что соединяется с другими и оглушает падением всей массы, но если отделить ее, она становится слабою и бессильною. Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия; никакого наружного блеска, всё просто, всё прилично, всё исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; всё лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт. Отсюда происходит то, что эти мелкие сочинения перечитываешь несколько раз, тогда как достоинства этого не имеет сочинение, в котором слишком просвечивает одна главная идея.

Мне всегда было странно слышать суждения об них многих, слывающих знатоками и литераторами, которым я более доверял, по-

каместь еще не слышал их толков об этом предмете. Эти мелкие сочинения можно назвать пробным камнем, на котором можно испытывать вкус и эстетическое чувство разбирающего их критика. Непостижимое дело! казалось, как бы им не быть доступными всем! Они так просто возвышенны, так ярки, так пламенны, так сладострастны и вместе так детски чисты. Как бы не понимать их! Но увы! это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы, и наконец так становится тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных ценителей.

1832.

ОБ АРХИТЕКТУРЕ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, непрерывно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величием рисунка, или своевольною дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротой украшений. Невольно втесняется мысль: неужели прошел невозвратно век архитектуры? неужели величие и гениальность больше не посетят нас, или они — принадлежность народов юных, полных одного энтузиазма и энергии и чуждых усыпляющей, бесстрастной образованности? Отчего же те народы, перед которыми мы так самодовольно гордимся, которым едва даем место в истории мира, отчего же они так возвышаются перед нами созданиями своего темного, не освещенного дробью познаний, ума? Отчего же колоссальные памятники индусов так величавы и неизмеримы, отчего аравийские так роскошны и очаровательны?

отчего у нас в Европе в средние века так много воздвиглось их в изумительном величии?

Не хотелось бы убедиться в этой грустной мысли, но всё говорит, что она истинна. Они прошли, те века, когда вера, пламенная, жаркая вера, устремляла все мысли, все умы, все действия к одному, когда художник выше и выше стремился вознести создание свое к небу, к нему одному рвался и пред ним, почти в виду его, благоговейно подымал молящуюся свою руку. Здание его летело к небу; узкие окна, столпы, своды тянулись нескончаемо ввышину; прозрачный, почти кружевной спиц, как дым, сквозил над ними, и величественный храм так бывал велик перед обыкновенными жилищами людей, как велики требования души нашей перед требованиями тела.

Была архитектура необыкновенная, христианская, национальная для Европы — и мы ее оставили, забыли, как будто чужую, пренебрегли, как неуклюжую и варварскую. Неудивительно ли, что три века протекло, и Ев-

ропа, которая жадно бросалась на всё, алчно перенимала всё чужое, удивлялась чудесам древним, римским и византийским, или уродовала их по своим формам, — Европа не знала, что среди ее находятся чуда, перед которыми было ничто всё ею виденное, что в недрах ее находятся Миланский и Кельнский соборы и еще донныне чернеют кирпичи недоконченной башни Страсбургского мюнстера.

Готическая архитектура, та готическая архитектура, которая образовалась пред окончанием средних веков, есть явление такое, какого еще никогда не производил вкус и воображение человека. Ее напрасно производят от арабской, идеи этих двух родов совершенно расходятся: из арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массе здания роскошь украшений и легкость; но самая эта роскошь украшений вылилась у ней совершенно в другую форму. Она обширна и возвышенна, как христианство. В ней всё соединено вместе: этот стройный и высоко возносящийся над головою лес сводов, окна огромные, узкие, с бесчисленными изме-

нениями и переплетами, присоединение к этой ужасающей колоссальности массы самых мелких, пестрых украшений, эта легкая паутина резьбы, опутывающая его своею сетью, обвивающая его от подножия до конца шпица и улетающая вместе с ним на небо; величие и вместе красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такие достоинства, которых никогда кроме этого времени не вмещала в себе архитектура. Вступая в священный мрак этого храма, сквозь который фантастически глядит разноцветный цвет окон, поднявши глаза кверху, где теряются пересекаясь стрельчатые своды один над другим, один над другим, и им конца нет, — весьма естественно ощутить в душе невольный ужас присутствия святыни, которой не смеет и коснуться дерзновенный ум человека.

Но она исчезла, эта прекрасная архитектура! Как только энтузиазм средних веков угас и мысль человека раздробилась и устремилась на множество разных целей, как только единство и целостность одного исчезло — вместе с тем исчезло и величие. Силы его, раздробив-

шись, сделались малыми; он произвел вдруг во всех родах множество удивительных вещей, но истинно великого, исполинского уже не было. Византийцы, убежавши из своей развратной столицы, занятой мусульманами, перепортили вкус европейцев и колоссальную их архитектуру. Византийцы давно уже не имели древнего аттического вкуса; они уже не имели и первоначального византийского и принесли только испорченные остатки его. Они языческие, круглые, пленительные, сладострастные формы куполов и колонн тщились применить к христианству и применили так же неудачно, как неудачно привили христианство к своей языческой жизни, дряхлой, лишенной свежести. Купол вытянулся вверх и сделался почти угловатым, стройные линии, фронтоны как-то странно изломались и произвели ничтожные формы. В таком виде получили эту архитектуру европейцы, которые с своей стороны изменили ее еще более, потому что в душе своей еще носили первоначальный образ готический и мысль, совершенно противоположную ослабленной многосторонности греков. Тогда

произошли тяжелые дворцы с колоннами, полуколоннами без всякой цели. Всё это было робко, мелко. Это была не роскошь, но искаженность простоты. Множество мифологических голов и украшений без смысла, облепив тяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крепких черт ее нежными и не выразили никакой идеи. Стремление в высоту, сообщавшее величие и легкость самым тяжелым массам, исчезло; вместо того они разъехались в ширину.

Но церкви, строенные в XVII и начале XVIII века, еще менее выражают идею своего назначения. Глядя на них, кажется, чувствуешь то же, как если бы человек грубый начал подделываться под светскую утонченность. В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротень-

кие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий; при этом часто удерживался и готической шпиг, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к небу. Всё, что только отзывалось высокими, устремленными кверху готическими деталями, было оставлено как безвкусное.

Хотя в продолжение XVIII века вкус несколько улучшился, но из этого не выиграли мы ровно ничего: он улучшился в веригах чужих форм. Тяжесть готическая была справедливо изгнана совершенно, потому что она в греческой форме была уже до невозможности безобразна. Тогда еще с большим рвением стали изучать древние формы, но изучали так, как робкие ученики, копирующие с точностью мелочные подробности оригинала и позабывающие об идее целого. Брали части и с необыкновенным излишеством лепили в огромную массу, показавшую еще никогда до-

толе небывалое разъединение в целом. Колонны и купол, больше всего прельстившие нас, начали приставлять к зданию без всякой мысли и во всяком месте: они уже не были главною идеею строения, а только частями или, лучше, украшениями его. Размер самого строения мы увеличили гораздо более, а размер купола в отношении к строению уменьшили. Мы не посмотрели в увеличительное стекло на строение, которое избрали моделью; не взглянули на него, отошедши на известное расстояние, но смотрели вблизи. Купол сделался ничтожным, малым. Видя его пустынность и одиночество наверху здания, прибавили к нему несколько других, возвысили для этого под ними башни — и куполы стали походить на грибы. И купол, это лучшее, прелестнейшее творение вкуса, сладострастный, воздушно-выпуклый, который должен был обнять всё строение и роскошно отдыхать на всей его массе белою, облачною своею поверхностью, исчез совершенно. Я люблю купол, тот прекрасный, огромный, легко-выпуклый купол, который возродил роскошный вкус греков в александрийский

век и позже, в век наслаждений и эгоизма, век утонченного раздробления жизни, век антологии легкой, душистой, дышащей сладострастием, ленью и роскошью, когда каждый принадлежал себе, жил для себя, а не для общества, когда на великолепных роскошных банях, везде был виден этот смело выпуклый, как небесный свод, купол. Ничто не может так сладострастно, так пленительно украсить массу домов, как такой купол. Но для этого он должен быть помещен только на том здании, которое неизмеримо своею шириною и как можно более захватывает пространства; он должен лечь на всей обширной его платформе; он должен быть светлее самого здания и лучше, если он весь белый. Ослепительная белизна сообщает неизъяснимую очаровательность и полноту его легко выпуклой форме, — он тогда лучше, роскошнее и облачнее круглится на небе. И доныне города сирийские и антиохские имеют необыкновенную прелесть через то, что удержали некоторое подобие этих куполов; и доныне на Востоке можно встретить их в величавом и огромном виде.

Портик с колоннами, это ясное произведение аттического стройного вкуса, который не терпел над собою никаких надстроек, у нас тоже пропал: ему не догадались дать колоссального размера, раздвинуть во всю ширину здания, возвысить во всю вышину его; его не развили, не увеличили, но стали употреблять в обыкновенном виде. Удивительно ли, что здания, которые требовались огромные, казались пусты, потому что фронтоны с колоннами лепились только над крыльцами их. Грозимые над ними в церквах, дворцах башни и массы, вовсе ему не отвечавшие, подавили и уничтожили его совершенно. Таким самым образом поэт, не имеющий обширного гения, всегда недоволен одним простым сюжетом и вместо того, чтобы развить его и сделать огромным, он привязывает к нему множество других; его поэма обременяется пестротою разных предметов, но не имеет одной господствующей мысли и не выражает одного целого.

В начале XIX столетия вдруг распространи-

лась мысль об аттической простоте и так же, как обыкновенно бывает, обратилась в моду и отразилась вдруг на всем, начиная с дамских костюмов, преобразовавшихся в небрежное, легкое одеяние гетер. Казалось, еще ближе присмотрелись к древним; еще глубже изучили их дух; но всё, что ни строили по их образцу, всё носило отпечаток мелкости и миниатюрности: узнали искусства более связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства давать величие всему целому и определить ему размер, способный вызвать изумление. Это новое стремление решительно было издержано на мелочные беседки, павильоны в садах и подобные, небольшие игрушки. Они носили в себе много аттического, но их нужно было рассматривать в микроскоп. В огромных же публичных зданиях не считали за нужное ими руководствоваться: они сделались наконец просты до плоскости. Самое вредное направление архитектуре внушила мысль о соразмерности, не о той соразмерности, которая должна быть в строении в отношении к нему самому, но просто о соразмерности в отношении к окру-

жающим его зданиям. Это всё равно, если бы гений стал удерживаться от оригинального и необыкновенного, потому только, что перед ним будут слишком уже низки и ничтожны обыкновенные люди. Эта соразмерность состояла еще в том, чтобы строение, как бы велико ни было в своем объеме, но непременно чтобы казалось малым. Его стали уединять и помещать на такой огромной и обширной площади, что оно казалось еще более ничтожным. Как будто бы старались нарочно внушить мысль, что великое совсем не велико, как будто бы насильно старались истребить в душе благоговение и сделать человека равнодушным ко всему.

Всем строениям городским стали давать совершенно плоскую, простую форму. Дома старались делать как можно более похожими один на другого; но они более были похожи на сараи или казармы, нежели на веселые жилища людей. Совершенно гладкая их форма ничуть не принимала живости от маленьких правильных окон, которые в отношении ко всему строению были похожи на зажму-

ренные глаза. И эту архитектуру мы еще недавно тщеславились, как совершенством вкуса, и настроили целые города в ее духе! Осмелился бы кто-нибудь даже теперь, среди этой гладко-однообразной кучи, воздвигнуть здание, носившее бы на себе печать особенной, резкой архитектуры, осмелился бы кто-нибудь возле строения в аттическом вкусе непосредственно воздвигнуть готическое — его бы сочли едва ли не сумасшедшим. Оттого новые города не имеют никакого вида: они так правильны, так гладки, так монотонны, что, прошедши одну улицу, уже чувствуешь скуку и отказываешься от желания заглянуть в другую. Это ряд стен и больше ничего. Напрасно ищет взгляд, чтобы одна из этих беспрерывных стен в каком-нибудь месте вдруг возросла и выбросилась на воздух смелым переломленным сводом или изверглась какою-нибудь башней-гигантом. Старинный германский городок с узенькими улицами, с пестрыми домиками и высокими колокольнями имеет вид, несравненно более говорящий нашему воображению. Даже вид какого-нибудь восточного города с высокими, тон-

кими минаретами, с восточными пестрыми куполами, потонувшими в садах, имеет более характера, более дышит поэзией и воображением, нежели наши европейские города позднейшей архитектуры.

Башни огромные, колоссальные необходимы в городе, не говоря уже о важности их назначения для христианских церквей. Кроме того, что они составляют вид и украшение, они нужны для сообщения городу резких примет, чтобы служить маяком, указывавшим бы путь всякому, не допуская сбиться с пути. Они еще более нужны в столицах для наблюдения над окрестностями. У нас обыкновенно ограничиваются высотой, дающею возможность обглядеть один только город. Между тем как для столицы необходимо видеть по крайней мере на полтора верст во все стороны и для этого, может быть, один только или два этажа лишние — и всё изменяется. Объем кругозора по мере возвышения распространяется необыкновенною прогрессией. Столица получает существенную выгоду, обзревая провинции и заранее предвидя всё;

здание, сделавшись немного выше обыкновенного, уже приобретает величие; художник выигрывает, будучи более настроен колоссальностью здания к вдохновению и сильнее чувствуя в себе напряжение.

Это направление архитектуры старалось как будто нарочно скрывать свое величие, вместо того, чтобы как можно более выказывать его пространству. Нет, не таков закон великого: строение должно неизмеримо возвышаться почти над головою зрителя; чтобы он стал, пораженный внезапным удивлением, едва будучи в состоянии окинуть глазами его вершину. И потому строение всегда лучше, если стоит на тесной площади. К нему может идти улица, показывающая его в перспективе, издали, но оно должно иметь поражающее величие вблизи. Чтобы дорога проходила мимо его! Чтобы кареты гремели у самого его подножия! Чтобы люди лепились под ним и своею малостью увеличивали его величие! Дайте человеку большое расстояние — и он уже будет глядеть выше, гордо на находящиеся пред ним предметы; ему покажется всё ма-

лым. Мы так непостижимо устроены, наши нервы так странно связаны, что только внешне, оглушающее с первого взгляда, производит на нас потрясение. И потому вышину строения подымайте в соразмерности с площадью, на которой оно стоит. Если оно с последнего края площади кажется малым, и зритель не ощущает изумления, но должен для этого близко подходить к нему, то здание пропало, а вместе с ним пропали труды и издержки, употребленные на сооружение его.

Но возвращаюсь к простоте архитектуры, которая заразила наш XIX век. Сами греки чувствовали, что одни прямые линии и совершенная простота строений будут казаться уже чересчур плоскими, особенно если множество такого рода строений соединятся вместе. Они чувствовали, что строгая правильность и гладкость строения должна непременно иметь возле себя какую-нибудь противоположность, чтобы быть более оригинальной и заметной. И потому простирали над ними навес древесный. Белизна прямолинейной стены или стройного с колоннами фрон-

тона, выказываясь из-за темной гущи зелени, действительно хороша, потому что составляет контраст с облачным расположением дерева, почти всегда неправильно, но красиво раскидывающего свои ветви. Как только здание их окружалось другими и находилось среди города, они чувствовали излишнюю простоту его и старались придать сколько можно более игры. Мысль о дереве и о природе прежде всего приходила им в голову. Но в городе дерево — драгоценность; тогда они чаще начали употреблять не гладкие дорические колонны, но большею частью коринфские с капителью из завитых листьев. Вообще убирать строения листьями, вьющимися гроздьями винограда или украшениями,носящими неясный образ ветвей дерева, было инстинктом у всех народов. Они невольно, слепо следовали тайному внушению своего вкуса. В готической архитектуре более всего заметен отпечаток, хотя неясный, тесно сплетенного леса, мрачного, величественного, где топор не звучал от века. Эти стремящиеся нескончаемыми линиями украшения и сети сквозной резьбы не что другое, как темное

воспоминание о стволе, ветвях и листьях древесных. И потому смело возле готического строения ставьте греческое, исполненное стройности и простоты: оно будет стоять между ними, как между величественными, прекрасными деревьями. И готическое и греческое получают от этого двойную прелесть. Истинный эффект заключен в резкой противоположности; красота никогда не бывает так ярка и видна, как в контрасте. Контраст тогда только бывает дурен, когда располагается грубым вкусом или, лучше сказать, совершенным отсутствием вкуса, но, находясь во власти тонкого, высокого вкуса, он первое условие всего и действует ровно на всех. Разные части его гармонируют между собою по тем же законам, по которым цвет палевый гармонирует с синим, белый с голубым, розовый с зеленым и так далее. Всё зависит от вкуса и от умения расположить. Не мешайте только в одном здании множества разных вкусов и родов архитектуры. Пусть каждое носит в себе что-то целое и самобытное, но пусть противоположность между этими самобытными в отношении их друг к другу будет

резка и сильна. Чем более в городе памятников разных родов зодчества, тем он интереснее; тем чаще заставляет осматривать себя, останавливаться с наслаждением на каждом шагу. Неужели было бы хорошо, если бы в английском саду вместо непрерывных, неожиданных видов гуляющий находил ту же самую дорожку или, по крайней мере, так похожую своими окрестностями на виденную им прежде, что она кажется давно известною?

Терпимость нам нужна; без нее ничего не будет для художества. Все роды хороши, когда они хороши в своем роде. Какая бы ни была архитектура: гладкая массивная египетская, огромная ли, пестрая индусов, роскошная ли мавров, вдохновенная ли и мрачная готическая, грациозная ли греческая — все они хороши, когда приспособлены к назначению строения; все они будут величественны, когда только истинно постигнуты.

Если бы однако ж потребовалось отдать решительное преимущество которой-нибудь из этих архитектур, то я всегда отдам его го-

тической. Она чисто европейская, создание европейского духа и потому более всего прилична нам. Чудное ее величие и красота превосходит все другие. Но из милости, из сострадания ее ломайте, не коверкайте ее! Смотрите чаще на знаменитый Кельнский собор; там всё ее совершенство и величие. Лучшего памятника никогда не производили ни древние, ни новые веки. Я предпочитаю потому еще готическую архитектуру, что она более дает разгула художнику. Воображение живее и пламеннее стремится в высоту, нежели в ширину. И потому готическую архитектуру нужно употреблять только в церквях и строениях, высоко возносящихся. Линии и бескарнизные готические пилястры, узко одна от другой, должны лететь через всё строение. Горе, если они отстоят далеко друг от друга, если строение не перевысило по крайней мере вдвое своей ширины, если не втрое! Оно тогда уничтожилось само в себе. Возносите его таким, каким оно быть должно: чтобы выше, выше, сколько можно выше, поднимались его стены, чтобы гуще, как стрелы, как тополи, как сосны, окружали их бесчисленные

утóльные столбы! никакого перереза, или перелома, или карниза, давшего бы другое направление или уменьшившего бы размер строения! чтобы они были ровны от основания до самой вершины! Огромнее окна, разнообразнее их форму, колоссальнее их высоту! воздушнее, легче шпиг! чтобы всё, чем более подымалось кверху, тем более бы летело и сквозило. И помните самое главное: никакого сравнения высоты с шириною. Слово ширина должно исчезнуть. Здесь одна законодательная идея — высота.

Я уверен, что некоторые будут утверждать, что постройка здания слишком высокого бесполезна, потому что нам нужно больше места, что высота ни к чему не служит и даром истрачивает материалы. Но я вовсе не советую этот готический образ строений употреблять на театры, на биржи, на какие-нибудь комитеты и вообще на здания, назначаемые для собраний веселящегося, или торгующего, или работающего народа. Со мною согласится всякой, что нет величественнее, возвышеннее и приличнее архитектуры для здания

христианскому богу, как готическая. И что же должны мы тогда уничтожить, чего лишиться? — Величественного, колоссального, при взгляде на которое мысли устремляются к одному и отрывают молельщика от низкой его хижины. Весьма не мешает вспомнить великую старую истину, что народ не в силах понять религии в такой же самой чистоте и бестелесности, как получившие высшее образование, что на него более всего производят впечатление видимые предметы; что чем меньше этот видимый предмет на него действует, тем слабее его энтузиазм и простая вера. Великолепие повергает простолюдима в какое-то онемение и оно-то единственная пружина,двигающая диким человеком. Необыкновенное поражает всякого, но тогда только, когда оно смело, резко и разом бросается в глаза. Здесь уже прочь всякое скряжничество и расчет! В противном случае этот расчет будет не расчет; и выгода, возникшая из него, будет выгода одного человека перед выгодою целого человечества.

Вальтер Скотт первый отряхнул пыль с го-

тической архитектуры и показал свету всё ее достоинство. С того времени она быстро распространилась. В Англии все новые церкви строят в готическом вкусе. Они очень милы, очень приятны для глаз, но, увы, истинного величия, дышащего в великих зданиях старины, в них нет. Они, несмотря на стрельчатые окна и шпицы, не сохраняют в целом истинно готического вкуса и уклонились от образцов. Во-первых, они сами по себе вовсе не огромны (великий недостаток готического строения); во-вторых, весь этот лес четырехгранных тонких столбов и линий, союзностремящихся чрез всё строение, позабыт или отвергнут вовсе, оставшаяся чрез это гладкость нечувствительно дает им совершенно другое выражение.

Могущественным словом Вальтер Скотта вкус к готическому распространился быстро везде и проникнул во всё. Еще не сделавшись великим, он уже сделался мелким: сельские домики, шкафы, ширмы, столы, стулья — всё обратилось в готическое. И эти величественные, прекрасные украшения употреблены бы-

ли на игрушки. Век наш так мелок, желания так разбросаны по всему, знания наши так энциклопедически, что мы никак не можем усредоточить на одном каком-нибудь предмете наших помыслов и оттого поневоле раздробляем все наши произведения на мелочи и на прелестные игрушки. Мы имеем чудный дар делать всё ничтожным. Египетскую архитектуру, которой весь эффект в колоссальности, мы издерживаем на небольшие мостики, на ворота, вершину которых проезжающий кучер может достать рукою. Из готической мы делаем серьги, футляры для часов; греческую мы употребляем в беседках. В публичных же и огромных зданиях показываем такую архитектуру, которую вряд ли можно признать особенным родом. В ней столько безмыслия, такое негармоническое соединение частей, такое отсутствие всякого воображения, что недостает сил назвать ее имеющею свой характер архитектурю.

Есть рудник, о котором едва только знают, что он существует; есть мир совершенно особенный, отдельный, из которого менее всего

черпала Европа. Это — архитектура восточная. Архитектура, которая создана одним только воображением, воображением восточным, горячим, чудесным, облекшимся в гиперболу и аллегория, пролетевшим мимо жизни и прозаических нужд ее. Жизнь азиатов никогда не имела такого многостороннего развития, как европейцев: никогда потребности их не были так разнообразны и бесчисленны как наши, и потому очень естественно, что обыкновенные жилища их лишены пестроты, ясности и стройности; они уединенны, однообразны, так же скучны отсутствием всякой мысли, как самый азиатец во время своего покоя. Но зато везде, куда ни проникала только азиатская роскошь, огромная, великолепная, та роскошь, которая блещет в их волшебных сказках, везде, куда ни проникала эта увешенная ожерельями дочь восточного воображения, там стоят донны дворцы, великолепие которых изумительно. Строение их захватывало целые веки; целый народ, целая нация над ним трудилась, и предки верили, как в неотразимое предопределение, что здание будет окончено их потом-

ками. Везде, куда ни проникала эта всемогущая массивная роскошь или дикий энтузиазм первоначальной их религии, везде громоздились памятники, ужасные своею огромностью, перед которыми мысль немеет от изумления, когда вспомнишь, как бедны были их средства и познания; как ничтожны их машины для поднятия и укрепления этих страшных масс. Еще более изумление овладевает духом, когда видишь, как почти дикий, неразвившийся человек развился внезапно на этом гигантском здании; как был он проникнут и восторжен мыслью о божестве, что невольно показал разоблачение своего гения и упредил медленные годы векового образования.

Взгляните на этот массивный, величественный Триченгурский храм у индусов, едва ли не одно из первых зданий по величине своей. Это пирамидальное склонение массы кверху, постепенное уменьшение этажей, бездна индейских портиков, облепливающих их стены, пилястры, громоздящиеся над пилястрами, колонны над колоннами, как будто сту-

пающие одна на другую, чтобы скорее достать вершины этой массы — всё это явление совершенно оригинального вкуса. Но если Триченгурский храм слишком уже тяжел и дышит язычеством, взгляните на стройный, прекрасный Кутуб-Минар, которым по справедливости славятся Дельфи. Я не знаю в мире башни, которая бы при простоте почти аттической столько дышала глубиною красоты, где бы воображение вылилось так чисто и величаво. Если этот род не может быть совершенно усвоен нами, то европейцы вообще могут заимствовать с пользою это пирамидальное или конусообразное устремление кверху — резкое отличие индейского стиля.

Восточная архитектура дворцов представляет совершенно противоположный род: здесь царство азиатской роскоши. Строение раздается пространнее в ширину. Огромный восточный купол, или совершенно круглый, или выгибающийся, как сладострастная ваза, опрокинутая вниз, или в виде шара, или обремененный, облепленный резьбою и украшениями, как богатая митра, патриархально

властвует над всем зданием; внизу, у самого подножия строения небольшие куполы целую оградою обходят его пространные стены, как покорные рабы; со всех сторон летят тонкие минареты, представляющие самый очаровательный контраст своею легкою, веселою торньюрою с важным, величественным видом всего здания. Так величественный магометанин в широком, убранном золотом и камнями, платье возлежит среди гурий стройных, обнаженных, ослепительных своею белизною.

Нигде зодчество не принимало столько разнообразных форм, как на Востоке. Там каждое здание выливалось, можно сказать, всегда мимо прежних условий, или, лучше сказать, оно выливалось, облеченное новыми условиями собственного предчувствия, сходствовавшими с прежними разве только в самом отдаленном начале религиозном или национальном. Вся Индия усеяна прекрасными зданиями. Каждое из них сохраняет свое резкое отличие, свой особый отпечаток, до такой степени, что их совершенно нельзя подвести

под одну категорию. Множество разных куполов всех возможных форм, вовсе не похожих один на другого, украшений и убранств, совсем отличных и всегда новых, — всё говорит о необыкновенном воображении их, которое не стеснялось никакими правилами. Впрочем, причиною этого разнообразия, может быть, было бесчисленное множество сект, наполняющих Индию, производивших вечную оппозицию, вечную раздражительность воображения. Но более исполнены роскоши очаровательной, которою говорит восточная природа, те здания, которых коснулся вкус аравитян. В Азии, во время этих разрушительных встреч новых и старых народов, особенно магометан, произошло необыкновенное смешение архитектур, произошли самые дерзкие отступления. Но никогда, нигде не соединялось смелое с такою прекрасною роскошью, как у аравитян. Они заимствовали от природы всё то, что есть в ней верх прекраснейшего. Их архитектура не носит на себе печати дремучих лесов; она вся состоит из цветов. Она убрана цветами, она потоплена целым морем цветов, прекрасных, роскошных,

какими убрана нежная долина Кашемира. Их узорные колонны увенчаны тюльпаном; их резьба в виде незабудок и цветов с четырьмя лепестками или развивающихся роз; их галереи похожи на ветви пальм, вершинами своими образующих своды. Всё отозвалось необыкновенной роскошью цветистого их вкуса. Эта архитектура как-то именно создавалась для жизни, отданной наслаждениям, для веселых, светлых жилищ человека. Она решительно изгнала из себя всё мрачное. Здание так прелестно, очаровательно, как восточная красавица с черными, яркими как молния глазами, в пестром своем убранстве и драгоценных ожерельях.

Восточная архитектура имеет у себя то, чего никогда еще не употребляли европейцы. Это колонны, не гладкие, но расщепленные украшениями от пьедестала до капители. Иногда эти колонны бывают совершенно сквозные и прозрачные: резьба проникает их насквозь. Они составляют пленительнейшее изобретение восточного вкуса. Здание, как бы ни было громоздко, но с такими колоннами

кажется воздушно. Почему бы, казалось, нам не перенести их на свою почву? Но ум и вкус человека представляют странное явление: прежде нежели достигнет истины, он столько даст объездов, столько наделает несообразностей, неправильностей, ложного, что после сам дивится своей недогадливости. Обо всех сих памятниках Европа и не заботилась.

Один только вкус китайцев, который можно назвать самым мелким, самым ничтожным из всех восточных народов, каким-то поветрием занесся к нам в конце XVIII столетия. Хорошо, что европейцы, по обыкновению своему, тотчас обратили его на мостики, павильоны, вазы, камины, а не вздумали приспособить к большим строениям. Этот вкус точно был недурен в безделках, потому что европейцы его тотчас усовершенствовали по-своему и дали ему ту прелесть, которой он сам в себе не имеет, так же как и его народ не имеет энергии, несмотря на всю свою образованность.

Есть еще особенный род архитектуры, со-

вершенно отличный от всего, доселе показанного мною. Это архитектура катакомб индейских и египетских, где эти два народа так удивительно сошлись между собою и дали повод подозревать древнее между ими родство. Главный характер ее — тяжесть. Здесь всё должно соединиться в массу и толщу; здание тяжело ступает, как на слоновых пядях, на коротких, тяжелых колоннах, которых ширина своим диаметром равняется почти с высотой. Здесь уже совершенно всё ширина и масса. На ней как будто отпечаталась тяжесть земли, внутри которой она скрывает тяжелое свое величие. То, что порок в других родах ее, то здесь достоинство. Эта подземная архитектура имеет что-то также величавое, хотя внушает совершенно другие мысли. Здесь тяжесть не безобразна, а величественна, потому что составляет главную идею всего здания. Если художник предположил создать тяжелое и массивное и выполнил это, его творение верно будет хорошо; но когда начертал он план тяжелого, а из него вышло вовсе не тяжелое, или наоборот, когда он замыслил произвести легкое, а вышло тяжелое, то это

уже решительно дурно. Здание это, когда с него сбрасывали землю и оно выходило на свет, представляло всегда странный и вместе страшный вид; как будто бы земля выказывала свою глубокую внутренность, как будто бы мрак очутился вдруг среди яркого света, мрак, только освещаемый светом, а не прогоняемый им, как египетская урна или мертвая голова среди пиршеств. Мне кажется, напрасно эту архитектуру вгоняют в землю: показавшись вдруг, нечаянно, среди светлых, легких домиков, она должна непременно поразить всякого и произвести свой эффект. Одно такого рода строение среди многолюдного города было бы прелесть, но только одно, не более. В строениях такого рода все части состоят из тяжестей, но при всем том отношения их между собою исполнены какой-то внутренней, несколько страшной гармонии и создать в этом роде совершенное весьма нелегко. Египетская архитектура надземная составляет совершенно другой род: она массивна тоже; но стройность и простота в высшей степени с нею неразлучны; главный же ее характер — колоссальность. Чем она глаже снизу довер-

ху, без всяких разделений и резких украшений, тем лучше. Но не употребляйте её на небольшие мостики: без колоссальности эта архитектура менее нежели ничто. Еще раз повторяю: всякая архитектура прекрасна, если соблюдены все ее условия и если она выбрана совершенно согласно назначению строения. Без этой благонамеренной, беспристрастной терпимости не будет ни истинных талантов, ни истинно величественных произведений. Прочь этот схолацизм, предписывающий строения ранжировать под одну мерку и строить по одному вкусу! Город должен состоять из разнообразных масс, если хотим, чтобы он доставлял удовольствие взорам. Пусть в нем совокупится более различных вкусов. Пусть в одной и той же улице возвышается и мрачное готическое, и обремененное роскошью украшений восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройным размером греческое. Пусть в нем будут видны: и легко выпуклый млечный купол, и религиозный бесконечный шпиг, и восточная митра, и плоская крыша италийская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пира-

мида, и круглая колонна, и угловатый обелиск. Пусть как можно реже дома сливаются в одну ровную, однообразную стену, но клонятся то вверх, то вниз. Пусть разных родов башни как можно чаще разнообразят улицы. Неужели найдется такой смельчак или, лучше сказать, несмельчак, который бы ровное место в природе осмелился сравнить с видом утесов, обрывов, холмов, выходящих один из-за другого?

Архитектор-творец должен иметь глубокое познание во всех родах зодчества. Он менее всего должен пренебрегать вкусом тех народов, которым мы в отношении художеств обыкновенно оказываем презрение. Он должен быть всеобъемлющ, изучить и вместить в себе все бесчисленные изменения их. Но самое главное: должен изучить всё в идее, а не в мелочной наружной форме и частях. Но для того, чтобы изучить в идее, нужно быть ему гением и поэтом.

Но обратимся к архитектуре городов. Город нужно строить таким образом, чтобы каждая

часть, каждая отдельно взятая масса домов представляла живой пейзаж. Нужно толпе домов придать игру, чтобы она, если можно так выразиться, заиграла резкостями, чтобы она вдруг врезалась в память и преследовала бы воображение. Есть такие виды, которые век помнишь, и есть такие, которых при всех усилиях не можешь заметить в памяти. Зодчество грубее и вместе колоссальнее других искусств, как-то: живописи, скульптуры и музыки, и потому эффект его — в эффекте. Масса города имеет уже тем выгоду, что ее вдруг можно изменить, исправить по своему произволу. Иногда одно только строение среди ее — и она совершенно изменяет вид свой, принимает другое выражение; так, как всякой рисунок ученика вдруг оживляется под кистью или карандашом его учителя, который в одном месте подкрепит, в другом отделит, в третьем только тронет, — и всё уже не то. При этом самые ошибки уже подают идею о том, как избежать их, бесхарактерное подает мысль о характерном, мелкое и плоское вызывают в противоположность дерзкое и необыкновенное, углубление вниз подает

идею о возвышении вверх и наоборот. Гений — богач страшный, перед которым ничто весь мир и все сокровища.

При построении городов нужно обращать внимание на положение земли. Города строятся или на возвышении и холмах, или на равнинах. Город на возвышении менее требует искусства, потому что там природа работает уже сама, то подымает дома на величественных холмах своих и кажет их великанами из-за других домов, то опускает их вниз, чтобы дать вид другим. В таком городе можно менее употреблять разнообразия. В нем можно более употреблять гладких и одинаковых домов, потому что неровное положение земли уже дает им некоторым образом разнообразие, помещая их в разных местоположениях. Нужно наблюдать только, чтобы дома показывали свою вышину один из-за другого, так, чтобы стоящему у подошвы казалось, что на него глядит двадцатипятиэтажная масса. Там мало нужно искусства, где природа одолевает искусство; там искусство, только для того, чтобы украсить ее. Но где положение земли

гладко совершенно, где природа спит, там должно работать искусство во всей силе. Оно должно пропестрить, если можно сказать, изрыть, скрыть, равнину, оживить мертвенность гладкой пустыни. Здесь однообразие и простота домов будет большая погрешность. Здесь архитектура должна быть как можно своенравнее: принимать суровую наружность, показывать веселое выражение, дышать древностью, блеснуть новостью, обдавать ужасом, сверкать красотой, быть то мрачной, как день, обхваченный грозой с громовыми облаками, то ясною, как утро в солнечном сиянии. Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе. Пусть же она, хоть отрывками, является среди наших городов в таком виде, в каком она была при отжившем уже народе. Чтобы при взгляде на нее осенила нас мысль о минувшей его жизни и погрузила бы нас в его быт, в его привычки и степень понимания и вызвала бы у нас благодарность за его существование, бывшее ступенью нашего собственного возвыше-

Неужели однако же невозможно создание (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежних условий? Когда дикий и малоразвившийся человек, которому одна природа, еще грубо им понимаемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота и тайный инстинкт вкуса, отчего же мы, которых все способности так обширно развились, которые более видим и понимаем природу во всех ее тайных явлениях, — отчего же мы не производим ничего совершенно проникнутого таким богатством нашего познания? Идея для зодчества вообще была черпана из природы, но тогда, когда человек сильно чувствовал на себе ее влияние; теперь же искусство поставил он выше самой природы, — разве не может он черпать своих идей из самого искусства или, лучше сказать, из гармонического слияния природы с искусством? Рассмотрите только, какую страшную изобретательность показал он на мелких изделиях утонченной роскоши; рассмотрите все

эти модные безделицы, которые каждый день являются и гибнут, рассмотрите их, хотя в микроскоп, если так они не останавливают вашего внимания. Какого они исполнены тонкого вкуса! какие принимают они совершенно небывалые прелестные формы! Они создаются в таком особенном роде, который еще никогда не встречался. Резьба и тонкая отделка их так незаимствованы и вместе с тем так хороши, что мы иногда долго любуемся ими, и увы! вовсе не ощущаем жалости при виде, как гибнет вкус человека в ничтожном и временном, тогда как он был бы замечен в неподвижном и вечном. Разве мы не можем эту раздробленную мелочь искусства превратить в великое? Неужели всё то, что встречается в природе, должно быть непременно только колонна, купол и арка! Сколько других еще образов нами вовсе не тронута! Сколько прямая линия может ломаться и изменять направление, сколько кривая выгибаться, сколько новых можно ввести украшений, которых еще ни один архитектор не внес в свой кодекс! В нашем веке есть такие приобретения и такие новые, совершенно

ему принадлежащие стихии, из которых бездну можно заимствовать никогда прежде невоздвигаемых зданий. Возьмем, например, те висящие украшения, которые начали появляться недавно. Покамест висящая архитектура только показывается в ложах, балконах и в небольших мостиках. Но если целые этажи повиснут, если перекинутся смелые арки, если целые массы вместо тяжелых колонн очутятся на сквозных чугунных подпорах, если дом обвесится снизу доверху балконами с узорными чугунными перилами, и от них висящие чугунные украшения в тысячах разнообразных видов облекут его своею легкою сетью, и он будет глядеть сквозь них, как сквозь прозрачный вуаль, когда эти чугунные сквозные украшения, обвитые около круглой, прекрасной башни, полетят вместе с нею на небо, — какую легкость, какую эстетическую воздушность приобретут тогда дома наши! Но какое множество есть разбросанных на всем намеков, могущих зародить совершенно необыкновенную живую идею в голове архитектора, если только этот архитектор — творец и поэт.[4]

1831.

АЛ-МАМУН. (ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Ни один государь не принимал правления в такую блестящую эпоху своего, государства, как Ал-Мамун. Грозный калифат величественно возвышался на классической земле древнего мира. Он обнимал на востоке всю цветущую юго-западную Азию и замыкался Индию, на западе он простирался по берегам Африки до Гибралтара. Сильный флот покрывал Средиземное море; Багдад, столица этого нового чудесного мира, видел повеления свои исполняющимися в отдаленных краях провинций; Бассора, Нигабур и Куфа зрели новообращенную Азию, стекающуюся в свои блестящие школы; Дамаск мог одеть всех сластолюбцев дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и араб уже думал, как бы осуществить на земле рай Магомета, создавал водопроводы, дворцы, целые леса пальм, где сладострастно били фонтаны и дымились благовония Востока. И к такому развитию роскоши еще не успела привиться ни

одна нравственная болезнь политического общества. Все части этой великой империи, этого магометанского мира были связаны довольно сильно, и связь эта укреплена была волею необыкновенного Гаруна, который постигнул все разнообразные способности своего народа. Он не был исключительно государь-философ, государь-политик, государь-воин или государь-литератор. Он соединял в себе всё, умел ровно разлить свои действия на всё и не доставить перевеса ни одной отрасли над другою. Просвещение чужеземное он прививал к своей нации в такой только степени, чтобы помочь развитию ее собственно. Уже арабы перешли эпоху своего фанатизма и завоеваний, но всё еще были исполнены энтузиазма, и огненные страницы Корана перелистывались с тем же благоговением, исполнялись так же раболепно. Гарун умел ускорить весь административный государственный ход и исполнение повелений страхом своей вездесущности. Наместники и эмиры, из которых каждый обыкновенно стремится быть деспотом, опасались встретить всезрящего, переодетого калифа — и правле-

ние без законов двигалось крепко и определенно. В таком виде принял государство Ал-Мамун, государь, которого Царьград назвал великодушным покровителем наук, которого имя история внесла в число благодетелей человеческого рода и который замыслил государство политическое превратить в государство муз. Он был одарен всею живостию и способностью к долговому изучению. Его характер исполнен был благородства. Желание истины было его девизом. Он был влюблен в науку и влюблен совершенно бескорыстно: он любил науку для нее же самой, не думая о ее цели и применении. Он предался ей с исключительною страстью. Тогда аравитяне только что отрыли Аристотеля. Многообъемлющий и точный философ Греции не мог сойтись с их воображением, слишком стремительным, слишком колоссальным и восточным, но аравийские ученые, занимаясь долгое время копотливою работою, уже несколько привыкнули к точности и формальности и оттого принялись за него с ученым энтузиазмом. Эти бесконечные выводы, это облечение в видимость и порядок того, что они прежде чув-

ствовавали в душе пламенными отрывками, не могли не околдовать тогдашних ученых. Воспитанный под их влиянием Ал-Мамун, исполненный истинной жажды просвещения, употреблял все старания ввести в свое государство этот чуждый дотоле греческий мир. Багдад распростер дружелюбные длани всему ученому тогдашнему свету. Милости калифа были открыты всякому, кто принадлежал к какому бы то ни было званию, какой бы ни был он религии, каких бы ни был исполнен противоречащих начал. Естественно, что тогда более всего приносили свои познания в Багдад те, которые еще сохраняли в душе своей образ политеизма, облеченного христианскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммония Саккаса, Плотина и других последователей новоплатонизма, которые уже не находили поля для своих ученых ристаний в Царьграде, слишком занятом спорами о догмах христианства. Багдад превратился в республику разнородных отраслей познаний и мнений. Венценосный араб вслушивался внимательно в усыпительную музыку ученых толкований и тонкостей. Правители

государственных мест не могли не увлечься примером государя, и тогда высшие ступени государства обняла какая-то литературная мономания. Визири и эмиры старались окружить свой двор учеными пришельцами. Очевидно, что административная часть была как будто чем-то второстепенным, что правители должны были многое, относящееся к управлению, поверять усмотрению своих секретарей и любимцев, что эти любимцы были иногда вовсе невежды, часто получали пронырствами места, что всё это должно было отозваться на народе и впоследствии времени обрушиться на самих правителей. Толпа теоретических философов и поэтов, занявших правительственные места, не может доставить государству твердого правления. Их сфера совершенно отдельна; они пользуются верховным покровительством и текут по своей дороге. Отсюда исключаются те великие поэты, которые соединяют в себе и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человека, проникли минувшее и прозрели будущее, чьих глагол слышится всем народом. Они — великие жрецы. Мудрые властители честву-

ют их своею беседою, берегут их драгоценную жизнь и опасаются подавить ее многосторонней деятельностью правителя. Их призывают они только в важные государственные совещания, как ведателей глубины человеческого сердца.

Благородный Ал-Мамун истинно желал сделать счастливыми своих подданных. Он знал, что верный путеводитель к тому — науки, клонящиеся к развитию человека. Он всеми силами заставлял своих подданных принимать вводимое им просвещение. Но просвещение, вводимое Ал-Мамуном, менее всего отвечало природным элементам и колоссальности воображения арабов. Лишенные энергии начала политеизма, обратившиеся в кучу слов, дерзко обезображенные идеи христианства, странно озарившие тогдашние науки, не слившиеся с ними, но, можно сказать, уничтожившие их своим преобладанием — представляли совершенный контраст пламенной природе араба, у которого воображение слишком потопляло тощие выводы холодного ума. Этот чудный народ не шел, а ле-

тел к своему развитию. Гений его вдруг оказывался в войне, торговле, искусствах, мануфактурах и роскошной поэзии Востока. Его доселе небывалые в истории человечества стихии вспыхнули богато, ярко, странно и совершенно оригинально. Казалось, этот народ обещал дотоле невиданное совершенство нации. Но Ал-Мамун не понял его. Он упустил из вида великую истину: что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть, в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий. Но для араба поле подвигов было заграждено этим бесплодным чужестранным просвещением. Самый космополитизм Ал-Мамуна, открывавшего вход в государство ученым всех партий, уже зашел несколько далеко. Выгоды, которые в государстве получали христиане, не могли не возродить в собственных его подданных ненависти, а вместе и презрения к самым даже полезным их учреждениям, — и народ уже терял любовь к своему калифу. В правлении Ал-Мамун был боль-

ше философ-теоретик, нежели философ-практик, каким бы должен быть государь. Он знал жизнь своего народа из описаний, из рассказов других, а не изведал сам, как очевидец, как изведал его великий Гарун. В азиатских образах правления, не имеющих определенных законов, вся административная часть падает на самого монарха, и потому деятельность его должна быть необыкновенна, внимание его должно быть вечно напряжено; он не может ввериться совершенно никому, и глаз его должен иметь многосторонность Аргуса: минуту засни он — и его полномочные наместники вдруг возрастают, и государство наполняется миллионами деспотов. Но Ал-Мамун в своем Багдаде жил как в государстве муз, им же самим созданном и совершенно отдельном от мира политического. Христиане, которые стали наконец вмешиваться в административные должности, не могли узнать народного духа и обычаев земли. Притом самое иноверство их было невыносимо для араба, еще сохранявшего энтузиазм и нетерпимость. И когда имя Ал-Мамуна повторялось на устах ученых тогдашнего века, когда его

гостеприимство привлекало пестрые флаги к берегам сирийским, власть его внутри государства становилась между тем слабее. Жители провинций, никогда не видавшие своего калифа, мало дорожили его именем. Военная сила ослабла. Просвещение обыкновенно стремилось из Багдада, как из центра, уменьшаясь и угасая по мере приближения к отдаленным границам. На границах арабы еще сохраняли свой первый период. На границах стояли войска, еще полные фанатизма, еще стремившиеся огнем и мечом водружать веру Магомета. Сильные эмиры их, почувствовавши слабость связи Багдада, думали о независимости, и Ал-Мамун уже при жизни своей видел отторжение Персии, Индии и дальних провинций Африки. Но, может быть, всё это неверное направление администрации было бы еще исправимое зло, если бы Ал-Мамун не простер уже слишком далеко своей любви к истине. Он захотел быть религиозным реформатором своей нации. Исполненный ума чисто теоретического, будучи выше суеверий и предрассудков, будучи ближе ознакомлен с некоторыми догмами христианства, нежели

его предшественники, он не мог не видеть всех бесчисленных противоречий, пламенных нелепостей, которые вырывались совместно в постановлениях исступленного творца Корана. Он решился очистить и преобразовать священную книгу магометан и — в то самое время, когда еще все низшие государственные ступени, вся чернь была уверена, что она принесена с неба и когда усомниться в маловажном постановлении ее уже считалось величайшим преступлением. Полугреческой образ мыслей Ал-Мамуна чуждался совершенно слепого энтузиазма его подданных. Первым шагом к образованию своего народа он почитал истребление энтузиазма, того энтузиазма, который составлял существование народа аравийского, того энтузиазма, которому он обязан был всем своим развитием и блестящею эпохою, подорвать который значило подорвать политический состав всего государства. Ему нелепее, несообразнее всего казался Магометов рай, куда араб переносил всю чувственную земную жизнь свою, жизнь, назначенную для наслаждения и сладострастия. Но Ал-Мамун не

принял в соображение того, что это постановление изверглось из огненного аравийского климата, из огненной природы араба, — что этот рай для магометанина есть великий оаз среди пустыни его жизни, что надежда в этот рай одна только заставляла чувственного араба терпеливо сносить бедность, притеснение, подавлять в душе своей зависть при виде утопающего в роскоши сибарита. Мысль, что и он будет наконец находиться среди гурий, среди роскоши, превышающей роскошь земных владык, одна могла быть доступна для такой чувственности и цветистости воображения, какими природа наделила араба, и что, может быть, с дальнейшим только развитием его могла нечувствительно очиститься его вера. Но Ал-Мамун не постигал азиатской природы своих подданных.

Можно себе представить силу негодования многочисленного класса народа, когда распространились вести о преобразованиях калифовых. Как должен был принять это народ, который уже за одно покровительство христианам и привязанность к иностранцам об-

винял гласно калифа в мотализме, или ереси? Грубая толпа прежних точных исполнителей Корана жестоким упорством своим наконец заставила калифа взяться за оружие. И благородный, великодушный Ал-Мамун, проникнутый истинною любовью к человечеству, явился гонителем своих подданных. Гонением своим он воскресил опять в арабах дикой фанатизм, но уже не тот фанатизм, который сдвинул прежде кочевых обитателей Аравии в одну массу, — он произвел оппозиционный фанатизм, который растерзал массу, который посеял плевелы к недрах государства, который разбудил дикие страсти араба, который дал нож и яд ненависти в руки исступленных последователей ислама, который произвел множество ослепленных сект и ужаснее всего секту карматианов, долго еще свирепствовавшую под именем Сирийских Убийц, во время крестовых походов. Среди волнений, оказывавшихся в разных концах государства, среди смут и партий, рассыпая одною рукою благодеяния и милости на школы, фабрики, искусства, поражая другою непокорных, исступленных подданных, умер благородный Ал-Ма-

мун. Умер, не поняв своего народа, не поня-
тый своим народом. Во всяком случае он дал
поучительный урок. Он показал собою госуда-
ря, который при всем желании блага, при
всей кротости сердца, при самоотвержении и
необыкновенной страсти к наукам, был меж-
ду прочим невольно одною из главных пружин,
ускоривших падение государства.

ЖИЗНЬ

Бедному сыну пустыни снился сон:

Лежит и расстилается великое Средиземное море, и с трех разных сторон глядят в него: палящие берега Африки с тонкими пальмами, сирийские голые пустыни и многолюдный, весь изрытый морем берег Европы.

Стоит в углу над неподвижным морем древний Египет. Пирамида над пирамидою; граниты глядят серыми очами, обтесанные в сфинксов; идут бесчисленные ступени. Стоит он величавый, питаемый великим Нилом, весь убранный таинственными знаками и священными зверями. Стоит и неподвижен, как очарованный, как мумия, несокрушимая тлением.

Раскинула вольные колонии веселая Греция. Кишат на Средиземном море острова, потопленные зелеными рощами; кинамон, виноградные лозы, смоковницы помагают об-

литыми медом ветвями; колонны, белые как перси девы, круглятся в роскошном мраке древесном; мрамор страстный дышит, зажженный чудным резцом, и стыдливо любит свою прекрасною наготою; увитая гроздиями, с тирсами и чашами в руках, она остановилась в шумной пляске. Жрицы молодые и стройные с разметанными кудрями вдохновенно вонзили свои черные очи. Тростник, связанный в цевницу, тимпаны, мусикийские орудия мелькают, перевитые плющом. Корабли как мухи толпятся близ Родоса и Корциры, подставляя сладострастно выгибающийся флаг дыханию ветра. И всё стоит неподвижно, как бы в окаменелом величии.

Стоит и распростирается железный Рим, устремляя лес копий и сверкая грозною сталью мечей, вперив на всё завистливые очи и протянув свою жилистую десницу. Но он неподвижен, как и всё, и не тронется львиными членами.

Весь воздух небесного океана висел сжатый и душный. Великое Средиземное море не

шелохнет, как будто бы царства предстали все на страшный суд перед кончиною мира.

И говорит Египет, помавая тонкими пальцами, жилищами его равнин, и устремляя иглы своих обелисков: «Народы, слушайте! я один постиг и проник тайну жизни и тайну человека. Всё тлен. Низки искусства, жалки наслаждения, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвует над миром и человеком! Всё пожирает смерть, всё живет для смерти. Далеко, далеко до воскресения, да и будет ли когда воскресение. Прочь желания и наслаждения! Выше строй пирамиду, бедный человек, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое бедное существование».

И говорит ясный, как небо, как утро, как юность, светлый мир греков, и, казалось, вместо слов, слышалось дыхание цевницы: «Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вместе с нею ее наслаждения. Всё носи ему. Гляди, как выпукло и прекрасно всё в природе, как дышит всё согласием. Всё в мире; всё, чем ни владеют боги,

всё в нём; умеи находить его. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель мира; венчай дубом и лавром прекрасное чело свое! мчись на колеснице, проворно правя конями, на блистательных играх. Далее корысть и жадность от вольной и гордой души! Резец, палитра и цевница созданы быть властителями мира, а властительницею их — красота. Увивай плющом и гроздием свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги. Жизнь создана для жизни, для наслаждения — умеи быть достойным наслаждения!»

И говорит покрытый железом Рим, потрясая блестящим лесом копий: «Я постигнул тайну жизни человека. Низко спокойствие для человека; оно уничтожает его в самом себе. Мал для души размер искусств и наслаждений. Наслаждение в гигантском желании. Презренна жизнь народов и человека без громких подвигов. Славы, славы жаждай, человек! В порыве нерасказанного веселия, оглушенный звуком железа, несись на сомкнутых щитах бранноносных легионов!

Слышишь ли, как у ног твоих собрался весь мир и, потрясая копьями, слился в одно восклицание? Слышишь ли, как твое имя замирает страхом на устах племен, живущих на краю мира? Всё, что ни объемлет взор твой, наполняй своим именем. Стремись вечно: нет границ миру — нет границ и желанию. Дикий и суровый, далее и далее захватывай мир — ты завоюешь наконец небо».

Но остановился Рим и вперил орлиные очи свои на восток. К востоку обратила и Греция свои влажные от наслаждения, прекрасные очи; к востоку обратил Египет свои мутные, бесцветные очи.

Камениста земля; презренен народ; немногочисленная весь прислонилась к обнаженным холмам, изредка, неровно оттененным иссохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградой стоит ослица. В деревянных яслях лежит младенец; над ним склонилась непорочная мать и глядит на него исполненными слез очами; над ним высоко в небе стоит звезда и весь мир осияла чудным светом.

Задумался древний Египет, увитый иероглифами, понижая ниже свои пирамиды; беспокойно глянула прекрасная Греция; опустил очи Рим на железные свои копыя; приникла ухом великая Азия с народами-пастырями; нагнулся Арарат, древний прапращур земли...

1831.

ШЛЕЦЕР, МИЛЛЕР И ГЕРДЕР

Шлецер, Миллер и Гердер были великие создатели всеобщей истории. Мысль о ней была их любимой мыслью и не оставляла их во всё время разнообразного их поприща. Шлецер, можно сказать, первый почувствовал идею об одном великом целом, об одной единице, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы. Он хотел одним взглядом обнять весь мир, всё живущее. Казалось, как будто бы он силился иметь сто аргусовых глаз, для того чтобы разом видеть сбывающееся во всех отдаленных углах мира. Его слог — молния, почти вдруг блестящая то там, то здесь и освещающая предметы на одно мгновение, но зато в ослепительной ясности. Я не знаю, исполнил ли бы он в самом деле то, что резко показывал другим, но по крайней мере никто так сильно не поражен был сам своим предметом, как он. Он имел достоинство в высшей степени сжимать всё в малообъемный фокус и двумя, тремя яркими чертами, часто даже одним эпитетом обозначать вдруг событие и

народ. Его эпитеты удивительно горячи, дерзки, кажутся плодом одной счастливой минуты, одного внезапного вдохновения и так исполнены резкой, поражающей правды, что не скоро бы пришли на ум определившему себя на долгое глубокое исследование, выключая только, если этот исследователь будет сам Шлецер. Он не был историк, и я думаю даже, что он не мог быть историком. Его мысли слишком отрывисты, слишком горячи, чтобы улесться в гармоническую, стройную текучесть повествования. Он анализировал мир и все отжившие и живущие народы, а не описывал их; он рассекал весь мир анатомическим ножом, резал и делил на массивные части, располагал и отделял народы таким же образом, как ботаник распределяет растения по известным ему признакам. И оттого начертание его истории, казалось бы, должно быть слишком скелетным и сухим; но, к удивлению, всё у него сверкает такими резкими чертами, могущественный удар его глаза так верен, что, читая этот сжатый эскиз мира, замечаешь с изумлением, что собственное воображение горит, расширяется и дополняет всё по

такому же самому закону, который определил Шлецер одним всемогущим словом, иногда оно стремится еще далее, потому что ему указана смелая дорога. Будучи одним из первых, тревожимых мыслью о величии и истинной цели всеобщей истории, он долженствовал быть непременно гением оппозиционным. Это положение сообщило ему сильную энергию, жар и даже досаду на близорукость предшественников, прорывающиеся очень часто в его сочинениях. Он уничтожает их одним громовым словом, и в этом одном слове соединяется и наслаждение, и сардоническая усмешка над пораженным, и вместе несокрушимая правда; его справедливее, нежели Канта, можно назвать всесокрушающим. Всегда действующие в оппозиционном духе слишком увлекаются своим положением и в энтузиастическом порыве держатся только одного правила: противоречить всему прежнему. В этом случае нельзя упрекнуть Шлецера: германский дух его стал неколебим на своем месте. Он как строгий, всезрящий судья; его суждения резки, коротки и справедливы. Может, быть, некоторым покажется

странным, что я говорю о Шлецере, как о великом зодчем всеобщей истории, тогда как его мысли и труды по этой части улеглись в небольшой книжке, изданной им для студентов, — но эта маленькая книжка принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь целые томы; ее можно сравнить с небольшим окошком, к которому приставивши глаз поближе можно увидеть весь мир. Он вдруг осеняет светом и показывает, как нужно понять, и тогда сам собою наконец видишь всё.

Миллер представляет собою историка совершенно в другом роде. Спокойный, тихий, размышляющий, он представляет противоположность Шлецеру. Он с какою-то очаровательною, особенною любовью предается своему предмету. Его слог не блещит тем резким отличием, каким означен слог Шлецера; нет тех порывов, того меткого лаконизма, какими исполнен Шлецер. Он не схватывает вдруг за одним взглядом всего и не сжимает его мощною рукою, но он исследывает всё находящееся в мире спокойно, поочередно, не показы-

вая той быстроты и поспешности, с какою выражается автор, опасаящийся, чтобы у него не перехватил кто-нибудь мысли и не предупредил его. Слово исследование весьма идет к его стилю; его повествование именно исследовательное. Как человек государственный, он более всего занимается изложением форм правления и законов существующих и минувших государств; но он не предпочитает эту сторону до такой степени, чтобы оставить совершенно в тени все другие, к чему способен бывает историк односторонний и чего не мог избежать и Герен, напротив того, он обращает внимание и на всё сопредельное. Всё, что не ясно в истории, что менее разоблачено, всё это более другого подвергается его исследованию. Заметно даже, что он охотнее занимается временами первобытными и вообще теми эпохами, когда народ еще не был подвержен образованности и порокам, сохранял свои простые нравы и независимость. Это время изображает он с ясною подробностью, с тихим жаром, как будто позабываясь и воображая видеть себя среди своих добрых швейцарцев. Главный результат, царствующий в

его истории, есть тот, что народ тогда только достигает своего счастья, когда сохраняет свято обычаи своей старины, свои простые нравы и свою независимость. Везде в нем видны старческая мудрость и младенческая ясность души. Благородство мыслей и любовь к свободе проникают всё его творение. Мысль о единстве и нераздельной целостности не служит такою целью, к которой бы явно устремлялось его повествование; он даже никогда не говорит о нем, но единство чувствуется в целом творении несмотря на то, что он, кажется, забывает вовсе дела всего мира, занявшись одним народом. История его не состоит из непрерывной движущейся цепи происшествий; драматического искусства в нем нет; везде виден размышляющий мудрец. Он не выказывает слишком ярко своих мыслей; они у него таятся так скромно, иногда в таком незаметном уголке, что не ищущий не найдет их никогда; но зато они так высоки и глубоки, что открывшему их открывается, по выражению Вагнера в Фаусте, на земле небо. Этот скромный, незаметный слог его и отсутствие ослепляющей яркости производит в душе

невольное сожаление: чрез него Миллер очень мало известен или, лучше сказать, не так известен, как должен бы быть. Одни сильно проникнутые мыслью о истории и способные к тонкому развитию могут только вполне понимать его, другим же он кажется легким и не глубокомысленным.

Гердер представляет совершенно отличный образ воззрения. Он видит уже совершенно духовными глазами. У него владычество идеи вовсе поглощает осязательные формы. Везде он видит одного человека как представителя всего человечества. Он испытывает глубоко, вдохновенно, как брамин природы, — название, которое придают ему немцы. У него крупнее группируются события; его мысли все высоки, глубоки и всемирны. Они у него являются мало соединенными с видимою природою и как будто извлеченными из одного только чистого ее горнила. Оттого они у него не имеют исторической осязательности и видимости. Если событие колоссально и заключается в идее — оно у него развертывается всё, со всеми своими сокровен-

ными явлениями; но если слишком коснулось жизни и практического, оно у него не получает определенного колорита. Если он нисходит до частных лиц и деятелей истории, они у него не так яркие, как общие группы, они принимают слишком общую физиогномию; они у него или добрые, или злые; все бесчисленные оттенки характеров, всё смешение и разнообразие качеств, познание которых достаётся в удел вззирающему с недоверчивостию на других, все эти оттенки у него исчезли. Он мудрец в познании идеального человека и человечества, но младенец в познании человека, по весьма естественному ходу вещей, как всегда мудрец бывает велик в своих мыслях и невежа в мелочных занятиях жизни. Как поэт он выше Шлецера и Миллера. Как поэт он всё создает и переваривает в себе, в своем уединенном кабинете, полный высшего откровения, избирая только одно прекрасное и высокое, потому что это уже принадлежность его возвышенной и чистой души. Но высокое и прекрасное вырываются часто из низкой и презренной жизни или же вызываются натиском тех бесчисленных и

разнохарактерных явлений, которые беспрестанно пестрят жизнь человеческую и которых познание редко дается отвлеченному от жизни мудрецу. Стиль его более нежели у кого другого, исполнен живописи и широкого размера, потому что он поэт и этим резко отличается от Миллера, философа-законодателя, всегда спокойного и размышляющего, и Шлецера, философа-критика, всегда почти резкого и недовольного.

Мне кажется, что если бы глубокость результатов Гердера, нисходящих до самого начала человечества, соединить с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростию Миллера, тогда бы вышел такой историк, который бы мог написать всеобщую историю. Но при всем том ему бы еще много кое-чего недоставало: ему бы недоставало высокого драматического искусства, которого не видно ни у Шлецера, ни у Миллера, ни у Гердера. Я разумею однако ж под словом драматического искусства не то искусство, которое состоит в умении вести разговор, но в драматическом интересе всего

творения, который сообщил бы ему неодолимую увлекательность, тот интерес, который иногда дышит в исторических отрывках Шиллера и особенно в тридцатилетней войне и которым отличается почти всякое немногосложное происшествие. Я бы к этому присоединил еще в некоторой степени занимательность рассказа Вальтера Скотта и его умение замечать самые тонкие оттенки; к этому присоединил бы шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах, и тогда бы, мне кажется, составилась такой историк, какого требует всеобщая история. Но до того времени Миллер, Шлецер и Гердер долго останутся великими путеводителями. Они много, очень много осветили всеобщую историю, и если в нынешнее время мы имеем несколько замечательных сочинений, то этим обязаны им одним.

1832.

О МАЛОРОССИЙСКИХ ПЕСНЯХ

Только в последние годы, в эти времена стремления к самобытности и собственной народной поэзии, обратили на себя внимание малороссийские песни, бывшие до того скрытыми от образованного общества и державшиеся в одном народе. До того времени одна только очаровательная музыка их изредка заносилась в высший круг; слова же оставались без внимания и почти ни в ком не возбуждали любопытства. Даже музыка их не появлялась никогда вполне. Бездарный композитор безжалостно разрывал ее и клеил в свое бесчувственное, деревянное создание.[5] Но лучшие песни и голоса слышали только одни украинские степи: только там, под сенью низеньких глиняных хат, увенчанных шелковицами и черешнями, при блеске утра, полудня и вечера, при лимонной желтизне падающих колосьев пшеницы, они раздаются, прерываемые одними степными чайками, вереницами жаворонков и стелящими иволгами.

Я не распространяюсь о важности народных песен. Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была деятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтического, и он при всей многосторонности ее не получил высшей цивилизации, то весь пыл, всё сильное, юное бытие его выливается в народных песнях. Они — надгробный памятник былого, более нежели надгробный памятник: камень с красноречивым рельефом, с историческою надписью — ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи. В этом отношении песни для Малороссии — всё: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о прошедшем быте этой цветущей части России. Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда

захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии.

Песни малороссийские могут вполне назваться историческими, потому что они не отрываются ни на миг от жизни и всегда верны тогдашней минуте и тогдашнему состоянию чувств. Везде проникает их, везде в них дышит эта широкая воля козацкой жизни. Везде видна та сила, радость, могущество, с какою козак бросает тишину и беспечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзию битв, опасностей и разгульного пиршества с товарищами. Ни чернобровая подруга, пылающая свежестью, с карими очами, с ослепительным блеском зубов, вся преданная любви, удерживающая за стремя коня его, ни престарелая мать, разливающаяся как ручей слезами, которой всем существованием завладело одно материнское чувство, — ничто не в силах удержать его. Упрямый, непреклонный, он спешит в степи, в вольницу то-

варищей. Его жену, мать, сестру, братьев — всё заменяет ватага гульливых рыцарей набегов. Узы этого братства для него выше всего, сильнее любви. Сверкает Черное море; вся чудесная, неизмеримая степь от Тамана до Дуная — дикий океан цветов колышется одним налетом ветра; в беспредельной глубине неба тонут лебеди и журавли; умирающий козак лежит среди этой свежести девственной природы и собирает все силы, чтоб не умереть, не взглянув еще раз на своих товарищей.

*То ще добре козацька голова зна-
ла,
Що без вийська козацького не вми-
рала.*

Увидевши их, он насыщается и умирает. Выступает ли козацкое войско в поход с тишиною и повиновением; извергает ли из самопалов потоп дыма и пуль; кружает ли вольно мед, вино; описывается ли ужасная казнь гетмана, от которой дыбом подымается волос, мщение ли козаков, вид ли убитого козака, с широко раскинутыми руками на траве, с разметанным чубом, клеткы ли орлов в небе, спорящих о том, кому из них выдирать

козацкие очи: всё это живет в песнях и окинуто смелыми красками. Остальная половина песней изображает другую половину жизни народа: в них разбросаны черты быта домашнего; здесь во всем совершенная противоположность. Там одни козаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здесь, напротив, один женский мир, нежный, тоскливый, дышащий любовью. Эти два пола виделись между собою самое короткое время и потом разлучались на целые годы. Годы эти были проводимы женщинами в тоске, в ожидании своих мужей, любовников, мелькнувших перед ними в своем пышном военном убранстве, как сновидение, как мечта. Оттого любовь их делается чрезвычайно поэтической. Свежая, невинная, как голубка, молодая супруга вдруг узнала всё блаженство, весь рай женщины, которая вся создана для любви. Всё начало весны ее, проведенное с этим мощным, вольным питомцем войны, столпило для нее радость всей жизни в одно быстро мелькнувшее мгновение. Против него ничто вся остальная жизнь; она живет одним этим мгновением. Тоскуя, ждет она с утра до вече-

ра возврата своего чернобрового супруга.

*Ой черные бровенята!
Лыхо мини з вами:
Не хочете ночеваты
Ни ноченьки сами.*

Она вся живет воспоминанием. Всё, на что они глядели вместе, куда они вместе ходили, что вместе говорили, — всё это припоминает она, не упуская ни одной мелкой черты. Она обращается ко всему, что ни видит в природе, дышащей жизнью, и даже к бесчувственным предметам, и всем им говорит и жалуется. И как просты, как поэтически просты ее исполненные души речи! Ко всему применяет она состояние свое и не может наговориться, потому что человек многоречив всегда, когда в его грусти заключается тайная сладость. Наконец с тихим, но безнадежным отчаянием говорит она:

*Да вжсеж мини не ходыты,
Куды я ходыла!
Да вжсеж мини не любиты,
Кого я любила!
Да вжсеж мини не ходыты
Ранком по-пид замком!*

*Да вжееж мини не стояты
Из моим коханком!
Да вжееж мини не ходыты
В лиски по оришки!
Да вжееж мини минулися
Дивоцкие смишки!*

Чтобы сколько-нибудь сделать доступною для незнающих малороссийского языка глупину чувств, рассыпанных в этих песнях, привожу одну из них в переводе.

*Рассердился, разгневался на меня
мой милый!
Вот он седлает своего вороного
коня и едет далеко-далеко от
меня.
«Куда же ты, мой милый, голубчик
мой сизый, куда ты уезжаешь?
Кому ты меня, беззащитную, молодую,
кому оставляешь?»*

«Оставляю тебя, моя милая, одному богу. Жди меня, пока не возвращусь из дальней дороги».

О, если б я знала, если бы видела, откуда будет ехать мой милый: я бы ему по всей дороге мостила мосты из зеленого тростника и

всё бы ждала его в гости.

Боже всесильный! выровняй все долины и горы, чтобы везде было ровно, чтобы оттоле ему до самого дому было хорошо ехать.

Чу! луга шумят, берега звенят, по дороге зеленеет трава — это он! это мой милый едет!

Чу! луга шумят, берега звенят, расцветает калина — верно где-нибудь мой милый, голубчик мой сизый, с другою разговаривает.

«Зачем же ты не приехал, зачем не прилетел, как я тебе говорила?»

Коня ли не имел, дороги ли не знал, или мать не велела тебе?»

«Я коня имею; я и дорогу знаю, и мать еще вчера с вечера велела мне седлать коня.

Но только лишь сяду на коня, только лишь выеду за ворота, как уже бежит за мною другая и так жалко стонет, так плачет, что тоска ее хватает за самое сердце».

Можно привести до тысячи подобных песен, может быть, даже гораздо лучших. Все они благозвучны, душисты, разнообразны чрезвычайно. Везде новые краски, везде простота и невыразимая нежность чувств. Где же

мысли в них коснулись религиозного, там они необыкновенно поэтически. Они не изумляются колоссальным созданиям вечно-го творца: это изумление принадлежит уже ступившему на высшую ступень самопознания; но их вера так невинна, так трогательна, так непорочна, как непорочна душа младенца. Они обращаются к богу, как дети к отцу; они вводят его часто в быт своей жизни с такою невинною простотою, что безыскусственное его изображение становится у них величественным в самой простоте своей. От этого самые обыкновенные предметы в песнях их облекаются невыразимою поэзией, чему еще более помогают остатки обрядов древней славянской мифологии, которые они покорили христианству. Часто тоскующая дева умоляет бога, чтобы он засветил на небе восковую свечку, пока ее милый перебредет через реку Дунай. На всем печать чистого первоначального младенчества, стало быть и высокой поэзии. Изложение песней их, как женских, так и козацких, почти всегда драматическое — признак развития народного духа и деятельной, беспокойной жизни, долго обнимавшей

народ. Песни их почти никогда не обращаются в описательные и не занимаются долго изображением природы. Природа у них едва только скользит в куплете; но тем не менее черты ее так новы, тонки, резки, что представляют весь предмет: впрочем, к ним прибегают для того только, чтобы сильнее выразить чувства души, и потому явления природы послушно влекутся у них за явлениями чувства. То же самое у них представляется разом и во внешнем и во внутреннем мире. Часто вместо целого внешнего находится только одна резкая черта, одна часть его. В них нигде нельзя найти подобной фразы: был вечер; но вместо этого говорится то, что бывает вечером, напр<имер>

*Шли коровы из дубровы, а овечки с поля.
Выплакала кари очи, край милого стоя.*

Оттого весьма многие, не поняв, считали подобные обороты бессмыслицей. Чувство у них выражается вдруг, сильно, резко и никогда не охлаждается длинным периодом. Во многих песнях нет одной общей мысли, так

что они походят на ряд куплетов, из которых каждый заключает в себе отдельную мысль. Иногда они кажутся совершенно беспорядочными, потому что сочиняются мгновенно, и так как взгляд народа жив, то обыкновенно те предметы, которые первые бросаются на глаза, первые помещаются и в песни. Но зато из этой пестрой кучи вышибаются такие куплеты, которые поражают самую очаровательную безотчетностью поэзии. Самая яркая и верная живопись и самая звонкая звучность слов разом соединяются в них. Песня сочиняется не с пером в руке, не на бумаге, не с строгим расчетом, но в вихре, в забвении, когда душа звучит и все члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положение, становятся свободнее, руки вольно вскидываются на воздух и дикие волны веселья уносят его от всего. Это примечается даже в самых заунывных песнях, которых раздирающие звуки с болью касаются сердца. Они никогда не могли излиться из души человека в обыкновенном состоянии, при настоящем воззрении на предмет. Только тогда, когда вино перемешает и разрушит весь прозаический порядок

мыслей, когда мысли непостижимо странно в разногласии звучат внутренним согласием, в таком-то разгуле, торжественном, больше нежели веселом, душа, к непостижимой загадке, изливается нестерпимо-унылыми звуками. Тогда прочь дума и бдение! Весь таинственный состав его требует звуков, одних звуков. Оттого поэзия в песнях неуловима, очаровательна, грациозна, как музыка. Поэзия мыслей более доступна каждому, нежели поэзия звуков, или, лучше сказать, поэзия поэзии. Ее один только избранный, один истинный в душе поэт понимает; и потому-то часто самая лучшая песня остается незамеченною, тогда как незavidная выигрывает своим содержанием.

Стихосложение малороссийское самое выгодное для песен: в нем соединяются вместе и размер, и тоника, и рифма. Падение звуков в них скоро, быстро; оттого строка никогда почти не бывает слишком длинна; если же это и случается, то цезура посередине с звонкою рифмою перерезывает ее. Чистые, протяжные ямбы редко попадают. Большею ча-

стию быстрые хорей, дактили, амфиврахии летят шибко один за другим, прихотливо и вольно мешаются между собою, производят новые размеры и разнообразят их до чрезвычайности. Рифмы звучат и сшибаются одна с другою, как серебряные подковы танцующих. Верность и музыкальность уха — общая принадлежность их. Часто вся строка созвучивается с другою, несмотря, что иногда у обеих даже рифмы нет. Близость рифм изумительна. Часто строка два раза терпит цезуру и два раза рифмуется до замыкающей рифмы, которой сверх того дает ответ вторая строка, тоже два раза созвукнувшись на середине. Иногда встречается такая рифма, которую по-видимому нельзя назвать рифмою, но она так верна своим отголоском звуков, что нравится иногда более, нежели рифма, и никогда бы не пришла в голову поэту с пером в руке.

Характер музыки нельзя определить одним словом: она необыкновенно разнообразна. Во многих песнях она легка, грациозна; едва только касается земли и, кажется, шалит, резвится звуками. Иногда звуки ее принима-

ют мужественную физиогномию; становятся сильны, могучи, крепки; стопы тяжело ударяют в землю, и кажется, как будто бы под них можно плясать одного только гопака. Иногда же звуки ее становятся чрезвычайно вольны, широки, взмахи гигантские, сияющиеся обхватить бездну пространства, вслушиваясь в которые танцующий чувствует себя исполином: душа его и всё существование раздвигается, расширяется до беспредельности. Он отделяется вдруг от земли, чтобы ударить в нее блестящими подковами и взнестись опять на воздух. Что же касается до музыки грусти, то она нигде не слышна так, как у них. Тоска ли это о прерванной юности, которой не дали довеселиться; жалобы ли это на бесприютное положение тогдашней Малороссии... но звуки ее живут, жгут, раздирают душу. Русская заунывная музыка выражает, как справедливо заметил М. Максимович, забвение жизни: она стремится уйти от нее и заглушить вседневные нужды и заботы; но в малороссийских песнях она слилась с жизнью — звуки ее так живы, что, кажется, не звучат, а говорят: говорят словами, выговаривают речи, и каж-

дое слово этой яркой речи проходит душу. Взвизги ее иногда так похожи на крик сердца, что оно вдруг и внезапно вздрагивает, как будто бы коснулось к нему острое железо. Безотрадное, равнодушное отчаяние иногда слышится в ней так сильно, что заслушавшийся забывается и чувствует, что надежда давно улетела из мира. В другом месте отрывистые стенания, вопли, такие яркие, живые, что с трепетом спрашиваешь себя: звуки ли это? Это невыносимый вопль матери, у которой свирепое насилие вырывает младенца, чтобы с зверским смехом расшибить его о камень. Ничто не может быть сильнее народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни; если натиски насилий и непреодолимых вечных препятствий не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали из него жалобы и если эти жалобы не могли иначе и нигде выразиться, как только в его песнях. Такова была беззащитная Малороссия в ту годину, когда хищно ворвалась в нее уния. По ним, по этим звукам, можно догадываться о ее минувших страданиях, так точно, как о бывшей бу-

ре с градом и проливным дождем можно узнать по бриллиантовым слезам, унизывающим снизу до вершины освеженные деревья, когда солнце мечет вечерний луч, разреженный воздух чист, вдали звонко дребезжит мычание стад, голубоватый дым — вестник деревенского ужина и довольства — несетя светлыми кольцами к небу, и вечер, тихий, ясный вечер обнимает успокоенную землю.

1833.

МЫСЛИ О ГЕОГРАФИИ (ДЛЯ ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА)

Велика и поразительна область географии: край, где кипит юг и каждое творение бьется двойною жизнью, и край, где в искаженных чертах природы прочитывается ужас и земля превращается в оледенелый труп; исполины-горы, парящие в небо, наброшенный небрежно, дышащий всюю роскошью растительной силы и разнообразия вид, и раскаленные пустыни и степи, оторванный кусок земли посреди безграничного моря, люди и искусство, и предел всего живущего! Где найдутся предметы, сильнее говорящие юному воображению! Какая другая наука может быть прекраснее для детей, может быстрее возвысить поэзию младенческой души их! И не больно ли, если показывают им, вместо всего этого, какой-то безжизненный, сухой скелет, холодно говоря: «Вот земля, на которой живем мы, вот тот прекрасный мир, подаренный нам непостижимым его зодчим!» Этого мало: его совершенно скрывают от них

и дают им вместо того грызть политическое тело, превышающее мир их понятий и несвязное даже для ума, обладающего высшими идеями. Невольно при этом приходит на мысль: неужели великий Гумбольдт и те отважные исследователи, принесшие так много сведений в область науки, истолковавшие дивные иероглифы, коими покрыт мир наш, — должны быть доступны немногочислу ученых? а возраст, более других нуждающийся в ясности и определительности, должен видеть перед собою одни непонятные изображения?

Детский возраст есть еще одна жажда, одно безотчетное стремление к познанию. Он всего требует, всё хочет узнать. Его более всего интересуют отдаленные земли: как там? что там такое? какие там люди? как живут — эти вопросы стремятся у него толпою, и все они относятся прямо к физической географии, и потому мир в его физическом состоянии — величественный, роскошный, грозный, пленительный — должен более и обширнее занять его.

Во многих заведениях наших, по невозможности воспитанников узнать в один год всей географии, читают ее в двух и даже в трех классах. Это хорошо, и география стоит, чтоб ее проходили не в одном классе; но преподаватели впадают в большую ошибку: размежевывают земной шар на две или, смотря по классам, на три части, и самому начальному классу достается Европа, рассматриваемая обыкновенно в политическом отношении с подробнейшими подробностями, тогда как высшие классы блуждают по степям и пескам африканским и беседуют с дикарями. Не говоря уже о безрассудности и странной форме такого преподавания, нужно иметь необыкновенную память, чтобы удержать в ней всю эту нестройную массу. Если же и допустить такой феномен в природе, то в голове этого феномена никогда не удержится одно прекрасное целое. Это будут тщательно отделанные, разрозненные части, которыми не управляет одна мощная жизнь, бьющая ров-

ным пульсом по всем жилам. Это народ, созданный для монархического правления и утративший его в буре политических потрясений.

Гораздо лучше, если воспитанник будет проходить географию в два разные периоды своего возраста. В первом он должен узнать один только великий очерк всего мира, но очерк такой, который бы пробудил всю внимательность его, который бы показал всю обширность и колоссальность географического мира. В этот курс должны ниспослать от себя дань и естественная история, и физика, и статистика, и всё, что только соприкасается к миру, чтобы мир составил одну яркую, живописную поэму, чтобы сколько возможно открыть ему все концы его. Ничего в подробности; но только одни резкие черты, но только, чтобы он чувствовал, где стужа, где более растительность, где выше мануфактурность, где сильнее образованность, где глубже невежество, где ниже земля, где стремительнее горы. Во втором периоде его возраста этот мир должен быть перед ним раздвинут. Он должен

рассмотреть в микроскоп те предметы, которые доселе видел простым глазом. Тогда уже он узнает все исключения и переходы, менее резкие и более исполненные тонкого отличия.

Воспитанник не должен иметь вовсе у себя книги. Она, какая бы ни была, будет сжимать его и умерщвлять воображение: перед ним должна быть одна только карта. Ни одного географического явления не нужно объяснять, не укрепивши на месте, хотя бы это было только яркое, живописное описание. Чтобы воспитанник, внимая ему, глядел на место в своей карте и чтобы эта маленькая точка как бы раздвигалась перед ним и вместила бы в себе все те картины, которые он видит в речах преподавателя. Тогда можно быть уверенным, что они останутся в памяти его вечно: и, взглянувши на скелетный очерк земли, он его вмиг наполнит красками.

Фигура земли прежде всего должна удержаться в его памяти. Черчение карт, над которым заставляют воспитанников трудиться, мало приносит пользы. Множество мелких подробностей, множество отдельных государств может только в голове их уничтожиться одно другим. Гораздо лучше дать им прежде сильную, резкую идею о виде земли: для этого я бы советовал сделать всю воду белой и всю землю черною, чтобы они совершенно отделились, резкостью своею невольно вторгнулись в мысли их и преследовали бы их неотступно неправильною своею фигурою. После этого будет им гораздо легче начертить вид земли, но никак не допускать до подробностей, т. е. означать все мелкие мысы и искривления берегов. Пусть лучше они вначале совсем не знают их, но зато удержат общий вид земли.

Гораздо лучше проходить вначале разом весь мир, глядеть разом на все части света, чрез это очевиднее будут их взаимные противоположности. Заметивши их в общей массе,

они могут тогда погрузиться глубже в каждую часть света. Но в порядке частей света я бы советовал лучше следовать за постепенным развитием человека, стало быть вместе и за постепенным открытием земли: начать с Азии, с его колыбели, с его младенчества, перейти в Африку, в его пламенное и вместе грубое юношество, обратиться к Европе, к его быстрому разоблачению и зрелости ума, шагнуть вместе с ним в Америку, где развитый и властительный встретился он с первообразным и чувственным, и окончить разрозненными по необозримому океану островами.

Такое разделение, мне кажется, будет гораздо естественнее. Прежде всего воспитанник должен составить себе общее характеристическое понятие о каждой из них. Во-первых, об Азии, где всё так велико и обширно, где люди так важны, так холодны с вида и вдруг кипят неукротимыми страстями; при детском уме своем думают, что они умнее всех; где всё гордость и рабство; где всё одевается и вооружается легко и свободно, всё наездничает; где турок рад просидеть целый

век, поджав ноги и куря кальян свой, и где бедуин как вихорь мчится по пустыне; где вера переходит в фанатизм, и вся страна — страна вероисповеданий, разлившихся отсюда по всему миру. Об Африке, где солнце жжет и океаны песчаных степей растягиваются на неизмеримое пространство, львы, тигры, кокосы, пальмы и человек, мало чем разнящийся наружностью и своими чувственными наклонностями от обезьян, кочующих по ней ордами; и т<ак> далее.

Начертив вид части света, воспитанник указывает все высочайшие и низменные места на ней, рассказывает, как разветвляются по ней горы и протягивают свои длинные, безобразные цепи. В этом смысле можно с пользою употреблять Риттерево барельефное изображение Европы, хотя оно не совсем еще удобно для детей, по причине неясного отделения света от теней. Всего бы лучше на этот случай отлить из крепкой глины или из металла настоящий барельеф. Тогда воспитан-

нику стоило бы только взглянуть на него, чтобы сохранить навсегда в памяти все высокие и низменные места.

Так как горы сообщили форму всей земле, то познание, их должно составить, так сказать, начало всей географии. Показав разветвление их по лицу земли, должно показать вид их, форму, состав, образование и наконец характер и отличие каждой цепи, всё это не сухо, не с подробною ученостью, но так, чтобы он знал, что такая-то цепь из темных и твердых гранитов, что внутренность другой белая, известковая или глинистая, рыхлая, желтая, темная, красная или наконец самых ярких цветов земель и камней. Можно даже рассказать, как в них лежат металлы и руды и в каком виде — и можно рассказать занимательно. Что же касается до поверхности их, то само собою разумеется, что нужно показать высочайшие точки, примечательные явления на них и высоту, до которой подымался человек.

Не мешало бы коснуться слегка подземной географии. Мне кажется, нет предмета более поэтического, как она, хотя совершенно понять ее может только возраст высший. Тут все явления и факты дышат исполинскою колоссальностью. Здесь встречаются целые массы. Тут на всем отпечаток величественных потрясений земли; душа сильнее чувствует великие дела творца. Тут лежат погребенными целые цепи подземных лесов. Тут лежит в глубоком уединении раковина и уже превращается в мрамор. Тут дышат вечные огни, и от взрыва их изменяется поверхность земли. Часть этих явлений, будучи слегка открыта юному воспитаннику, нельзя чтоб не тронула его воображения.

Процесс и расселение растительной силы по земле должно показать на карте лестницею градусов: где растение юга — хозяин, ку-

да перешло оно как гость, под каким градусом умирает, где начинается растение севера, где и оно наконец, гибнет, прозябение прекращается, природа обмирает в объятиях студеного океана и чудный полюс закутывается недоступными для человека льдами. Таким же образом и расселение животных. Но почва требует другого разделения земли по полосам, из которых каждая должна заключать в себе особенный вид ее.

Произведения искусства вообще являются доселе у географов отрывисто. Перехода нет никакого от природы к произведениям человека. Они отрублены как топором от своего источника. Я уже не говорю о том, что у них не представлен вовсе этот брачный союз человека с природою, от которого рождается мануфактурность. Итак, прежде нежели воспитанник приступит к обозрению мануфактур и произведений рук человека, нужно, чтобы он был приуготовлен к тому произведениями земли, чтобы он сам собою мог вывести, ка-

кие мануфактуры должны быть в таком-то государстве; если же встретится исключение, тогда необходимо показать, отчего оно произошло, может быть, беспечный характер народа, может, сторонние обстоятельства: или излишнее богатство соседей, или невозможность дальнейших сообщений, или другие подобные им, воспрепятствовали. Приуготовивши себя мануфактурностью, он может уже переходить к торговле, которая без того будет тоже незанимательна и непонятна.

При исчислении народов преподаватель необходимо обязан показать каждого физиогномию и те отпечатки, которые принял его характер, так сказать, от географических причин. Все народы мира он должен сгруппировать в большие семейства и представить прежде общие черты каждой группы, потом уже разветвление их. И потом физическую их историю, т. е. историю изменения их характера, чтоб объяснилось, отчего например тевтонское племя среди своей Германии означе-

но твердостью флегматического характера и отчего оно, перейдя Альпы, напротив, принимает всю игривость характера легкого.

Весьма полезны для детей карты, изображающие расселение просвещения по земному шару. Эта польза превращается в необходимость, когда проходят они Европу. Но как у нас нет таких карт, то преподавателю небольшого труда стоит сделать оные самому. Места, где просвещение достигло высочайшей степени, означать светом и бросать легкие тени, где оно ниже. Тени сии становятся чем далее, тем крепче и наконец превращаются в мрак, по мере того, как природа дичает и человек оканчивается бездушным эскимосом.

Величину земель, государств, никогда нельзя заучивать исчислением квадратных миль. Нужно только смотреть на карту — вот одно средство узнать ее. Не мешало бы вырезать каждое государство особенно, так, чтобы оно составляло отдельный кусок и, будучи

сложено с другими, составило бы часть мира. Тогда будет видима и величина их и форма.

При изображении каждого города непременно должно означить резко его местоположение: подымается ли он на горе, опрокинут ли вниз; его жизнь, его значительность, его средства — и вообще сильными и немногими чертами обозначить характер его. Преподаватель обязан исторгнуть из обширного материала всё, что бросает на город отличие и отменяет его от множества других. Пусть воспитанник знает, что такое Рим, что Париж, что Петербург. Пусть не меряет своим масштабом, составившимся в его понятиях при виде Петербурга, других городов Европы. Всё общее городам должно быть исключено в определении отдельно каждого города. Во многих наших географиях и до сих пор еще в определениях губернского города рассказывается, что в нем есть гимназия, соборная церковь; уездного, что в нем есть уездное училище и т. п. К чему? воспитаннику довольно сказать сначала

ла, что у нас гимназии во всех губернских городах, церкви также. Но Кремля, Ватикана, Палерояля, Фальконетова Петра, Киевопечерской лавры, Кинг-Бенча нет других в мире. Об них дитя верно потребует подробного сведения. Не нужно заниматься ничтожным и скучным для воспитанника вычислением числа домов, церквей, разве только в таком случае, когда оно, по своей величине или отрицательно, выходит из категории обыкновенного. Вместо этого, можно занять его архитектурой города, в каком вкусе он выстроен, колоссальны ли, прекрасны ли его строения. Если он древний, то как величественна даже в самой странности своей его старинная, повитая столетиями и на чудо взлелеянная, самими потрясениями архитектура и как, напротив того, легка и изящна архитектура другого города, созданного одним столетием. При мысли о каком-нибудь германском городке ученик тотчас должен представить себе тесные улицы, небольшие, узенькие и высокие домики, где всё так просто, так мило, так буколически, и рядом с ними угловатые, просекающие острием воздух, шпицы церквей.

При мысли о Риме, где глухо отозвался весь канувший в пучину столетий древний мир, у него должна быть неразлучна с тем мысль о зданиях-исполинах, которые, свободно поднявшись от земли и опершись на стройные портики и гигантские колонны, дряхлеют, как бы размышляя об утекших событиях великой своей юности. Для этого не мешает чаще показывать фасады примечательнейших зданий: тогда необыкновенный вид их врежется в памяти, притом это послужит невольно и нечувствительно к образованию юного вкуса.

История изредка должна только озарять воспоминаниями географический мир их. Протекшее должно быть слишком разительно и разве уже происходит из чисто географических причин, чтобы заставить вызывать его. Но если воспитанник проходит в это время и историю, тогда ему необходимо показать область ее действия; тогда география сливается и составляет одно тело с историей.

Слог преподавателя должен быть увлекающий, живописный; все поразительные местоположения, великие явления природы должны быть окинуты яркими красками. Что действует сильно на воображение, то не скоро выбьется из головы. Слог его должен более подходить к слогу путешественника. Строгая аналитическая систематика не может удержаться в голове отрока, особливо если она распространена в мелочах. Дитя тогда только удерживает систему, когда не видит ее глазами, когда она искусно скрыта от него. Его система — интерес, нить происшествий или нить описаний. Всё, что истинно нужно, что более относится к нашей жизни, что более можем мы впоследствии приспособить к себе, всё это уже интересно. Да впрочем, что не интересно в географии? Она такое глубокое море, так раздвигает наши самые действия, и, несмотря на то, что показывает границы каждой земли, так скрывает свои собственные, что даже для взрослого представляет филосо-

фически увлекательный предмет. Короче, нужна стараться познакомить сколько возможно более с миром, со всем бесчисленным разнообразием его, но чтобы это никак не обременило памяти, а представлялось бы светло нарисованною картиною. Богатый для сего запас заключается в описаниях путешественников, которых множество и из которых, кажется, доньше в этом отношении мало умели извлекать пользы.

Леность и непонятливость воспитанника обращаются в вину педагога и суть только вывески его собственного нерадения; он не умел, он не хотел овладеть вниманием своих юных слушателей; он заставил их с отвращением принимать горькие свои пилюли. Совершенной неспособности невозможно предполагать в дитяти. Мне часто случалось быть свидетелем, как ребенок, признанный за неспособного ни к чему, обиженного природою, — слушал с неразвлекаемым вниманием страшную сказку, и на лице его, почти без-

душном, не оживляемом до того никаким чувством участия, попеременно прорывались черты беспокойства и боязни. Неужели нельзя задобрить такого внимания в пользу науки?

1829.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ (КАРТИНА БРЮЛОВА)

Картина Брюлова — одно из ярких явлений 19 века. Это — светлое воскресение живописи, пребывавшей долгое время в каком-то полумлетаргическом состоянии. Не стану говорить о причине этого необыкновенного застоя, хотя она представляет занимательный предмет для исследования, замечу только, что если конец 18 столетия и начало 19 ничего не произвели полного и колоссального в живописи, то зато они много разработали ее части. Она распалась на бесчисленные атомы и части. Каждый из этих атомов развит и постигнут несравненно глубже, нежели в прежние времена. Заметили такие тайные явления, каких прежде никто не подозревал. Вся та природа, которую чаще видит человек, которая его окружает и живет с ним, вся эта видимая природа, вся эта мелочь, которую пренебрегали великие художники, достигли изумительной истины и совершенства. Все наперерыв старались заметить тот живой коло-

рит, которым дышит природа. Всё тайное в ее лоне, весь этот немой язык пейзажа подмечены или, лучше сказать, украдены, вырваны из самой природы; хотя всё это украдено отрывками, хотя все произведения этого века похожи более на опыты или, лучше сказать, записки, материалы, свежие мысли, которые наскоро вносит путешественник в свою книгу с тем, чтобы не позабыть их и чтобы составить из них после нечто целое. Живопись раздробилась на низшие ограниченные ступени: гравировка, литография и многие мелкие явления были с жадностью разрабатываемы в частях. Этим обязаны мы 19 веку. Колорит, употребляемый 19 веком, показывает великий шаг в знании природы. Взгляните на эти беспрестанно появляющиеся отрывки, перспективы, пейзажи, которые решительно в 19 веке определили слияние человека с окружающей природою: как в них делится и выходит окинута мрак и освещенная светом перспектива строений! как сквозит освещенная вода, как дышит она в сумраке ветвей! как ярко и знойно уходит прекрасное небо и оставляет предметы перед самыми глазами

зрителя! какое смелое, какое дерзкое употребление теней там, где прежде вовсе их не подзревали! и; вместе, при всей этой резкости, какая роскошная нежность, какая подмечена тайная музыка в предметах обыкновенных, бесчувственных! Но что сильнее всего достигнуто в наше время, так это освещение. Освещение придает такую силу и, можно сказать, единство всем нашим творениям, что они, не имея слишком глубокого достоинства, показывающего гений, необыкновенно приятны для глаз. Они общим выражением своим не могут не поразить, хотя, внимательно рассматривая, иногда увидишь в творце их необширное познание искусства.

Возьмите все беспрестанно являющиеся гравюры, эти отпрыски яркого таланта, в которых дышит и веет природа так, что они кажутся как будто оцвечены колоритом. В них зоря так тонко светлеет на небе, что всматриваясь, кажется, видишь алый отблеск вечера; деревья, облитые сиянием солнца, как будто покрыты тонкою пылью; в них яркая белизна сладострастно сверкает в самом глубоком

мраке тени. Рассматривая их, кажется, боишься дохнуть на них. Весь этот эффект, который разлит в природе, который происходит от сражения света с тенью, весь этот эффект сделан целию и стремлением всех наших артистов. Можно сказать, что 19 век есть век эффектов. Всякой от первого до последнего — торопится произвести эффект, начиная от поэта до кондитера, так что эти эффекты, право, уже надоедают, и, может быть, 19 век по странной причуде своей наконец обратится ко всему безэффектному. Впрочем, можно сказать, что эффекты более всего выгодны в живописи и вообще во всем том, что видим нашими глазами. Там, если они будут ложны и неуместны, то их ложность и неуместность тотчас видна всякому. Но в произведениях, подверженных духовному оку, совершенно другое дело. Там они, если ложны, то вредны тем, что распространяют ложь, потому что простодушная толпа без рассуждения кидается на блестящее. В руках истинного таланта они верны и превращают человека в исполина, но когда они в руках поддельного таланта, то для истинного понимателя они отвра-

тительны, как отвратителен карло, одетый в платье великана, как отвратителен подлый человек, пользующийся незаслуженным знаком отличия. Но всё это однако ж не относится к нынешнему делу. Должно признаться, что в общей массе стремление к эффектам более полезно, нежели вредно: оно более двигает вперед, нежели назад, и даже в последнее время подвинуло всё к усовершенствованию. Желая произвести эффект, многие более стали рассматривать предмет свой, сильнее напрягать умственные способности. И если верный эффект оказывался большею частью только в мелком, то этому виною безлюдие крупных гениев, а не огромное раздробление жизни и познаний, которым обыкновенно приписывают. Притом стремление к эффектам обделало многие мелкие части чрезвычайно удовлетворительно и резко своею очевидностью сделало их доступными для всех. Не помню, кто-то сказал, что в 19 веке невозможно появление гения всемирного, обнявшего бы в себе всю жизнь 19 века. Это совершенно несправедливо, и такая мысль исполнена безнадежности и отзывается ка-

ким-то малодушием. Напротив: никогда полет гения не будет так ярок, как в нынешние времена. Никогда не были для него так хорошо приготовлены материалы, как в 19 веке. И его шаги уже верно будут исполински и видимы всеми от мала до велика.

Картина Брюлова может назваться полным, всемирным созданием. В ней всё заключилось. По крайней мере, она захватила в область свою столько разнородного, сколько до него никто не захватывал. Мысль ее принадлежит совершенно вкусу нашего века, который вообще, как бы сам чувствуя свое страшное раздробление, стремится совокуплять все явления в общие группы и выбирает сильные кризисы, чувствуемые целою массою. Всякому известны прекрасные создания, к которым принадлежат Видение Валтазара, Разрушение Ниневии и несколько других, где в страшном величии представлены великие катастрофы, которые составляют совершенство освещения, где молния в грозном величии озаряет ужасный мрак и скользит по верушкам голов молящегося народа. Общее вы-

ражение этих картин поразительно и исполнено необыкновенного единства. Но в них вообще только одна идея этой мысли. Они похожи на отдаленные виды; в них только общее выражение. Мы чувствуем только страшное положение всей толпы, но не видим человека, в лице которого был бы весь ужас им самим зримого разрушения. Ту мысль, которая виделась нам в такой отдаленной перспективе, Брюлов вдруг поставил перед самыми нашими глазами. Эта мысль у него разрослась огромно и как будто нас самих захватила в свой мир. Создание и обстановку своей мысли произвел он необыкновенным и дерзким образом: он схватил молнию и бросил ее целым потоком на свою картину. Молния у него залила и потопила всё, как будто бы с тем, чтобы всё выказать, чтобы ни один предмет не укрылся от зрителя. Оттого на всем у него разлита необыкновенная яркость. Фигуры он кинул сильно такую рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости

и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря камней, эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклонная на моления сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха, взирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежною яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — всё это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

Я не стану изъяснять содержания картины и приводить толкования и пояснения на изображенные события. Для этого у всякого есть глаз и мерило чувства; притом же это

слишком очевидно, слишком касается жизни человека и той природы, которую он видит и понимает, потому-то они доступны всем от мала до велика; я замечу только те достоинства, те резкие отличия, которые имеет в себе стиль Брюлова, тем более, что эти замечания вероятно сделали немногие. Брюлов первый из живописцев, у которого пластика достигла верховного совершенства. Его фигуры, несмотря на ужас всеобщего события и своего положения, не вмещают в себе того дикого ужаса, наводящего содрогание, каким дышат суровые создания Микеля-Анжела. У него нет также того высокого преобладания небесно-непостижимых и тонких чувств, которыми весь исполнен Рафаэль. Его фигуры прекрасны при всем ужасе своего положения. Они заглушают его своею красотой. У него не так, как у Микеля-Анжела, у которого тело только служило для того, чтобы показать одну силу души, ее страдания, ее вопль, ее грозные явления, у которого пластика погибала, контура человека приобретала исполинский размер, потому что служила только одеждою мысли, эмблемою, у которого являлся не че-

ловек, но только его страсти. Напротив того, у Брюлова является человек для того, чтобы показать всю красоту свою, всё верховное изящество своей природы. Страсти, чувства, верные, огненные, выражаются на таком прекрасном облике, в таком прекрасном человеке, что наслаждаешься до упоения. Когда я глядел в третий, в четвертый раз, мне казалось, что скульптура, которая была постигнута в таком пластическом совершенстве древними, что скульптура эта перешла наконец в живопись, и сверх того проникнулась какой-то тайной музыкой. Его человек исполнен прекрасно-гордых движений, женщина его блещет, но она не женщина Рафаэля, с тонкими, незаметными, ангельскими чертами, она женщина страстная, сверкающая, южная, италианка во всей красе полудня, мощная, крепкая, пылающая всею роскошью страсти, всем могуществом красоты, прекрасная как женщина. Нет ни одной фигуры у него, которая бы не дышала красотой, где бы человек не был прекрасен. Все общие движения групп его дышат мощным размером и в своем общем движении уже составляют кра-

соту. В создании их он так же крепко и сильно правит своим воображением, как житель пустыни арабским бегуном своим. Оттого вся картина упруга и роскошна.

Вообще во всей картине выказывается отсутствие идеальности, т. е. идеальности отвлеченной, и в этом-то состоит ее первое достоинство. Явись идеальность, явись перевес мысли, и она бы имела совершенно другое выражение, она бы не произвела того впечатления; чувство жалости и страстного трепета не наполнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и верной истины, утратилась бы вовсе. Нам не разрушение, не смерть страшны; напротив, в этой минуте есть что-то поэтическое, стремящее вихрем душевное наслаждение; нам жалка наша милая чувственность, нам жалка прекрасная земля наша. Он постигнул во всей силе эту мысль. Он представил человека как можно прекраснее; его женщина дышит всем, что есть лучшего в мире. Ее глаза светлые как звезды, ее дышащая негою и силою грудь обещают роскошь блаженства. И эта

прекрасная, этот венец творения, идеал земли, должна погибнуть в общей гибели наряду с последним презренным творением, которое недостойно было и ползать у ног ее. Слезы, испуг, рыдание — всё в ней прекрасно.

Видимое отличие, или манера Брюлова уже представляет тоже совершенно оригинальный, совершенно особенный шаг. В его картинах целое море блеска. Это его характер. Тени его резки, сильны, но в общей массе тонут и исчезают в свете. Они у него так же, как в природе — незаметны. Кисть его можно назвать сверкающею, прозрачною. Выпуклость прекрасного тела у него как будто просвечивает и кажется фарфоровою; свет, обливая его сиянием, вместе проникает его. Свет у него так нежен, что кажется фосфорическим. Самая тень кажется у него как будто прозрачною и при всей крепости дышит какою-то чистою, тонкою нежностью и поэзией.

Его кисть остается навеки в памяти. Я прежде видел одну только его картину: семейство Витгенштейна. Она с первого раза,

вдруг врезалась в мое воображение и осталась в нем вечно в своем ярком блеске. Когда я шел смотреть картину: Разрушение Помпеи, у меня прежняя вовсе вышла из головы. Я приближался вместе с толпою к той комнате, где она стояла, и на минуту, как всегда бывает в подобных случаях, я позабыл вовсе о том, что иду смотреть картину Брюлова, я даже позабыл о том, есть ли на свете Брюлов. Но когда я взглянул на нее, когда она блеснула передо мною, в мыслях моих, как молния, пролетело слово: Брюлов! я узнал его. Кисть его вмещает в себе ту поэзию, которую чувства наши всегда знают и видят даже отличительные признаки, но слова их никогда не расскажут. Колорит его так ярок, каким никогда почти не являлся прежде, его краски горят и мечутся в глаза. Они были бы нестерпимы, если бы явились у художника градусом ниже Брюлова, но у него они облечены в ту гармонию и дышат тою внутреннею музыкаю, которой исполнены живые предметы природы.

Но главный признак и что выше всего в Брюлове, так это необыкновенная многосто-

ронность и обширность гения. Он ничем не пренебрегает: всё у него, начиная от общей мысли и главных фигур до последнего камня на мостовой, живо и свежо. Он силится обхватить все предметы и на всех разлить могучую печать своего таланта. Обыкновенно художник прежних времен всегда почти избирал себе какую-нибудь одну сторону и в нее погружал весь талант свой, развивавшийся оттого в необыкновенном и каком-то отвлеченном величии. Рафаэль обыкновенно писал одни только лица, одно развитие на них небесных страстей и помышлений, всё прочее, даже одежду, бросал он доделывать ученикам своим. Все другие великие художники, настроенные высокостью религиозною или высокостью страстей, небрегли об окружающем и второстепенном в их картинах. У них небо является всегда бурое; облака похожи более на копны сена или на гранитные массы; дерево или детски однообразно своею правильностью, или негармонически-безобразно своею неправильностью. Но у Брюлова, напротив, все предметы от великих до малых для него драгоценны. Он силится схватить природу ис-

полинскими объятиями и сжимает ее с страстью любовника. Может быть, в этом ему помогла много раздробленная разработка в частях, которую приготовил для него 19 век. Может быть, Брюлов, явившись прежде, не получил бы того разностороннего и вместе полного и колоссального стремления. Оттого-то его произведения, может быть, первые, которые живою, чистым зеркалом природы, доступны всякому. Его произведения первые, которых могут понимать (хотя неодинаково) и художник, имеющий высшее развитие вкуса, и не знающий, что такое художество. Они первые, которым сужден завидный удел пользоваться всемирною славою, и высшею степенью их есть до сих пор: Последний день Помпеи, которую по необыкновенной обширности и соединению в себе всего прекрасного, можно сравнить разве с оперою, если только опера есть действительно соединение троичного мира искусств: живописи, поэзии и музыки.

1834. Августа.

О ДВИЖЕНИИ НАРОДОВ В КОНЦЕ V ВЕКА

Великое странствие народов, произведшее нынешнее население Европы, касается началом своим глубокой древности. Оно было, может быть, современно основанию Рима, если еще не прежде. Когда Средиземное море омывало еще возрождающиеся государства, видело первые шаги возникающей торговли и развивался дух народов, составивших цвет древнего мира, — во глубине Азии скрывался другой, неведомый мир, которому определено было уничтожить, убить всё древнее величие, древний дух, древние формы прежнего и заместить его всем новым. Средняя Азия совершенно противоположна южной, юго-западной, африканским и европейским берегам Средиземного моря, где цветущее разнообразие природы, почвы, произведений, смесь земли и моря, куча бесчисленных островов, мысов, заливов, казалось, были созданы нарочно для того, чтобы быстро развить деятельность и ум человека. Природа Средней

Азии совершенно другого рода: она однообразна и неизмерима. Степи ее безбрежны, как-то огромно ровны, как будто похожи на пустынный океан, нигде не останавливаемый островом. Неподвижные озера беспредельных равнин не могли возбудить никакой деятельности. Казалось, сама природа определила эту землю народам пастушеским, чтобы по ним имели мы понятие о первобытной жизни первоначальных людей. Неизмеримость равнин не могла внушить человеку никакой идеи о постоянном жилище, которая обыкновенно возрождается у него при виде утесистой горы, берега, моря, острова и вообще где только есть возможность укрепиться. Где же природа усыплена и недвижима, там и человек беспечен: он заботится только о слишком нужном. Патриархальные обитатели степей питались только молоком, сыром, доставляемыми их полудикими животными, и редко питались мясом. Оттого стада их множились необыкновенным образом; владельцы их чаще должны были переходить с места на место; степей требовалось с каждым годом более и более — и те земли, которые ужасают

доньине свою неизмеримостью, земли, бывшие вдвое более тогдашнего образованного мира, земли, с которыми бы земледельцы всего света не знали, что делать — эти земли сделались тесными. Сильнейшие властители должны были вытеснить слабейших. Народы пастушеские, не имея неподвижной собственности, укрепленной давностию владения, легко уступают первому напору и уходят с своими стадами далее. И таким образом Азия сделалась народовержущим вулканом. С каждым годом выбрасывала она из недр своих новые толпы и стада, которые в свою очередь стогнали с мест изверженных прежде. Они перешли горы и потянулись в Европу. Народы, можно сказать, не шли вперед, а машинально сталкивали других с мест. Это не были завоеватели, а какие-то невольники, действовавшие только от страха наказания. Цепь народов от востока и северо-востока протянулась таким образом по всей Европе к самому югу. На юге они встретили первое сопротивление, ощутили огромную власть римлян и встретились с древним миром. Между тем Азия продолжала извергать новые толпы. Толчок от

каждого нового извержения проходил по всей цепи: новые теснили прежних, предыдущие — последующих. Стремление народов становилось сильно, но зато и отпор со стороны римлян был очень силен, и потому-то на границах Римской империи накопилось такое множество народов. После каждого нового извержения это накопление становилось сильнее, и римлянам труднее было сопротивляться им. Наконец римляне уступили — и тогда орды стремительнее хлынули на юг Европы. Не имей Европа южною границею своею Средиземного моря или имей эти толпы народов какое-нибудь понятие о мореплавании, это переселение долго бы не остановилось, потому что Азия не переставала извергать новые толпы, народы перешли бы в Африку, Европа еще бы несколько лет не устоялась, хаос бы продолжился надолго, государства составились бы гораздо позже, и вообще весь ход образования отодвинулся бы на дальнейшие времена. Но как только народы, овладевшие югом Европы, увидели позади себя море и невозможность идти далее, то решились всеми силами сопротивляться нападению.

давшим на них неприятелям. Сии последние, встретивши неожиданный отпор, решились отразить и своих неприятелей, которые с своей стороны употребили то же с своими, и таким образом толчок получил обратное направление, и движение вдруг остановилось. Следствие этого почувствовалось даже в Азии, где некоторые пастушеские народы принуждены были заняться земледелием.

Это переселение совершилось бы гораздо быстрее, если бы Европа состояла из таких гладких, открытых равнин, какими исполнена Азия. Но в ней, напротив того, природа на небольшом пространстве показала страшную нерегулярность и разнообразие. Со всех сторон она изрыта морями, берега ее все из полуостровов и мысов, середина почти нигде не имеет ровной поверхности: она идет то вверх, то вниз, то подымается безобразными высокими горами, то опускается долинами, как будто провалившимися между ними. К этому нужно прибавить, что она в то время вся была облечена дремучим, непроходимым лесом и пронята топкими болотами. И потому дви-

жение народов, чем глубже касалось Европы, тем происходило медленнее: они должны были продирались сквозь леса, перелезали через горы и обходить болота. Они селились оазами и были так скрыты один от другого лесами и неведомыми местами, что часто долго были безопасны от всяких нападений. И когда новое наводнение толпы, слишком многочисленной, водимой предприимчивым повелителем, освещало Европу великолепными иллюминациями, зажигая вековые леса ее, и леса исчезали, — тогда изумленным глазам их представлялся народ, которого существования они даже и не подозревали и который нравами своими, хотя уже отделившись, всё еще сходствовал с ними. Вся Европа состояла, можно сказать, из клочков и отрывков, отторженных друг от друга самою природою, оттого покорение ее и соединение под одну власть было вовсе невозможно, и оттого произошли ее бесчисленные нации, которые, без всякого сомнения, слились бы и изгладились, если бы она состояла из открытых равнин. Это был новый невидимый мир, о котором древние просвещенные народы ничего не

знали и который, можно сказать, сам мало знал себя.

Основу его составляло множество разных отраслей германских племен, простиравшихся по всему западу. Берега Немецкого моря, Рейна и Дуная и вся середина Европы до Балтийского моря были заняты ими. Состояние их во время первого знакомства с ними римлян уже показывало давнюю оседлость в Европе и что переселение их совершилось в глубокой древности. Но что оно истекло из Азии, тому доказательством служит странное сходство некоторых коренных слов языка германского с персидским.[6] Выбросила ли Азия в первоначальной древности за одним разом племена на юг, образовавшиеся среди гор в народ персидский, и на север, превратившиеся в лесах Европы в германцев, или позже тяжелое влияние парфян, ринувшихся из середины Азии, принесло в язык персидский множество слов, раздававшихся дотоле в неизмеримых степях ее и распространившихся уже и в Европе.[7] Как бы то ни было, но первоначальное происхождение германцев было из

Азии, и переселение их совершилось в отдаленные времена.

Эти народы представляли совершенно противоположный и вовсе отличный мир от римского. Физическая и духовная их природа носила резкий отпечаток самобытности и особенности. Их организация физическая совершенно спорила с организацией народов древнего мира: черные блестящие глаза, темные волосы, выразительные, южные черты лица, казалось, дышавшие потребностью роскоши и пресыщающих наслаждений — общей физиогномией уже остановившегося древнего мира, встречали здесь совершенную противоположность: голубоглазые, светловолосые, рослые, крепкие, с одним только свирепым выражением войны на лице, германцы показали собою совершенно новую природу, которою означился новый мир. Их религия, их жизнь, их темперамент, первообразные стихии характера разнились во всем от образованных тогдашних народов. Религия германских народов отличалась особенною оригинальностью. Их божество и предмет по-

клонения была земля. Казалось, как будто мрачный вид тогдашней Европы внушил им идею этой религии. Будучи редко освещаемы солнцем и находясь вечно под мрачною тенью вековых дубов, роя пещеры для первоначальных своих жилищ или сохранения сокровищ, видя одну только землю, могущественно выбрасывавшую на поверхность растения, приносившие им бедную пищу, и величественные высокие деревья, шумевшие над ними, они почитали ее зиждительницею всего. От ней производили они бога своего Туистона, или Тевта, у которого был сын Ман, а от него различные ветви германских народов, которые, по мнению их, были древнейшими обитателями мира. По-видимому, такое понятие о религии совершенно отделяет их от Азии, но мы должны вспомнить, что владычество природы и положение земли всегда было сильно. Природа деспотически властвует над первоначальным человеком. Развиваясь и зрея умом, он получает над нею верх и предписывает ей законы, но в первобытном, но в диком состоянии он должен сам исполнять ее законы: он раб ее. В Средней Азии

небо всё открыто перед глазами. Там оно необозримо и велико. Земля перед ним кажется слишком низменною. Никакое высокое растение, никакая остроконечная, высокая, узкая скала не останавливает взора; расти- лающаяся по необозримым пространствам трава представляет ее еще низменнее. Солнце там течет величественно, обливая всё своим светом, звезды усыпают густо небесный небо- склон и одни только могут остановить чело- века и препятствовать совратиться с пути. От- того во всей Азии царствовало всегда покло- нение солнцу и небесным светилам. Передви- гаясь в Европу, народы реже виделись с солн- цем. Густой и величественный мрак европей- ских лесов сильнее поражал их дикое вообра- жение. Туманы севера и болотные испарения скрывали вовсе небо; самая необходимость заниматься иногда земледелием заставляла их более привязаться к земле. И потому-то у германских народов было очень слабо покло- нение светилам; едва у немногих сохрани- лась о нем память. Во глубине и глуши лесов, непроницаемых солнцем, они приносили свои жертвы богине-матери Герте. Казалось,

мрак считался у них чем-то священным, и потому-то их религия уже в самом начале не сходилась с другими. Они верили в бессмертие. Но их небеса были мрачны. Они в своем Валгале видели продолжение воинственной их жизни: туда переселяли они свои германские дубы, пылающие костры и гром оружий. Небеса облакали в свинцовые тучи и населяли темными тенями своих великих, уже погибших на войне героев. Поклонение Герте разошлось между всеми почти германскими племенами. К предметам поклонения их принадлежали также тени умерших героев, которых они представляли в колоссальном виде. Такие же почести разделяли их товарищи-кони, из которых белые почитались по свидетельству Тацита священными и хранились в заповедных рощах. Их впрягали в священную колесницу, за которою шел король, жрецы, и по храпению их узнавали будущее.

Германские народы долго сохраняли первобытный образ жизни. Они жили и веселились одною войною. Они трепетали при звуке

ее, как молодые, исполненные отваги тигры. Думали о том только, чтобы померяться силами и повеселиться битвой. Их мало занимала корысть или добыча. Блеснуть бы только подвигом, чтобы после пересказали его дело в песнях. С именем прославившегося в боях соединялись у них все выгоды и счастье жизни. Его выбирали в предводители; к нему чувствовалось у всех народов уважение и изумление. Он был посредник и судья во всех спорах; на войне полный распорядитель добычи; ему даже чуждые, отдаленные племена присылали конные сбруи; ему родные и подвластные племена добровольно приносили в дар произведения полей своих: плоды, скот и лошади. Храбрость казалась чем-то божеским, под его знамена все спешили наперерыв и сражались не для добычи, но чтобы показать перед ним и заслужить его одобritельное слово. Его имя долго поминалось в песнях, и по смерти его в честь ему совершались пиршества, и долго племя, имевшее его, превозносилось его подвигами перед другими; тень его становилась божеством и служила предметом поклонения. Такой удел был за-

виден, потому что жажда бессмертия уже кипит и в неразвившемся человеке. Все наперерыв стремились прошуметь подвигами; битвы были часты, и германцы по первому призыванию готовы были лететь с своими дикими силами.

Они сражались почти наги, выказывая во всей простоте атлетическую свою силу. Плащ, застегнутый вместо пряжки терновым шипом, кожа дикого зверя на плече — вот их убранство. Они строились густо, кучами, в виде клина; действовали вблизи и вдали короткими копьями, называемыми фрамеями; львиная сила мышц их бросала их так далеко, сколько нужно было, чтобы достать неприятеля; одни щиты их показывали роскошь, испещряемые яркими цветами; толпа жен, детей следовала за ними в битву; сопровождала их своим криком и была причиной нового мужества: они не мыслили предаться бегству при мысли о рабстве, ожидающем их жен и детей, усугубляли дикой напор свой, и неприятели уступали. Их жены тут же среди битвы высасывали раны мужей своих, зале-

чивали их и даже уносили на плечах своих. Смерть предводителя вместо того, чтобы расстроить их, связывала железною силою мести и делала их несокрушимыми. Бросить щит было верх бесчестия, и несчастный, жертва всеобщего презрения, убивал сам себя. Предводитель силою одного уважения, без власти, правил самовластно племенами, и воины с изумительною покорностью исполняли его веления. Предводя на войне, они оставляли при себе власть эту иногда и среди мира и назывались гериманами.[8]

Они были вольны и не хотели никакой иметь над собою власти. Правления у них почти не было. Они собирались на народные собрания, стекавшиеся при новолунии и полнолунии: каждого месяца, а в случаях чрезвычайных и во всякое время. На эти собрания они приходили лениво и медленно, желая показать, что делают это по своей воле; несколько дней протекало, покамест могло составиться нужное число для совещания. Они сидели в полном вооружении; одни только жрецы могли приказать наблюдать молчание;

председательствовали старейшины семейств, седовласые (grawion), после изменившие это название в графов; говорили князья и прославившиеся в битвах; речи их были просты, но исполнены того сильного и сжатого лаконизма, которым отличается бесхитростное красноречие народов свежих. Они были просты, прямодушны: их преступления были следствие невежества, а не разврата. То, что было бесчестие и низость духа, называлось только преступлением: переметчики, изменники были вешаны и предаваемы мучительной казни, за низкие и бесчестные поступки бросали в болото, забрасывали тиною и фашинником, как бы желая скрыть то, что не должно бы никогда показываться. Жена, изменившая мужу, была в его власти, он мог отрезать ей волосы, лишить одеяния и обнаженную, покрытую стыдом, гнать розгами чрез веси и деревни, и никто не смел изъявлять сожаления, несмотря на всю красоту ее; но примеры эти были редки, потому что германцы были дики и жестки нравами и что у них были только обычаи, которые обыкновенно сильнее самих законов.

Они были беспечны, бездейственны в домашней жизни и представляли совершенную противоположность беспокойному быту воинскому. Они были бесчувственно ленивы и лежали в своих хижинах, не трогаясь с места. Чем более кто почитал себя храбрым, тем более считал для себя низким всякое занятие: поля обрабатывали старики, бессильные, малолетние и рабы, которые пользовались совершенною свободою и платили только небольшую подать от полей своих. Все домашние заботы лежали на женах. Жена не приносила мужу приданого; напротив, он должен был сам накануне свадьбы принести в дар быка в ярме, вооруженную лошадь и копье, как бы желая этим дать знать, что она должна разделить все его занятия.

Они одевались совершенно противоположно римскому миру и всем народам южным, любителям вольных, широких одежд: они носили платье узкое, которое совершенно обвивалось около их тела; звериные кожи, носимые ими, придавали им что-то дикое и

зверообразное. Одежания жен их мало отличались от мужских: у иных платье было льняное алое, доходившее только до пояса, так что шея, грудь и руки были открыты. Дети были совершенно преданы своей воле и росли вместе с домашним скотом. Когда они достигали совершенного возраста, тогда только получали право носить оружие и заседать в собраниях. Гостеприимство, свойственное почти всем дикарям и первобытным нравам, было их принадлежностью. Гостя дарили подарками; не могший угостить его отводил сам к другому.

Но более всего можно было видеть древнего германца в его пиршествах, в которых проводили они напролет целые ночи, где зажженные дубы величественно освещали леса, и хлебный напиток из ячменя, может быть, пращур нынешнего пива, так употребительного в Германии, разрешал их мысли, речи и намерения. В этих-то пиршествах созревали все их предприятия. Тут они задумывали свои смелые и дерзкие дела, которые не всегда и не всем могли придти в голову во

время медленных народных собраний. Они были стремительны, азартны и как только были разбужены, потрясены и выходили из своего хладнокровного положения, то уже не знали пределов своему стремлению. Азартность их более всего оказывалась в игре, в которую заигрывался дикий германец до того, что проигрывал свой дом, оружие, жену, детей, наконец самого себя и становился рабом, — состояние нестерпимее для него самой смерти! Эта азартность, может быть, служила основанием тех дерзких, сильных страстей, которыми исполнены европейцы.

Таковы были народы германские — грубые стихии, из которых образовалась новая Европа. Они делились на бесчисленные племена и, как густые европейские леса, усеивали северную Европу. Чтобы яснее обозреть их, начнем с тех мест, где древний мир уже видел этих первоначальных зиждителей нового, т. е. от реки Дуная, служившего пределом для римлян. Тут обитали уже входившие в сношение с древним просвещенным Римом, всё еще вольные, но уже не столь одичавшие, как-то:

гермундуры, нариски, маркоманы и квады. Потом великая цепь племен германских толпилась по Рейну от устья и вниз до впадения его в море: вангионы, трибоки, неметы, матиаки, убии; за ними следовали тенктеры, бывшие первыми наездниками, которых конница славилась и у римлян, которых всё имущество были лошади и оставлялись в наследство только храбрым; за ними узипетры и у самого впадения Рейна в море сильные батавы. Средине Германии, погруженная в леса, скрывала самых свирепых и сильных народов. Начиная с запада и на восток первые встречались хаты, предки нынешних гессенцев, жившие при реке Майне, где Германия состоит из частых возвышенностей. Народ, страшивший своею пехотою, регулярным устройством ее, осмотрительностию в нападениях и диким выражением лиц своих. Их обычаи невольно поражали своею оригинальностью. Ни один юноша не смел отрезать волос своих до тех пор, пока не омыл рук своих в крови неприятеля; в битвах они должны были находиться впереди и своими обросшими косматыми лицами наводили ро-

бость на врага. Всякой хат носил на руке своей железное кольцо, что считалось бесчестием, потому что напоминало цепи; сбросить его он мог тогда только, когда поражал собственною рукою неприятеля. На юг от хатов были херуски, обитатели Гарца; далее следовали фозы, сигамбры, бруктеры, ангруарии, хазуарии, наконец аряне, отличавшиеся совершенно особенным родом нападений, которые они производили в глухие мрачные ночи, и, желая облечь их страхом, выкрашивали тело, носили щиты, покрытые черною краскою, и в виде погребальной процессии представлялись изумленным глазам неприятелей, не могших выносить такого зрелища. За ними на восток, в пространствах несколько более открытых, обитали свевы, состоявшие из множества разных племен и ведшие долго еще жизнь пастушескую, несмотря на то, что положение земли, еще болотной, мало представляло для ней удобства.

Вообще можно сказать: чем ближе к западу и юго-западу, тем более было занимавшихся земледелием, или по крайней мере оно ме-

шалось у них с пастушескою жизнью; чем ближе к востоку, к Венгрии, Дакии и Польше, тем более преобладала пастушеская жизнь; чем глубже в леса Гарца, тем мрачнее и сильнее становились германские племена. Но самые опасные, которых римляне даже вовсе почти не знали и которые были истинные разрушители их владычества, это были все, населявшие берега морей и прибалтийские земли. Сюда никогда не досягали римляне. Здесь жили пираты, самые предприимчивые из германцев, которых уже положение земли и моря заставляло отваживаться на дерзкие дела. Таким образом по Немецкому морю жили фризы и хавки; за ними самые сильные корсары севера — саксы, в Голштинии — кимвры, по Балтийскому морю — готы, варны, ругии, бургунды и в Пруссии — ломбарды, вандалы, герулы. Кроме того, в середине Германии находилось еще множество разных отродий, совершенно скрытых болотами и лесами, которые во время частых битв между ее племенами были вытесняемы и видели необходимость избирать неприступные места. Горы Альп и Карпата заключали в себе множе-

ство клочков или остатков разных племен гальских, германских и венецких, бандитствовавших в дикой Европе. Северо-восток ее, совершенную бедностью почвы, уединением и страшным пространством, не мог образовать и возрастить сильных народов. В рассеянных, бездомовных, бесприютных его обитателях финнах и отрогках народов эстских замирала жизнь, как и в самой природе того края.

Вот каков был тот отдельный мир дикой Европы! Вот каковы были те народы, которых мощную силу прежде всего должны были испытать римляне. И если всемирная империя не пала гораздо ранее, то причиною этого были: чрезвычайное раздробление народов германских, положение Европы, препятствовавшее им слиться в одно, простота нравов, заставлявшая их довольствоваться грубыми произведениями своей земли, незнание корысти, так свойственной разрушающим дикарям, оседлость и любовь к свободе, заставлявшая их удаляться во глубину своих лесов. Римляне чувствовали всю опасность от этих

свежих сил европейских народов. И оттого никакая из границ империи: ни восточно-азиатская, ни южно-африканская не была так защищена, как северо-европейская. Сюда, можно сказать, стеклась вся сила их. И должно признаться, что средства защиты при тогдашнем изнемогающем состоянии империи были приняты самые благоразумные. Империя отдавала опасные границы свои свежим воинственным народам, которые лучше всего могли защищать их и были довольны вначале немногим. Но к чести народов германских нужно сказать, что одна только сильная необходимость заставляла их принимать этот дар римлян. Эта зависимость казалась для них рабством, и они спешили в глубину лесов своих, скрыть там свою свободу. Покушения римлян принуждали их составлять сильные между собою союзы, но эти союзы никогда не были нападательны; цель их была только привести в безопасность свою волю, бывшую для них дороже всего. Один из сих союзов, известный под именем союза франков, более других возрос и усилился благодаря благоприятному положению земли и умножавшимся натис-

кам со стороны всех народов. Разнородные племена, его составившие, заняли часть Вестфалии и Гессена и так тесно слились, что составили наконец одну нацию под именем франков. Но этот союз не был бы так страшен для римлян, и вся Германия долее пребывала бы неподвижною, если бы не действовали на нее посторонние силы выходивших из Азии народов. Восточная часть Европы была очень страшна своими равнинами. Это были широкие ворота в Западную Европу, большая дорога, через которую переходили попеременно разноцветные народы; леса были здесь более выжжены, нежели в других местах; болота скорее высохли, и с каждым столетием она становилась просторнее и удобнее для переходов. Открытые места ее давали средство народам и племенам соединяться в большие массы, представляли удобность для кочующей жизни, которая дает средства производить великие набеги. Народ вдруг мог подняться с легких жилищ своих и произвести всею массою самое страшное, ничем не отразимое, разрушительное нападение.

Одному из народов германских определено было прежде всех других произвести всеобщее движение. Этот народ был — готы,[9] народ, над которым, казалось, тяготело какое-то проклятие, осудившее его на скитание. Долго блуждал он и показывался то в Скандинавии, на противоположных берегах Балтийского моря, то наконец на широком востоке Европы. По свидетельству историка Иорнанда, он первобытную жизнь вел в Скандинавии. Может быть даже, что это был один из первоначальных народов Европы. Перебравшись из снеговой своей отчины, он устремился на берег Пруссии и произвел страшный всемирный переворот, вытеснив оттуда вандалов, ломбардов, герулов, бургундов и саксов, и против их собственной воли заставил их быть одними из ревностных деятелей в разрушении Западной империи. Всеобщее потрясение ощутилось во всей Европе: вся эта цепь сильных прибалтийских народов придвинулась ближе к границам римским, потеснила в горы и болота множество племен, сжала сильнее их силу, и римляне должны были завести новое знакомство: герулы, вандалы,

ломбарды уже-стали появляться в войсках их.

Между тем готы, прочистивши перед собою дорогу, отчасти разогнали, отчасти покорили придунайских народов: маркоманов, квадов; соединились в южных равнинах Дакии в многочисленные массы и, с приведенными под власть свою народами, устремились к Черному морю. Чем далее к югу, тем удобнее была им дорога и тем быстрее был их путь; наконец они очутились в середине Греции и в Малой Азии, выжгли берега Черного моря. Халцедон, Эфес были обращены в пепел; Афины были разграблены страшно, безжалостно. Император Деций видел опасность восточных границ обширной своей империи, и между тем; как на западных границах войска его сражались с вандалами, свевами, герулами, сдвинутыми с мест готами, он сам предводил войсками на востоке и погиб с оружием в руках. Готы с великою добычею возвратились, заняли нынешнюю Россию, приобрели трактатом от римлян всю Дакию и остались здесь, владычествуя над придунайскими народами и тревожа присутствием своим бес-

печную империю. Тогда всемирные императоры, узнавшие несчастным опытом дикое мужество готов, составили план принимать их в свои войска и выдавать жалованье этим неодолимым дикарям. Сим приобрели они сильных защитников, но вместе с тем приобрели и сильных неприятелей, потому что открыли им тайну благоустроенной тактики, которая еще более могла придать им перевеса. Но, впрочем, тактика готов и без того была неодолима. Она соединяла в себе вместе и тактику народов легких и кочующих и тактику неподвижных народов. Они строились густыми, великими массами и сохраняли одинаковую крепость в порыве первого нападения, в разгаре битвы и в потухающей силе ее окончания. Как бы долго ни длилась битва, их ряды невозможно было сдвинуть с места. Нападения свои они сопровождали так же, как и другие германские племена, песнями. В песнях провозглашались имена древних героев Фридигера, Видигана, Этесбамера и других. Власть религиозная заключалась в одном лице, который был вместе и царь, и предводитель войск, и верховный жрец, и при всем

том зависел от совета храбрых.

У готов с незапамятных времен тянулось царственное поколение Бальтов, из которых только одних можно было избирать царей. Поклонялись Водану, бывшему в отдаленные веки их предводителем вместе с Оденом, этим северным Улисом.[10] Из всех народов германских готы более других способны были принять цивилизацию. До середины четвертого века власть готов признавалась более или менее народами на Дунае, на западе и на востоке нынешней России. Имя царя их Германриха было уважаемо от берегов Черного моря до Ливонии... Но владычество готов было смущено великим азиатским нашествием гуннов.

Гунны, или гионгну, по свидетельству Дегине, были племена сильные, занимавшие великие степи Татарии, Манжурии, потрясшие Китай, но не умевшие противиться китайской лукавой политике и обратившиеся впоследствии в данников китайских монархов. Однако же многочисленная часть поднялась

с своими кибитками и табунами, направляя<сь> на запад, заняла закаспийские земли и скрылась таким образом из виду Китая. Поселение их на берегах каспийских историки римские относят ко времени Домициана. Не мешает при этом заметить, что образованный тогдашний римско-греческий мир ничего не знал даже о том, существует ли на свете этот народ до времени императора Валента, т. е. до того времени, когда увидели вдруг извергавшиеся из гор Азии толпы гуннов и с ними аваров, гуннужуров, ульзингуров и других народов, которых имена дико звучали для утонченного и вместе испорченного слуха римлян — греков. Набег этих обитателей Азии, разрушительный, неотразимый, обычай их есть сырое мясо, пить из неприятельских черепов и приносить на окровавленном костре в жертву теням своих предков первых попадавшихся пленников, самые их калмыцкие лица, плоские, неуклюжие, смуглые, наводившие робость одним своим свирепым движением, их приземистый рост, весь состоявший из одних мускул, привели в такой ужас азиатско-римские провинции, что жите-

ли не смели производить их от человеческого племени. Они думали, что маги и волшебники неизмеримых каспийских пустынь вошли в нечистое сношение с дьяволами и от этого союза произошли гунны.

Гунны, по какому-то странному инстинкту, или, может быть, испугавшись слишком пестрой поверхности римской Азии, усеянной садами и городами, которых всегда убегают кочевые народы, считающие их темницами, или не находя вольных пустынных степей, необходимых для их неисчисляемых стад, как бы то ни было, только они двинулись, вместо того чтобы на юг, на северо-запад; зацепили путем своим Кавказа, сорвали с его подошвы несколько народов кавказских и увлекли с собою. Вся эта кочевая толпа высыпала в Европу. Великий аванпост Европы занят был, как мы уже видели, владычеством готов. Их многочисленные племена и покоренные ими народы были передовыми ее стражами и наполняли ее обширные ворота, к несчастью слишком обширные для такой небольшой части света, какова Европа. И го-

ты, те готы, которые считались непобедимым ее оплотом и силою, уступили перед ними. Это так и должно было быть. Тайна азиатского многочисленного набега была совершенно неизвестна готам. Если бы они знали, что азиатское нападение более всего страшно силою первого порыва, что умение долее противустать ему и продлить битву одни только могут выиграть, если бы готы знали это, то гунны убралась бы снова за Кавказ, и Европа не почувствовала бы сильного потрясения, изменившего снова ее вид. Но эта тайна не была постигнута готами. Впрочем, надобно сказать и то, что нужно было иметь нечеловеческую храбрость и крепость духа, чтобы выдержать первый напор гуннов. Нападения их были производимы с таким ужасным криком; многочисленная масса их летела так густо и с такою силою на лошадях бешеных, почти диких, как будто бы была сброшена с крутого утеса и не в состоянии была сама удержаться бега; узкий, почти пропадавший между пухлых щек их глаз был так быстр и верен; в одно мгновение они давали столько изменений ходу битвы, так быстро могли рассылать-

ся и исчезнуть из виду, так скоро собраться в кучи, так метко высылать летящий лес стрел, даже убегая так ловко, они умели отстреливаться, и всё это сопровождали таким диким оглушительным криком, — что вряд ли мог сыскаться предводитель, чей глаз не разбежался бы и голова не закружилась в битве с ними.

Погнавши готов, гунны заняли нынешний польский запад России да северные и дунайские земли — и география Европы изменилась снова. Занявши такое огромное пространство, гунны необходимо должны были произвести сильное потрясение и всеобщую перемену мест. Сдвинутые готы, хотя с трудом, но подались на запад и юг; вандалы и свевы, с которыми римляне или, лучше сказать, римские германцы мерялись уже на самых границах своими силами, ворвались через Францию и Альпы в Испанию. И в Испании ко всеобщему изумлению столкнулись народы совершенно с противоположных стран света: свевы с берегов Балтики и снежной Скандинавии и алане, оторванные гунн-

ским порывом с подошвы Кавказа.

Гунны бродили по степям России, переносили свои кибитки и перегоняли табуны в течение целых пятидесяти лет, не производя дальних завоеваний, потому что Западную Европу и на тот раз спасало лесистое и неровное положение и потому что гуннам не доставало предприимчивого предводителя. Они производили свои набеги на соседей, которые обыкновенно состояли в хищничестве жен, детей и в угонке стад в свои пределы. Эти хищничества более всего должны были испытать готы, как ближайшие к ним народы. Готы в это время разделились на две великие ветви: на визиготов, которых цари были избираемы из прежней царственной линии Бальтов, и остроготов, избравших царей из новой царственной ветви Амалов. Столкнутые гуннами, они притеснились к самому югу нынешней Украины и Молдавии. Не нашедшая безопасности часть визиготов под начальством Фридигера, Алета, Сафраха обратилась с просьбою к римскому императору о позволении перейти через Дунай и, поселив-

шись на южной стороне его, защищать провинции от нападения усиливавшихся варваров. Император Валентиниан, управлявший империей вместе с братом своим Валентом, принял с радостью неожиданную помощь — и визиготы перешли чрез Дунай. Между тем остроготы и часть визиготов, живших на юго-востоке, терпели часто голод и видели беспрестанно увеличивающиеся свои нужды, просили императора Валента, который имел надзор над восточными провинциями и жил в Константинополе, снабдить их нужными произведениями и позволить им торговать с тамошними жителями. Император поручил удовлетворить их во всем фракийским правителям Луципину и Максиму, которые были совершенные греки времен византийских, коварные, готовые оказать злодейские поступки даже без побудительных причин и почитавшие позволительными все поступки с варварами. Они не торговали, но просто грабили готов и доводили их до крайности продавать жен и детей; наконец под видом приязни призвали доблестнейших готов и решились тайно умертвить их. Это пробудило

мщение в диком, но сохранявшем первоначальные человеческие чувства народе. Многочисленные толпы готов ворвались во Фракию и до самого Константинополя жгли, грабили и обратили в пепел все находившиеся по дороге города и окрестности. Император Валент находился в весьма неблагоприятном положении. Он был ревностный арианец и потому гнал без милосердия противников секты, потому имел врагов, и сам брат его Валентиниан, императорствовавший в Риме, отказал подать ему помощь; кроме того, император Валент был жесток и ужасно подозрителен: ему предсказали, что гибель его последует от человека, которого имя начинается словом Фео — и он перерезал и передушил всех Феодориков, Феодотов и Феодисиев, которые только занимали какие-нибудь значительные должности. Само собою разумеется, что такие поступки не внушили его подданным излишнего жара защищать своего монарха. Притом и самые подданные были жалкой, бесхарактерный народ, войска умели только бунтоваться и готовы были бежать при первом случае; финансы разбрелись по

рукам евнухов, любимцев, любовниц и пронырливого духовенства. Итак, Валенту наконец пришлось поплатиться за прежнюю жизнь свою. Оставленный бегущими войсками, он спрятался в бедную хижину и был сожжен вместе с нею мстительными готами. Константинополь уцелел благодаря незнанию готов осаждать города. Готы с торжеством, с бесчисленною добычею, возвратились в свои жилища, оставив римлянам страшную память своего посещения.

Скоро после этого произошло совершенное разделение Римской империи. Император Феодосий думал спасти ее чрез эту секуляризацию, приписывая слабость ее неизмеримости и невозможности одному управлять. Восточная империя, которая очень справедливо стала называться Греческою, а еще справедливее могла бы называться империей евнухов, комедиантов, любимцев, ристалищ, заговоров, низких убийц и диспутствующих монахов, досталась Аркадию, которым управлял пронырливый опекун его Руфим; Западная, которая тоже весьма несправедливо называлась

Римскою, потому что все административные значительные места были заняты выслужившимися варварами из готов, вандалов и других германцев, получивших только слабый наружный лоск римского образования, которая уже в собственном сердце своем видела насильно теснившихся врагов, которая в живом трупе своем видела и чувствовала онемение жизни, эта Западная империя вручена была малолетнему Гонорию, которым управлял Стиликон, родом вандал, бывший верным и храбрым при Феодосии и сделавшийся низким и слабым при ничтожном его сыне. Опекуны, правительствовавшие в разных углах Европы, ненавидели друг друга. Первый подарок, который Руфим, хитрый как византийский грек, препроводил к своему неприятелю Стиликону, состоял в сильных войсках визиготов, которых он настроил воевать Италию, обещая с своей стороны не подавать никакой помощи. Все визиготы поднялись с своих становищ в Дакии и с берегов Дуная и вступили в Италию. Но Стиликон, вместо того чтобы утрашиться такого нашествия, втайне был рад ему. Он основывал на нем кучу пла-

нов. Прежде всего он думал этими свежими, многочисленными и сильными варварами истребить других варваров, уже втеснявшихся в самые пределы Римской империи. Тогда Галлия и принадлежала и не принадлежала римлянам. Сильный франкский союз стоял на границах ее вместе с накопленными под его эгидом племенами; на востоке и на юге, т. е. в недре самой Франции вольно расположились алеманы и бургунды. В Испании свевы, алане и вандалы захватили всю лучшую часть ее, т. е. юг. Среди их римские префекты и начальники играли самую жалкую роль, имели достоинство без власти. Казалось, вместо Римской империи лежала над полумиром одна только величественная длинная тень ее. Империя была похожа на тысячелетний дуб, который изумляет своею страшною толщиною и которого середина давно уже обратилась в гниль и прах. Стиликон искусно отклонил Алариха от желания поселиться в Италии и предложил ему богатую, цветущую Испанию. Он даже замышлял обратить этих варваров против врага своего Руфима, вместе с тем он располагал даже в случае удачи объявить се-

бя императором вместо слабого Гонория, но чересчур перехитрил, и собственная голова слетела с плеч его. Слабый, ничтожный Гонорий, не понявший ни одного прожекта Стиликона, велел одному из своих также нерассудительных полководцев напасть с тыла на готов, уже выступавших в Испанию, с тем чтобы нанести им какой-нибудь вред. Аларих вдруг обратился и очутился под стенами Рима. Гонорий по обыкновению бежал. Сенат, увидевши бессилие свое, умолил могущественного гота отступить, обещая дань, часть которой ему была выдана тогда же, остальной решил победитель ждать и отступил от Рима. Как только узнал Гонорий, что опасность миновалась, как уже вновь прибыл в Рим и во все не думал платить дани. На этот раз Аларих явился под стенами уже гневный, грозивший обратить в пепел вечный город. 23 августа 409 года стены всемирной столицы увидели среди себя предводителя готов. Великолепные дома и дворцы были разграблены, но грозный Аларих запретил зажигательство и пролитие крови. Из этого можно видеть силу воли и власть, какую он имел над своими ди-

карями, удержав их от того, от чего иногда не властен удержать и начальник образованных войск. Гонория и следа уже не было в Риме, он давно умел скрыться. Но зато победитель показал в величайшей степени презрение, какое чувствовал к римлянам: возвел им царя их же префекта Атала и заставил его ползать у дверей палат своих. Насытив свое мщение, оставил он Рим и обратился на юг Италии. Здесь он замышлял великие планы, строил флот и намеревался перенести свои победительные знамена на берега Африки, но смерть остановила его подвиги. Для гробницы его визиготы отвели течение реки Везанто, вырыли на бывшем дне ее глубокую могилу, в которую зарыли труп, и потом снова возвратили ее на прежнее лоно, чтобы никто не мог осквернить и поругаться над могилою великого гота. Избранный после него Астольф наконец вывел готов в Испанию, где они быстро утвердились и составили сильное Готское королевство, изгнав не имевших значения римских начальников.

Вторжение визиготов было сильно почув-

ствовано во всех концах Испании. Алане и свевы были крепко стеснены и большая часть их должна была признать власть готов. Даже вандалы, бывшие сильнейшими в Испании, были сильно притеснены и придвинуты к Средиземному морю. Уже король их Гензерих помышлял о переправе в Африку. Но одно происшествие как будто нарочно ускорило исполнение его мысли. В Риме управлял именем малолетнего Валентиниана и его матери знаменитый Аэций, предприимчивый, честолюбивый, хитрый, не слишком разборчивый на средства к достижению желаемого. Он имел сильного противника в Бонифации, правителе Африки, и решился его погубить; для этого призывал его именем императора в Рим. Бонифаций, проникнувши умысел, решился остаться в Африке и призвать на помощь Гензериха. В 427 году Гензерих с вандалами и частью аланов высадился на берег Африки и означил путь свой пожарами и опустошениями. Бонифаций увидел наконец свою ошибку, что призвал такого гостя. Он успел уже примириться с императором и решился поставить преграду беспокойному сво-

ему союзнику. Но с Гензерихом не так было легко управиться. Бонифаций был разбит. Гензерих зажег Карфагену, ограбил дома, рубил жителей и извлек, где только могли скрываться, сокровища.

Быстрые успехи разожгли его хищное честолюбие. Скоро весь северный берег Африки подвергнулся его вандальскому владычеству. Огнем и мечом окрестил он его в арианство и составил сильнейшее в этот мятежный и темный век государство. С этого времени разгулялся Гензерих. Страшный флот его рассыпался по Средиземному морю и прекратил своим корсарством всякое плавание. Каждый год этот нумидийский лев появлялся у всех берегов Средиземного моря от Греции и Иллирии до Гибралтара, собирая, как жатву на собственном поле, всё, что могла только произвести цветущая населенность их. Испания, Сицилия, Сардиния, Далмация попеременно чувствовали ужасную, разрушительную руку этого венчанного пирата, который так быстро воздвигнул первое государство христианских корсаров. Но наконец среди величия и на-

грабленных богатств им овладело то состояние духа, та свирепая задумчивость, которая сушит, мучит душу и служит близким предвестием тиранства, ужасной нравственной болезни властителя. Он стал подозревать всех окружающих и подозрение наконец простер на жену свою, дочь визиготского короля; ему вообразилось, что она имеет умысел отравить его. Наполненный этою мыслию, он приказал отрезать ей нос и уши и в таком виде отправить к ее отцу. Но, испугавшись сам мщения готов, пригласил Аттилу, предводителя гуннов напасть с севера на Испанию и Италию.

Аттила имел свою резиденцию в Дакии, где недалеко от Дуная находилось становище из грубых деревянных юрт, среди которых возвышался неуклюжий дворец его. Аттила был именно такой предводитель, какого дотоле не доставало гуннам. Он показал, как может быть ужасна стремительная азиатская сила. Весь северо-восток Европы признавал его владычество. Цепь народов, несших дань непобедимому царю гуннов, начиналась у

Кавказа и оканчивалась у Рейна. Готы, гепиды, алане, герулы, аказиры, туринги и славяне очутились в границах его быстро раздавленной кочевой империи. Греческий император, испытывавший его презрение, униженно присылал ему дань и ползал перед его могуществом. Это был маленькой человек, почти карло, с огромною головою, с небольшими калмыцкими глазами, но так быстрыми, что ни один из подданных его не мог выносить их без невольного трепета. Одним этим взглядом он двигал всеми своими племенами, которые, несмотря на разбросанное свое положение, различие жизни нравов и обычаев, слились его словом в одну душу. Посреди своих придворных, блиставших награбленным золотом, этот необыкновенный человек носил грубую широкую одежду, лежал на простом войлоке, пил почти одну воду из деревянного котла, ни седло, ни лошадь его не видели на себе драгоценных камней, и сам себя называл бичом Божиим, посланным для того, чтобы исправить мир. Власть его над войском была беспредельна: оно верило, что у него находится чудесный меч, который дол-

жен завоевать ему весь мир. Повиновение покоренных народов было изумительно. Впрочем, невозможно было и думать им о возмущении потому, что Аттила мог выставить возле своей ставки такую пирамиду из отрубленных голов, глядя на которую немного находилось охотников. Он не любил заводить напрасно войны, особенно, когда мир мог ему доставить то же самое. Справедливость его была ужасна. Он показывал и великодушие, но только рабам, простертым у ног его. Мщение же Аттилы... но вызвать его мщение никто не имел духа.

Предложение Гензериха, казалось, упредило его собственную мысль. Властительно собрал он бесчисленные племена свои и шел на запад. Римская империя почувствовала всю опасность. Все народы, составлявшие тогда запад Европы, встревожились. И тогда случилось странное событие: вся западная дикая Европа сдвинулась в один союз. Римляне соединились с своими разрушителями, визиготами, аланами, франками. Народы кочующие и пастушеские шли на неподвижных и уже

отчасти земледельцев. Стремительная и деспотическая Азия — на крепкую и вольную Европу. Нужно заметить, что германские народы, чем ближе к западу, тем более означались вольным духом. Альпы были древним хранилищем европейской свободы, и вокруг их на далекое расстояние племена хранят еще и доныне черты независимости. Равнинам близ Марны во Франции определено было быть театром этой единственной битвы. Западная вольная Европа из римлян, визиготов, арморикан, бреонов, бургундов саксонов, аланов и франков, под начальством королей, военных предводителей и под высшим распоряжением искусного Аэция, и восточная кочевая Европа из остроготов, аланов, гепидов, маркоманов, венедов, ломбардов, герулов, аказиров, авров, турингов, роксоланов и некоторых племен славянских, под начальством своих князей, королей и принцев и движимых одною всемогущею волею Аттилы, должны были решить многое важное в потомстве. Вольная Европа устояла. Неотразимая, разрушительная конница Аттилы была опрокинута вместе с союзными народами, и непобеди-

мый гунн, употребивший всё возможное напряжение своей воли, поворотил свои табуны и народы в равнины Венгрии и Панонии. Аэций, не желая дать перевеса визиготам, действовавшим сильнее других в этой кровопролитной сече, облегчил ему удаление. Великая лига, исполнявшая свое назначение, разошлась и обратилась в прежние начала, увидя минувшую опасность.

Но ужасный предводитель гуннов рвал на себе благородный клоч волос своих от гнева и через год, пополнивши свои войска новыми, вступил в Италию, где беспечный император Валентиниан и даже сам Аэций не мыслили об опасности. Первый город, испытавший его тяжелую руку, был Аквилея. Он его обратил в пепел и заставил горсть спасшихся жителей зародить на Адриатическом море Венецию. Отсюда прошел он всю Италию, действуя как огненный бич. Города: Конкордия, Бресчия, Виченца, Падуа, Верона, Мантуа, Милан, Модена, Парма — представили одни обнаженные стены. «Клянусь, — гордо провозгласил дикой гунн, — что где коснется копыто коня

моего, там более не вырастет трава!» Наконец и Рим увидел под стенами своими Аттилу. Испуганный папа, в облачении, со всем крестным ходом, вышел навстречу неумолимому гунну, и великолепный ли обряд христианства, или мысль, рассеянная между дикими, даже языческими народами, о пребывании чего-то священного в Риме, что бы то ни было, но Аттила отступил, взявши великой выкуп, и вышел из Италии.

Теперь предстояла очередь испытать его мщение и силу соединенной лиге западных народов, — но внезапная смерть его спасла ее. Аттила умер необыкновенным образом. Суровый, воздержный, не позволявший золотым украшениям и камням убрать даже рукояти сабли и войлочного седла своего, он в один день изменил свою жизнь. Сочетавшись браком с дочерью бактрианского царя, необыкновенною красавицею, упоенный вином и пиршеством, он с таким неистовством предался сладострастию, что выпил за одним разом всю железную жизнь свою. Кровь у него пошла из ушей, из носа, изо рта — и он задох-

нулся.

В неведомой пустыне, среди глубокой ночи, копали могилу Аттиле, сопровождая песнями о его подвигах. Тело его было положено в тройной гроб из золота, серебра и меди; с ним легли его оружия, его конные сбруи. На могиле его были заколоты все рабы и копавшие землю, чтобы никто из живущих не ведал о месте, где лежат кости великого человека.[11]

По смерти Аттилы гунны вдруг рассеялись и рассыпались, как всякой азиатский народ, связанный только могущественною волею предводителя. Тогда европейские народы шире и вольнее раздались и более приняли самостоятельности, и на востоке начали виднее показываться племена славян, которые мало-помалу разрослись в шестьдесят разных ветвей,[12] протянулись до Тироля, прошумели по уходе остроготов на границах империи Греческой и, углубившись в великие пространства, наконец превратились в мирных оседлых народов.

Италия еще дымилась после опустошений Аттилы, но и среди полуразрушенных развалин ее крылись еще происки. И в этом изнеможенном государстве еще нашлись жалкие честолюбцы! Сенатор Максим успел очернить перед бессильным императором Валентинианом единственную опору его шаткого трона — Аэция, и неблагодарный Валентиниан убил его собственной рукою. Но, лишившись этой опоры, он сам погиб, умерщвленный Максимом, который надел на свою детски честолюбивую голову императорскую корону и женился на его вдове Евдоксии. Мстительная вдова, раздраженная низким умерщвлением своего супруга и мало заботившаяся об участи всей Италии, тайно пригласила Гензериха вступить в Рим и отмстить за смерть императора, его союзника и друга.

Гензерих не любил заставлять долго ждать себя, он немедленно поднялся с берегов Африки с толпами своих вандалов на пиратских судах и высадился в Италию. И что только уцелело от меча Аттилы, всё то истребил по своему обыкновению Гензерих. Он не очень

разбирал, кто прав, кто виноват и кому он должен оказать помощь. Всё испытало равную участь. Гензерих имел необыкновенное искусство грабить: после него уже никто не мог ничем поживиться. Рим, который дотоле щажен был даже язычниками, был ограблен без милосердия этим христианским королем; всё, что только можно было взять, он взял. Корабли свои он наполнил множеством пленников, с которыми сам не знал, что делать; вывез множество артистов и художников, увез даже супругу императора, к которой пришел сам на помощь, вместе с дочерьми ее, наконец даже сорвал золотой купол с Капитолия и утащил его вместе с другими сокровищами в Африку.

После всех этих событий Италия не походила и на тень прежней своей славы. Цветущая, прекрасная — венец европейской природы, она представила дикий вид опустошенной, уничтоженной страны. Титло императора едва слышалось в опустелых городах. Римский император уже не мог иметь никаких доходов. Он не был в состоянии даже платить

жалованья собственному войску, набранному из герулов, ругиев и турцелингов. И тогда предводитель их Одоакр отрешил своего императора от должности; сделался неограниченным и независимым и уже не хотел принять императорского достоинства, но назвался просто королем герулов. Еще часть римского войска находилась как бы отрезанною за Альпами в Галлии, и предводитель ее Сиагрий, не зная ничего о происшествиях в Италии, защищал несуществующую империю против соединенного франкского союза, который сделался уже слишком страшным потому, что имел предприимчивого короля и полководца Кловиса. Сиагрию, отрезанному от своего государства, не получавшему никаких подкреплений, трудно было противуборствовать этим свежим силам: он уступил — и Галлия потопилась франкскими народами. Скоро после того остrogоты, предводимые Феодориком, двинулись с северных границ империи Восточной и заняли Италию, подчинив ее народы своей власти. Скоро после того англосаксы на своих неуклюжих дерзких кораблях перебрались через море и овладели Англи-

ею — и потом великие эмиграции народов большими массами совершенно остановились, но в частности, и малыми силами, они производились непрерывно. Дикие охотники, воспитанные этими всеобщими странствиями и непрерывною переменою мест, получили страсть к приключениям и путешествиям, и вся Европа, несмотря на то, что, по видимому, уже казалась неподвижною, двигалась и шевелилась подобно огромному рынку. Все нации перемешались между собою так, что уже невозможно было отыскать совершенно цельной; и только впоследствии постоянный образ правления или занятий сообщил главным из них некоторую особенность и некоторые признаки отличия. Тогда было четыре первенствующих великих собраний или масс народа, четыре главные пункта европейской силы. В Испании — визиготы, вторгнувшиеся туда с — частью покоренных народов и присоединившие к себе уже в Испании аланов, свевов, вандалов и разных подданных им народов, зародившие толпу сильных против себя бандитов в горах Астурийских. В Галлии — франки, уже составившие

нацию из прежних соседей римлян, дунайских и рейнских германцев: узипетров, сигамбров, херусков, хатов, бруктеров, ангривариев, хазуариев и других, соединившиеся с туземцами римскими галлами, соединившиеся, но не слившиеся с покоренными армориканами, бретонами, алеманами, бургундами, отчасти бауарами и фризами и простершие владычество за Альпы и Рейн. Это было одно из сильнейших собраний народов. В северной Германии — саксоны, страшные своею дикостью и пиратством, менее смешавшиеся с другими народами, и в Италии — остроготы, имевшие в толпах своих множество отродий народов, странствовавших по восточной Европе: свевских, аланских, аварских, славянских, гепидских, и под расторопным твердым правлением Феодорика получившие на время перевес в Европе. сверх того еще все эти великие массы народов распространяли покровительственную власть свою над многими отдаленными племенами. Взаимные границы их часто терялись в неопределенных пространствах; в этих промежутках земли иногда чересполосно и независимо сохранялись мно-

гие народы. Таким образом, в средней Германии — ломбарды, потом блеснувшие в Италии, часть бауаров, все народы, жившие в неизмеримых прежде лесах Гарца и в гористых уклонениях Альп. Восток Европы занимали совершенно разбросанные племена славянские, которые, находясь под вечным угнетением всех стремившихся из Азии народов, еще не успели явиться деятелями всемирной истории. За означенным кругом на север и на восток рассеивались народы, еще покрытые темною недеятельностью.

Такова была Европа в это шумное окончание V века, когда непостижимою волею провидения величественный хаос, носивший темные начала нового света, опустился на Европу, когда разрушающие народы безобразными массами текли на народы, колоссально совершались мрачные события, когда имена Алариха, Гензериха и Атиллы пронеслись беспокойными кометами, когда между тем древний мир долго дотлевал на востоке, робкое римское просвещение прижалось к берегам Сирии, Александрии, Цареграда, и ереси

Нестория и Евтихия раздирали дряхлые, старческие его силы.

ВАРИАНТЫ СТАТЕЙ ИЗ «АРАБЕСОК»

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА

(Варианты по ЛБ18)

Благодарность ~ за здравие скульптуры!

а. Как прекрасны сестры, без которых бы мир был пустыня. Эти три полные до краев кубка и первый кубок за здравие скульптуры>. Благодарность великому творцу

б. Как в тексте со следующими первоначальными вариантами:

Благодарность зиждителю мириад за благость и сострадание к людям!
за его

Благодарность зиждителю мириад за благость и сострадание к людям!
[к] и милость

Благодарность зиждителю мириад за бла-

гость и сострадание к людям!
к нашему миру

Три чудные сестры посланы им украсить и
усладить мир: без них он бы был пустыня и
без пения катился бы по своему пути.
он бы катил<ся>

Чувственная, прекрасная, она прежде все-
го посетила землю.

[При] Впереди стройная, [обнаженна<я>],
исполненная неги скульптура Чувственная,
прекрасная

Она — оставшийся след того народа, кото-
рый весь заключился в ней, со всем своим ду-
хом и жизнью.

а. Она призрак того, долго

б. Она оставшийся призрак народа [гре-
че<ского>] [котор<ый>] след того народа

Она — оставшийся след того народа, кото-
рый весь заключился в ней, со всем своим ду-
хом и жизнью.

духом жизни

Она — ясный призрак того светлого, греческого мира, который ушел от нас в глубокое удаление веков, скрылся уже туманом и до которого достигает одна только мысль поэта.
ясного

Она — ясный призрак того светлого, греческого мира, который ушел от нас в глубокое удаление веков, скрылся уже туманом и до которого достигает одна только мысль поэта.

а. скрыт уже туманом в свою

б. скрыт уже туманом в отдаленной перспективе

Она — ясный призрак того светлого, греческого мира, который ушел от нас в глубокое удаление веков, скрылся уже туманом и до которого достигает одна только мысль поэта.
еще одна только

Мир, увитый виноградными гроздьями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в

порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование.

увитый гроздиями и виноградными лозами, масличными ветв<ями?>

Мир, увитый виноградными гроздиями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка,

под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование.

а. где религия заклю<чилась?>

б. где звучит тимпа<н>

в. где несущийся в стройной пляске [где несущийся в стройной пляске а. где звучит тимпан и б. где стройная пляска] при звуке [где звучит] тимпана и [сверкает снег] [и при] в порыве прекрасных движений, обнажающих ослепительные руки и плечи, [обнажающих ослепительные руки и плечи алебастровые плечи] мир <1нрзб.>

Мир, увитый виноградными гроздиями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование.

проникло везде

Мир, увитый виноградными гроздиями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущий-

ся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование.

[та<ким?>] живым веселым

Мир, увитый виноградными гроздьями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка,

под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование.

а. увивающий

б. обним<ающий>

Мир, увитый виноградными гроздьями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным на-

родом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование.

а. чашу празд<нества?>

б. чашу пиршества, на котором прекраснейшим воображением человека из пены волн

Мир, увитый виноградными гроздьями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным на-

родом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование.

а. вереницу прекраснейшего вы<мысла?>

б. вереницу игр<?> ненаглядной мифологии

Мир, увитый виноградными гроздьями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пирше-

ства, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование.

где прекрасная

Мир, увитый виноградными гроздьями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны

несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование.

образ красоты

Мир, увитый виноградными гроздьями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заклю-

чилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование.

серебряный и белый, [как она сама]

Мир, увитый виноградными гроздьями и маслянистыми лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре;

ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование.

нет.

Мир, увитый виноградными гроздьями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым, своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся, ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование. Белая, млечная, дышащая в прозрачном мраморе красотой,

негой и сладострастием, она сохранила одну идею, одну мысль: красоту, гордую красоту человека.

[Никто] Ничто не могло так живо выразить этот полный [светлый] гордый мир как [бела<я>] скульптура белая

Белая, млечная, дышащая в прозрачном мраморе красотой, негой и сладострастием, она сохранила одну идею, одну мысль: красоту, гордую красоту человека.

И потому в скульптуре одно главное свойство, одна мысль: красота, гордая красота человека

В каком бы ни было пылу страсти, в каком бы ни было сильном порыве, но всегда в ней человек является прекрасным, гордым и невольно остановит атлетическим, свободным своим положением.

В какой бы ни было страсти

В каком бы ни было пылу страсти, в каком бы ни было сильном порыве, но всегда в ней человек является прекрасным, гордым и

невольнo останоBит атлетическим, свободным своим положением.

езде

В каком бы ни было пылу страсти, в каком бы ни было сильном порыве, но всегда в ней человек является прекрасным, гордым и невольнo останоBит атлетическим, свободным своим положением.

человек — прекрасен, горд

В каком бы ни было пылу страсти, в каком бы ни было сильном порыве, но всегда в ней человек является прекрасным, гордым и невольнo останоBит атлетическим, свободным своим положением. ЛБ18

Ар — вольно становится атлетическим

В каком бы ни было пылу страсти, в каком бы ни было сильном порыве, но всегда в ней человек является прекрасным, гордым и невольнo останоBит атлетическим, свободным своим положением.

вольным

Всё в ней слилось в красоту и чувственность: с ее страдающими группами не сливаешь страдающий вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самым их страданием; так чувство красоты пластической, спокойной пересиливает в ней стремление духа!

с страда<нием?> групп

Всё в ней слилось в красоту и чувственность: с ее страдающими группами не сливаешь страдающий вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самым их страданием; так чувство красоты пластической, спокойной пересиливает в ней стремление духа!

воплъ своего сердца

Всё в ней слилось в красоту и чувственность: с ее страдающими группами не сливаешь страдающий вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самым их страданием; так чувство красоты пластической, спокойной пересиливает в ней стремление духа!

но наслаждаешься их страданием

Всё в ней слилось в красоту и чувствен-

ность: с ее страдающими группами не сливаешь страдающий вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самым их страданием; так чувство красоты пластической, спокойной пересиливает в ней стремление духа!

а. чувство красоты пере <силивает?>

б. чувство красоты телесной пересиливает

Она никогда не выражала долгого глубокого чувства, она создавала только быстрые движения: свирепый гнев, мгновенный вопль страдания, ужас, испуг при внезапности, слезы, гордость и презрение и наконец красоту, погруженную саму в себя.

а. Скуль <птура>

б. Прекрасная скульптура

Она никогда не выражала долгого глубокого чувства, она создавала только быстрые движения: свирепый гнев, мгновенный вопль страдания, ужас, испуг при внезапности, слезы, гордость и презрение и наконец красоту, погруженную саму в себя.

не выражала и не могла выразить

Она никогда не выражала долгого глубокого чувства, она создавала ~ саму в себя.

она [мг<новенно>] [быстро] выражает одни только быстрые движения, один только гнев, один только порывный, мгновенный вопль страда<ния>, ужас, только ужас — или красоту, погруженную в саму себя

Она обращает все чувства зрителя в одно наслаждение, в наслаждение спокойное, ведущее за собою негу и самодовольство языческого мира.

Она обращает все чувства всего зрителя

В ней нет тех тайных, беспредельных чувств, которые влекут за собою бесконечные мечтания.

Но нельзя чу<вства?>

В ней не прочитаешь всей долгой, исполненной потрясений и переворотов жизни. потрясений, кризисов и переворотов

Она прекрасна, мгновенна, как красавица, глянувшая в зеркало, усмехнувшаяся, видя

свое изображение, и уже бегущая, влача с торжеством за собою толпу гордых юношей.

вдруг глянувшая в зеркало и увидевшая в нем свое чуде<с>н<ое> изображение [и по] усмехнувшая <ся>

Она прекрасна, мгновенна, как красавица, глянувшая в зеркало, усмехнувшаяся, видя свое изображение, и уже бегущая, влача с торжеством за собою толпу гордых юношей.

а. и влекущая гордо за собою

б. и с торжеством влекущая за собою толпу юношей гордых, суровых, но не в силах противиться ее божественной красоте

Она очаровательна, как жизнь, как мир, как чувственная красота, которой она служит алтарем.

Прекрасная, языческая, она очаровательна

Она очаровательна, как жизнь, как мир, как чувственная красота, которой она служит алтарем.

она возгорает алтарем

Она родилась вместе с языческим, ясно образовавшимся миром, выразила его — и умерла вместе с ним.

вместе с эт<им?>

Напрасно хотели изобразить ею высокие явления христианства, она так же отделялась от него, как самая языческая вера.

а. хотели выразить

б. хотели изобразить ею и мир христианский

Не таковы две сестры ее, живопись и музыка, которых христианство воздвигнуло из ничтожества и превратило в исполинское.

две мл<адшие?>

Не таковы две сестры ее, живопись и музыка, которых христианство воздвигнуло из ничтожества и превратило в исполинское.

которых возд<вигнуло?>

Не таковы две сестры ее, живопись и музыка, которых христианство воздвигнуло из ничтожества и превратило в исполинское.

из низкой доли

Его порывом они развились и исторгнулись из границ чувственного мира.

Его сильным порывом они раздвинулись [и] развились и исторгнулись мимо

Мне жаль ~ ясный взор ее!

Яркая, цветистая, исполненная изменений характера живопись знакомее нам сестры своей, кроткой пластической скульптуры, которой мы не в силах так понимать, как понимали ее жители древнего мира. Живопись, создание [веков христианства] много-стороннего нового мира, обширнее распространила свою область

К этому месту относятся наброски на соседних страницах:

Но я лучше люблю блистательную сестру ее. Она живее, она больше говорит нам, она прекрасна, как богатая осень в ярком убранстве

Но последний поцелуй тебе, снежная <?> скульптура. [Я пью] Выше кубок автора, кубок в честь живописи. Она небесно прекрасна,

она вдохновенно чиста

Она не схватывает одного только быстрого мгновения, какое выражает мрамор; она длит это мгновение, она продолжает жизнь за границы чувственного, она похищает явления из другого безграничного мира, для названия которых нет слов.

Она [не м<г>н<овение>] уже схватывает не то быстрое мгновение, которое

Она не схватывает одного только быстрого мгновения, какое выражает мрамор; она длит это мгновение, она продолжает жизнь за границы чувственного, она похищает явления из другого безграничного мира, для названия которых нет слов.

Она [дл<ит?>] продолжает

Она не схватывает одного только быстрого мгновения, какое выражает мрамор; она длит это мгновение, она продолжает жизнь за границы чувственного, она похищает явления из другого безграничного мира, для названия которых нет слов.

а. за гроб

б. за границы чувственности

Она не схватывает одного только быстрого мгновения, какое выражает мрамор; она длит это мгновение, она продолжает жизнь за границы чувственного, она похищает явления из другого безграничного мира, для названия которых нет слов.

похищает мысли

Она не схватывает одного только быстрого мгновения, какое выражает мрамор; она длит это мгновение, она продолжает жизнь за границы чувственного, она похищает явления из другого безграничного мира, для названия которых нет слов.

а. которым нет слов

б. для определения которых нет слов

Всё неопределенное, что не в силах выразить мрамор, рассекаемый могучим молотом скульптора, определяется вдохновенною ее кистью.

[Жи<вопись] Зритель, оторвавшись от все-

го, стоит полный неподвижного созерцания перед божественным ликом Мадонны. Он [уже] наслаждается, но уже наслаждается не здешним миром. Мысли его уже устремились в [тот мир, где уже не могут они остановиться, но несут далее], где им не предписано границ

К этому месту относится набросок на соседней странице:

Глядите на зрителя, стоящего перед ее изображени[ями]; лицо его покойно, в глазах уже выражается задумчивость, они глядят не на вещественный предмет, нет! они видят, что не всегда нам дается видеть. Он весь исполнен неподвижного тайного созерцания. Всё неопределенное

Всё неопределенное, что не в силах выразить мрамор, рассекаемый могучим молотом скульптора, определяется вдохновенною ее кистью.

молотом скульптора [всё с]

Всё неопределенное, что не в силах выра-

зить мрамор, рассекаемый могучим молотом скульптора, определяется вдохновенною ее кистью.

а. определяется кистью

б. определяется вдохновенною кистью живописца

Она также выражает страсти, понятные всякому, но чувственность уже не так властвует в них; духовное невольно проникает всё.

Она выражает также и мгновенные порывы и страсти, [но чув<етвенность?>] порывы, понятные всякому

Она также выражает страсти, понятные всякому, но чувственность уже не так властвует в них; духовное невольно проникает всё.

духовное сильнее проникает во всё

Страдание выражается живее и вызывает сострадание, и вся она требует сочувствия, а не наслаждения.

Даже обыкновенное страдание живее [изображает<ся>] выливается

Страдание выражается живее и вызывает сострадание, и вся она требует сочувствия, а не наслаждения.

произв<одит>

Страдание выражается живее и вызывает сострадание, и вся она требует сочувствия, а не наслаждения.

а. художник требует

б. как будто бы сам живописец [требует]

Она берет ~ с духовным.

а. [Кажется] Живопись менее имеет средств

б. Живопись отринула средс<тва> приблизиться к [природе], она лишена [как<?>] выпуклостей, она должна на гладкой поверхности произвести всё. Но дух человека, чем беднее имеет видимы<х> средств, тем сильнее и пространнее выражается

Но сильнее ~ вся — порыв; она вдруг за одним разом отрывает человека от земли его, оглушает его громом могущих звуков и разом погружает его в свой мир.

Но что же скажем <о> музыке, созданной религиозным стремлением духа. [Приписано внизу страницы: то власть ее могущественнее всех. Здесь же запись: [как будто по ее велению возни<кают?>] ее звуками воспитался мрачный север] Ее мир, ее область и власть вовсе отличны от двух сестер ее.

Она вся — порыв; она вдруг за одним разом отрывает человека от земли его, оглушает его громом могущих звуков и разом погружает его в свой мир.

от всего

Она вся — порыв; она вдруг за одним разом отрывает человека от земли его, оглушает его громом могущих звуков и разом погружает его в свой мир.

оглушает его разом громом могущественно<го> падения звука [Далее было: не дает ему [рас<сеяния?>] минуты рассеяния]

Она вся — порыв; она вдруг за одним разом отрывает человека от земли его, оглушает его громом могущих звуков и разом погру-

жает его в свой мир.

погружает его в мир свой. Он не имеет [времени] даже минуты размыслить и подумать. Он весь в одно мгновение в ее власти

Она властительно ударяет, как по клавишам, по его нервам, по всему его существованию и обращает его в один трепет.

могущественно ударяет

Он уже не наслаждается, он не сострадает, он сам превращается в страдание; душа его не созерцает непостижимого явления, но сама живет, живет своею жизнью, живет порывно, сокрушительно, мятежно.

не наслаждается, он [не созерцает]

Он уже не наслаждается, он не сострадает, он сам превращается в страдание; душа его не созерцает непостижимого явления, но сама живет, живет своею жизнью, живет порывно, сокрушительно, мятежно.

не созерцает, не видит

Он уже не наслаждается, он не сострадает, он сам превращается в страдание; душа его не созерцает непостижимого явления, но сама живет, живет своею жизнью, живет порывно, сокрушительно, мятежно.

живет пламенно

Невидимая, сладкогласная она проникла весь мир, разлилась и дышит в тысяче разных образов.

а. Она проникла <1нрзб.>

б. Невидимая, неизъяснимая музыка проникла весь наш мир, она

Невидимая, сладкогласная она проникла весь мир, разлилась и дышит в тысяче разных образов. ЛБ18

Ар — развилаь (опечатка?)

Она томительна и мятежна; но могущественней и восторженней под бесконечными, темными сводами катедраля, где тысячи поверженных на колени молельщиков стремится она в одно согласное движение, обнажает до

глубины сердечные их помышления, кружит и несется с ними горé, оставляя после себя долгое безмолвие и долго исчезающий звук, трепещущий в углублении остроконечной башни.

нет.

Она томительна и мятежна; но могущественней и восторженней под бесконечными, темными сводами катедраля, где тысячи поверженных на колени молельщиков стремится она в одно согласное движение, обнажает до глубины сердечные их помышления, кружит и несется с ними горé, оставляя после себя долгое безмолвие и долго исчезающий звук, трепещущий в углублении остроконечной башни.

а. но могущественнее?>

б. но восторженнее и самовластнее одна под темными, бесконечными сводами

Она томительна и мятежна; но могущественней и восторженней под бесконечными, темными сводами катедраля, где тысячи поверженных на колени молельщиков стремится

она в одно согласное движение, обнажает до глубины сердечные их помышления, кружит и несется с ними горé, оставляя после себя долгое безмолвие и долго исчезающий звук, трепещущий в углублении остроконечной башни.

людей она устремляет в одно движение и кружит и обнажает до глубины сердечные страсти и мысли?>

Она томительна и мятежна; но могущественней и восторженней под бесконечными, темными сводами катедраля, где тысячи поверженных на колени молельщиков стремится она в одно согласное движение, обнажает до глубины сердечные их помышления, кружит и несется с ними горé, оставляя после себя долгое безмолвие и долго исчезающий звук, трепещущий в углублении остроконечной башни.

выразительное, священное безмолвие и последний звук, который трепещет, умирая [под]

Как сравнить вас между собою, три пре-

красные царицы мира?

нет.

Чувственная, пленительная скульптура внушает наслаждение, живопись — тихой восторг и мечтание, музыка — страсть и смятение души; рассматривая мраморное произведение скульптуры, дух невольно погружается в упоение; рассматривая произведение живописи, он превращается в созерцание; слыша музыку, — в болезненный вопль, как бы душою овладело только одно желание вырваться из тела.

пленительная, роскошная скульптура

Чувственная, пленительная скульптура внушает наслаждение, живопись — тихой восторг и мечтание, музыка — страсть и смятение души; рассматривая мраморное произведение скульптуры, дух невольно погружается в упоение; рассматривая произведение живописи, он превращается в созерцание; слыша музыку, — в болезненный вопль, как бы душою овладело только одно желание вырваться из тела.

живопись глубокая, скромная, возвышенная [тихое] [размышление и] мечтание

Чувственная, пленительная скульптура внушает наслаждение, живопись — тихой восторг и мечтание, музыка — страсть и смятение души; рассматривая мраморное произведение скульптуры, дух невольно погружается в упоение; рассматривая произведение живописи, он превращается в созерцание; слыша музыку, — в болезненный вопль, как бы душою овладело только одно желание вырваться из тела.

музыка, стремительная, неудержимая — страсть

Чувственная, пленительная скульптура внушает наслаждение, живопись — тихой восторг и мечтание, музыка — страсть и смятение души; рассматривая мраморное произведение скульптуры, дух невольно погружается в упоение; рассматривая произведение живописи, он превращается в созерцание; слыша музыку, — в болезненный вопль, как бы душою овладело только одно желание вы-

рваться из тела.

мраморное, [небесное] легкое произведение

Чувственная, пленительная скульптура внушает наслаждение, живопись — тихой восторг и мечтание, музыка — страсть и смятение души; рассматривая мраморное произведение скульптуры, дух невольно погружается в упоение; рассматривая произведение живописи, он превращается в созерцание; слыша музыку, — в болезненный вопль, как бы душою овладело только одно желание вырваться из тела.

слуш<ая> музыку, она превращается в [ярый вопль] болезненный вопль, показывающий желание

Она — наша! она — принадлежность нового мира!

нашего нового мира

Никогда не жаждали мы так порывов, воздвигающих дух, как в нынешнее время, когда наступает на нас и давит вся дробь прихотей

и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век.

Может быть никогда так не жаждали мы

Никогда не жаждали мы так порывов, воздвигающих дух, как в нынешнее время, когда наступает на нас и давит вся дробь прихотей и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век.

на нас наступает, нас давит меркантиль<ность> и вся

Никогда не жаждали мы так порывов, воздвигающих дух, как в нынешнее время, когда наступает на нас и давит вся дробь прихотей и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век.

а. над котор<ыми>

б. над изобретен <иями> которых

Всё составляет заговор против нас; вся эта соблазнительная цепь утонченных изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства.

чтобы усыпить наши

Всё составляет заговор против нас; вся эта соблазнительная цепь утонченных изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства.

изобретений

Мы жаждем спасти нашу бедную душу, убежать от этих страшных обольстителей и — бросились в музыку.

неприятелей

О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка!

наш хранитель, спаситель наш

буди чаще наши меркантильные души!

а. Как в тексте

б. спя<щие?>

в. дремл<ющие?>

Не оставляй нас! буди чаще наши меркантильные души! ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам!

- а. вливайся, разрывая своими звуками
- б. ударяй резче [ярким<и>] пронзительными звуками своими

Волнуй, разрывай их и гони, хотя на мгновение, этот холодно-ужасный эгоизм, силящийся овладеть нашим миром.

- а. Хотя на мгновение
- б. Жги, разрывая, хотя на мгновение, гони этот

Пусть, при могущественном ударе смычка твоего, смятенная душа грабителя почувствует, хотя на миг, угрызение совести, спекулятор растеряет свои расчеты, бесстыдство и наглость невольно выронит слезу пред созданием таланта.

упрек совести

Великий зиждитель мира поверг нас в немеющее безмолвие своею глубокою мудростью: дикому, еще не развернувшемуся человеку он уже вдвинул мысль о зодчестве.

[Всевышний] Создатель простер на нас немеющее безмолвие

Великий зиждитель мира поверг нас в немеющее безмолвие своею глубокою мудростью: дикому, еще не развернувшемуся человеку он уже вдвинул мысль о зодчестве.

После глубокою мудростью возможно, следует приписка внизу страницы: в каждый эпос мира он посылал ему [гения] благодетельного, осенявшего крылом своим и разливавшего гармонию и удерживавшего его от хаоса

Простыми, без помощи механизма, силами он ворочает гранитную гору, высоким обрывом громоздит ее к небу и повергается ниц перед безобразным ее величием.

он ворочает гранит, обрывом подымает его

Древнему, ясному, чувственному миру послал он прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту — и весь древний мир обратился в фимиам красоте.

а. чувственному, готовому

б. чувственному миру, готовому погрязнуть

Древнему, ясному, чувственному миру послал он прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту — и весь древний мир обратился в фимиам красоте.

принесшую чистую, [непо<рочную?>]

Эстетическое чувство красоты слило его в одну гармонию и удержало от грубых наслаждений.

слило всех

Векам беспокойным и темным, где часто сила и неправда торжествовали, где демон суеверия и нетерпимости изгонял всё радужное в жизни, дал он вдохновенную живопись, показавшую миру неземные явления, небесные наслаждения угодников.

а. Средним векам <дал> он

б. Векам темным <1 нрзб.>, где часто сила и неправда торжество<вали> <дал> он

Векам беспокойным и темным, где часто сила и неправда торжествовали, где демон суеверия и нетерпимости изгонял всё радуж-

ное в жизни, дал он вдохновенную живопись,
показавшую миру неземные явления, небес-
ные наслаждения угодников.

показывавшую миру

Векам беспокойным и темным, где часто
сила и неправда торжествовали, где демон
суеверия и нетерпимости изгонял всё радуж-
ное в жизни, дал он вдохновенную живопись,
показавшую миру неземные явления, небес-
ные наслаждения угодников.

наслаждения жизни его угодников

Но в наш юный и дряхлый век ниспослал
он могущественную музыку, стремительно
обращать нас к нему.

Нам, новому нашему времени

Но в наш юный и дряхлый век ниспослал
он могущественную музыку, стремительно
обращать нас к нему.

послал

Но в наш юный и дряхлый век ниспослал
он могущественную музыку, стремительно

обращать нас к нему.
смело обращать

Но если и музыка нас оставит, что будет
тогда с нашим миром?
что тогда будет

О СРЕДНИХ ВЕКАХ

[Варианты, при которых шифр не указан, —
из ПД2]

(Варианты по ПД2 и ПЖМНП, 1834)

Никогда история мира не принимает такой важности и значительности, никогда не показывает она такого множества индивидуальных явлений, как в средние веки.

Приступая к чтению истории средних веков, я должен необходимо изъяснить прежде всего достоин<ства> Никогда история ПД2,

ПЖМНП, 1834 — Приступая к чтению моих лекций истории средних веков, я необходимо должен прежде всего изъяснить вам истинные достоинства ее Никогда история

Никогда история мира не принимает такой важности и значительности, никогда не показывает она такого множества индивидуальных явлений, как в средние веки.

ПД2 — не принимает для нас такой важности, как в это время, несмотря на то, что оно обыкновенно считается мелким и самым безынтересным в истории человечества [Далее начато: а. В средних веках заключено <?> назв<ание?> б. Повто<?>]

ПЖМНП, 1834 — не принимает такой важности и значительности для нас, как в это время, несмотря на то, что его часто почитают мелким и безынтересным

Все события мира, приближаясь к этим векам, после долгой неподвижности, текут с усиленною быстротою, как в пучину, как в мятежный водоворот, и, закружившись в нем, перемешавшись, переродившись, выходят свежими волнами.

а. текут с усиленною быстротою к

б. текут как к

в. текут [Над строкой начато исправление: приближаясь при] в средние <века> как будто

в пучину [в великий] мятежный водоворот
[приближаясь к этому]

Все события мира, приближаясь к этим векам, после долгой неподвижности, текут с усиленною быстротою, как в пучину, как в мятежный водоворот, и, закружившись в нем, перемешавшись, переродившись, выходят свежими волнами.

и смешавшись

Все события мира, приближаясь к этим векам, после долгой неподвижности, текут с усиленною быстротою, как в пучину, как в мятежный водоворот, и, закружившись в нем, перемешавшись, переродившись, выходят свежими волнами.

новыми волнами

В них совершилось великое преобразование всего мира; они составляют узел, связывающий мир древний с новым; им можно назначить то же самое место в истории человечества, какое занимает в устройении человеческого тела сердце, к которому текут и от кото-

рого исходят все жилы.
составляют великий узел

В них совершилось великое преобразование всего мира; они составляют узел, связывающий мир древний с новым; им можно назначить то же самое место в истории человечества, какое занимает в устройении человеческого тела сердце, к которому текут и от которого исходят все жилы.

как занимает сердце в устройении человеческого тела

В них совершилось великое преобразование всего мира; они составляют узел, связывающий мир древний с новым; им можно назначить то же самое место в истории человечества, какое занимает в устройении человеческого тела сердце, к которому текут и от которого исходят все жилы.

все жилы и нервы

Как совершилось это всемирное преобразование?

всемирное преобраз<ение>

Как совершилось это всемирное преобразование? какие удержались в нем старые стихии?

старые стихии? [как они изме<нились?>]

Как совершилось это всемирное преобразование? какие удержались в нем старые стихии? что прибавлено нового?

что прибавлено нового? [как составилось]

как образовалось величественное, стройное здание веков новых?

а. как соверш<ился> весь этот процесс и как

б. и как твори<лось?>

в. и [как] образовалось это величественное и далее как в тексте

Всё, что мы имеем, чем пользуемся, чем можем похвалиться перед другими веками, всё устройство и искусное сложение наших административных частей, все отношения разных сословий между собою, самые даже сословия, наша религия, наши права и приви-

легии, нравы, обычаи, самые знания, совершившие такой быстрый прогрессивный ход, — всё это или получило начало и зародыш, или даже развилось и образовалось в темные, закрытые для нас средние века.

Всё, что мы [им<еем>] ни имеем, чем мы ни пользуемся, чем ни можем похвалиться

Всё, что мы имеем, чем пользуемся, чем можем похвалиться перед другими веками, всё устройство и искусное сложение наших административных частей, все отношения разных сословий между собою, самые даже сословия, наша религия, наши права и привилегии, нравы, обычаи, самые знания, совершившие такой быстрый прогрессивный ход, — всё это или получило начало и зародыш, или даже развилось и образовалось в темные, закрытые для нас средние века.

и всё <1 нрзб.> сложение

Всё, что мы имеем, чем пользуемся, чем можем похвалиться перед другими веками, всё устройство и искусное сложение наших административных частей, все отношения

разных сословий между собою, самые даже сословия, наша религия, наши права и привилегии, нравы, обычаи, самые знания, совершившие такой быстрый прогрессивный ход, — всё это или получило начало и зародыш, или даже развилось и образовалось в темные, закрытые для нас средние века.

отношения между собою разных сословий

Всё, что мы имеем, чем пользуемся, чем можем похвалиться перед другими веками, всё устройство и искусное сложение наших административных частей, все отношения разных сословий между собою, самые даже сословия, наша религия, наши права и привилегии, нравы, обычаи, самые знания, совершившие такой быстрый прогрессивный ход, — всё это или получило начало и зародыш, или даже развилось и образовалось в темные, закрытые для нас средние века.

религия [нра<вы>] [обыча<и>] и привилегии

Всё, что мы имеем, чем пользуемся, чем можем похвалиться перед другими веками,

всё устройство и искусное сложение наших административных частей, все отношения разных сословий между собою, самые даже сословия, наша религия, наши права и привилегии, нравы, обычаи, самые знания, совершившие такой быстрый прогрессивный ход, — всё это или получило начало и зародыш, или даже развилось и образовалось в темные, закрытые для нас средние века.

самые даже чудные знания наши, которые совершили

Всё, что мы имеем, чем пользуемся, чем можем похвалиться перед другими веками, всё устройство и искусное сложение наших административных частей, все отношения разных сословий между собою, самые даже сословия, наша религия, наши права и привилегии, нравы, обычаи, самые знания, совершившие такой быстрый прогрессивный ход, — всё это или получило начало и зародыш, или даже развилось и образовалось в темные, закрытые для нас средние века.

изумительный

Всё, что мы имеем, чем пользуемся, чем можем похвалиться перед другими веками, всё устройство и искусное сложение наших административных частей, все отношения разных сословий между собою, самые даже сословия, наша религия, наши права и привилегии, нравы, обычаи, самые знания, совершившие такой быстрый прогрессивный ход, — всё это или получило начало и зародыш, или даже развилось и образовалось в темные, закрытые для нас средние века.

образовалось в эти темные

В них первоначальные стихии и фундамент всего нового; без глубокого и внимательного исследования их не ясна, не удовлетворительна, не полна новая история; и слушатели ~ подземелье, где скрыты первые всемогущие колеса, дающие толчок всему: такая история похожа на статую художника, не изучившего анатомии человека.

Она в этом отношении похожа на великолепное строение фабрики, [Далее было: где, когда наблюдатель входит в комнату окончательных изделий, он видит <...>] в которой

мы изумляемся быстрому образованию и от-
де<лке?> почти в глазах посети<телей> самых
трудных изделий, но позабывших заглянуть в
мрачное подземелье

В них первоначальные стихии и фунда-
мент всего нового; без глубокого и внима-
тельного исследования их не ясна, не удовле-
творительна, не полна новая история; и слу-
шатели ее похожи на посетителей фабрики,
которые изумляются быстрой отделке изде-
лий, совершающейся почти перед глазами их,
но позабывают заглянуть в темное подземе-
лье, где скрыты первые всемогущие колеса,
дающие толчок всему: такая история похожа
на статую художника, не изучившего анато-
мии человека.

поднимаю<щие?>

В них первоначальные стихии и фунда-
мент всего нового; без глубокого и внима-
тельного исследования их не ясна, не удовле-
творительна, не полна новая история; и слу-
шатели ее похожи на посетителей фабрики,
которые изумляются быстрой отделке изде-

лий, совершающейся почти перед глазами их, но позабывают заглянуть в темное подземелье, где скрыты первые всемогущие колеса, дающие толчок всему: такая история похожа на статую художника, не изучившего анатомии человека.

История эта

В них первоначальные стихии и фундамент всего нового; без глубокого и внимательного исследования их не ясна, не удовлетворительна, не полна новая история; и слушатели ее похожи на посетителей фабрики, которые изумляются быстрой отделке изделий, совершающейся почти перед глазами их, но позабывают заглянуть в темное подземелье, где скрыты первые всемогущие колеса, дающие толчок всему: такая история похожа на статую художника, не изучившего анатомии человека.

а. которая несмотря на <1 нрзб.> достоинства не совершенна, потому что художник не знал вполне анатомии

б. не знавшего<?> анатомии человека

Отчего же, несмотря на всю важность этих необыкновенных веков, всегда как-то неохотно ими занимались?

Но отчего же

Отчего же, несмотря на всю важность этих необыкновенных веков, всегда как-то неохотно ими занимались?

а. этих великих вопросов

б. этого необыкновенного времени

Отчего же, несмотря на всю важность этих необыкновенных веков, всегда как-то неохотно ими занимались?

занимались среднею истори<ею>

Отчего, приближаясь к ним, всегда спешили скорее пройти их и отделаться от них, и редкие, очень редкие, пораженные величиим предмета, возлагали на себя труд разрешить некоторые из приведенных вопросов?

нет

Отчего, приближаясь к ним, всегда спешили скорее пройти их и отделаться от них, и

редкие, очень редкие, пораженные величиим предмета, возлагали на себя труд разрешить некоторые из приведенных вопросов?

ПД2 — редкие

ПЖМНП, 1834 — Отчего редкие, очень редкие

Отчего, приближаясь к ним, всегда спешили скорее пройти их и отделаться от них, и редкие, очень редкие, пораженные величиим предмета, возлагали на себя труд разрешить некоторые из приведенных вопросов?

возлагали на себя обет

Отчего, приближаясь к ним, всегда спешили скорее пройти их и отделаться от них, и редкие, очень редкие, пораженные величиим предмета, возлагали на себя труд разрешить некоторые из приведенных вопросов?

ПД2 — хотя некоторые из сказанных мною вопросов

ПЖМНП, 1834 — некоторые из приведенных мною вопросов

Мне кажется, это происходило оттого, что средней истории назначали самое низшее место.

ПД2 — На это отвечать [теперь] [весьма] не трудно

ПЖМНП, 1834 — Отвечать на это не трудно

Время ее действия считали слишком варварским, слишком невежественным, и оттого-то оно ~ величайшее любопытство.

ПД2 — чтобы заняться им. Но если бы [даже] это обвинение было [совершенно] вполне справедливо, то и тогда ничем не оправдывается их невнимание. Те же люди, которые так пренебрегали этими невежественными веками, готовы были бог знает что за [то, чтобы] горсть сведений о первоначальных веках древнего мира, которые были ничуть не просвещеннее [были так же невежественны, как и] первоначального времени веков средних.

Но назвать совершенно варварским и невежественным это время [варварскими и невежественными эти времена] — неосмотрительность непростительная недаленовид-

ность, чтоб не сказать невежество

ПЖМНП, 1834 — чтобы заняться им ~ такое невнимание. Те же люди ~ готовы были заплатить бог знает за что за одну искру сведений о первоначальных временах древнего мира, которые были так же невежественны, как и первоначальные времена веков средних, имеющих на своей стороне перевес близостью родственных уз с нами. Назвать же их совершенно варварскими и невежественными — неосмотрительность, непростительная недалёковидность, чтоб не сказать невежество

Самый процесс слияния двух жизней, древнего мира и нового, это резкое противоречие их образов и свойств, эти дряхлые, умирающие стихии старого мира, которые тянутся по новому пространству, как реки, впавшие в море, но долго еще не сливающие своих пресных вод с солеными волнами; эти дикие, мощные стихии нового, упорно не допускающие к себе чуждого влияния, но наконец невольно принимающие его; это старание, с каким европейские дикари кроят по-своему

римское просвещение; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римских форм, законов, среди новых, еще неопределенных, не получивших ни образа, ни границ, ни порядка; самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы и тысящелетней силы ее, — они все для нас занимательнее и более возбуждают любопытства, нежели неподвижное время всесветной Римской империи под правлением ее бессильных императоров.

а. Это слия<ние>

б. Самый интересный процесс слияния

Самый процесс слияния двух жизней, древнего мира и нового, это резкое противоречие их образов и свойств, эти дряхлые, умирающие стихии старого мира, которые тянутся по новому пространству, как реки, впавшие в море, но долго еще не сливающие своих пресных вод с солеными волнами; эти дикие, мощные стихии нового, упорно не допускающие к себе чуждого влияния, но наконец невольно принимающие его; это старание, с каким европейские дикари кроят по-своему

римское просвещение; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римских форм, законов, среди новых, еще неопределенных, не получивших ни образа, ни границ, ни порядка; самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы и тысящелетней силы ее, — они все для нас занимательнее и более возбуждают любопытства, нежели неподвижное время всесветной Римской империи под правлением ее бессильных императоров.

а. форм

б. свойств

Самый процесс слияния двух жизней, древнего мира и нового, это резкое противоречие их образов и свойств, эти дряхлые, умирающие стихии старого мира, которые тянутся по новому пространству, как реки, впавшие в море, но долго еще не сливающие своих пресных вод с солеными волнами; эти дикие, мощные стихии нового, упорно не допускающие к себе чуждого влияния, но наконец невольно принимающие его; это старание, с каким европейские дикари кроят по-своему

римское просвещение; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римских форм, законов, среди новых, еще неопределенных, не получивших ни образа, ни границ, ни порядка; самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы и тысящелетней силы ее, — они все для нас занимательнее и более возбуждают любопытства, нежели неподвижное время всесветной Римской империи: под правлением ее бессильных императоров. ПЖМНП, 1834;

ПД2 — [с морскими] с его сильными волнами;

Ар — с сильными волнами

Самый процесс слияния двух жизней, древнего мира и нового, это резкое противоречие их образов и свойств, эти дряхлые, умирающие стихии старого мира, которые тянутся по новому пространству, как реки, впавшие в море, но долго еще не сливающие своих пресных вод с солеными волнами; эти дикие, мощные стихии нового, упорно не допускающие к себе чуждого влияния, но наконец

невольны принимающие его; это старание, с каким европейские дикари кроют по-своему римское просвещение; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римских форм, законов, среди новых, еще неопределенных, не получивших ни образа, ни границ, ни порядка; самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы и тысящелетней силы ее, — они все для нас занимательнее и более возбуждают любопытства, нежели неподвижное время всесветной Римской империи под правлением ее бессильных императоров.

чуждого, просвещенного влияния

Самый процесс слияния двух жизней, древнего мира и нового, это резкое противоречие их образов и свойств, эти дряхлые, умирающие стихии старого мира, которые тянутся по новому пространству, как реки, впавшие в море, но долго еще не сливающие своих пресных вод с солеными волнами; эти дикие, мощные стихии нового, упорно не допускающие к себе чуждого влияния, но наконец невольны принимающие его; это старание, с

каким европейские дикари кроят по-своему римское просвещение; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римских форм, законов, среди новых, еще неопределенных, не получивших ни образа, ни границ, ни порядка; самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы и тысящелетней силы ее, — они все для нас занимательнее и более возбуждают любопытства, нежели неподвижное время всесветной Римской империи под правлением ее бессильных императоров.

кроят римское просвещ<ение> по-своему

Самый процесс слияния двух жизней, древнего мира и нового, это резкое противоречие их образов и свойств, эти дряхлые, умирающие стихии старого мира, которые тянутся по новому пространству, как реки, впавшие в море, но долго еще не сливающие своих пресных вод с солеными волнами; эти дикие, мощные стихии нового, упорно не допускающие к себе чуждого влияния, но наконец невольно принимающие его; это старание, с каким европейские дикари кроят по-своему

римское просвещение; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римских форм, законов, среди новых, еще неопределенных, не получивших ни образа, ни границ, ни порядка; самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы и тысящелетней силы ее, — они все для нас занимательнее и более возбуждают любопытства, нежели неподвижное время всесветной Римской империи под правлением ее бессильных императоров.

среди новых стихий, среди новых, еще неопределенных

Самый процесс слияния двух жизней, древнего мира и нового, это резкое противоречие их образов и свойств, эти дряхлые, умирающие стихии старого мира, которые тянутся по новому пространству, как реки, впавшие в море, но долго еще не сливающие своих пресных вод с солеными волнами; эти дикие, мощные стихии нового, упорно не допускающие к себе чуждого влияния, но наконец невольно принимающие его; это старание, с каким европейские дикари кроят по-своему

римское просвещение; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римских форм, законов, среди новых, еще неопределенных, не получивших ни образа, ни границ, ни порядка; самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы и тысящелетней силы ее, — они все для нас занимательнее и более возбуждают любопытства, нежели неподвижное время всесветной Римской империи под правлением ее бессильных императоров.

[Самый этот хаос] Всё это мне кажется гораздо занимательнее, гораздо более возбуждает

Самый процесс слияния двух жизней, древнего мира и нового, это резкое противоречие их образов и свойств, эти дряхлые, умирающие стихии старого мира, которые тянутся по новому пространству, как реки, впавшие в море, но долго еще не сливающие своих пресных вод с солеными волнами; эти дикие, мощные стихии нового, упорно не допускающие к себе чуждого влияния, но наконец невольно принимающие его; это старание, с

каким европейские дикари кроят по-своему римское просвещение; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римских форм, законов, среди новых, еще неопределенных, не получивших ни образа, ни границ, ни порядка; самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы и тысящелетней силы ее, — они все для нас занимательнее и более возбуждают любопытства, нежели неподвижное время всесветной Римской империи под правлением ее бессильных императоров.

всё неподвижное время [бессильных] все-светной империи под правлением бессильных римских императоров

Другая причина, почему неохотно занимались историею средних веков, это — мнимая сухость, которую привыкли сливать с понятием о ней.

а. почему не так много

б. почему не хотели обращать внимание на первоначальную историю [а. на крестовые походы б. на историю средних веков] ПД2;

ПЖМНП, 1834 — почему мало обращали внимания на историю средних веков

Другая причина, почему неохотно занимались историею средних веков, это — мнимая сухость, которую привыкли сливать с понятием о ней.

[они] привыкли сливать в мыслях с первоначальной историей [с первоначальным временем истории] нынешней Европы

На нее глядели, как на кучу происшествий нестройных, разнородных, как на толпу раздробленных и бессмысленных движений, не имеющих главной нити, которая бы совокупляла их в одно целое.

Они гляде<ли>

На нее глядели, как на кучу происшествий нестройных, разнородных, как на толпу раздробленных и бессмысленных движений, не имеющих главной нити, которая бы совокупляла их в одно целое.

а. как на кучу

б. как на толпу самых раздробленных

На нее глядели, как на кучу происшествий нестройных, разнородных, как на толпу раздробленных и бессмысленных движений, не имеющих главной нити, которая бы совокупляла их в одно целое.

а. не находили нити

б. не <2 нрзб.> нити

в. не имеющих<?> нити

На нее глядели, как на кучу происшествий нестройных, разнородных, как на толпу раздробленных и бессмысленных движений, не имеющих главной нити, которая бы совокупляла их в одно целое.

связывала их и совокупляла

На нее глядели, как на кучу происшествий нестройных, разнородных, как на толпу раздробленных и бессмысленных движений, не имеющих главной нити, которая бы совокупляла их в одно целое.

а. в одно целое. Я не почитаю даже

б. в одно целое. Мнение это я не почитаю стоящим возражения, несообразность его

видна сама собою ПД2,

ПЖМНП, 1834 — Мнения этого я ~сама собою

В самом деле ее страшная, необыкновенная сложность с первого раза не может не показаться чем-то хаосным, но рассматривайте внимательнее и глубже, и вы найдете и связь, и цель, и направление; я однако же не отрицаю, что для самого умения найти всё это нужно быть одарену тем чутьем, которым обладают немногие историки.

нет

В самом деле ее страшная, необыкновенная сложность с первого раза не может не показаться чем-то хаосным, но рассматривайте внимательнее и глубже, и вы найдете и связь, и цель, и направление; я однако же не отрицаю, что для самого умения найти всё это нужно быть одарену тем чутьем, которым обладают немногие историки.

вы можете отыскать

В самом деле ее страшная, необыкновенная

ная сложность с первого раза не может не показаться чем-то хаосным, но рассматривайте внимательнее и глубже, и вы найдете и связь, и цель, и направление; я однако же не отрицаю, что для самого умения найти всё это нужно быть одарену тем чутьем, которым обладают немногие историки.

ПД2 — но я не отрицаю

ПЖМНП, 1834 — но я не отрицаю также

В самом деле ее страшная, необыкновенная сложность с первого раза не может не показаться чем-то хаосным, но рассматривайте внимательнее и глубже, и вы найдете и связь, и цель, и направление; я однако же не отрицаю, что для самого умения найти всё это нужно быть одарену тем чутьем, которым обладают немногие историки.

а. оты<скать>,

б. найти это

В самом деле ее страшная, необыкновенная сложность с первого раза не может не показаться чем-то хаосным, но рассматривайте внимательнее и глубже, и вы найдете и связь,

и цель, и направление; я однако же не отрицаю, что для самого умения найти всё это нужно быть одарену тем чутьем, которым обладают немногие историки.

ПД2; ПЖМНП, 1834 — быть одарену свыше

В самом деле ее страшная, необыкновенная сложность с первого раза не может не показаться чем-то хаотичным, но рассматривайте внимательнее и глубже, и вы найдете и связь, и цель, и направление; я однако же не отрицаю, что для самого умения найти всё это нужно быть одарену тем чутьем, которым обладают немногие историки.

которым сильны

После их волшебного прикосновения происшествие оживляется и приобретает свою собственность, свою занимательность; без них оно долго представляется для всякого сухим и бессмысленным.

нет

Всё, что было и происходило, — всё занимательно, если только о нем сохранились

верные летописи, выключая разве совершенное бесстрашие народов; везде есть нить, как во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бывает заткана утком: как в лучистом камне есть невидимый свет, который он отливает, будучи обращен к солнцу, — она исчезает только с утратою известий.

[Нет] Все события и происшествия, всё, что было

Всё, что было и происходило, — всё занимательно, если только о нем сохранились верные летописи, выключая разве совершенное бесстрашие народов; везде есть нить, как во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бывает заткана утком: как в лучистом камне есть невидимый свет, который он отливает, будучи обращен к солнцу, — она исчезает только с утратою известий.

остались летописи

Всё, что было и происходило, — всё занимательно, если только о нем сохранились верные летописи, выключая разве ~ с утратою известий.

ПД2 — и если страсти сильно горели и действовали [К этому месту, по-видимому, относится приписка: Везде есть нити и связи, соединяющие события, пока более или менее скрыто [но исчезают] и совершенно [когда в] исчезают тогда только, <когда> прекращают<ся> всякие известия]

ПЖМНП, 1834 — выключая только разве ~ только будучи обращен и далее как в тексте

Так и в первоначальных веках средней истории сквозь всю кучу происшествий невидимую нитью тянется постепенное возрастание папской власти и развивается феодализм.

а. Так и в средней <истории>

б. Так в первоначальных и далее как в тексте

Так и в первоначальных веках средней истории сквозь всю кучу происшествий невидимую нитью тянется постепенное возрастание папской власти и развивается феодализм.

тянется невидимо

Так и в первоначальных веках средней ис-

тории сквозь всю кучу происшествий невидимую нитью тянется постепенное возрастание папской власти и развивается феодализм.

возрастание власти папы

Казалось, события происходили совершенно отдельно и блеском своим затемняли уединенного, еще скромного римского первосвященника; действовал сильный государь или его вассал и действовал лично для себя, а между тем существенные выгоды незаметно текли в Рим.

происходили такие, которые блеском своим совершенно затемняли

Казалось, события происходили совершенно отдельно и блеском своим затемняли уединенного, еще скромного римского первосвященника; действовал сильный государь или его вассал и действовал лично для себя, а между тем существенные выгоды незаметно текли в Рим.

а. старог<о>

б. уединенного

Казалось, события происходили совершенно отдельно и блеском своим затемняли уединенного, еще скромного римского первосвященника; действовал сильный государь или его вассал и действовал лично для себя, а между тем существенные выгоды незаметно текли в Рим.

а. а все выгоды

б. а существенные выгоды незаметно переходили

И всё, что ни происходило, казалось, нарочно происходило для папы.

кажется нарочно

И всё, что ни происходило, казалось, нарочно происходило для папы.

для того, чтобы прибавить новую силу папе

Гильдебрандт только отдернул занавес и показал власть, уже давно приобретенную папами.

а. Гильдебрандт первый

б. Гильдебрандт тихо поднял занавес

Гильдебрандт только отдернул занавес и показал власть, уже давно приобретенную папами.

а. и можно сказать только

б. и показал могущество, уже давно приобретенное папами, но непонятное для прочих <?>, [но непонятное для прочих<?>: до тех пор оно было <1 нрзб.>] как основа в ткани, затканная пестрым утком

История средних веков менее всего может назваться скучною.

[В доказательство же, что] [Над строкой начато исправление и зачеркнуто: Обвинения в сухости менее всего] История средних веков

История средних веков менее всего может назваться скучною.

менее всех других

Нигде нет такой пестроты, такого живого действия, таких резких противоположностей,

такой странной яркости, как в ней: ее можно сравнить с огромным строением, в фундаменте которого улегся свежий, крепкий как вечность гранит, а толстые стены выведены из различного, старого и нового материала, так что на одном кирпиче видны готфские руны, на другом блестит римская позолота; арабская резьба, греческий карниз, готическое окно — всё слепилось в нем и составило самую пеструю башню.

такой силы действия

Нигде нет такой пестроты, такого живого действия, таких резких противоположностей, такой странной яркости, как в ней: ее можно сравнить с огромным строением, в фундаменте которого улегся свежий, крепкий как вечность гранит, а толстые стены выведены из различного, старого и нового материала, так что на одном кирпиче видны готфские руны, на другом блестит римская позолота; арабская резьба, греческий карниз, готическое окно — всё слепилось в нем и составило самую пеструю башню.

такой изумительной

Нигде нет такой пестроты, такого живого действия, таких резких противоположностей, такой странной яркости, как в ней: ее можно сравнить с огромным строением, в фундаменте которого улегся свежий, крепкий как вечность гранит, а толстые стены выведены из различного, старого и нового материала, так что на одном кирпиче видны готфские руны, на другом блестит римская позолота; арабская резьба, греческий карниз, готическое окно — всё слепилось в нем и составило самую пеструю башню.

Она похожа

Нигде нет такой пестроты, такого живого действия, таких резких противоположностей, такой странной яркости, как в ней: ее можно сравнить с огромным строением, в фундаменте которого улегся свежий, крепкий как вечность гранит, а толстые стены выведены из различного, старого и нового материала, так что на одном кирпиче видны готфские руны, на другом блестит римская позолота; арабская резьба, греческий карниз, готическое ок-

но — всё слепилось в нем и составило самую пеструю башню.

с величественным

Нигде нет такой пестроты, такого живого действия, таких резких противоположностей, такой странной яркости, как в ней: ее можно сравнить с огромным строением, в фундаменте которого улегся свежий, крепкий как вечность гранит, а толстые стены выведены из различного, старого и нового материала, так что на одном кирпиче видны готфские руны, на другом блестит римская позолота; арабская резьба, греческий карниз, готическое окно — всё слепилось в нем и составило самую пеструю башню.

а. фунда<мент>

б. в новом<?> [**<в>** выстроенном, новом]
фундаменте из крепкого гранита

в. в фундаменте которого улегся крепкий гранит

Нигде нет такой пестроты, такого живого действия, таких резких противоположностей, такой странной яркости, как в ней: ее можно

сравнить с огромным строением, в фундаменте которого улегся свежий, крепкий как вечность гранит, а толстые стены выведены из различного, старого и нового материала, так что на одном кирпиче видны готфские руны, на другом блестит римская позолота; арабская резьба, греческий карниз, готическое окно — всё слепилось в нем и составило самую пеструю башню.

и старого и нового

Нигде нет такой пестроты, такого живого действия, таких резких противоположностей, такой странной яркости, как в ней: ее можно сравнить с огромным строением, в фундаменте которого улегся свежий, крепкий как вечность гранит, а толстые стены выведены из различного, старого и нового материала, так что на одном кирпиче видны готфские руны, на другом блестит римская позолота; арабская резьба, греческий карниз, готическое окно — всё слепилось в нем и составило самую пеструю башню.

на другом

Но яркость, можно сказать, только внешний признак событий средних веков; внутреннее же их достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юности, и оригинальность, делающая их единственными, не встречающими себе подобия и повторения ни в древние, ни в новые времена.

а. только ви<димое?>

б. можно сказать, только, видимое достоинство [происшеств<вий>]

Но яркость, можно сказать, только внешний признак событий средних веков; внутреннее же их достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юности, и оригинальность, делающая их единственными, не встречающими себе подобия и повторения ни в древние, ни в новые времена.

колоссальность и исполинская

Но яркость, можно сказать, только внеш-

ний признак событий средних веков; внутреннее же их достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юноши, и оригинальность, делающая их единственными, не встречающими себе подобия и повторения ни в древние, ни в новые времена.

которая делает их

Но яркость, можно сказать, только внешний признак событий средних веков; внутреннее же их достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юноши, и оригинальность, делающая их единственными, не встречающими себе подобия и повторения ни в древние, ни в новые времена.

не встретившими себе

Бросим взгляд на те из событий, которые произвели сильное влияние.

нет.

Главный сюжет ~ история папы.

Средние века можно назвать историей папы. Он — могущественный обладатель [средних веков] их. Он как <бы> движет всеми силами и как бог языческой одним мановением своим [управляет?] правит их судьбою. [Его возраст] Его история есть главный сюжет средних веков

Его непреодолимое желание властвовать, его постоянные средства, исполненные проныцательности и мудрости, следствия старческого возраста, его деспотизм и деспотизм бесчисленных легионов его могущественного духовенства — ревностных подданных духовного монарха, наложивших свои железные оковы на все углы мира, куда ни проникло знамение креста, — представляют явление единственное, колоссальное и не повторявшееся никогда.

а. Его средства

б. Его старания

Его непреодолимое желание властвовать, его постоянные средства, исполненные про-

нищательности и мудрости, следствия старческого возраста, его деспотизм и деспотизм бесчисленных легионов его могущественного духовенства — ревностных подданных духовного монарха, наложивших свои железные оковы на все углы мира, куда ни проникло знамение креста, — представляют явление единственное, колоссальное и не повторявшееся никогда.

властвовать [Его испо<лненные?>]

Его непреодолимое желание властвовать, его постоянные средства, исполненные про нищательности и мудрости, следствия старческого возраста, его деспотизм и деспотизм бесчисленных легионов его могущественного духовенства — ревностных подданных духовного монарха, наложивших свои железные оковы на все углы мира, куда ни проникло знамение креста, — представляют явление единственное, колоссальное и не повторявшееся никогда.

наложивших<?> оковы своей [власти] тяжелой власти во всех уголках мира

Его непреодолимое желание властвовать, его постоянные средства, исполненные про- ницательности и мудрости, следствия старче- ского возраста, его деспотизм и деспотизм бесчисленных легионов его могущественного духовенства — ревностных подданных духов- ного монарха, наложивших свои железные оковы на все углы мира, куда ни проникло знамение креста, — представляют явление единственное, колоссальное и не повторяв- шееся никогда.

небесное знамение креста св<ят>ого<?>

Его непреодолимое желание властвовать, его постоянные средства, исполненные про- ницательности и мудрости, следствия старче- ского возраста, его деспотизм и деспотизм бесчисленных легионов его могущественного духовенства — ревностных подданных духов- ного монарха, наложивших свои железные оковы на все углы мира, куда ни проникло знамение креста, — представляют явление единственное, колоссальное и не повторяв- шееся никогда.

а. Это такое<?> чудное, такое<?> дивное

б. Это великое явление, такое великое явление, которому равного вряд ли может представить история

Не стану говорить о злоупотреблении и о тяжести оков духовного деспота.

Не буду

Не стану говорить о злоупотреблении и о тяжести оков духовного деспота.

о злоупотреблениях, о тяжести оков, наложенных на мир<?> рукою духовного деспота

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не

устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

Проникнув глубже

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы

долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

мы увидим

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы возвратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устра-

нившую свою крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

в свою руку

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развернулись; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую свою крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явле-

ния Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

Европа рассыпалась бы [Государства]

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над

нею, вместо креста.

государства бы вдруг [бы], может быть, некоторые поднялись, вдруг развратились

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

на гибель другим

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

образование и дух неровна бы разлились

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развернулись; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

а. на одном ме<сте>

б. одна страна слишком бы вознеслась образ<анием>

в. в одном месте образо-в<ание> вознес-

лось бы вперед

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста. ПД2, ПЖМНП, 1834

Ар — Европа не устоялась

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы разворотились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

не сохранила бы

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения:

не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста. ПД2, ПЖМНП, 1834

Ар — она бы более

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему же-

ланию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

а. бродила в хаосе

б. была хаосом

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы,

связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

она бы не имела

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы раз-

вратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

а. отразившую [магоме<тан?>] рабов Магоме<та?>

б. устранившую восточных завоевате<лей>

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы раз-

вратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

[Без это<го>] и может быть без [этого] того<?> великого события вся Европа уступила

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость

свою на гибель соседям; образование и дух народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

а. утвердилась

б. вознеслась бы

Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух

народный разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, устранившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо креста.

нет.

Невольню преклонишь колена, следя чудные пути провидения: власть папам как будто нарочно дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнут возраста повелевать другими; чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна.

а. Мы невольню должны преклониться святой мудрости провидения

б. Рассматривая дела провидения мы невольно должны преклониться пред ним

Невольно преклонишь колена, следя чудные пути провидения: власть папам как будто нарочно дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнут возраста повелевать другими; чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна.

государства в это время

Невольно преклонишь колена, следя чудные пути провидения: власть папам как будто нарочно дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнут возраста повелевать другими; чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна.

а. чтобы в них

б. чтобы они<?> повиновались покаместь

Невольно преклонишь колена, следя чудные пути провидения: власть папам как будто нарочно дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнут возраста повелевать другими; чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна.

жизнь человека

И как только народы достигли состояния управлять собою, власть папы, как исполнившая уже свое предназначение, как более уже ненужная, вдруг поколебалась и стала, разрушаться, несмотря на все сильные меры, на всё желание удержать гибнущие силы свои.

народы достигли [того]

И как только народы достигли состояния управлять собою, власть папы, как исполнившая уже свое предназначение, как более уже ненужная, вдруг поколебалась и стала, разрушаться, несмотря на все сильные меры, на

всё желание удержать гибнущие силы свои.
уже ненужная, чтобы руководить народы

И как только народы достигли состояния управлять собою, власть папы, как исполнившая уже свое предназначение, как более уже ненужная, вдруг поколебалась и стала, разрушаться, несмотря на все сильные меры, на всё желание удержать гибнущие силы свои.
удержать за собою гибнущую силу свою

Власть их в этом отношении была то же, что подмости и лес для постройки здания; вначале они выше и кажутся значительнее самого строения, но как только строение достигло настоящей высоты, они как ненужные принимаются прочь.

значительнее самого здания

Власть их в этом отношении была то же, что подмости и лес для постройки здания; вначале они выше и кажутся значительнее самого строения, но как только строение достигло настоящей высоты, они как ненужные принимаются прочь.

здание достигло

Власть их в этом отношении была то же, что подмости и лес для постройки здания; вначале они выше и кажутся значительнее самого строения, но как только строение достигло настоящей высоты, они как ненужные принимаются прочь.

снимаются прочь

С мыслью о средних веках невольно сливается мысль о крестовых походах — необыкновенном событии, которое стоит как исполин в середине других, тоже чудесных и необыкновенных.

а. Самое великое событи<е> средних веко<в>, мысль о которых невольно сливается при первом слове о крестовых походах

б. При [слове] мысли <о> средних веках невольно сливается мысль о крестовых походах — великом исполинском событии

Где, в какое время было когда-нибудь равное ему своею оригинальностью и величием?
в какое другое время бывало

Где, в какое время было когда-нибудь равное ему своею оригинальностью и величием?
ему равное

Это не какая-нибудь война за похищенную жену, не порождение ненависти двух непримиримых наций, не кровопролитная битва между двумя алчными властителями за корону или за клочок земли, даже не война за свободу и народную независимость. Нет! ни одна из страстей, ни одно собственное желание, ни одна личная выгода не входят сюда: все проникнуто одною мыслию — освободить гроб божественного спасителя! Народы текут с крестами со всех сторон Европы; короли, графы в простых власяницах; монахи, препоясанные оружием, становятся в ряды воинов; епископы, пустынники с крестами в руках предводят несметными толпами — и все текут освободить свою веру. Владычество одной мысли объемлет все народы. Нет ли чего-то великого в этой мысли?

Это не [война] какая-нибудь война за похищенную жену, не следствия личных страстей,

всегда почти бывшие одни причиною войн, не упорная защита даже прав и обязанностей, всегда справедливая, но с которою всё же сопряжена личная выгода. Нет, все эти предприятия, обыкновенно [всегда почти везде] случающиеся всегда и везде [и] <...> В самом деле, какое дивное происшествие: народы текут с крестами со всех сторон Европы, [цари] короли, графы в простых власяницах (епископы) монахи [впереди] в духовном облачении становятся в ряды воинов, монахи и безыменные пустынные предводители [воинством] несметными войсками — и все текут, проникнутые одною мыслию — освободить гроб Христов. Владычество одной мысли объёмлет все народы. Не есть ли что-то великое в этой мысли

К этому месту относится другой набросок, записанный как к тексту со следующими вариантами:

Это не ~ жену, не порождение ненависти двух непримиримых наций, не кровопролитная битва между двумя алчными властителями за корону или за клочок земли, даже не война за свободу и народную независимость.

Это <не> какая-нибудь война за жену Менелая

Это не какая-нибудь война за похищенную жену, не порождение ненависти двух непримиримых наций, не кровопролитная битва между двумя алчными властителями за корону или за клочок земли, даже не война за свободу и народную независимость.

а. это не беспри<страстная?>

б. это не кровопролитная битва

Это не какая-нибудь война за похищенную жену, не порождение ненависти двух непримиримых наций, не кровопролитная битва между двумя алчными властителями за корону или за клочок земли, даже не война за свободу и народную независимость.

нет.

ни одна из страстей, ни одно собственное желание, ни одна личная выгода не входят сюда: все проникнуто одною мыслию — освободить гроб божественного спасителя!

ПД2 (так же ПЖМНП, 1834) — не входит

ни одна из страстей, ни одно собственное желание, ни одна личная выгода не входят сюда: все проникнуто ~ в этой мысли?

всеми народами объемлет одна великая мысль. Народы текут освобождая <ть> свою веру. Где [друг<ое>] подобное событие отразилось когда-нибудь!

И напрасно крестовые походы называются безрассудным предприятием.

иные называют

Не странно ли было бы, если бы отрок заговорил словами рассудительного мужа?

Странно бы было

Предприятие это — дело юноши, но такого юноши, которому определено быть гением.

Это предприятие такого рода, которое может только сделать не достигнувший возраста мужа. Но совершить это предприятие может такой только юноша

А какие бесчисленные, какие удивитель-

ные и непредвиденные следствия крестовых походов!

какие непредвиденные следствия крестов<ых походов>

Нужно было всю массу образовать и воспитать, дать ей увидеть свет, который часто заслоняло духовенство, и вся масса для этого извергается в другую часть света, где потухающее аравийское просвещение силится передать ей свой пламень, и — вся Европа вояжирует по Азии.

ПЖМНП, 1834 — заслоняло от нее духовенство

Нужно было всю массу образовать и воспитать, дать ей увидеть свет, который часто заслоняло духовенство, и вся масса для этого извергается в другую часть света, где потухающее аравийское просвещение силится передать ей свой пламень, и — вся Европа вояжирует по Азии.

ПД2 — извергается перелива<ясь> по [незнакомой] другой части света

ПЖМНП, 1834 — извергается для того и да-

лее как в тексте

Не вправе ли мы изумляться?

Не достойно ли это уд<ивления?>

Обыкновенно какой-нибудь выходец из земли образованной один приносит просвещение и первые сведения в неизвестную страну и постепенно образует дикарей; но образование это тянется медленно, неровно.

приносит [к дикарям] сам первые сведения дики<м> народам и постепенно образует их, и это образование тянется медленно, страшно медленно

Здесь же, напротив, народы сами всею своею массою приходят за образованием и, несмотря на долгое пребывание, не сливаются с своими учителями, ничего не перенимают у них роскошного и развратного, удерживают свою самобытность, при всем заимствовании множества азиатских обыкновений, и возвращаются в Европу европейцами, а не азиатцами.

а. сами текут

6. сами переходят всею массою

Здесь же, напротив, народы сами всею своею массою приходят за образованием и, несмотря на долгое пребывание, не сливаются с своими учителями, ничего не перенимают у них роскошного и развратного, удерживают свою самобытность, при всем заимствовании множества азиатских обыкновений, и возвращаются в Европу европейцами, а не азиатцами.

долгое пребывание [ничего не перенимают?>]

Здесь же, напротив, народы сами всею своею массою приходят за образованием и, несмотря на долгое пребывание, не сливаются с своими учителями, ничего не перенимают у них роскошного и развратного, удерживают свою самобытность, при всем заимствовании множества азиатских обыкновений, и возвращаются в Европу европейцами, а не азиатцами.

не применяют от них

Я уже не говорю о тех следствиях, тех переменах в феодальном правлении, для которых нужно было временное удаление многих сильных.

о тех переменах

Я уже не говорю о тех следствиях, тех переменах в феодальном правлении, для которых нужно было временное удаление многих сильных.

а. нужно было уда<ление?>

б. нужно было временное удаление множества сильных таким образом, как переделываю дом необходимо нужно удалить на время его жильцов и вынести всё находящееся в нем

Но бросим взгляд на другие происшествия, наполняющие среднюю историю.

Но кроме крестовых походов, бросим

Но бросим взгляд на другие происшествия, наполняющие среднюю историю.

средние веки

Они хотя в сравнении с крестовыми походами могут почесться второстепенными, но тем не менее все исполнены чудесности, сообщающей средним векам какой-то фантастический свет, все — порождение юношества прекрасного, исполненного самых сильных и великих надежд, часто безрассудного, но пленительного и в самой безрассудности.

Все они исполнены

Они хотя в сравнении с крестовыми походами могут почесться второстепенными, но тем не менее все исполнены чудесности, сообщающей средним векам какой-то фантастический свет, все — порождение юношества прекрасного, исполненного самых сильных и великих надежд, часто безрассудного, но пленительного и в самой безрассудности.

а. сообщающей всей истории

б. сообщающей всей средней истории

Они хотя в сравнении с крестовыми походами могут почесться второстепенными, но тем не менее все исполнены чудесности, сообщающей средним векам какой-то фантасти-

ческий свет, все — порождение юношества прекрасного, исполненного самых сильных и великих надежд, часто безрассудного, но пленительного и в самой безрассудности.

радужный

Они хотя в сравнении с крестовыми походами могут почесться второстепенными, но тем не менее все исполнены чудесности, сообщающей средним векам какой-то фантастический свет, все — порождение юношества прекрасного, исполненного самых сильных и великих надежд, часто безрассудного, но пленительного и в самой безрассудности.

все они — порождение юношества

Они хотя в сравнении с крестовыми походами могут почесться второстепенными, но тем не менее все исполнены чудесности, сообщающей средним векам какой-то фантастический свет, все — порождение юношества прекрасного, исполненного самых сильных и великих надежд, часто безрассудного, но пленительного и в самой безрассудности.

но привлек<ательного?>

Они хотя в сравнении с крестовыми походами могут почесться второстепенными, но тем не менее все исполнены чудесности, сообщаящей средним векам какой-то фантастический свет, все — порождение юношества прекрасного, исполненного самых сильных и великих надежд, часто безрассудного, но пленительного и в самой безрассудности.

и в своей

Рассмотрим их по порядку времени; возьмем то блестящее время, когда появились аравитяне — краса народов восточных.

нет.

Рассмотрим их по порядку времени; возьмем то блестящее время, когда появились аравитяне — краса народов восточных.

Взглянем на то время

И одному только человеку ~ существованием!

в. человеку обязаны

б. человеку и созданной им религии обяза-

ны они своею блестящею [жизнью], [обязаны блестящею своею короткою жизнью, но в] роскошной как ночи и вечера Востока, пламенной как природа, близкая к Индейскому морю, важной и размышляющей, какую могут только внушить великие пустыни Азии

С непостижимою быстротою они, эти смуглые чалмоносцы, воздвигают свои калифаты с трех сторон Средиземного моря.

а. И в одно мгнов<ение>

б. И почти с непостижимою внезапностью смуглые чалмоносцы

И воображение их, ум и все способности, которыми природа так чудно одарила араба, развиваются в виду изумленного Запада, отпечатываясь со всею роскошью на их дворцах, мечетях, садах, фонтанах, и так же внезапно, как в их сказках, кипящих изумрудами и перлами восточной поэзии.

И воображение и ум их в виду изумленного Запада [так же быстро] развиваются

И воображение их, ум и все способности,

которыми природа так чудно одарила араба, развиваются в виду изумленного Запада, отпечатываясь со всею роскошью на их дворцах, мечетях, садах, фонтанах, и так же внезапно, как в их сказках, кипящих изумрудами и перлами восточной поэзии.

так же быстро

И воображение их, ум и все способности, которыми природа так чудно одарила араба, развиваются в виду изумленного Запада, отпечатываясь со всею роскошью на их дворцах, мечетях, садах, фонтанах, и так же внезапно, как в их сказках, кипящих изумрудами и перлами восточной поэзии.

в их богатых сказках и поэмах

Век вперед — и уже он исчез, этот необыкновенный народ, так что в раздумьи спрашиваешь себя: точно ли он жил и существовал, или он — самое прекрасное создание нашего воображения?

нет.

Как чудесно и какой сильной исполнено

противоположности появление норманнов — народа, которого гневный Север свирепо выбросил из ледяных недр своих.

Не чудесно ли, не исполнено ли совершенно противоположности, оригинальности на севере появление

Как чудесно и какой сильной исполнено противоположности появление норманнов — народа, которого гневный Север свирепо выбросил из ледяных недр своих.

ПЖМНП, 1834 — народа, который гневным севером свирепо выброшен из ледяных недр его

ПД2 — нет.

Горсть людей ~ дикою религиєю.

Вообразите себе пустыню Северного океана, наполненную узкогрудыми кораблями, легкими и опасными, на которых снуется и хлопочет дерзкая горсть людей, подвигаемая дикою религиєю и всею холодностью<ю>, за которыми как будто по пятам несутся мрачный их Один и снеговые [горы] хребты Скандинавии. Не удивительно ли, когда людные и зна-

чительные государства со страхом уступают этим малолюдным пришлецам<?>, воспитанным бурей и морями <...>

Далее отдельно написана часть фразы:
всё: отеческий дом, имущество, родство

Колоссальные завоевания и распространение монголов были также делом почти сверхъестественным.

нет.

Необъятная внутренность Азии, которая была скрыта от глаз всех народов, осветилась вдруг в самом страшном величии.

а. показалась

б. осветилась ПД2;

ПЖМНП, 1834 — осветилась

Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травой, почти

равняющуюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге.

Все эти степи

Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травой, почти равняющуюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают на-

стоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге.

почти конца нет

Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травой, почти равняющеюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широ-

коплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге.

После пустыни над строкой начато: на которых означено

Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травой, почти равняющеюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый

месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге.

для того как будто

Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травой, почти равняющеюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерз-

шем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге.

еще более увеличить вокруг себя пространство

Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, траввою, почти равняющеюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге.

эти степи, шумящие

Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травой, почти равняющеюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге.

почти касающеюся

Эти степи, которым нет конца, озера и пу-

стыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травой, почти равняющеюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге.

пустыни, <где>

Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, что-

бы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травую, почти равняющуюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге.

стада овец

Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травую, почти

равняющуюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге.

широколицых монголов

Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травой, почти равняющуюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают на-

стоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге.

нет.

Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где всё раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травой, почти равняющеюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широ-

копличих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге.

пасутся в Индии

Словом, как будто на завоеваниях их отразилась колоссальность Азии.

ПД2; ПЖМНП, 1834 — на их завоеваниях

Словом, как будто на завоеваниях их отразилась колоссальность Азии.

колоссальность Азии, чтобы лучше показать ее другим народам

Такого быстрого распространения тоже не видала ни древняя, ни новая история.

Подобного события не видели ни новые, ни [средние] древние веки

Я уже ничего не говорю о важной торговле Венеции — этого небольшого лоскутка земли,

которую всю занимал один город, и город без государства, выжимая золото со всего мира, и коего царственные купцы своими кораблями, горделиво обошедшими все моря, и дворцами при Адриатическом море далеко превосходили многих монархов.

о появлении Венеции

Я уже ничего не говорю о важной торговле Венеции — этого небольшого лоскутка земли, которую всю занимал один город, и город без государства, выжимая золото со всего мира, и коего царственные купцы своими кораблями, горделиво обошедшими все моря, и дворцами при Адриатическом море далеко превосходили многих монархов. ПЖМНП, 1834;

а. стягивал сокровища

б. выжимал золото ПД2

Ар — выжимал золото

Я уже ничего не говорю о важной торговле Венеции — этого небольшого лоскутка земли, которую всю занимал один город, и город без государства, выжимая золото со всего мира, и коего царственные купцы своими кораблями,

горделиво обошедшими все моря, и дворцами при Адриатическом море далеко превосходили многих монархов.

со всего мира и собирал тяжелую дань с крупнейших государств

Я уже ничего не говорю о важной торговле Венеции — этого небольшого лоскутка земли, которую всю занимал один город, и город без государства, выжимая золото со всего мира, и коего царственные купцы своими кораблями, горделиво обошедшими все моря, и дворцами при Адриатическом море далеко превосходили многих монархов.

ПД2 — эти царственных купцах, которых великолепные дворцы при Адриатическом море вмещали в себе сокровищ более, <чем> тогдашний доход всей Европы и которых корабли нигде не встречали соперников, ни о союзе Ганзе, игравшем <...>.

ПЖМНП, 1834 — и коего царственные купцы с своими кораблями, горделиво объездившими все моря и далее как в тексте.

Этого явления я не считаю единственным

и необыкновенным. Оно повторяется в истории мира часто, хотя в других формах и с разными изменениями.

ПД2 — Эти явления повторяются

ПЖМНП, 1834 — Этого явления ~ Они повторяются

Оно повторяется в истории мира часто, хотя в других формах и с разными изменениями.

в других обликах

Оно повторяется в истории мира часто, хотя в других формах и с разными изменениями.

с некоторыми изменениями

Несравненно оригинальнее жизнь Европы во время и после крестовых походов, когда в ней всё еще темны и неопределенны границы государств; когда еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленькой император в своей земле; когда вся Европа облекается в неприступные замки с баш-

нями и зубцами, и твердые крепости усеивают ее поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души.

Гораздо чудеснее жизнь Европы после

Несравненно оригинальнее жизнь Европы во время и после крестовых походов, когда в ней всё еще темны и неопределенны границы государств; когда еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленькой император в своей земле; когда вся Европа облекается в неприступные замки с башнями и зубцами, и твердые крепости усеивают ее поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души.

являются темны

Несравненно оригинальнее жизнь Европы во время и после крестовых походов, когда в ней всё еще темны и неопределенны границы государств; когда еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленькой император в своей земле; когда вся Европа облекается в неприступные замки с башнями и зубцами, и твердые крепости усеивают ее поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души.

а. когда она вся облекается

б. когда государь едва звучит своим именем

Несравненно оригинальнее жизнь Европы во время и после крестовых походов, когда в ней всё еще темны и неопределенны границы государств; когда еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы

владельцев, из которых каждый — маленькой император в своей земле; когда вся Европа облекается в неприступные замки с башнями и зубцами, и твердые крепости усеивают ее поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души.

а. Европа одевается

б. Европа облекается

в. Европа состоит из

Несравненно оригинальнее жизнь Европы во время и после крестовых походов, когда в ней всё еще темны и неопределенны границы государств; когда еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленькой император в своей земле; когда вся Европа облекается в неприступные замки с башнями и зубцами, и твердые крепости усеивают ее поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делает-

ся почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души.

а. усеивают ее

б. усеивают всю поверхность земли

Несравненно оригинальнее жизнь Европы во время и после крестовых походов, когда в ней всё еще темны и неопределенны границы государств; когда еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленькой император в своей земле; когда вся Европа облекается в неприступные замки с башнями и зубцами, и твердые крепости усеивают ее поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души.

вся<?> воспитанная взаимным страхом

Несравненно оригинальнее жизнь Европы

во время и после крестовых походов, когда в ней всё еще темны и неопределенны границы государств; когда еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленькой император в своей земле; когда вся Европа облекается в неприступные замки с башнями и зубцами, и твердые крепости усеивают ее поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души.

облекает<ся>

Несравненно оригинальнее жизнь Европы во время и после крестовых походов, когда в ней всё еще темны и неопределенны границы государств; когда еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленькой император в своей земле; когда вся Европа облекается в неприступные замки с башнями и зубцами, и твердые крепости усеива-

ют ее поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души.

ни прежде, ни после не выносил

Несравненно оригинальнее жизнь Европы во время и после крестовых походов, когда в ней всё еще темны и неопределенны границы государств; когда еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленькой император в своей земле; когда вся Европа облекается в неприступные замки с башнями и зубцами, и твердые крепости усеивают ее поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души.

а. независимо воспитывается

б. независимо возрастает

Несравненно оригинальнее жизнь Европы во время и после крестовых походов, когда в ней всё еще темны и неопределенны границы государств; когда еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленькой император в своей земле; когда вся Европа облекается в неприступные замки с башнями и зубцами, и твердые крепости усеивают ее поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души.

гордость души. [Словом это беспредельное уважение и пламенная]

Казалось, эта дикая храбрость должна бы совершенно закалить их и сделать так же бесчувственными, как непроницаемые их латы.

они должны бы совершенно закалиться чувствами и сделать их таки<ми?>

Казалось, эта дикая храбрость должна бы совершенно закалить их и сделать так же бесчувственными, как непроницаемые их латы.

латы их

Но как удивительно они были укрощены, и таким явлением, которое представляет совершенную противоположность с их нравами!

Но как чудно это<?> смягчается, и это смягчает явление

Но как удивительно они были укрощены, и таким явлением, которое представляет совершенную противоположность с их нравами!

ПД2 — тем более удивительно, что составляет совершенный контраст

ПЖМНП, 1834 — представляет совершенный контраст

это — всеобщее беспредельное уважение к женщинам.

и беспредельное

Женщина средних веков является божеством; для ней турниры, для ней ломаются копья, ее розовая или голубая лента вьется на шлемах и латах и вливает сверхъестественные силы; для ней суровый рыцарь удерживает свои страсти так же мощно, как арабского бегуна своего, налагает на себя обеты изумительные и неподражаемые по своей строгости к себе, и всё для того, чтобы быть достойным повергнуться к ногам своего божества.

является каким-то божеством

Женщина средних веков является божеством; для ней турниры, для ней ломаются копья, ее розовая или голубая лента вьется на шлемах и латах и вливает сверхъестественные силы; для ней суровый рыцарь удерживает свои страсти так же мощно, как арабского бегуна своего, налагает на себя обеты изумительные и неподражаемые по своей строгости к себе, и всё для того, чтобы быть достойным повергнуться к ногам своего божества.

для ней толпятся турниры

Женщина средних веков является божеством; для ней турниры, для ней ломаются копья, ее розовая или голубая лента вьется на шлемах и латах и вливает сверхъестественные силы; для ней суровый рыцарь удерживает свои страсти так же мощно, как арабского бегуна своего, налагает на себя обеты изумительные и неподражаемые по своей строгости к себе, и всё для того, чтобы быть достойным повергнуться к ногам своего божества.

свои неукротимые страсти

Женщина средних веков является божеством; для ней турниры, для ней ломаются копья, ее розовая или голубая лента вьется на шлемах и латах и вливает сверхъестественные силы; для ней суровый рыцарь удерживает свои страсти так же мощно, как арабского бегуна своего, налагает на себя обеты изумительные и неподражаемые по своей строгости к себе, и всё для того, чтобы быть достойным повергнуться к ногам своего божества.

ства.

у ног

Если эта возвышенная любовь изумительна, то влияние ее на нравы и того более.

а. Эта

б. Если эта ~ удивительна

Если эта возвышенная любовь изумительна, то влияние ее на нравы и того более.

достойно еще большего изумления

Всё благородство в характере европейцев было ее следствием.

нет.

А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу в какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи опытов и приключений каждому и произведшая впоследствии в европейцах жажду к открытию новых земель!

кочующая и странническая жизнь, на которую обрекли себя рыцари

А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу в какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи опытов и приключений каждому и произведшая впоследствии в европейцах жажду к открытию новых земель!

ПД2; ПЖМНП, 1834 — обратила всю Европу

А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу в какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи опытов и приключений каждому и произведшая впоследствии в европейцах жажду к открытию новых земель!

шумную, движущуюся

А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу в какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи опытов и приключений каждому и произведшая впоследствии в европейцах жажду к открытию новых земель!

ПД2 — Сколько опытов, сколько приключений представляла она каждому

ПЖМНП, 1834 — доставившая тысячу опы-

Как самые их взаимные брани и битвы, вечно беспокойное положение, вместо того, чтобы ослабить всеобщий дух и напряжение, как то обыкновенно делается в периодах истории, когда роскошь разъедает раны нравственной болезни народов и алчность выгод личных выводит за собою низость, лесть и способность устремиться на все утонченные пороки, — вместо этого они только укрепили и развили их!

а. и как от взаимного столкновения сила их крепла

б. и как самые силы их от взаимного столкновения

Как самые их взаимные брани и битвы, вечно беспокойное положение, вместо того, чтобы ослабить всеобщий дух и напряжение, как то обыкновенно делается в периодах истории, когда роскошь разъедает раны нравственной болезни народов и алчность выгод личных выводит за собою низость, лесть и

способность устремиться на все утонченные пороки, — вместо этого они только укрепили и развили их!

ослабевать, как то делается

Как самые их взаимные брани и битвы, вечно беспокойное положение, вместо того, чтобы ослабить всеобщий дух и напряжение, как то обыкновенно делается в периодах истории, когда роскошь разъедает раны нравственной болезни народов и алчность выгод личных выводит за собою низость, лесть и способность устремиться на все утонченные пороки, — вместо этого они только укрепили и развили их!

а. [в то] и выгоды корысти

б. и алчность выгод

Как самые их взаимные брани и битвы, вечно беспокойное положение, вместо того, чтобы ослабить всеобщий дух и напряжение, как то обыкновенно делается в периодах истории, когда роскошь разъедает раны нравственной болезни народов и алчность выгод личных выводит за собою низость, лесть и

способность устремиться на все утонченные пороки, — вместо этого они только укрепили и развили их!

а. возможные

б. утонченные низости и пороки

Как самые их взаимные брани и битвы, вечно беспокойное положение, вместо того, чтобы ослабить всеобщий дух и напряжение, как то обыкновенно делается в периодах истории, когда роскошь разъедает раны нравственной болезни народов и алчность выгод личных выводит за собою низость, лесть и способность устремиться на все утонченные пороки, — вместо этого они только укрепили и развили их!

нет.

Пороки народов образованных не смели коснуться рыцарства Европы.

[Едва] Но пороки народов

Пороки народов образованных не смели коснуться рыцарства Европы.

не могли коснуться

Казалось, провидение бодрствовало над ним неусыпно и с заботливостью преданного наставника берегло его.

нет.

Едва только возникли улучшения для жизни, которые подносила Венеция и Ганза, и начали отдалять рыцарей от их обетов и строгой жизни, подогревать желание наслаждений и уменьшать энтузиазм религиозный, как появившиеся чудные, небывалые никогда дотоле общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совестью перед народами Европы.

Едва только [Венеция и Г<анза>]

Едва только возникли улучшения для жизни, которые подносила Венеция и Ганза, и начали отдалять рыцарей от их обетов и строгой жизни, подогревать желание наслаждений и уменьшать энтузиазм религиозный, как появившиеся чудные, небывалые никогда дотоле общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совестью перед народами Европы.

ми Европы.

появились<?> улучшения

Едва только возникли улучшения для жизни, которые подносила Венеция и Ганза, и начали отдалять рыцарей от их обетов и строгой жизни, подогревать желание наслаждений и уменьшать энтузиазм религиозный, как появившиеся чудные, небывалые никогда дотоле общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совестью перед народами Европы.

которые хитро

Едва только возникли улучшения для жизни, которые подносила Венеция и Ганза, и начали отдалять рыцарей от их обетов и строгой жизни, подогревать желание наслаждений и уменьшать энтузиазм религиозный, как появившиеся чудные, небывалые никогда дотоле общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совестью перед народами Европы.

начали отвлек<ать>

Едва только возникли улучшения для жизни, которые подносила Венеция и Ганза, и начали отдалять рыцарей от их обетов и строгой жизни, подогревать желание наслаждений и уменьшать энтузиазм религиозный, как появившиеся чудные, небывалые никогда дотоле общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совестью перед народами Европы.

от их обетов строгой жизни и [устремлять?] разогревать в них корысть <?>

Едва только возникли улучшения для жизни, которые подносила Венеция и Ганза, и начали отдалять рыцарей от их обетов и строгой жизни, подогревать желание наслаждений и уменьшать энтузиазм религиозный, как появившиеся ~ цель обществ!

как появились нового рода общества, [так] [связаны такою] [крепость у] связанных такими неразрывными узами, какими ни одно общество ни в каком периоде истории не было задумано не для своей пользы, не для своего существования, что обыкновенно должно быть целью общества. Но... это необыкновен-

ное явление могут только произвести одни средние веки, положившие для себя [обязанность] строгую обязанность наблюдать за всем миром

Уничтожить всё, что составляет желание человека, и жить для всего человечества; жить, чтобы быть грозными хранителями мира, чтобы носить в себе одно: защиту веры Христовой; всё принести ей в жертву и отказаться от всего, что отзывается выгодною жизни!

Уничтожить всё то

Уничтожить всё, что составляет желание человека, и жить для всего человечества; жить, чтобы быть грозными хранителями мира, чтобы носить в себе одно: защиту веры Христовой; всё принести ей в жертву и отказаться от всего, что отзывается выгодною жизни!

[отвер<гать?>] быть прочными, неумолимыми защитника<ми> веры Христовой

Уничтожить всё, что составляет желание

человека, и жить для всего человечества;
жить, чтобы быть грозными хранителями
мира, чтобы носить в себе одно: защиту веры
Христовой; всё принести ей в жертву и отка-
заться от всего, что отзывается выгодой жиз-
ни!

на жертву ей

Уничтожить всё, что составляет желание
человека, и жить для всего человечества;
жить, чтобы быть грозными хранителями
мира, чтобы носить в себе одно: защиту веры
Христовой; всё принести ей в жертву и отка-
заться от всего, что отзывается выгодой жиз-
ни!

ПД2 — от всех выгод жизни

ПЖМНП, 1834 — ото всего ~ жизни

Эта энергия и сила для него могла быть
только вычерпнута из средних веков.

а. Эта

б. Эту энергию и силу

Эта энергия и сила для него могла быть

только вычерпнута из средних веков.

можно только было вычерпнуть

И как только ордена рыцарские стали уклоняться от своей цели и обращать глаза на другие, как только начали заражаться желанием добычи и корысти, и роскошь заставляла их живее привязываться к собственной жизни, и они стали походить сами на тех, за которыми наложили на себя сами же смотрение, — как возникают уже страшные тайные суды, неумолимые, неотразимые, как высшие предопределения, являющиеся уже не совестью перед ветренным миром, но страшным изображением смерти и казни.

от своей постоянной цели

И как только ордена рыцарские стали уклоняться от своей цели и обращать глаза на другие, как только начали заражаться желанием добычи и корысти, и роскошь заставляла их живее привязываться к собственной жизни, и они стали походить сами на тех, за которыми наложили на себя сами же смотрение, — как возникают уже страшные тайные

суды, неумолимые, неотразимые, как высшие предопределения, являющиеся уже не совестью перед ветренным миром, но страшным изображением смерти и казни.

и стали обращать глаза

И как только ордена рыцарские стали уклоняться от своей цели и обращать глаза на другие, как только начали заражаться желанием добычи и корысти, и роскошь заставляла их живее привязываться к собственной жизни, и они стали походить сами на тех, за которыми наложили на себя сами же смотрение, — как возникают уже страшные тайные суды, неумолимые, неотразимые, как высшие предопределения, являющиеся уже не совестью перед ветренным миром, но страшным изображением смерти и казни.

как только они начали

И как только ордена рыцарские стали уклоняться от своей цели и обращать глаза на другие, как только начали заражаться желанием добычи и корысти, и роскошь заставляла их живее привязываться к собственной

жизни, и они стали походить сами на тех, за которыми наложили на себя сами же смотрение, — как возникают уже страшные тайные суды, неумолимые, неотразимые, как высшие предопределения, являющиеся уже не совестью перед ветренным миром, но страшным изображением смерти и казни.

а. когда роскошь

б. как только роскошь

И как только ордена рыцарские стали уклоняться от своей цели и обращать глаза на другие, как только начали заражаться желанием добычи и корысти, и роскошь заставляла их живее привязываться к собственной жизни, и они стали походить сами на тех, за которыми наложили на себя сами же смотрение, — как возникают уже страшные тайные суды, неумолимые, неотразимые, как высшие предопределения, являющиеся уже не совестью перед ветренным миром, но страшным изображением смерти и казни.

[как только] они стали более походить на тех

И как только ордена рыцарские стали уклоняться от своей цели и обращать глаза на другие, как только начали заражаться желанием добычи и корысти, и роскошь заставляла их живее привязываться к собственной жизни, и они стали походить сами на тех, за которыми наложили на себя сами же смотрение, — как возникают уже страшные тайные суды, неумолимые, неотразимые, как высшие предопределения, являющиеся уже не советью перед ветренным миром, но страшным изображением смерти и казни.

сами наложили на себя неусыпное смотрение. Одним словом как только <1 нрзб.> пошатнулся общий энтузиазм в них как уже новое явление чудесным образом стремится поддержаться<?>. Возникают

И как только ордена рыцарские стали уклоняться от своей цели и обращать глаза на другие, как только начали заражаться желанием добычи и корысти, и роскошь заставляла их живее привязываться к собственной жизни, и они стали походить сами на тех, за которыми наложили на себя сами же смотре-

ние, — как возникают уже страшные тайные суды, неумолимые, неотразимые, как высшие предопределения, являющиеся уже не совестью перед ветренным миром, но страшным изображением смерти и казни.

а. как пред<определение?>

б. как высшие предопределения

Ни сила, ни обширные земли, ни даже самая корона не спасают и не отменяют произнесенного ими приговора.

Ни слава

Ни сила, ни обширные земли, ни даже самая корона не спасают и не отменяют произнесенного ими приговора.

а. ни богатство

б. ни золото

Ни сила, ни обширные земли, ни даже самая корона не спасают и не отменяют произнесенного ими приговора.

ПД2 — не спасают и отменяют раз произнесенного приговора

ПЖМНП, 1834 — не спасают от них и далее

как в тексте

Незнаемые, невидимые как судьба, где-нибудь в глуши лесов, под сырым сводом глубокого подземелья, они взвешивали и разбирали всю жизнь и дела того, которому посреди необъятных своих земель и сотни покорных вассалов и в мысль не приходило, есть ли где в мире власть выше его.

в своих

Незнаемые, невидимые как судьба, где-нибудь в глуши лесов, под сырым сводом глубокого подземелья, они взвешивали и разбирали всю жизнь и дела того, которому посреди необъятных своих земель и сотни покорных вассалов и в мысль не приходило, есть ли где в мире власть выше его.

ПЖМНП, 1834 — в глуши леса

Незнаемые, невидимые как судьба, где-нибудь в глуши лесов, под сырым сводом глубокого подземелья, они взвешивали и разбирали всю жизнь и дела того, которому посреди необъятных своих земель и сотни покорных

вассалов и в мысль не приходило, есть ли где
в мире власть выше его.

[грозно] взвешивали

Незнаемые, невидимые как судьба, где-ни-
будь в глуши лесов, под сырым сводом глубо-
кого подземелья, они взвешивали и разбира-
ли всю жизнь и дела того, которому посреди
необъятных своих земель и сотни покорных
вассалов и в мысль не приходило, есть ли где
в мире власть выше его.

своих владений

Незнаемые, невидимые как судьба, где-ни-
будь в глуши лесов, под сырым сводом глубо-
кого подземелья, они взвешивали и разбира-
ли всю жизнь и дела того, которому посреди
необъятных своих земель и сотни покорных
вассалов и в мысль не приходило, есть ли где
в мире власть выше его.

среди сотни

Незнаемые, невидимые как судьба, где-ни-
будь в глуши лесов, под сырым сводом глубо-
кого подземелья, они взвешивали и разбира-

ли всю жизнь и дела того, которому посреди необъятных своих земель и сотни покорных вассалов и в мысль не приходило, есть ли где в мире власть выше его.

и в мысль не мог взять

Незнаемые, невидимые как судьба, где-нибудь в глуши лесов, под сырым сводом глубокого подземелья, они взвешивали и разбирали всю жизнь и дела того, которому посреди необъятных своих земель и сотни покорных вассалов и в мысль не приходило, есть ли где в мире власть выше его.

выше его власть [Далее было: а. и если злодеяния его б. и если обвинения перетянули добрые его дела]

И если эти подземные судьи раз произносили обвиняющее слово — всё кончено.

а. И если жизнь

б. И если — мрачные судьи

И если эти подземные судьи раз произносили обвиняющее слово — всё кончено.

а. решили

б. раз произнесли

Напрасно властитель грозою могущества своего затрудняет к себе приближение, напрасно его золото залепляет уста и заставляет всех прославлять его — неумолимый кинжал настигает его на конце мира, крадетя мимо пышной толпы и разит его из-за плеча друга.

Напрасно сильный властитель

Напрасно властитель грозою могущества своего затрудняет к себе приближение, напрасно его золото залепляет уста и заставляет всех прославлять его — неумолимый кинжал настигает его на конце мира, крадется мимо пышной толпы и разит его из-за плеча друга.

становит трудным приближение к себе

Напрасно властитель грозою могущества своего затрудняет к себе приближение, напрасно его золото залепляет уста и заставляет всех прославлять его — неумолимый кинжал настигает его на конце мира, крадется мимо пышной толпы и разит его из-за плеча друга.

золото его залепливает уста его прибли-

женных

Напрасно властитель грозою могущества
своего затрудняет к себе приближение, на-
прасно его золото залепляет уста и заставляет
всех прославлять его — неумолимый кинжал
настигает его на конце мира, крадется мимо
пышной толпы и разит его из-за плеча друга.

неотразимо<?> крадется мимо

Напрасно властитель грозою могущества
своего затрудняет к себе приближение, на-
прасно его золото залепляет уста и заставляет
всех прославлять его — неумолимый кинжал
настигает его на конце мира, крадется мимо
пышной толпы и разит его из-за плеча друга.

ПД2; ПЖМНП, 1834 — пышной толпы при-
дворных

Напрасно властитель грозою могущества
своего затрудняет к себе приближение, на-
прасно его золото залепляет уста и заставляет
всех прославлять его — неумолимый кинжал
настигает его на конце мира, крадется мимо
пышной толпы и разит его из-за плеча друга.

из-за плеча его друга или верной жены проскальзывает<?> он и настигает его

Не составляет ли это чудесности почти сказочной? Только там так неотразимо, так сверхъестественно, так неправильно действует человек, оторванный от общества, лишенный покрова законной власти, не знающий, что такое слово: невозможность.

ПЖМНП, 1834 — Не составляет ~ Только там так быстро, так неотразимо, так сверхъестественно действует человек, не знающий и далее как в тексте

ПД2 — нет.

А самый образ занятий, царствовавший в середине и конце средних веков, — это всеобщее устремление всех к чудесной науке, это желание выпытать и узнать таинственную силу в природе, эта алчность, с какою все ударились в волшебство и чародейственные науки, на которых ясно кипит признак европейского любопытства, без которого науки никогда бы не развились и не достигли нынешнего совершенства!

[пред] [у] неясное [жела<ние>] начало образования

А самый образ занятий, царствовавший в середине и конце средних веков, — это всеобщее устремление всех к чудесной науке, это желание выпытать и узнать таинственную силу в природе, эта алчность, с какою все ударились в волшебство и чародейственные науки, на которых ясно кипит признак европейского любопытства, без которого науки никогда бы не развились и не достигли нынешнего совершенства!

[всеобщее] желание

А самый образ занятий, царствовавший в середине и конце средних веков, — это всеобщее устремление всех к чудесной науке, это желание выпытать и узнать таинственную силу в природе, эта алчность, с какою все ударились в волшебство и чародейственные науки, на которых ясно кипит признак европейского любопытства, без которого науки никогда бы не развились и не достигли нынешнего совершенства!

таинственную силу [Эта]

А самый образ занятий, царствовавший в середине и конце средних веков, — это всеобщее устремление всех к чудесной науке, это желание выпытать и узнать таинственную силу в природе, эта алчность, с какою все удались в волшебство и чародейственные науки, на которых ясно кипит признак европейского любопытства, без которого науки никогда бы не развились и не достигли нынешнего совершенства!

алчность, на которой

Самая даже простодушная вера их в духов и обвинения в сообщении с ними имеют для нас уже необыкновенную занимательность.

Это ужасное гонение их, эта простодушная вера в духов, даже самое обвинение в сообщении с ними <...> Далее: Не составляет ли это чудесности почти сказочной? Там только так быстро, так неотразимо, так почти сверхъестественно действует человек, не знающий, что такое слово невозможность

А занятия алхимиею, считавшеюся ключом ко всем познаниям, венцом учености средних веков, в которой заключилось детское желание открыть совершеннейший металл, который бы доставил человеку всё!

А это занятие алхимиею, считавшеюся самою великою попыткою познания — венец [познания] учености

А занятия алхимиею, считавшеюся ключом ко всем познаниям, венцом учености средних веков, в которой заключилось детское желание открыть совершеннейший металл, который бы доставил человеку всё!

заклю<чилось> самое детское

А занятия алхимиею, считавшеюся ключом ко всем познаниям, венцом учености средних веков, в которой заключилось детское желание открыть совершеннейший металл, который бы доставил человеку всё!

такое свойство, чтобы всё обращало в золото, найти такое средство, которое бы вдруг доставило человеку всевозможное счастье

Представьте себе какой-нибудь германский город в средние веки, эти узенькие, неправильные улицы, высокие, пестрые готические домики и среди их какой-нибудь ветхий, почти валяющийся, считаемый необитаемым, по растреснувшимся стенам которого лепится мох и старость, окна глухо заколочены — это жилище алхимика.

развалившийся

Представьте себе какой-нибудь германский город в средние веки, эти узенькие, неправильные улицы, высокие, пестрые готические домики и среди их какой-нибудь ветхий, почти валяющийся, считаемый необитаемым, по растреснувшимся стенам которого лепится мох и старость, окна глухо заколочены — это жилище алхимика.

[почти] необитаемым

Представьте себе какой-нибудь германский город в средние веки, эти узенькие, неправильные улицы, высокие, пестрые готические домики и среди их какой-нибудь ветхий, почти валяющийся, считаемый необитае-

мым, по растреснувшимся стенам которого лепится мох и старость, окна глухо заколочены — это жилище алхимика.

ветхость [Это жилище алхимика]

Представьте себе какой-нибудь германский город в средние веки, эти узенькие, неправильные улицы, высокие, пестрые готические домики и среди их какой-нибудь ветхий, почти валяющийся, считаемый необитаемым, по растреснувшимся стенам которого лепится мох и старость, окна глухо заколочены — это жилище алхимика.

ставни окон

Ничто не говорит в нем о присутствии живущего, но в глухую ночь голубоватый дым, вылетая из трубы, докладывает о неусыпном бодрствовании старца, уже поседевшего в своих исканиях, но всё еще неразлучного с надеждою, — и благочестивый ремесленник средних веков со страхом бежит от жилища, где, по его мнению, духи основали приют свой, и где вместо духов основало жилище неугасимое желание, непреоборимое любо-

пытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже от неудачи — первоначальная стихия всего европейского духа, — которое напрасно преследует инквизиция, проникая во все тайные мышления человека: оно вырывается мимо и, обремененное страхом, еще с большим наслаждением предается своим занятиям.

[поседевшего] уже стареющего в своих исканиях старик<a>, вечно неразлучного с надеждою

Ничто не говорит в нем о присутствии живущего, но в глухую ночь голубоватый дым, вылетая из трубы, докладывает о неусыпном бодрствовании старца, уже поседевшего в своих исканиях, но всё еще неразлучного с надеждою, — и благочестивый ремесленник средних веков со страхом бежит от жилища, где, по его мнению, духи основали приют свой, и где вместо духов основало жилище неугасимое желание, непреборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже от неудачи — первоначальная стихия всего европей-

ского духа, — которое напрасно преследует инквизиция, проникая во все тайные мышления человека: оно вырывается мимо и, обремененное страхом, еще с большим наслаждением предается своим занятиям.

бежит от этого жилища, где

Ничто не говорит в нем о присутствии живущего, но в глухую ночь голубоватый дым, вылетая из трубы, докладывает о неусыпном бодрствовании старца, уже поседевшего в своих исканиях, но всё еще неразлучного с надеждою, — и благочестивый ремесленник средних веков со страхом бежит от жилища, где, по его мнению, духи основали приют свой, и где вместо духов основало жилище неугасимое желание, непреодолимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже от неудачи — первоначальная стихия всего европейского духа, — которое напрасно преследует инквизиция, проникая во все тайные мышления человека: оно вырывается мимо и, обремененное страхом, еще с большим наслаждением предается своим занятиям.

а. живущее одним

б. живущее собою

Ничто не говорит в нем о присутствии живущего, но в глухую ночь голубоватый дым, вылетая из трубы, докладывает о неусыпном бодрствовании старца, уже поседевшего в своих исканиях, но всё еще неразлучного с надеждою, — и благочестивый ремесленник средних веков со страхом бежит от жилища, где, по его мнению, духи основали приют свой, и где вместо духов основало жилище неугасимое желание, непреоборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже от неудачи — первоначальная стихия всего европейского духа, — которое напрасно преследует инквизиция, проникая во все тайные мышления человека: оно вырывается мимо и, облеченное страхом, еще с большим наслаждением предается своим занятиям.

а. Как в тексте,

б. которое жестоко<?>

Ничто не говорит в нем о присутствии жи-

вущего, но в глухую ночь голубоватый дым, вылетая из трубы, докладывает о неусыпном бодрствовании старца, уже поседевшего в своих исканиях, но всё еще неразлучного с надеждою, — и благочестивый ремесленник средних веков со страхом бежит от жилища, где, по его мнению, духи основали приют свой, и где вместо духов основало жилище неугасимое желание, непреоборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже от неудачи — первоначальная стихия всего европейского духа, — которое напрасно преследует инквизиция, проникая во все тайные мышления человека: оно вырывается мимо и, облеченное страхом, еще с большим наслаждением предается своим занятиям.

и проникает во все потаенные мышления

Ничто не говорит в нем о присутствии живущего, но в глухую ночь голубоватый дым, вылетая из трубы, докладывает о неусыпном бодрствовании старца, уже поседевшего в своих исканиях, но всё еще неразлучного с надеждою, — и благочестивый ремесленник

средних веков со страхом бежит от жилища, где, по его мнению, духи основали приют свой, и где вместо духов основало жилище неугасимое желание, непреоборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже от неудачи — первоначальная стихия всего европейского духа, — которое напрасно преследует инквизиция, проникая во все тайные мышления человека: оно вырывается мимо и, облеченное страхом, еще с большим наслаждением предается своим занятиям.

а. пугается пытками

б. со стра<хом>

Инквизиция свирепая, ~ над телом.

Железные когти страшно протягиваются [и хватают] из монастырских стен, из-под монашеских <мантей?> и хватают без различия всех, на кого только возникла мысль подозрений.

Под бесчисленными монастырскими сводами и переходами производятся допросы, не верящие никаким оправдания<м> [Далее бы-

ло: ужасное изобретение всех телесных мук, бесчисленных орудий пыток изумительно <?>] и верящие одному<?> свидетельству <1 нрзб.> изобретательность ума иноков-изуверов. Какие ужасные границы налагаются беспредельной человеческой [беспредельному человеческому] алчности знать всё и как неудержима эта алчность. Несмотря на всеобщую слабость физической силы каждого человека, душа в общей массе всего человечества торжествует над телом

Не дают ли они права назвать средние века веками чудесными?

не подают ли

Чудесное прорывается при каждом шаге и властвует везде во всё течение этих юных десяти веков; юных потому, что в них действует всё молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, не думавшие о следствиях, не призывавшие на помощь холодного соображения, еще не имевшие прошедшего, чтобы оглянуться.

а. Чудесное было истинной чертой<?>

б. Чудесное верно составляет<?> характер

Чудесное прорывается при каждом шаге и властвует везде во всё течение этих юных десяти веков; юных потому, что в них действует всё молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, не думавшие о следствиях, не призывавшие на помощь холодного соображения, еще не имевшие прошедшего, чтобы оглянуться.

десяти юных веков

Чудесное прорывается при каждом шаге и властвует везде во всё течение этих юных десяти веков; юных потому, что в них действует всё молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, не думавшие о следствиях, не призывавшие на помощь холодного соображения, еще не имевшие прошедшего, чтобы оглянуться.

в них действительно

Чудесное прорывается при каждом шаге и властвует везде во всё течение этих юных десяти веков; юных потому, что в них действует всё молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, не думавшие о следствиях, не призывав-

шие на помощь холодного соображения, еще не имевшие прошедшего, чтобы оглянуться.

порывы и мечты юноши, не думавшего ~ не призывавшего ~ не имевшего

Чудесное прорывается при каждом шаге и властвует везде во всё течение этих юных десяти веков; юных потому, что в них действует всё молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, не думавшие о следствиях, не призывавшие на помощь холодного соображения, еще не имевшие прошедшего, чтобы оглянуться.

чтобы оглянуться назад

Всё было в них — поэзия и безотчетность.

В них всё было — поэзия и безотчетность, [В них более поэзии и безотчетности] оттого то они имеют особенную привлекательность и с ними так же жаль расстаться, как <с> улетевшею юностью

Перемена слишком ощутительна, и состояние души вашей будет похоже на волны моря, прежде воздымавшиеся неправильными, высокими буграми, но после улегшиеся и

всею своею необозримою равниною мерно и
стройно совершающие правильное течение.
на море

Перемена слишком ощутительна, и состо-
яние души вашей будет похоже на волны мо-
ря, прежде воздымавшиеся неправильными,
высокими буграми, но после улегшиеся и
всею своею необозримою равниною мерно и
стройно совершающие правильное течение.
воздымавшиеся и пенящиеся<?>

Перемена слишком ощутительна, и состо-
яние души вашей будет похоже на волны мо-
ря, прежде воздымавшиеся неправильными,
высокими буграми, но после улегшиеся и
всею своею необозримою равниною мерно и
стройно совершающие правильное течение.

а. верно и медленно

б. верно и стройно

Действия человека ~ мудрость.
нет.

Если можно сравнить жизнь одного чело-

века с жизнью целого человечества, то средние века будут то же, что время воспитания человека в школе.

а. будут то же, что

б. будут то же для человечества, что для [юноши] человека время воспитания

Дни его текут незаметно для света, деяния его не так крепки и зрелы, как нужно для мира: об них никто не знает, но зато они все — следствие порыва и обнажают за одним разом все внутренние движения человека, и без них не состоялась бы будущая его деятельность в кругу общества.

нужно для света

Дни его текут незаметно для света, деяния его не так крепки и зрелы, как нужно для мира: об них никто не знает, но зато они все — следствие порыва и обнажают за одним разом все внутренние движения человека, и без них не состоялась бы будущая его деятельность в кругу общества.

следствия порывов

Дни его текут незаметно для света, деяния его не так крепки и зрелы, как нужно для мира: об них никто не знает, но зато они все — следствие порыва и обнажают за одним разом все внутренние движения человека, и без них не состоялась бы будущая его деятельность в кругу общества.

зато без них не образовалась бы деятельность его жизни

Теперь рассмотрите, между какими колоссальными событиями заключается время средних веков!

заклучены средние веки, какие сильные катастрофы ограничивают их

Великая империя, повелевавшая миром, двенадцативековая нация, дряхлая, истощенная, падает; с нею валится полсвета, с нею валится весь древний мир с полуязыческим образом мыслей, безвкусными писателями, гладиаторами, статуями, тяжестью роскоши и утонченностью разврата.

нет.

Великая империя, повелевавшая миром, двенадцативековая нация, дряхлая, истощенная, падает; с нею валится полсвета, с нею валится весь древний мир с полуязыческим образом мыслей, безвкусными писателями, гладиаторами, статуями, тяжестью роскоши и утонченностью разврата.

а. с роскошью?>

б. с писателями, статуями и тяжестью роскоши и утонченного разврата

Это их начало.

Этим великим событием начинают<ся>

Оканчиваются средние века тоже самым огромным событием: всеобщим взрывом, поднимающим на воздух всё и обращающим в ничто все страшные власти, так деспотически их обнявшие.

ПД2 — самым великим, самым изумительным> событием

ПЖМНП, 1834 — огромнейшим событием или, лучше сказать, целою оглушающею массой событий

Оканчиваются средние века тоже самым огромным событием: всеобщим взрывом, поднимающим на воздух всё и обращающим в ничто все страшные власти, так деспотически их обнявшие.

поднимающим на воздух и повергающим

Власть папы ~ шпицем.

ПД2 — Власть папы потрясается, печатные листы разносят<ся> громом вдруг во все концы [издают гром, слышимый вдруг во всех концах] мира и звонят свободу. Сокровища Венеции и всемирная торговля подрывается смелым подвигом одного челов<ека> и корабли, расширенным взмахом разделяя волны неведомого океана, несутся мимо Средиземной моря, отягченного сокровищами. Усиливающийся гнет властей к концу средних веков, чтобы сильнее приготовить взрыв

ПЖМНП, 1834 — Власть папы ~ были только для того ~ и куча разных украшений и далее как в тексте

О ПРЕПОДАВАНИИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

(Варианты по ПЖМНП, 1834)

Всё, что ни является в истории: народы, события — должны быть непременно живы и как бы находиться пред глазами слушателей или читателей, чтоб каждый народ, каждое государство сохраняли свой мир, свои краски, чтобы народ со всеми своими подвигами и влиянием на мир проносился ярко, в таком же точно виде и костюме, в каком был он в минувшие времена.

свой свет

События и эпохи великие, всемирные, должны быть означены ярко, сильно, должны выдвигаться на первом плане со всеми своими следствиями, изменившими мир: не так, как делают иногда преподаватели, которые, сказавши, что такое-то происшествие есть великое, тем и отделяются или приводят близорукие следствия в виде отрубленных ветвей, тогда как должно развить его во всем

пространстве, вывести наружу все тайные причины его явления и показать, каким образом следствия от него, как широкие ветви, распростираются по грядущим векам, более и более разветвляются на едва заметные отпрыски, слабеют и наконец совершенно исчезают или глухо отдаются даже в нынешние времена, подобно сильному звуку в горном ущельи, который вдруг умирает после рождения, но долго еще отзывается в своем эхе.

во всем величии

Он не должен довольствоваться тем, что его некоторые понимают; его должны понимать все.

Я не должен

Он не должен говорить слишком много, потому что этим утомляется внимание слушателей и потому что многосложность и большое обилие предметов не дадут возможности удержать всего в мыслях.

в мыслях. Рассказавши часть или эпизод, имеющий целость, я останавливаюсь и до тех пор не начинаю другого, пока не уверюсь, что

все меня поняли точно в таком виде, в каком я им говорил

Я набрасываю здесь эскиз для того, чтобы показать вместе, в каком виде и в какой связи должна быть история.

будет моя история

Я должен изобразить Восток с его древними патриархальными царствами, с религиями, облеченными в глубокую таинственность, так непонятную для простого народа, кроме религии евреев, между которыми сохранилось чистое, первобытное ведение истинного бога; как эти древние государства оградились друг от друга, будто неприступною стеною, нетерпимостью и китайскою осторожностью; как один только народ финикийский, первые мореплаватели древнего мира, приводил невольно своею промышленностью в сообщение эти почти неподвижные государства, и каким образом первый всемирный завоеватель, Кир, с свежим и сильным народом, персами, подверг весь Восток своей власти и насильно соединил разнохарактерные народы;

но нравы, религия, формы правления остались в государствах те же, цари только обратились в сатрапов, и весь Восток видел над собою одну верховную власть царя царей, персидского повелителя; как постепенно от взаимного сообщения эти народы теряли свою особенность и национальность и вместе с своим царем царей, почти богом, невидимым для народа, поверглись в азиатскую роскошь. ПЖМНП, 1834;

Ар — первобытное видение

Уже Цезарь заносит ногу в Британнию, римские орлы на скалах Албиона..., между тем неведомые степи Средней Азии извергают толпы неведомых народов, которые теснят и гонят пред собою других, вгоняют их в Европу, сами несутся по пятам их и грозно останавливаются на севере, как зловеющая кара, ожидающая обреченной жертвы, скрытые от римлян германскими лесами и непроходимыми болотами. ПЖМНП, 1834;

Ар — извергают толпу

В Европе одни только монастыри имеют землю и оседлость; всё обратилось в рыцарство, всё кочует, всё беспокойно: каждый вместе и воин и полководец, и вассал и повелитель, и слушается и не слушается, — век величайшего разъединения и вместе единства!

земли

Как образовалась эта мысль в голове смиренного монаха, как сильно и упрямо защищал он свои положения!

защищал он свои положения! Как быстро росла толпа его приверженцев!

Я должен обнять его вдруг с начала до конца: как оно основалось, когда было в силе и блеске, когда и отчего пало (если только пало), и каким образом достигло того вида, в каком находится ныне; если же народ стерся с лица земли, то каким образом на место его образовался новый и что принял от прежнего.

и в каком виде

Потом об Африке, представляющей в про-

тивоположность Европе смерть ума, где природа всегда деспотически властвовала над человеком; где она во всем своем царственном величии и всегда почти возвращала его в первобытное состояние, в жизнь чувственную, где ни один коренной туземный народ не прожил мощною жизнью и не отбросил от себя ярких лучей на мир; где даже переселенцы с других земель напрасно вступали в борьбу с палящею природою африканскою; чем далее погружались они в Африку, тем глубже по-вергались в чувственность.

погружались

Мне кажется, что такой образ преподавания будет действительнее и ближе к истине. По крайней мере глубоко понимающий величие истории увидит, что он не произведение мгновенной фантазии, но плод долгих соображений и опыта; что ни один эпитет, ни одно слово не брошено здесь для красоты и мишурного блеска, но их породило долговременное чтение летописей мира; что составить эскиз общий, полный истории всего человечества, хотя даже столь краткий, как здесь, можно не

иначе, как когда узнаешь и постигнешь самые тонкие и запутанные нити истории, и что одна любовь к науке, составляющей для меня наслаждение, понудила меня объявить мои мысли; что цель моя — образовать сердца юных слушателей той основательной опытностью, которую развертывает история, понимаемая в ее истинном величии; сделать их твердыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками великого государя, чтобы ни в счастии, ни в несчастьи не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными отечеству и государю.

Вот мой план, мои мысли и мой образ преподавания! Истинно понимающая душа увидит, что они

По крайней мере глубоко понимающий величие истории увидит, что он не произведение мгновенной фантазии, но плод долгих со-

ображений и опыта; что ни один эпитет, ни одно слово не брошено здесь для красоты и мишурного блеска, но их породило долговременное чтение летописей мира; что составить эскиз общий, полный истории всего человечества, хотя даже столь краткий, как здесь, можно не иначе, как когда узнаешь и постигнешь самые тонкие и запутанные нити истории, и что одна любовь к науке, составляющей для меня наслаждение, понудила меня объявить мои мысли; что цель моя — образовать сердца юных слушателей той основательной опытностью, которую развертывает история, понимаемая в ее истинном величии; сделать их твердыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками великого государя, чтобы ни в счастье, ни в несчастье не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными отечеству и государю.

что не желание выгод, не личная польза,

не необходимость, но одна любовь

По крайней мере глубоко понимающий величие истории увидит, что он не произведение мгновенной фантазии, но плод долгих соображений и опыта; что ни один эпитет, ни одно слово не брошено здесь для красоты и мишурного блеска, но их породило долговременное чтение летописей мира; что составить эскиз общий, полный истории всего человечества, хотя даже столь краткий, как здесь, можно не иначе, как когда узнаешь и постигнешь самые тонкие и запутанные нити истории, и что одна любовь к науке, составляющей для меня наслаждение, понудила меня объявить мои мысли; что цель моя — образовать сердца юных слушателей той основательной опытностью, которую развертывает история, понимаемая в ее истинном величии; сделать их твердыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками вели-

кого государя, чтобы ни в счастье, ни в несчастье не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными отечеству и государю.

всё наслаждение

По крайней мере глубоко понимающий величие истории увидит, что он не произведение мгновенной фантазии, но плод долгих соображений и опыта; что ни один эпитет, ни одно слово не брошено здесь для красоты и мишурного блеска, но их породило долговременное чтение летописей мира; что составить эскиз общий, полный истории всего человечества, хотя даже столь краткий, как здесь, можно не иначе, как когда узнаешь и постигнешь самые тонкие и запутанные нити истории, и что одна любовь к науке, составляющей для меня наслаждение, понудила меня объявить мои мысли; что цель моя — образовать сердца юных слушателей той основательной опытностью, которую развертывает история, понимаемая в ее истинном величии; сделать их твердыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легко-

мысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками великого государя, чтобы ни в счастье, ни в несчастье не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными отечеству и государю.

понуждает меня осуществить мой план преподавания

ВЗГЛЯД НА СОСТАВЛЕНИЕ МАЛОРОССИИ

[Варианты, при которых шифр не указан, —
из ПБЛ8.]

(Варианты по ПБЛ8 и ПЖМНП,1834)

Какое ужасно-ничтожное время представляет для России XIII век!

нет.

(Сноска) Эскиз этот составлял введение к Истории Малороссии; но так как вся первая часть Истории Малороссии переделана вовсе,

то он остался заштатный и помещается здесь как совершенно отдельная статья.

ПЖМНП,1834 — Автор избрал первую главу истории Малороссии для помещения в журнал, потому что она представляет нечто целое и вместе служит введением в самую историю. Приложения и ссылки отлагаются за недостатком места

Изредка пастыри из пещер и монастырей увещали удельных князей; но их увещания были напрасны: князья умели только постыдиться и строить церкви, думая, что исполняют этим все обязанности христианской религии, а не умели считать ее законом и покоряться ее велениям.

ПЖМНП,1834 — и думали

Это нашествие наложило на Россию двухвековое рабство и скрыло ее от Европы.

а. азиатское происшествие

б. азиатское нашествие

Было ли оно спасением для нее, сберегши ее для независимости, потому что удельные

князя не сохранили бы ее от литовских завоевателей, или оно было наказанием за те беспрерывные брани: как бы то ни было, но это страшное событие произвело великие следствия: оно наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в южной России, которого вся жизнь была борьба и которого историю я взялся представить.

Было ли спасение для России

Было ли оно спасением для нее, сберегши ее для независимости, потому что удельные князя не сохранили бы ее от литовских завоевателей, или оно было наказанием за те беспрерывные брани: как бы то ни было, но это страшное событие произвело великие следствия: оно наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в южной России, которого вся жизнь была борьба и которого историю я взялся представить.

сохранивши ее [от]

Было ли оно спасением для нее, сберегши ее для независимости, потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей, или оно было наказанием за те беспрерывные брани: как бы то ни было, но это страшное событие произвело великие следствия: оно наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в южной России, которого вся жизнь была борьба и которого историю я взялся представить.

ЛИТОВСКИХ ИСПОЛИНОВ

Было ли оно спасением для нее, сберегши ее для независимости, потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей, или оно было наказанием за те беспрерывные брани: как бы то ни было, но это страшное событие произвело великие следствия: оно наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в южной России, которого вся жизнь бы-

ла борьба и которого историю я взялся представить.

за эти

Было ли оно спасением для нее, сберегши ее для независимости, потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей, или оно было наказанием за те непрерывные брани: как бы то ни было, но это страшное событие произвело великие следствия: оно наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в южной России, которого вся жизнь была борьба и которого историю я взялся представить.

огромное нашествие

Было ли оно спасением для нее, сберегши ее для независимости, потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей, или оно было наказанием за те непрерывные брани: как бы то ни было, но это страшное событие произвело великие следствия: оно наложило иго на северные и сред-

ние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в южной России, которого вся жизнь была борьба и которого историю я взялся представить.

важн<ые?>

Было ли оно спасением для нее, сберегши ее для независимости, потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей, или оно было наказанием за те беспрерывные брани: как бы то ни было, но это страшное событие произвело великие следствия: оно наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в южной России, которого вся жизнь была борьба и которого историю я взялся представить.

на северную и среднюю Россию

Было ли оно спасением для нее, сберегши ее для независимости, потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей, или оно было наказанием за те бес-

прерывные брани: как бы то ни было, но это страшное событие произвело великие следствия: оно наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в южной России, которого вся жизнь была борьба и которого историю я взялся представить.

нет.

Было ли оно спасением для нее, сберегши ее для независимости, потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей, или оно было наказанием за те беспрерывные брани: как бы то ни было, но это страшное событие произвело великие следствия: оно наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в южной России, которого вся жизнь была борьба и которого историю я взялся представить.

так резко отличному в нравах, обычаях и жизни, которого историю я взялся представить, которого вся жизнь была борьба и <...>

Южная Россия более всего пострадала от татар.

от татар. [Она]

Выжженные города и степи, обгорелые леса, древний, разрушенный Киев, безлюдье и пустыня — вот что представляла эта несчастная страна!

разрушенный Киев [вот что представляла]

Испуганные жители разбежались или в Польшу, или в Литву; множество бояр и князей выехало в северную Россию.

Напуганные жители

Испуганные жители разбежались или в Польшу, или в Литву; множество бояр и князей выехало в северную Россию.

или Литву

Испуганные жители разбежались или в Польшу, или в Литву; множество бояр и князей выехало в северную Россию.

нет.

Еще прежде народонаселение начало заметно уменьшаться в этой стороне.

уменьшаться в этой стороне России

Киев давно уже не был столицею; значительные владения были гораздо севернее.

не был столицею великокняжения

Народ, как бы понимая сам свою ничтожность, ~ характерный народ.

нет.

Когда первый ~ завесою.

Когда первый страх прошел, тогда мало-помалу начали<?> селиться в этой земле выходцы из Литвы, из России. Это новое население было странное. Оно не составляло одного народа. Тут были и литовцы, и поляки, и русские. Даже [<1 нрзб.>] татары. Общий страх [от] нападения со стороны татар почти против воли заставил их соединиться [Общий страх ~ соединиться Новые пришельцы должны были поневоле соединиться между собою] и даже исповедывать одну религию. Наконец

и Киев наполнился жителями.

Между тем как Россия была повергнута татарами в бездействие и оцепенение, великий язычник Гедимин вывел на сцену тогдашней истории новый народ — народ, бедный и жизнью и средствами для жизни, населявший дикие сосновые леса нынешней Белоруссии, еще носивший звериную кожу вместо одежды, еще боготворивший Перуна и поклонявшийся древнему огню в нетроганных топором роцах, плативший прежде дань русским князьям, известный под именем литовцев.

Между тем когда

Между тем как Россия была повергнута татарами в бездействие и оцепенение, великий язычник Гедимин вывел на сцену тогдашней истории новый народ — народ, бедный и жизнью и средствами для жизни, населявший дикие сосновые леса нынешней Белоруссии, еще носивший звериную кожу вместо одежды, еще боготворивший Перуна и поклонявшийся древнему огню в нетроганных топором роцах, плативший прежде дань русским

князьям, известный под именем литовцев.
повергнута была

Между тем как Россия была повергнута татарами в бездействие и оцепенение, великий язычник Гедимин вывел на сцену тогдашней истории новый народ — народ, бедный и жизнью и средствами для жизни, населявший дикие сосновые леса нынешней Белоруссии, еще носивший звериную кожу вместо одежды, еще боготворивший Перуна и поклонявшийся древнему огню в нетроганных топором рощах, плативший прежде дань русским князьям, известный под именем литовцев.

средствами для жизни [Еще од<евавший-ся?>]

Между тем как Россия была повергнута татарами в бездействие и оцепенение, великий язычник Гедимин вывел на сцену тогдашней истории новый народ — народ, бедный и жизнью и средствами для жизни, населявший дикие сосновые леса нынешней Белоруссии, еще носивший звериную кожу вместо одежды, еще боготворивший Перуна и поклоняв-

шийся древнему огню в нетроганных топором рощах, плативший прежде дань русским князьям, известный под именем литовцев.

леса белорусские, [леса] сосен, елей

Между тем как Россия была повергнута татарами в бездействие и оцепенение, великий язычник Гедимин вывел на сцену тогдашней истории новый народ — народ, бедный и жизнью и средствами для жизни, населявший дикие сосновые леса нынешней Белоруссии, еще носивший звериную кожу вместо одежды, еще боготворивший Перуна и поклонявшийся древнему огню в нетроганных топором рощах, плативший прежде дань русским князьям, известный под именем литовцев.

а. носивший вместо

б. носивший звериные кожи

Между тем как Россия была повергнута татарами в бездействие и оцепенение, великий язычник Гедимин вывел на сцену тогдашней истории новый народ — народ, бедный и жизнью и средствами для жизни, населявший дикие сосновые леса нынешней Белоруссии,

еще носивший звериную кожу вместо одежды, еще боготворивший Перуна и поклонявшийся древнему огню в нетроганных топором рощах, плативший прежде дань русским князьям, известный под именем литовцев.

в не знавших топора

Между тем как Россия была повергнута татарами в бездействие и оцепенение, великий язычник Гедимин вывел на сцену тогдашней истории новый народ — народ, бедный и жизнью и средствами для жизни, населявший дикие сосновые леса нынешней Белоруссии, еще носивший звериную кожу вместо одежды, еще боготворивший Перуна и поклонявшийся древнему огню в нетроганных топором рощах, плативший прежде дань русским князьям, известный под именем литовцев.

а. Этот народ были литовцы

б. народ, известный под и<менем?> литовц<ев> Далее: Были ли в этой земле природные русские князья или ханские баскаки, я не стану исследовать. Верного об этом ничего нет. А говорить о том времени, когда народ был беден и [мал] ничтожен и притом не

осталось о нем ни одной черты в истории, значит тмить историю

И этот народ ~ промежуток между Польшей и татарской Россией.
нет.

Потом двинул он войска свои на юг, во владения волынских князей.
Наконец двинул войска

Потом двинул он войска свои на юг, во владения волынских князей. Весьма естественно, что успех сопровождал его везде.
нет.

В Луцке однако ж князь Лев сильно сопротивлялся, но не в силах был отстоять земель своих.

Оставшиеся князья в Луцке Лев сильно сопротивлялись ему, но не в силах были отстоять [Текст в рукописи остался несогласованным.]

В Луцке однако ж князь Лев сильно сопро-

тивлялся, но не в силах был отстоять земель своих.

этих земель

Гедимин, назначив старост и начальников, шел далее на юг, к самому сердцу южной России, к Киеву.

назначив своих старост

Гедимин, назначив старост и начальников, шел далее на юг, к самому сердцу южной России, к Киеву.

подвигался далее к югу

Гедимин, назначив старост и начальников, шел далее на юг, к самому сердцу южной России, к Киеву.

и к самому

Убежавший луцкий князь Лев успел кое-как уговорить киевского князя Станислава выйти с своими немногочисленными дружинами навстречу грозному победителю: дружины были усилены союзниками-татарами; но всё бежало перед мощным литовцем.

Дорогу за^{<с>}тупил ему вышедший [из Киева] с войском князь киевский Станислав с союзниками татарами и изгнанным луцким князем

Убежавший луцкий князь Лев успел кое-как уговорить киевского князя Станислава выйти с своими немногочисленными дружинами навстречу грозному победителю: дружины были усилены союзниками-татарами; но всё бежало перед мощным литовцем. Гедимин, сильно поразив их при реке Ирпени, вступил с торжеством в Киев, носивший на себе свежую печать татарского посещения, и постановил в нем правителем князя Миндова Ольшанского, принявшего греческую веру.

Сражение было при реке Ирпети. Гедимин остался победителем и вступивши

Гедимин, сильно поразив их при реке Ирпени, вступил с торжеством в Киев, носивший на себе свежую печать татарского посещения, и постановил в нем правителем князя Миндова Ольшанского, принявшего греческую веру. ред;

Гедимин, сильно поразив их при реке Ирпени, вступил с торжеством в Киев, носивший на себе свежую печать татарского посещения, и постановил в нем правителем князя Миндова Ольшанского, принявшего греческую веру.

бедный обессилен<ный?> татар<ами?>

Гедимин, сильно поразив их при реке Ирпени, вступил с торжеством в Киев, носивший на себе свежую печать татарского посещения, и постановил в нем правителем князя Миндова Ольшанского, принявшего греческую веру.

поставил

Гедимин, сильно поразив их при реке Ирпени, вступил с торжеством в Киев, носивший на себе свежую печать татарского посещения, и постановил в нем правителем князя Миндова Ольшанского, принявшего греческую веру.

а. князя

б. своего племянника князя Миндова Ольшанского

Итак, литовский завоеватель у самых татар вырвал почти перед глазами их находившуюся землю!

перед ними

Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами, но Гедимин был человек ума крепкого, был политик, несмотря на видимую свою дикость и свое невежественное время.

между этими

Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами, но Гедимин был человек ума крепкого, был политик, несмотря на видимую свою дикость и свое невежественное время.

а. Но Гедимин был так умен

б. Но Гедимин необыкновенный человек с необыкновенным умом, ясным [проницательным]

Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами, но Гедимин был человек ума крепкого, был политик, несмотря на видимую свою дикость и свое невежественное время.

гений политики

Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами, но Гедимин был человек ума крепкого, был политик, несмотря на видимую свою дикость и свое невежественное время.

и в такое невежественное время!

Этот дикий политик, не знавший письма и поклонявшийся языческому богу, ни у одного из покоренных им народов не изменил обычаев и древнего правления; всё оставил по-прежнему, подтвердил все привилегии и старшинам строго приказал уважать народные права; нигде даже не означил пути своего опустошением.

Гедимин был глубокой политик

Этот дикий политик, не знавший письма и

поклонявшийся языческому богу, ни у одного из покоренных им народов не изменил обычаев и древнего правления; всё оставил по-прежнему, подтвердил все привилегии и старшинам строго приказал уважать народные права; нигде даже не означил пути своего опустошением.

не зная письма и поклоняясь

Этот дикий политик, не знавший письма и поклонявшийся языческому богу, ни у одного из покоренных им народов не изменил обычаев и древнего правления; всё оставил по-прежнему, подтвердил все привилегии и старшинам строго приказал уважать народные права; нигде даже не означил пути своего опустошением.

не изменил он

Этот дикий политик, не знавший письма и поклонявшийся языческому богу, ни у одного из покоренных им народов не изменил обычаев и древнего правления; всё оставил по-прежнему, подтвердил все привилегии и старшинам строго приказал уважать народ-

ные права; нигде даже не означил пути своего опустошением.

и даже [указами] пост<ановлениями?> старшинам

Этот дикий политик, не знавший письма и поклонявшийся языческому богу, ни у одного из покоренных им народов не изменил обычаев и древнего правления; всё оставил по-прежнему, подтвердил все привилегии и старшинам строго приказал уважать народные права; нигде даже не означил пути своего опустошением.

нигде не означивши

Этот дикий политик, не знавший письма и поклонявшийся языческому богу, ни у одного из покоренных им народов не изменил обычаев и древнего правления; всё оставил по-прежнему, подтвердил все привилегии и старшинам строго приказал уважать народные права; нигде даже не означил пути своего опустошением.

опустошением и в такое невежественное время

Совершенная ничтожность окружающих его народов и прямо исторических лиц придают ему какой-то исполинский размер.

окужающих народ<ов>, прямо исторических лиц придают еще более исполин<ские> размеры этому великому

Он умер в 1340 году; мертвый был посажен на коня с своим оруженосцем, с охотничьими собаками, соколами и сожжен по языческому обычаю литовцев.

с любимым

Он умер в 1340 году; мертвый был посажен на коня с своим оруженосцем, с охотничьими собаками, соколами и сожжен по языческому обычаю литовцев.

с соколами <1 нрзб.>

Вслед за ним такие же два сильные характера, Ольгерд и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику с присоединенными народами.

Вслед за Гедимином

Вслед за ним такие же два сильные характера, Ольгерд и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику с присоединенными народами.

два исполина

Вслед за ним такие же два сильные характера, Ольгерд и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику с присоединенными народами.

и за ним Ягайло

Вслед за ним такие же два сильные характера, Ольгерд и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику с присоединенными народами.

а. и таким

б. и ту же самую политику имели с побежденными народами

И вот южная Россия, под могущественным покровительством литовских князей, совершенно отделилась от северной.

под литовскими

И вот южная Россия, под могущественным покровительством литовских князей, совершенно отделилась от северной.

отделилась совершенно

Всякая связь между ими разорвалась; составились два государства, называвшиеся одинаким именем — Русью. Одно под татарским игом, другое под одним скипетром с литовцами. Но уже сношений между ими не было.

нет.

Другие законы, другие обычаи, другая цель, другие связи, другие подвиги составили на время два совершенно различные характера.

другие характеры

Другие законы, другие обычаи, другая цель, другие связи, другие подвиги составили на время два совершенно различные характера.

совершенно обратили ее в другое государ-

ство <1 нрзб.> наконец. Между тем как <...>

Каким образом это произошло, — составляет цель нашей истории.

нет.

Но прежде всего нужно бросить взгляд на географическое положение этой страны, что непременно должно предшествовать всему, ибо от вида земли зависит образ жизни и даже характер народа.

Теперь не мешает бросить взгляд на географическое положение Малороссии

Но прежде всего нужно бросить взгляд на географическое положение этой страны, что непременно должно предшествовать всему, ибо от вида земли зависит образ жизни и даже характер народа.

предшествовать истории

Но прежде всего нужно бросить взгляд на географическое положение этой страны, что непременно должно предшествовать всему, ибо от вида земли зависит образ жизни и да-

же характер народа.

потому что

Но прежде всего нужно бросить взгляд на географическое положение этой страны, что непременно должно предшествовать всему, ибо от вида земли зависит образ жизни и даже характер народа.

а. от земли

б. вид земли дает народу

в. от вида земли часто зависит

Но прежде всего нужно бросить взгляд на географическое положение этой страны, что непременно должно предшествовать всему, ибо от вида земли зависит образ жизни и даже характер народа.

характер народа. [Многое особенное разгадывается]

Эта земля, получившая после название Украины, простирающаяся на север не далее 50° широты, более ровна, нежели гориста.

Эта земля вообще ровная

Небольшие возвышенности встречаются очень часто, но ни одной гористой цепи.

а. Гор нигде больших, если

б. Небольшие возвышенности и небольшие горы и далее как в тексте.

Небольшие возвышенности встречаются очень часто, но ни одной гористой цепи.

но высоких нет

Северная ее часть перемежается лесами, содержащими прежде в себе целые шайки медведей и диких кабанов; южная вся открыта, вся из степей, кипевших плодородием, но только изредка засевавшихся хлебом.

в которых тогда обитало множество диких кабанов

Северная ее часть перемежается лесами, содержащими прежде в себе целые шайки медведей и диких кабанов; южная вся открыта, вся из степей, кипевших плодородием, но только изредка засевавшихся хлебом. Девственная и могучая почва их своевольно произращала бесчисленное множество трав. Эти

степи кипели стадами сайг, оленей и диких лошадей, бродивших табунами.

изредка засевавшихся хлебом, местами убиравшихся ковром диких вишен, наполненных тогда стадами

С севера на юг проходит великий Днепр, опутанный ветвями впадающих в него рек.

великая река Днепр, раскинувший ветви

Правый берег его горист и представляет пленительные и вместе дерзкие местоположения; левый весь из лугов, покрытых рощами, потоплявшимися водою.

приятные и дерзкие

Правый берег его горист и представляет пленительные и вместе дерзкие местоположения; левый весь из лугов, покрытых рощами, потоплявшимися водою.

левый <2 нрзб.> из лугов, которые все потопляются водою

Двенадцать порогов — выросших из dna реки скал, недалеко от впадения его в море,

преграждают течение и делают плавание по нем чрезвычайно опасным. Около порогов водился род диких коз — сугаки с белыми лоснящимися рогами, с мягкой, атласною шерстью.

12 порогов ~ скал преграждают его течение и делают плавание по нем чрезвычайно опасным. После из дна вписано недалеко от впадения его в море. Около порогов ~ шерстью

Когда воды начинают опадать, тогда вид поразителен: все возвышенности выходят и кажутся бесчисленными зелеными островами среди необозримого океана воды.

вода спадала

Когда воды начинают опадать, тогда вид поразителен: все возвышенности выходят и кажутся бесчисленными зелеными островами среди необозримого океана воды.

вид необыкновенен и поразителен

Когда воды начинают опадать, тогда вид поразителен: все возвышенности выходят и кажутся бесчисленными зелеными островами

ми среди необозримого океана воды.
посреди неизмеримого

В Днепр впадает только одна судоходная река, Десна, проходящая в северной Украине, с лесистыми берегами, почти с обеих сторон потопляемыми водою; но и эта река только в некоторых местах судоходна.

одна только река судоходная

В Днепр впадает только одна судоходная река, Десна, проходящая в северной Украине, с лесистыми берегами, почти с обеих сторон потопляемыми водою; но и эта река только в некоторых местах судоходна.

а. в северную Украину

б. в северной части Малороссии

В Днепр впадает только одна судоходная река, Десна, проходящая в северной Украине, с лесистыми берегами, почти с обеих сторон потопляемыми водою; но и эта река только в некоторых местах судоходна.

ровными и понимающимися

Кроме того на севере Остер и часть Сейма, на юге Сула, Псел, с цепью видов, Хорол и другие; но ни одна из них не судоходна.

Кроме этих

Кроме того на севере Остер и часть Сейма, на юге Сула, Псел, с цепью видов, Хорол и другие; но ни одна из них не судоходна.

с живописными берегами и цепью видов, самых разнообразных

Сообщения никакого нет; произведения не могли взаимно размениваться — и потому здесь не мог и возникнуть торговый народ.
сносить<ся?>

Все реки разветвляются посередине; ни одна из них не протекала на рубеже и не служила естественною гранью с соседственными народами.

разветвлялись в середине этой земли

Все реки разветвляются посередине; ни одна из них не протекала на рубеже и не служила естественною гранью с соседственными

народами.

а. границею

б. защитою

Все реки разветвляются посередине; ни одна из них не протекала на рубеже и не служила естественною гранью с соседственными народами.

а. от вражеских земель

б. от неприятельских земель

К северу ли с Россией, к востоку ли с кипчакскими татарами, к югу ли с крымскими, к западу ли с Польшей — везде она граничила полем, везде равнина, со всех сторон открытое место.

С севера ли к России, с востока ли к кипчакским татарам, с юга ли <к> крымским, с запада ли к Польше

К северу ли с Россией, к востоку ли с кипчакскими татарами, к югу ли с крымскими, к западу ли с Польшей — везде она граничила полем, везде равнина, со всех сторон открытое место.

езде поле [На этом текст страницы обрывается и начинается на предыдущем свободном листе словами: везде равнина]

Будь хотя с одной стороны естественная граница из гор или моря — и народ, поселившийся здесь, удержал бы политическое бытие свое, составил бы отдельное государство.

а. Если бы хоть с одной стороны была
б: Будь хоть и далее как в тексте

Будь хотя с одной стороны естественная граница из гор или моря — и народ, поселившийся здесь, удержал бы политическое бытие свое, составил бы отдельное государство.

естественная граница [состоявшая]

Будь хотя с одной стороны естественная граница из гор или моря — и народ, поселившийся здесь, удержал бы политическое бытие свое, составил бы отдельное государство.

и эта ча<сть?>

Будь хотя с одной стороны естественная граница из гор или моря — и народ, поселившийся

шийся здесь, удержал бы политическое бытие свое, составил бы отдельное государство.

а. составил бы бытие

б. удержал бы ~ бытие

Будь хотя с одной стороны естественная граница из гор или моря — и народ, поселившийся здесь, удержал бы политическое бытие свое, составил бы отдельное государство.

независимое государство

Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошений и набегов, местом, где сшибались три враждующие нации, унавожена костями, утучнена кровью.

страшным местом

Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошений и набегов, местом, где сшибались три враждующие нации, унавожена костями, утучнена кровью.

три враждующие народа

Один татарский наезд разрушал весь труд земледельца: луга и нивы были вытаптыва-

емы конями и выжигаемы, легкие жилища
сносимы до основания, обитатели разгоняе-
мы или угоняемы в плен вместе со скотом.

травистые степи

Один татарский наезд разрушал весь труд
земледельца: луга и нивы были вытаптыва-
емы конями и выжигаемы, легкие жилища
сносимы до основания, обитатели разгоняе-
мы или угоняемы в плен вместе со скотом.

нет.

Один татарский наезд разрушал весь труд
земледельца: луга и нивы были вытаптыва-
емы конями и выжигаемы, легкие жилища
сносимы до основания, обитатели разгоняе-
мы или угоняемы в плен вместе со скотом.

бедные

Один татарский наезд разрушал весь труд
земледельца: луга и нивы были вытаптыва-
емы конями и выжигаемы, легкие жилища
сносимы до основания, обитатели разгоняе-
мы или угоняемы в плен вместе со скотом.

сносимы и зажигаемы

Один татарский наезд разрушал весь труд земледельца: луга и нивы были вытаптываемы конями и выжигаемы, легкие жилища сносимы до основания, обитатели разгоняемы или угоняемы в плен вместе со скотом.
изрубливаемы

Это была земля страха; и потому в ней мог образоваться только народ воинственный, сильный своим соединением, народ отчаянный, которого вся жизнь была бы повита и взлелеяна.

в этой земле

Это была земля страха; и потому в ней мог образоваться только народ воинственный, сильный своим соединением, народ отчаянный, которого вся жизнь была бы повита и взлелеяна.

мог только образоваться народ

Это была земля страха; и потому в ней мог образоваться только народ воинственный, сильный своим соединением, народ отчаянный,

ный, которого вся жизнь была бы повита и взлелеяна.

которого бы вся жизнь была

И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей — татар и турков.

лишенные всего

И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей — татар и турков.

такие, которым жизнь была копейка

И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная во-

ля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей — татар и турков.

такие, которых

И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей — татар и турков.

никаких законов

И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей — татар и турков.

и такие, которых везде ожидала виселица

И вот выходцы вольные и невольные, без-

домные, те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей — татар и турков.

а. расположились в самом страшном месте

б. расположились и выбрали себе самое страшное место

И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей — татар и турков.

а. пред глазами тех

б. в виду страш<ных> завоевателей татар и турок

Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю Украину, сделавший чудо — превративший

мирные славянские поколения в воинственные, известный под именем козаков, народ, составляющий одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это опустошительное разлитие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу.

особый народ и нацию, известную

Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю Украину, сделавший чудо — превративший мирные славянские поколения в воинственные, известный под именем козаков, народ, составляющий одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это опустошительное разлитие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу.

нет

Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю

Украину, сделавший чудо — превративший мирные славянские поколения в воинственные, известный под именем козаков, народ, составляющий одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это опустошительное разлитие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу.

опустошительное азиатское разлитие

Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю Украину, сделавший чудо — превративший мирные славянские поколения в воинственные, известный под именем козаков, народ, составляющий одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это опустошительное разлитие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу.

магометанских народов турок и татар

Если не к концу ~ их общество.

В конце XIV или начале XV можно поло-

жить происхождение их. По крайней мере уже тогда был выстроен за Днепром небольшой город их Черкас. Нападение татар на Киев и западную часть Малороссии заставило многих убежавших жителей приставать к ним и увеличивать их

Это было пестрое сборище самых отчаянных людей пограничных наций.

самое пестрое сборище [людей] самых отчаянных

Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший от деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин, может быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днепра, впоследствии постановившему целью, подобно орденским рыцарям, вечную войну с неверными.

Дикий горец черкес или косог

Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший от деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин, может

быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днепра, впоследствии постановившему целью, подобно орденским рыцарям, вечную войну с неверными.

убежавший от палача и веревки поляк, беглец

Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший от деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин, может быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днепра, впоследствии постановившему целью, подобно орденским рыцарям, вечную войну с неверными.

Эти люди положили начало

Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший от деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин, может быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днепра, впоследствии постановившему целью, подобно орденским рыцарям, вечную войну с невер-

НЫМИ.

постановив целью и правилом

Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший от деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин, может быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днепра, впоследствии постановившему целью, подобно орденским рыцарям, вечную войну с неверными.

подобно рыцарям воевать

Это скопище людей не имело никаких укреплений, ни одного замка.

не имело вначале ни домов, ни жен, ни детей

Землянки, пещеры и тайники в днепровских утесах, часто под водою, на днепровских островах, в гуще степной травы, служили им укрытием для себя и для награбленных богатств.

нет.

Землянки, пещеры и тайники в днепровских утесах, часто под водою, на днепровских островах, в гуще степной травы, служили им укрытием для себя и для награбленных богатств.

служили им часто

Землянки, пещеры и тайники в днепровских утесах, часто под водою, на днепровских островах, в гуще степной травы, служили им укрытием для себя и для награбленных богатств.

и себя и награбленных богатств

Гнездо этих хищников было невидимо; они налетали внезапно и, схвативши добычу, возвращались назад.

угоняли татар <1 нрзб.>

Они поворотили против татар их же образ войны, те же азиатские набеги.

внезапные азиатские

Как жизнь их определена была на вечный страх, так точно с своей стороны они реши-

лись быть страхом для соседей. Татары и турки должны были всякой час ожидать этих неумолимых обитателей порогов. Магометанский сосед не знал, как назвать этот ненавистный народ. Если кто хотел к кому выразить величайшее презрение, то называл его козаком.

Никакое препятствие не могло остановить этого немногочленного, но разрушительного набега. [Татары] Соседственные татары и турки оказывали всеми силами презрение. Султан турецкий, желая нанести большое оскорбление, называл его козаком [Козак был со всех сторон]

Большая часть этого общества состояла однако ж из первобытных, коренных обитателей южной России.

Природных россиян было больше других

Доказательство — в языке, который, несмотря на принятие множества татарских и польских слов, имел всегда чисто славянскую южную физиономию, приближавшую его к тогдашнему русскому, и в вере, которая

всегда была греческая.

<Это> доказывает самый язык

Доказательство — в языке, который, несмотря на принятие множества татарских и польских слов, имел всегда чисто славянскую южную физиономию, приближавшую его к тогдашнему русскому, и в вере, которая всегда была греческая.

имеет чисто славянскую физиогномию

Доказательство — в языке, который, несмотря на принятие множества татарских и польских слов, имел всегда чисто славянскую южную физиономию, приближавшую его к тогдашнему русскому, и в вере, которая всегда была греческая.

к тогдашнему русскому [Это обстоятельство сохраняло все те черты]

Доказательство — в языке, который, несмотря на принятие множества татарских и польских слов, имел всегда чисто славянскую южную физиономию, приближавшую его к тогдашнему русскому, и в вере, которая

всегда была греческая.

и вера христи<анская>

Всякой имел полную волю приставать к этому обществу, но он должен был непременно принять греческую религию.

к этому скопищу

Всякой имел полную волю приставать к этому обществу, но он должен был непременно принять греческую религию.

греческую религию и уже совершенно обновиться, принять другие обычаи и обыкновения

Это общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников; но, бросивши взгляд глубже, можно было увидеть в нем зародыш политического тела, основание характерного народа, уже вначале имевшего одну главную цель — воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей.

Это странное общество с первого взгляда по-видимо<му> сохраняло

Это общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников; но, бросивши взгляд глубже, можно было увидеть в нем зародыш политического тела, основание характерного народа, уже вначале имевшего одну главную цель — воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей.

которые рисуют

Это общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников; но, бросивши взгляд глубже, можно было увидеть в нем зародыш политического тела, основание характерного народа, уже вначале имевшего одну главную цель — воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей.

рассмотревши внимат<ельнее>

Это общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников; но, бросивши взгляд глубже, можно было увидеть в нем зародыш политического тела, основание характерного народа, уже вначале имевшего одну главную цель — воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей.

видеть, что это зародыш политического общества

Это общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников; но, бросивши взгляд глубже, можно было увидеть в нем зародыш политического тела, основание характерного народа, уже вначале имевшего одну главную цель — воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей.

начало великого, характерного

Это общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников; но, бросивши взгляд глубже, можно было увидеть в нем зародыш политического тела, основание характерного народа, уже вначале имевшего одну главную цель — воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей.

который уже вначале имел цель — вести вечную борьбу

Это однако ж ~ весь мир.

в том только отличие их от рыцарей, что никакие обеты, никакие посты, ни воздержан-

ние не обуздывали их; они были вольны как степи и в своих буйных наслаждениях позабывали весь мир [Написано внизу страницы, без указания места вставки.]

То же тесное братство, которое сохраняется в разбойничьих шайках, связывало их между собою.

братство

То же тесное братство, которое сохраняется в разбойничьих шайках, связывало их между собою.

а. которое так отличало

б. которое так сохраняет<ся>

То же тесное братство, которое сохраняется в разбойничьих шайках, связывало их между собою.

в буйных разбойничь<их> скопищах

То же тесное братство, которое сохраняется в разбойничьих шайках, связывало их между собою.

связывало их тесно

Всё было у них общее — вино, цехины, жилица.

Всё было общее у них

Всё было у них общее — вино, цехины, жилица.

а. деньги

б. вино

в. турецкие цехины [и] вино

Козак больше заботился о доброй мере вина, нежели о своей участи.

более заботился

Козак больше заботился о доброй мере вина, нежели о своей участи.

о доброй кружке

Козак больше заботился о доброй мере вина, нежели о своей участи.

о своей жизни

Но в нападениях видна была вся гибкость,

вся сметливость ума, всё умение пользоваться обстоятельствами.

а. В войне видна

б. В нападениях видна

Но в нападениях видна была вся гибкость, вся сметливость ума, всё умение пользоваться обстоятельствами.

гибкая сметливость

Но в нападениях видна была вся гибкость, вся сметливость ума, всё умение пользоваться обстоятельствами.

местами

Нужно было видеть этого обитателя порогов в полутатарском, полупольском костюме, на котором так резко отпечаталась пограничность земли, азиатски мчавшегося на коне, пропадавшего в густой траве, бросавшегося с быстротою тигра из не приметных тайников своих или вылезавшего внезапно из реки или болота, обвешанного тиною и грязью, казавшегося страшилищем бегущему татарину.

а. этого

б. козака

в. обитателя порогов

Нужно было видеть этого обитателя порогов в полутатарском, полупольском костюме, на котором так резко отпечаталась пограничность земли, азиатски мчавшегося на коне, пропадавшего в густой траве, бросавшегося с быстротою тигра из неприметных тайников своих или вылезавшего внезапно из реки или болота, обвешанного тиною и грязью, казавшегося страшилищем бегущему татарину.

а. полупольском костюме

б. полупольском, полурусском костюме

Нужно было видеть этого обитателя порогов в полутатарском, полупольском костюме, на котором так резко отпечаталась пограничность земли, азиатски мчавшегося на коне, пропадавшего в густой траве, бросавшегося с быстротою тигра из неприметных тайников своих или вылезавшего внезапно из реки или болота, обвешанного тиною и грязью, казавшегося страшилищем бегущему татарину.

пограничность народа

Нужно было видеть этого обитателя порогов в полутатарском, полупольском костюме, на котором так резко отпечаталась пограничность земли, азиатски мчавшегося на коне, пропадавшего в густой траве, бросавшегося с быстротою тигра из неприметных тайников своих или вылезавшего внезапно из реки или болота, обвешанного тиною и грязью, казавшегося страшилищем бегущему татарину.
летаю<щого>

Нужно было видеть этого обитателя порогов в полутатарском, полупольском костюме, на котором так резко отпечаталась пограничность земли, азиатски мчавшегося на коне, пропадавшего в густой траве, бросавшегося с быстротою тигра из неприметных тайников своих или вылезавшего внезапно из реки или болота, обвешанного тиною и грязью, казавшегося страшилищем бегущему татарину.
с алчностью

Нужно было видеть этого обитателя порогов в полутатарском, полупольском костюме,

на котором так резко отпечаталась пограничность земли, азиатски мчавшегося на коне, пропадавшего в густой траве, бросавшегося с быстротою тигра из неприметных тайников своих или вылезавшего внезапно из реки или болота, обвешанного тиною и грязью, казавшегося страшилищем бегущему татарину.

из болот

Нужно было видеть этого обитателя порогов в полутатарском, полупольском костюме, на котором так резко отпечаталась пограничность земли, азиатски мчавшегося на коне, пропадавшего в густой траве, бросавшегося с быстротою тигра из неприметных тайников своих или вылезавшего внезапно из реки или болота, обвешанного тиною и грязью, казавшегося страшилищем бегущему татарину.

[как будто] подобно подземному гному. Это заставило турецкого султана сказать: когда поляки и немцы воюют, я сплю на оба уха, когда же козаки зашевелиятся, я должен одним ухом слушать

Этот же самый козак после набега, когда

гулял и бражничал с своими товарищами, сорил и разбрасывал награбленные сокровища, был бессмысленно пьян и беспечен до нового набега, если только не предупреждали их татары, не разгоняли их пьяных и беспечных и не разрывали до основания городка их, который, как будто чудом, строился вновь, и опустошительный, ужасный набег был отмщением.

нет.

Этот же самый козак после набега, когда гулял и бражничал с своими товарищами, сорил и разбрасывал награбленные сокровища, был бессмысленно пьян и беспечен до нового набега, если только не предупреждали их татары, не разгоняли их пьяных и беспечных и не разрывали до основания городка их, который, как будто чудом, строился вновь, и опустошительный, ужасный набег был отмщением.

бросал

Этот же самый козак после набега, когда гулял и бражничал с своими товарищами, со-

рил и разбрасывал награбленные сокровища, был бессмысленно пьян и беспечен до нового набега, если только не предупреждали их татары, не разгоняли их пьяных и беспечных и не разрывали до основания городка их, который, как будто чудом, строился вновь, и опустошительный, ужасный набег был отмщением.

и был пьян

Этот же самый козак после набега, когда гулял и бражничал с своими товарищами, сорил и разбрасывал награбленные сокровища, был бессмысленно пьян и беспечен до нового набега, если только не предупреждали их татары, не разгоняли их пьяных и беспечных и не разрывали до основания городка их, который, как будто чудом, строился вновь, и опустошительный, ужасный набег был отмщением.

не упреждали

Этот же самый козак после набега, когда гулял и бражничал с своими товарищами, сорил и разбрасывал награбленные сокровища,

был бессмысленно пьян и беспечен до нового набега, если только не предупреждали их татары, не разгоняли их пьяных и беспечных и не разрывали до основания городка их, который, как будто чудом, строился вновь, и опустошительный, ужасный набег был отмщен.

их занятых <?> <1 нрзб.>

Этот же самый козак после набега, когда гулял и бражничал с своими товарищами, сорил и разбрасывал награбленные сокровища, был бессмысленно пьян и беспечен до нового набега, если только не предупреждали их татары, не разгоняли их пьяных и беспечных и не разрывали до основания городка их, который, как будто чудом, строился вновь, и опустошительный, ужасный набег был отмщен.

не разрушали до основания городок

Этот же самый козак после набега, когда гулял и бражничал с своими товарищами, сорил и разбрасывал награбленные сокровища, был бессмысленно пьян и беспечен до нового

набега, если только не предупреждали их татары, не разгоняли их пьяных и беспечных и не разрывали до основания городка их, который, как будто чудом, строился вновь, и опустошительный, ужасный набег был отмщением.

вдруг по проспании их [строился?] как бы чудом строился

Этот же самый козак после набега, когда гулял и бражничал с своими товарищами, сорил и разбрасывал награбленные сокровища, был бессмысленно пьян и беспечен до нового набега, если только не предупреждали их татары, не разгоняли их пьяных и беспечных и не разрывали до основания городка их, который, как будто чудом, строился вновь, и опустошительный, ужасный набег был отмщением.

мстительный набег вознаградил

После чего снова та же беспечность, та же разгульная жизнь.

И потом

Казалось, существование этого народа было вечно.

было беско<нечно>

Он никогда не уменьшался: выбывшие, убитые, потонувшие заменялись новыми.

нет

Такая разгульная жизнь приманивала всякого.

вольная, буйная жизнь

Тогда было то поэтическое время, когда всё добывалось саблею; когда каждый в свою очередь стремился быть действующим лицом, а не зрителем.

когда каждый стремился жить и действовать вместе

Это скопление мало-помалу получило совершенно один общий характер и национальность, и чем ближе к концу XV века, тем более увеличивалось приходящими вновь.

получило наконец один

Это скопление мало-помалу получило совершенно один общий характер и национальность, и чем ближе к концу XV века, тем более увеличивалось приходящими вновь.

чем долее, увеличивалось более и более

Наконец целые деревни и сёла начали поселяться с домами и семействами около этого грозного оплота, чтобы пользоваться его защитой, с условием за то некоторых повинностей.

начали переселяться

Наконец целые деревни и сёла начали поселяться с домами и семействами около этого грозного оплота, чтобы пользоваться его защитой, с условием за то некоторых повинностей.

с своими домами

Наконец целые деревни и сёла начали поселяться с домами и семействами около этого грозного оплота, чтобы пользоваться его защитой, с условием за то некоторых повинностей.

вокруг сего грозного

Наконец целые деревни и сёла начали поселяться с домами и семействами около этого грозного оплота, чтобы пользоваться его защитою, с условием за то некоторых повинностей.

чтобы наконец<?> пользоваться<ся> защитою

И таким образом места около Киева начали пустеть, а между тем по ту сторону Днепра люднели.

а. люднеть

б. места около Киева пустели, около Днепра заселялись

Семейные и женатые мало-помалу от обращения и сношения с ними получали тот же воинственный характер.

получали от обращения и сношения с ними

Сабля и плуг сдружились между собою и были у всякого селянина.

семьянина

Между тем разгульные холостяки вместе с червонцами, цехинами и лошадьми стали похищать татарских жен и дочерей и жениться на них.

холостяки начали жениться

Между тем разгульные холостяки вместе с червонцами, цехинами и лошадьми стали похищать татарских жен и дочерей и жениться на них.

и вместе с цехинами и реалами

Между тем разгульные холостяки вместе с червонцами, цехинами и лошадьми стали похищать татарских жен и дочерей и жениться на них.

девиц

Между тем разгульные холостяки вместе с червонцами, цехинами и лошадьми стали похищать татарских жен и дочерей и жениться на них.

на которых женились

От этого смешения черты лица их, вначале разнохарактерные, получили одну общую физиогномию, более азиатскую.

самые черты лица начали изменять<ся> и приобрели более общее между собою

И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование.

по месту жительства

И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором

так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование.

ПЖМНП, 1834 — и между тем

И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование.

по чертам лица и еще<?> по некоторым обычаям, даже по костюму — азиатец

И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование.

две совершенно противоположные столк<нулись>

И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование.

нию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование.

деятельность

И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование.

азиатская беспечность [смирение и гордость]

И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные сти-

хии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование.

хитрость и простодушие

И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование.

деятельность [и лень], нега, лень совершенно приставшая обитателям Азии, стремление к лучшему и между <тем> желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование

В рукописи ПБЛ8 имеются два наброска, не вошедшие в печатный текст:

Какое было первоначальное устройство этого необыкновенного <...> Какие были первоначальные законы для вольнолюбивой и буйной вольницы, я об этом теперь ничего не скажу (хотя всякой может себе верно представить как должно было быть тогда), потому что до времен Ружинского ничего [об] не известно. [Ни один инок-летописец не укрывался в монаст<ыре?>] и самых монастырей нигде не было в этой изруинованной земле.

Летописи писались тогда не пером, а кривыми саблями и пиццаля<ми>. Ни один инок-временнописец не укрывался в монастыре. Иностранцы, особливо впоследствии французские инженеры, писавшие об Украине, нигде не доискивали<сь> сведений исторически<x>, не спрашиваясь старых, еще касавшихся прежними годами своими времен патриархальных, еще живо хранивших в памяти первые подвиги и дела. Они большею частью <1 нрзб.> в географию в настоящем, тогдашнем виде. Как досадно, когда минувшее, мо-

жет быть, кипевшее событиями, бежит и темнеет в виду всех [людей] и ни один не хватит-ся остановить его. Это похоже — но вперед моя история.

Литовские князья на северо-востоке Европы были сильнейшие владетели. Когда в Польше произошли великие смуты по случаю смерти [бездетного] короля Людовика, не оставившего сыновей, [престол] была коронована тринадцатилетняя его дочь, знаменитая красавица Ядвига. [Кучи] женихов [окружили ее двор], жадных ее совершенств и более блистательных, стеклись в Польшу. Но литовский князь Ягайло взял перевес и получил руку венценосной красавицы с условием <1 нрзб.> присоединить [Ливны] свои простран-ные русские владения и литовские владения, [самому] принять христианскую веру вместе с литовским народом. [И вот] Таким образом, три [народа] зем<ли>: Литва, южная Россия и Польша соединились вместе. [Папа] Ягайло провозгласил<?> <2 нрзб.> себя Владиславом, и папа приобрел в свою обширную обнимав-шую почти все моря <1 нрзб.> новую паству.

На отдельном листе, вырванном из ПБЛ8, находится третий набросок, также не вошедший в печатный текст:

Народ не мог сделаться торговым, получивши заматерелость, следствие местоположения. Никогда Малороссии<ские> купцы не были значительны. Всегда или русские ныне, или греки и жидаы прежде держали в руках своих торговлю. Этот народ не имел строгой расчетливости и размера на всю жизнь, следствие местоположения, беспечность, равнодушные к богатству и неуверенность в нем. Часто всё, накопленное трудами, обращало<сь> в одну праздничную попойку, в увеселение и забвение на одну минуту. Особенная страсть к увеселениям, к общественным гульбищам. С начала весны все девки и парни выходят на улицу из хат и поют [в которой] приветствия весне. Улица делается всеобщим собранием. Как просто, как высоко постигнуто это удержимое средство (о свадьбах). Человек ничего так не боится, как стыда. Вольность в обращении. Всё, что до наслажденья относилось, всё это имел народ. Он в этом не отказывал себе

никогда. Разнообразие разных блюд, совершенно [приличных] отличных в разные времена года, в разных случаях.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПУШКИНЕ

(Варианты по ЛБ18)

В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему.

никто [более из поэтов] наших

В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему.

никто более не имеет права

В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему.

принадлежит ему. Он — первый русский поэт

В нем, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка.
всё богатство [и] сила [и] гибкость языка

Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство.

а. В нем одном они развились и показались во всем пространстве

б. Он более всех его развил и далее раздвинул ему границы, более показал пространство

Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русской человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет.

в конечном его развитии

В нем русская природа, русская душа, русский язык, русской характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

В нем [как в зеркала<ле>] в такой же чистоте

и утонченности, как ландшафт отражается на выпуклой поверхности зажигательного стекла, отразилась русская природа, русская душа, русский язык, русский характер.

Тот же разгул и раздолье, к которому иногда позабывшись стремится русской и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет.

Тот разгул

Тот же разгул и раздолье, к которому иногда позабывшись стремится русской и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет.

отчаянно стремится

Тот же разгул и раздолье, к которому иногда позабывшись стремится русской и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет.

который всегда любит свежая русская мо-

лодежь встречать в других

Тот же разгул и раздолье, к которому иногда позабывшись стремится русской и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет.

отразилось

Тот же разгул и раздолье, к которому иногда позабывшись стремится русской и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет.

вступления в свет. Ему было душно среди бесцветных наших столиц и чинных городов и

Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, среди знойных долин, поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях.

[среди цветущих долин] Кавказ [страшно] поразил <его>

Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, среди знойных долин, поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях.

[всю] силу души его [и сообщил ему ту]

Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, среди знойных долин, поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях.

[все] последние цепи

Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, среди знойных долин, поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях.

а. связывали дух свободный

б. связывали свободный дух его

в. тяготели над его свободными мыслями

Его пленила вольная поэтическая жизнь

дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набеги; и с этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию.

Ему понравилась

Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набеги; и с этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию.

кисть приобрела его

Рисует ли он боевую схватку чеченца с козаком — слог его молния; он так же блещет, как сверкающие сабли, и летит быстрее самой битвы.

с козаком или татаринном

Рисует ли он боевую схватку чеченца с козаком — слог его молния; он так же блещет, как сверкающие сабли, и летит быстрее самой битвы.

мелькающие сабли

Рисует ли он боевую схватку чеченца с козакom — слог его молния; он так же блещет, как сверкающие сабли, и летит быстрее самой битвы.

несется

Он один только певец Кавказа: он влюблен в него всею душою и чувствами; он проникнут и напнтан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии и великолепными крымскими ночами и садами.

И один только и первый

Он один только певец Кавказа: он влюблен в него всею душою и чувствами; он проникнут и напнтан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии и великолепными крымскими ночами и садами.

в него влюблен он

Он один только певец Кавказа: он влюблен

в него всю душу и чувствами; он проникнут и напитан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии и великолепными крымскими ночами и садами. ЛБ18

Ар — всего душою (опечатка)

Он один только певец Кавказа: он влюблен в него всю душу и чувствами; он проникнут и напитан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии и великолепными крымскими ночами и садами.

и южным его небом и долинами прекрасной Грузии [Далее было: он напился, насытился со всею [жаждою] силою <?> упоения] и садами и ночами Крыма он проникнут и напитан

Может быть, оттого и в своих творениях он жарче и пламеннее там, где душа его коснулась юга.

Оттого и в творениях своих он жарче, пламеннее

На них он невольно означил всю силу свою, и оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную, магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его.

а. На <?> них <?> он старался [вылить] означить

На них он невольно означил всю силу свою, и оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную, магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его.

все произведения его

На них он невольно означил всю силу свою, и оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную, магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей,

чтобы быть в силах понимать его.

а. напитанные

б. которые внушены Кавказом

На них он невольно означил всю силу свою, и оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную, магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его.

магнитную <?> силу [они <1 нрзб.>]

На них он невольно означил всю силу свою, и оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную, магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его.

душевных сил

На них он невольно означил всю силу свою, и оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами

Крыма, имели чудную, магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его.

чтобы понимать его

Смелое более всего доступно, сильнее и просторнее раздвигает душу, а особенно юности, которая вся еще жаждет одного необыкновенного.

Смелое быстрое, более всего доступно

Смелое более всего доступно, сильнее и просторнее раздвигает душу, а особенно юности, которая вся еще жаждет одного необыкновенного.

одного необыкновенного и ненавидит стеснения

Ничья слава ~ повсюду.

Он был каким-то идеалом молодых людей. Его смелые, всегда исполненные оригинальности поступки и случай жизни заучивались ими и повторялись, разумеется, как обыкновенно^{<енно>} бывает, с прибавлениями и вари-

антами. Стихи [его <1 нрзб.>] учились наизусть. Армейские и штатские и кстати и некстати почитали обязанностью проговорить и исковеркать [не только] какой-нибудь ярко сверкающий отрывок [какое-нибудь ярко сверкающее место] из его поэм. И если сказать истину, то его стихи воспитали и образовали истинно-благород<ные> чувства несмотря на то, что старики и богомольные тетушки старались уверить, что они рассеивают вольнодумство, потому только, что смелое благородство мыслей и выражения и отвага души были слишком противоположны их бездейственной вялой жизни, бесполезной и для них и для государства.

(сноска) Под именем Пушкина рассеивалось множество самых нелепых стихов. Это обыкновенная участь таланта, пользующегося сильною известностью. Это вначале смешит, но после бывает досадно, когда наконец выходишь из молодости и видишь эти глупости не прекращающимися. Таким образом начали наконец Пушкину приписывать: Лекарство от холеры. Первую ночь и тому подоб-

ные.

нет.

Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа.

[был] национален

Поэт даже может ~ они сами.

нет.

Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означить весь предмет.

[которые] составляют [такую]

Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немно-

гими чертами означить весь предмет.
которая отличает его

Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означить весь предмет.
то она состоит

Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает.

так удачен, так резок и смел

Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает.

заменяет один

Его небольшая пьеса всегда стоит целой поэмы.

- а. Его небольшие пьесы стоят целой поэмы
- б. Его небольшая пьеса всякая<?> стоит це-

лой поэмы [Далее начато: а. В немногих стихах ее отливается такая высокая б. Ни у кого из поэтов меньшая <?> она в]

Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина.

кто из поэтов может сказать

Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина.

а. чтобы [в] у него столько вмещалось

б. чтобы в небольшой пьесе столько вмещалось величия

Но последние его поэмы, писанные им в то время, когда Кавказ скрылся от него со всем своим грозным величием и державно возносящуюся из-за облак вершиною, и он погрузился в сердце России, в ее обыкновенные равнины, предался глубже исследованию жизни и нравов своих соотечественников и

захотел быть вполне национальным поэтом, — его поэмы уже не всех поразили тою яркостью и ослепительной смелостью, какими дышит у него всё, где ни являются Эльбрус, горцы, Крым и Грузия.

скрылся перед ним

Но последние его поэмы, писанные им в то время, когда Кавказ скрылся от него со всем своим грозным величием и державно возносящеюся из-за облак вершиною, и он погрузился в сердце России, в ее обыкновенные равнины, предался глубже исследованию жизни и нравов своих соотечественников и захотел быть вполне национальным поэтом, — его поэмы уже не всех поразили тою яркостью и ослепительной смелостью, какими дышит у него всё, где ни являются Эльбрус, горцы, Крым и Грузия.

а. и предался глубже познанию

б. и предался и далее как в тексте

Но последние его поэмы, писанные им в то время, когда Кавказ скрылся от него со всем своим грозным величием и державно возно-

сящущая из-за облак вершиною, и он погрузился в сердце России, в ее обыкновенные равнины, предался глубже исследованию жизни и нравов своих соотечественников и захотел быть вполне национальным поэтом, — его поэмы уже не всех поразили тою яркостью и ослепительной смелостью, какими дышит у него всё, где ни являются Эльбрус, горцы, Крым и Грузия.

эти поэмы

Но последние его поэмы, писанные им в то время, когда Кавказ скрылся от него со всем своим грозным величием и державно возносящаяся из-за облак вершиною, и он погрузился в сердце России, в ее обыкновенные равнины, предался глубже исследованию жизни и нравов своих соотечественников и захотел быть вполне национальным поэтом, — его поэмы уже не всех поразили тою яркостью и ослепительной смелостью, какими дышит у него всё, где ни являются Эльбрус, горцы, Крым и Грузия.

не поражают каждого

Но последние его поэмы, писанные им в то время, когда Кавказ скрылся от него со всем своим грозным величием и державно возносящаяся из-за облак вершиною, и он погрузился в сердце России, в ее обыкновенные равнины, предался глубже исследованию жизни и нравов своих соотечественников и захотел быть вполне национальным поэтом, — его поэмы уже не всех поразили тою яркостью и ослепительной смелостью, какими дышит у него всё, где ни являются Эльбрус, горцы, Крым и Грузия.

какими дышат все

Явление это, кажется, не так трудно разрешить: будучи поражены смелостью его кисти и волшебством картин, все читатели его, образованные и необразованные, требовали непрерывно, чтобы отечественные и исторические происшествия сделались предметом его поэзии, позабывая, что нельзя теми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить более спокойный и гораздо менее исполненный страстей быт русской.

[Видевшие] Отчего же это произошло: это произошло вот отчего:

Явление это, кажется, не так трудно разрешить: будучи поражены смелостью его кисти и волшебством картин, все читатели его, образованные и необразованные, требовали наперерыв, чтобы отечественные и исторические происшествия сделались предметом его поэзии, позабывая, что нельзя теми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить более спокойный и гораздо менее исполненный страстей быт русской.

и образованные

Явление это, кажется, не так трудно разрешить: будучи поражены смелостью его кисти и волшебством картин, все читатели его, образованные и необразованные, требовали наперерыв, чтобы отечественные и исторические происшествия сделались предметом его поэзии, позабывая, что нельзя теми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить более спокой-

ный и гораздо менее исполненный страстей быт русской.

а. бы<т?>

б. гораздо

в. слишком спокойный

Масса публики, представляющая в лице своем нацию, очень странна в своих желаниях; она кричит: изобрази нас так, как мы есть, в совершенной истине, представь дела наших предков в таком виде, как они были.

а. представляющая весь народ

б. представляющая в лице своем народ

Масса публики, представляющая в лице своем нацию, очень странна в своих желаниях; она кричит: изобрази нас так, как мы есть, в совершенной истине, представь дела наших предков в таком виде, как они были.

[чрезвычайно?>] странна

Масса публики, представляющая в лице своем нацию, очень странна в своих желаниях; она кричит: изобрази нас так, как мы есть, в совершенной истине, представь дела наших

предков в таком виде, как они были.

она треб<ует>

Но попробуй поэт, послушный ее велению, изобразить всё в совершенной истине и так, как было, она тотчас заговорит: это вяло, это слабо, это не хорошо, это нимало не похоже на то, что было.

послушный велению ее

Но попробуй поэт, послушный ее велению, изобразить всё в совершенной истине и так, как было, она тотчас заговорит: это вяло, это слабо, это не хорошо, это нимало не похоже на то, что было.

тотчас говорит

Масса народа похожа в этом случае на женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий, но горе ему, если он не умел скрыть всех ее недостатков.

повелева<ющую>

Масса народа похожа в этом случае на

женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий, но горе ему, если он не умел скрыть всех ее недостатков.

не прикрыл и не скрыл все ее недостатки

Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частью был бесцветен; разнообразие страстей ему мало было известно.

я не говорю о последнем ее направлени<ии> со времени императоров

Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частью был бесцветен; разнообразие страстей ему мало было известно.

не слишком <?> много вмещала в себе живости

Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер наро-

да большею частью был бесцветен; разнообразие страстей ему мало было известно.

характер народа был слишком бесцветен

Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частью был бесцветен; разнообразие страстей ему мало было известно.

[стра<сти?>] разнообразие страстей мало было ему <?> известно

Поэт не виноват; но и в народе тоже весьма извинительное чувство придать больший размер делам своих предков.

нет.

Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слог, дать силу бессильному, говорить с жаром о том, что само в себе не сохраняет сильного жара, тогда толпа почитателей, толпа народа на его стороне, а вместе с ним и деньги; или быть верну одной истине, быть высоким там, где высок предмет, быть резким и смелым, где ис-

тинно резкое и смелое, быть спокойным и тихим, где не кипит происшествие.

Ему оставалось

Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слог, дать силу бессильному, говорить с жаром о том, что само в себе не сохраняет сильного жара, тогда толпа почитателей, толпа народа на его стороне, а вместе с ним и деньги; или быть верну одной истине, быть высоким там, где высок предмет, быть резким и смелым, где истинно резкое и смелое, быть спокойным и тихим, где не кипит происшествие.

говорить с жаром о том, что не име<ет> жара как то делают многие

Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слог, дать силу бессильному, говорить с жаром о том, что само в себе не сохраняет сильного жара, тогда толпа почитателей, толпа народа на его стороне, а вместе с ним и деньги; или быть верну одной истине, быть высоким там, где высок предмет, быть резким и смелым, где ис-

тинно резкое и смелое, быть спокойным и тихим, где не кипит происшествие.

а. тогда бы он

б. тогда толпа почитателей <1 нрзб.>, толпа народа [за]

Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слог, дать силу бессильному, говорить с жаром о том, что само в себе не сохраняет сильного жара, тогда толпа почитателей, толпа народа на его стороне, а вместе с ним и деньги; или быть верну одной истине, быть высоким там, где высок предмет, быть резким и смелым, где истинно резкое и смелое, быть спокойным и тихим, где не кипит происшествие.

а. шуму более

б. тогда его имя более окружено шумом

в. шум на его стороне, деньги на его стороне

Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слог, дать силу бессильному, говорить с жаром о том, что само в себе не сохраняет сильного жара, тогда

толпа почитателей, толпа народа на его стороне, а вместе с ним и деньги; или быть верну одной истине, быть высоким там, где высок предмет, быть резким и смелым, где истинно резкое и смелое, быть спокойным и тихим, где не кипит происшествие.

высок предмет [быть простым]

Но в этом случае прощай толпа!
прощай толпа, шум, почести <?>

ее не будет у него, разве когда самый предмет, изображаемый им, уже так велик и резок, что не может не произвести всеобщего энтузиазма.

разве [происшествие] [у него] это так велико

ее не будет у него, разве когда самый предмет, изображаемый им, уже так велик и резок, что не может не произвести всеобщего энтузиазма.

энтузиазма

Первого средства не избрал поэт, потому

что хотел остаться поэтом и потому что у всякого, кто только чувствует в себе искру святого призвания, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талант таким средством.

Быть истин<ным> поэтом, таким

Первого средства не избрал поэт, потому что хотел остаться поэтом и потому что у всякого, кто только чувствует в себе искру святого призвания, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талант таким средством.

выказать таким средством свой талант

Никто не станет спорить, что дикий горец в своем воинственном костюме, вольный как воля, сам себе и судья и господин, гораздо ярче какого-нибудь заседателя, и несмотря на то, что он зарезал своего врага, притаясь в ущельи, или выжег целую деревню, однако же он более поражает, сильнее возбуждает в нас участие, нежели наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом посредством справок и выпра-

вок пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ.

царь

Никто не станет спорить, что дикий горец в своем воинственном костюме, вольный как воля, сам себе и судия и господин, гораздо ярче какого-нибудь заседателя, и несмотря на то, что он зарезал своего врага, притаясь в ущельи, или выжег целую деревню, однако же он более поражает, сильнее возбуждает в нас участие, нежели наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом посредством справок и выправок пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ.

гораздо выше и лучше

Никто не станет спорить, что дикий горец в своем воинственном костюме, вольный как воля, сам себе и судия и господин, гораздо ярче какого-нибудь заседателя, и несмотря на то, что он зарезал своего врага, притаясь в ущельи, или выжег целую деревню, однако же он более поражает, сильнее возбуждает в

нас участие, нежели наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом посредством справок и выправок пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ.

какого-нибудь пьяного заседателя

Никто не станет спорить, что дикий горец в своем воинственном костюме, вольный как воля, сам себе и судья и господин, гораздо ярче какого-нибудь заседателя, и несмотря на то, что он зарезал своего врага, притаясь в ущельи, или выжег целую деревню, однако же он более поражает, сильнее возбуждает нас участие, нежели наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом посредством справок и выправок пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ.

что несмотря

Никто не станет спорить, что дикий горец в своем воинственном костюме, вольный как воля, сам себе и судья и господин, гораздо ярче какого-нибудь заседателя, и несмотря на

то, что он зарезал своего врага, притаясь в ущельи, или выжег целую деревню, однако же он более поражает, сильнее возбуждает в нас участие, нежели наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом посредством справок и отправок пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ.

зарезал своего неприятеля

Никто не станет спорить, что дикий горец в своем воинственном костюме, вольный как воля, сам себе и судья и господин, гораздо ярче какого-нибудь заседателя, и несмотря на то, что он зарезал своего врага, притаясь в ущельи, или выжег целую деревню, однако же он более поражает, сильнее возбуждает в нас участие, нежели наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом посредством справок и отправок пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ.

зажечь

Никто не станет спорить, что дикий горец

В своем воинственном костюме, вольный как воля, сам себе и судия и господин, гораздо ярче какого-нибудь заседателя, и несмотря на то, что он зарезал своего врага, притаясь в ущельи, или выжег целую деревню, однако же он более поражает, сильнее возбуждает в нас участие, нежели наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом посредством справок и отправок пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ.

нас более поражает

Никто не станет спорить, что дикий горец в своем воинственном костюме, вольный как воля, сам себе и судия и господин, гораздо ярче какого-нибудь заседателя, и несмотря на то, что он зарезал своего врага, притаясь в ущельи, или выжег целую деревню, однако же он более поражает, сильнее возбуждает в нас участие, нежели наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом посредством справок и отправок пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ.

судья в европейском фраке

Никто не станет спорить, что дикий горец в своем воинственном костюме, вольный как воля, сам себе и судья и господин, гораздо ярче какого-нибудь заседателя, и несмотря на то, что он зарезал своего врага, притаясь в ущельи, или выжег целую деревню, однако же он более поражает, сильнее возбуждает в нас участие, нежели наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом посредством справок и выправок пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ.

а. сослал в

б. пустил по мир<у в> легкой тележке свободных и [ревижских] крепост<ных> душ

Но тот и другой, они оба — явления, принадлежащие к нашему миру: они оба должны иметь право на наше внимание, хотя по естественной причине то, что мы реже видим, всегда сильнее поражает наше воображение, и предпочтеть необыкновенному обыкновен-

ное есть больше ничего, кроме нерасчет поэта — нерасчет перед его многочисленную публику, а не перед собою.

нашему миру [После<дний?>]

Но тот и другой, они оба — явления, принадлежащие к нашему миру: они оба должны иметь право на наше внимание, хотя по естественной причине то, что мы реже видим, всегда сильнее поражает наше воображение, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кроме нерасчет поэта — нерасчет перед его многочисленную публику, а не перед собою.

внимание [Предпочесть предмет об<ыкновенный?>]

Но тот и другой, они оба — явления, принадлежащие к нашему миру: они оба должны иметь право на наше внимание, хотя по естественной причине то, что мы реже видим, всегда сильнее поражает наше воображение, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кроме нерасчет поэта — нерасчет перед его многочисленную

публикою, а не перед собою.

по весьма естественной причине<не>

Но тот и другой, они оба — явления, принадлежащие к нашему миру: они оба должны иметь право на наше внимание, хотя по естественной причине то, что мы реже видим, всегда сильнее поражает наше воображение, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кроме нерасчет поэта — нерасчет перед его многочисленною публикою, а не перед собою.

перед своим

Я всегда чувствовал маленькую страсть к живописи.

а. чувствовал всегда

б. всегда чувствовал в себе

Я всегда чувствовал маленькую страсть к живописи.

боль<шую?>

Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидыва-

лось сухое дерево.

занимала картина

Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи
мои были окружные соседи.
нет.

Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи
мои были окружные соседи.
соседи наши помещики

Один из них, взглянувши на картину, по-
качал головою и сказал: «Хороший живопи-
сец выбирает дерево рослое, хорошее, на ко-
тором бы и листья были свежие, хорошо рас-
тущее, а не сухое».
и хорошо растущие

В детстве мне казалось досадно слышать
такой суд, но после я из него извлек мудрость:
знать, что нравится и что не нравится толпе.
Мне казалось тогда

В детстве мне казалось досадно слышать
такой суд, но после я из него извлек мудрость:

знать, что нравится и что не нравится толпе.

а. я увидел в нем великую истину

б. я из него извлек познание

Сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и беспорывны, как русская природа.

так же тихи [светлы]

Их только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух.

совершенно понят

Их только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух.

а. также

б. нежно

Их только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух.

чувствами

Их только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух.

способна понять вполне неблестящие

По справедливости ли ~ многочисленной толпы.

нет.

Нужен вкус выше того, который может понимать только одни слишком резкие и крупные черты.

резкие черт<ы> и крупные массы [Всё рав-

но]

Для этого нужно быть в некотором отношении сибаритом, который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ест птичку не более наперстка и услаждается таким блюдом, которого вкус кажется совсем неопределенным, странным, без всякой приятности привыкшему глотать изделия крепостного повара.

а. Понимателям и читателям его нужно быть ~ сибаритами

б. Понимателям и читателям его нужно быть ~ сибаритом, который

Для этого нужно быть в некотором отношении сибаритом, который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ест птичку не более наперстка и услаждается таким блюдом, которого вкус кажется совсем неопределенным, странным, без всякой приятности привыкшему глотать изделия крепостного повара.

а. тяжелыми яс<твами>

б. тяжелыми блюдами

Для этого нужно быть в некотором отношении сибаритом, который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ест птичку не более наперстка и услаждается таким блюдом, которого вкус кажется совсем неопределенным, странным, без всякой приятности привыкшему глотать изделия крепостного повара.

не больше наперстка

Для этого нужно быть в некотором отношении сибаритом, который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ест птичку не более наперстка и услаждается таким блюдом, которого вкус кажется совсем неопределенным, странным, без всякой приятности привыкшему глотать изделия крепостного повара.

крепостного повара в грязном фартуке, нюхающего табак во время своей стряпни и с малиновым носом

Это собрание его мелких стихотворений — ряд самых ослепительных картин. ~ мелька-

ют ослепительные плечи, или белые руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темных кудрей, или прозрачные гроздия винограда, или мирты и древесная сень, созданные для жизни.

ослепительных картин, [Далее вставка: Все черты полного ясного мира, так знакомые одним древним. Сюда же относится приписка без обозначения места вставки, помещенная после окончания статьи: В них природа выражается так же живо, как в струях какой-нибудь серебряной [струи] реки Текст остался несогласованным.] в которых мелькают

Это тот ясный мир, который так дышит чертами, знакомыми одним древним, в котором природа выражается так же живо, как в струе какой-нибудь серебряной реки, в котором быстро и ярко мелькают ослепительные плечи, или белые руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темных кудрей, или прозрачные гроздия винограда, или мирты и древесная сень, созданные для жизни.

или яркие белые плечи или руки

Это тот ясный мир, который так дышит чертами, знакомыми одним древним, в котором природа выражается так же живо, как в струе какой-нибудь серебряной реки, в котором быстро и ярко мелькают ослепительные плечи, или белые руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темных кудрей, или прозрачные гроздия винограда, или мирты и древесная сень, созданные для жизни.

накинутая

Это тот ясный мир, который так дышит чертами, знакомыми одним древним, в котором природа выражается так же живо, как в струе какой-нибудь серебряной реки, в котором быстро и ярко мелькают ослепительные плечи, или белые руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темных кудрей, или прозрачные гроздия винограда, или мирты и древесная сень, созданные для жизни.

сочные гроздия винограда

Тут всё: и наслаждение, и простота, и мгновенная высота мысли, вдруг объемлющая священным холодом вдохновения чи-

тателя.

нет.

Тут всё: и наслаждение, и простота, и мгновенная высота мысли, вдруг объемлющая священным холодом вдохновения читателя.

вдруг объемлющая холодом вдохновения читателя, от которого невольно волосы шевелятся на голове

Здесь нет этого каскада красноречия, увлекающего только многословием, в котором каждая фраза потому только сильна, что соединяется с другими и оглушает падением всей массы, но если отделить ее, она становится слабою и бессильною.

но отделившись, слаба и бессильна

Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия; никакого наружного блеска, всё просто, всё прилично, всё исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; всё лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия.

Тут нет красноречия, тут одна поэзия

Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия; никакого наружного блеска, всё просто, всё прилично, всё исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; всё лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия.

всё лаконизм [кот<орым?>]

В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт.

каждым словом необъятен поэт

Отсюда происходит то, что эти мелкие сочинения перечитываешь несколько раз, тогда как достоинства этого не имеет сочинение, в котором слишком просвечивает одна главная идея.

От этого происходит, что

Отсюда происходит то, что эти мелкие сочинения перечитываешь несколько раз, тогда как достоинства этого не имеет сочинение, в котором слишком просвечивает одна главная идея.

ее перечитываешь

Отсюда происходит то, что эти мелкие сочинения перечитываешь несколько раз, тогда как достоинства этого не имеет сочинение, в котором слишком просвечивает одна главная идея.

никогда не имеет сочинение длинное<?>

Мне всегда ~ понимать их!

нет

Но увы! это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы, и наконец так становится тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных ценителей.

Увы это справедливо

Но увы! это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы, и наконец так становится

тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных ценителей.

чем <более> он изображает

Но увы! это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы, и наконец так становится тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных ценителей. ЛБ18;

Ар — знакомые поэтам

Но увы! это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы, и наконец так становится тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных ценителей.

а. тем менее

б. тем более уменьшается

Но увы! это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более

изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы, и наконец так становится тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных ценителей.

его понимающих

Но увы! это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы, и наконец так становится тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных ценителей.

становится тесен вокруг него

Но увы! это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы, и наконец так становится тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных ценителей.

почти по пальцам перечесть своих [ценителей] друзей <1 нрзб.>

ОБ АРХИТЕКТУРЕ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

(Варианты по ЛБ18)

Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, непрерывно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величием рисунка, или своевольною дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротой украшений.

становится очень грустно

Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, непрерывно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величием рисунка, или своевольною дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротой украшений.

новые строения

Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, непрерывно строящиеся

ся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величием рисунка, или своевольною дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротой украшений.

беспреданно строящие<ся>

Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, беспрерывно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величием рисунка, или своевольною дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротой украшений.

<на> которых идут

Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, беспрерывно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величием рисунка, или своевольною дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротой украшений.

а. ни одно не поражает

б. ни одно не останавливает<ся>

Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, непрерывно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величием рисунка, или своевольною дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротой украшений.

изумленного глаза

Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, непрерывно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величием рисунка, или своевольною дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротой украшений.

ни величественною смелостью рисунка

Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, непрерывно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величием рисунка, или своевольною дерзостью воображения, или даже роскошью и

ослепительною пестротой украшений.

ни [роскошью] дерзостью воображения, ни даже роскошью

Невольно втесняется мысль: неужели прошел невозвратно век архитектуры?

приходит на мысль

Невольно втесняется мысль: неужели прошел невозвратно век архитектуры?

прошел невоз<в>ратно

неужели величие и гениальность больше не посетят нас, или они — принадлежность народов юных, полных одного энтузиазма и энергии и чуждых усыпляющей, бесстрастной образованности?

не посетят и нас

неужели величие и гениальность больше не посетят нас, или они — принадлежность народов юных, полных одного энтузиазма и энергии и чуждых усыпляющей, бесстрастной образованности?

а. или этот неукротимого воображения

б. неужели [и величие его] принадлежит одним только народам юным, полным одного

неужели величие и гениальность больше не посетят нас, или они — принадлежность народов юных, полных одного энтузиазма и энергии и чуждых усыпляющей, бесстрастной образованности?

и чуждым

Отчего же те народы, перед которыми мы так самодовольно гордимся, которым едва даем место в истории мира, отчего же они так возвышаются перед нами созданиями своего темного, не освещенного дробью познаний, ума?

Отчего это

Отчего же те народы, перед которыми мы так самодовольно гордимся, которым едва даем место в истории мира, отчего же они так возвышаются перед нами созданиями своего темного, не освещенного дробью познаний, ума?

мы-то так

Отчего же те народы, перед которыми мы так самодовольно гордимся, которым едва даем место в истории мира, отчего же они так возвышаются перед нами созданиями своего темного, не освещенного дробью познаний, ума?

так [высоко] возвышаются

Отчего же колоссальные памятники индусов так величавы и неизмеримы, отчего аравийские так роскошны и очаровательны?

отчего индейск<ие> колоссальные памятники так неподражаемы, так величавы и недоступны [от] египетские обелиски

Отчего же колоссальные памятники индусов так величавы и неизмеримы, отчего аравийские так роскошны и очаровательны?

нет.

отчего у нас в Европе в средние века так много воздвиглось их в изумительном величии?

от<чего> нами

отчего у нас в Европе в средние века так много воздвиглось их в изумительном величии?

воздвиглось изумительных памятников

Не хотелось бы убедиться в этой грустной мысли, но всё говорит, что она истинна.

Не желалось бы

Не хотелось бы убедиться в этой грустной мысли, но всё говорит, что она истинна.

говорит ясно, что это так

Они прошли, те века, когда вера, пламенная, жаркая вера, устремляла все мысли, все умы, все действия к одному, когда художник выше и выше стремился вознести создание свое к небу, к нему одному рвался и пред ним, почти в виду его, благоговейно подымал молящуюся свою руку.

чистая вера

Они прошли, те века, когда вера, пламенная, жаркая вера, устремляла все мысли, все

умы, все действия к одному, когда художник выше и выше стремился вознести создание свое к небу, к нему одному рвался и пред ним, почти в виду его, благоговейно подымал молящуюся свою руку.

все деяния в одно

Они прошли, те века, когда вера, пламенная, жаркая вера, устремляла все мысли, все умы, все действия к одному, когда художник выше и выше стремился вознести создание свое к небу, к нему одному рвался и пред ним, почти в виду его, благоговейно подымал молящуюся свою руку.

пред <1 нрзб.> далеким обра<зом> подымал свою молящуюся руку

Здание его летело к небу; узкие окна, столпы, своды тянулись нескончаемо в вышину; прозрачный, почти кружевной шпиг, как дым, сквозил над ними, и величественный храм так бывал велик перед обыкновенными жилищами людей, как велики требования души нашей перед требованиями тела.

а. СКВОЗНЫМ

б. прозрачный кружевной изузоренный шпиц [легко]

Здание его летело к небу; узкие окна, столпы, своды тянулись нескончаемо в вышину; прозрачный, почти кружевной шпиц, как дым, сквозил над ними, и величественный храм так бывал велик перед обыкновенными жилищами людей, как велики требования души нашей перед требованиями тела.

над ним

Здание его летело к небу; узкие окна, столпы, своды тянулись нескончаемо в вышину; прозрачный, почти кружевной шпиц, как дым, сквозил над ними, и величественный храм так бывал велик перед обыкновенными жилищами людей, как велики требования души нашей перед требованиями тела. ЛБ18;

Ар — нет.

Здание его летело к небу; узкие окна, столпы, своды тянулись нескончаемо в вышину; прозрачный, почти кружевной шпиц, как дым, сквозил над ними, и величественный

храм так бывал велик перед обыкновенными жилищами людей, как велики требования души нашей перед требованиями тела.

от требований тела

Была архитектура необыкновенная, христианская, национальная для Европы — и мы ее оставили, забыли, как будто чужую, пренебрегли, как неуклюжую и варварскую.

Эта архитектура была

Была архитектура необыкновенная, христианская, национальная для Европы — и мы ее оставили, забыли, как будто чужую, пренебрегли, как неуклюжую и варварскую.

она была чисто христиа<нская>, она была национальная

Не удивительно ли, что три века протекло, и Европа, которая жадно бросалась на всё, алчно перенимала всё чужое, удивлялась чудесам древним, римским и византийским, или уродовала их по своим формам, — Европа не знала, что среди ее находятся чуда, перед которыми было ничто всё ею виденное,

что в недре ее находятся Миланский и Кельнский соборы и еще донныне чернеют кирпичи недоконченной башни Страсбургского мюнстера.

Удивительно, когда вспомнить

Не удивительно ли, что три века протекло, и Европа, которая жадно бросалась на всё, алчно перенимала всё чужое, удивлялась чудесам древним, римским и византийским, или уродовала их по своим формам, — Европа не знала, что среди ее находятся чуда, перед которыми было ничто всё ею виденное, что в недре ее находятся Миланский и Кельнский соборы и еще донныне чернеют кирпичи недоконченной башни Страсбургского мюнстера.

а. и Европа позабыла

б. и Европа вовсе <1 нрзб.> не зн<ала?>

Не удивительно ли, что три века протекло, и Европа, которая жадно бросалась на всё, алчно перенимала всё чужое, удивлялась чудесам древним, римским и византийским, или уродовала их по своим формам, — Евро-

па не знала, что среди ее находятся чуда, перед которыми было ничто всё ею виденное, что в недре ее находятся Миланский и Кельнский соборы и еще доньше чернеют кирпичи недоконченной башни Страсбургского мюнстера.

алчно перенимала [всё, не знала]

Не удивительно ли, что три века протекло, и Европа, которая жадно бросалась на всё, алчно перенимала всё чужое, удивлялась чудесам древним, римским и византийским, или уродовала их по своим формам, — Европа не знала, что среди ее находятся чуда, перед которыми было ничто всё ею виденное, что в недре ее находятся Миланский и Кельнский соборы и еще доньше чернеют кирпичи недоконченной башни Страсбургского мюнстера.

алчно отрывал<a> Помпею

Не удивительно ли, что три века протекло, и Европа, которая жадно бросалась на всё, алчно перенимала всё чужое, удивлялась чудесам древним, римским и византийским,

или уродовала их по своим формам, — Европа не знала, что среди ее находятся чуда, перед которыми было ничто всё ею виденное, что в недре ее находятся Миланский и Кельнский соборы и еще донныне чернеют кирпичи недоконченной башни Страсбургского мюнстера.

находятся чуда [также]

Не удивительно ли, что три века протекло, и Европа, которая жадно бросалась на всё, алчно перенимала всё чужое, удивлялась чудесам древним, римским и византийским, или уродовала их по своим формам, — Европа не знала, что среди ее находятся чуда, перед которыми было ничто всё ею виденное, что в недре ее находятся Миланский и Кельнский соборы и еще донныне чернеют кирпичи недоконченной башни Страсбургского мюнстера.

всё виденное ею было ничтожно

Не удивительно ли, что три века протекло, и Европа, которая жадно бросалась на всё, алчно перенимала всё чужое, удивлялась чу-

десам древним, римским и византийским, или уродовала их по своим формам, — Европа не знала, что среди ее находятся чуда, перед которыми было ничто всё ею виденное, что в недре ее находятся Миланский и Кельнский соборы и еще доньше чернеют кирпичи недоконченной башни Страсбургского мюнстера.

не знала, что среди ее

Не удивительно ли, что три века протекло, и Европа, которая жадно бросалась на всё, алчно перенимала всё чужое, удивлялась чудесам древним, римским и византийским, или уродовала их по своим формам, — Европа не знала, что среди ее находятся чуда, перед которыми было ничто всё ею виденное, что в недре ее находятся Миланский и Кельнский соборы и еще доньше чернеют кирпичи недоконченной башни Страсбургского мюнстера.

[что] и еще [открыты] обнажены

Не удивительно ли, что три века протекло, и Европа, которая жадно бросалась на всё,

алчно перенимала всё чужое, удивлялась чудесам древним, римским и византийским, или уродовала их по своим формам, — Европа не знала, что среди ее находятся чуда, перед которыми было ничто всё ею виденное, что в недре ее находятся Миланский и Кельнский соборы и еще доныне чернеют кирпичи недоконченной башни Страсбургского мюнстера.

Страсбургского собора

Готическая архитектура, та готическая архитектура, которая образовалась пред окончанием средних веков, есть явление такое, какого еще никогда не производил вкус и воображение человека.

а. в последние ве<ка>

б. незадол<го> перед окончанием средних веков

Готическая архитектура, та готическая архитектура, которая образовалась пред окончанием средних веков, есть явление такое, какого еще никогда не производил вкус и воображение человека.

никогда еще не производил

Готическая архитектура, та готическая архитектура, которая образовалась пред окончанием средних веков, есть явление такое, какого еще никогда не производил вкус и воображение человека.

ум, воображение и способность

Ее напрасно производят от арабской, идеи этих двух родов совершенно расходятся: из арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массе здания роскошь украшений и легкость; но самая эта роскошь украшений вылилась у ней совершенно в другую форму.

называют арабскою

Ее напрасно производят от арабской, идеи этих двух родов совершенно расходятся: из арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массе здания роскошь украшений и легкость; но самая эта роскошь украшений вылилась у ней совершенно в другую форму.

Эти два вкуса так различны как земля и небо. Это правда, европейцы заимствовали у ней, но только что? только [роскошь] одну мысль

Ее напрасно производят от арабской, идеи этих двух родов совершенно расходятся: из арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массе здания роскошь украшений и легкость; но самая эта роскошь украшений вылилась у ней совершенно в другую форму.

сообщать тяжелой [исполинской]

Ее напрасно производят от арабской, идеи этих двух родов совершенно расходятся: из арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массе здания роскошь украшений и легкость; но самая эта роскошь украшений вылилась у ней совершенно в другую форму.

роскошь строений

Она обширна и возвышенна, как христианство.

Если глубоко рассмотреть дух христианской религии, если рассмотреть всю силу ее влияни^я, то должно согласиться, что никакая другая архитек^{тура} не прилична так храму христианского бога, как готическая

В ней всё соединено вместе: этот стройный и высоко возносящийся над головою лес сводов, окна огромные, узкие, с бесчисленными изменениями и переплетами, присоединение к этой ужасающей колоссальности массы самых мелких, пестрых украшений, эта легкая паутина резьбы, опутывающая его своею сетью, обвивающая его от подножия до конца шпица и улетающая вместе с ним на небо; величие и вместе красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такие достоинства, которых никогда кроме этого времени не вмещала в себе архитектура.

всё соединяется

В ней всё соединено вместе: этот стройный и высоко возносящийся над головою лес сводов, окна огромные, узкие, с бесчисленными изменениями и переплетами, присоединение

к этой ужасающей колоссальности массы самых мелких, пестрых украшений, эта легкая паутина резьбы, опутывающая его своею сетью, обвивающая его от подножия до конца шпица и улетающая вместе с ним на небо; величие и вместе красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такие достоинства, которых никогда кроме этого времени не вмещала в себе архитектура.

этот стройно

В ней всё соединено вместе: этот стройный и высоко возносящийся над головою лес сводов, окна огромные, узкие, с бесчисленными изменениями и переплетами, присоединение к этой ужасающей колоссальности массы самых мелких, пестрых украшений, эта легкая паутина резьбы, опутывающая его своею сетью, обвивающая его от подножия до конца шпица и улетающая вместе с ним на небо; величие и вместе красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такие достоинства, которых никогда кроме этого времени не вмещала в себе архитектура.

высоко подни<мающийся?>

В ней всё соединено вместе: этот стройный и высоко возносящийся над головою лес сводов, окна огромные, узкие, с бесчисленными изменениями и переплетами, присоединение к этой ужасающей колоссальности массы самых мелких, пестрых украшений, эта легкая паутина резьбы, опутывающая его своею сетью, обвивающая его от подножия до конца шпица и улетающая вместе с ним на небо; величие и вместе красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такие достоинства, которых никогда кроме этого времени не вмещала в себе архитектура.

с бесчисленным расположением

В ней всё соединено вместе: этот стройный и высоко возносящийся над головою лес сводов, окна огромные, узкие, с бесчисленными изменениями и переплетами, присоединение к этой ужасающей колоссальности массы самых мелких, пестрых украшений, эта легкая паутина резьбы, опутывающая его своею сетью, обвивающая его от подножия до конца шпица и улетающая вместе с ним на небо; ве-

личие и вместе красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такие достоинства, которых никогда кроме этого времени не вмещала в себе архитектура.

прим<ыкание?>

В ней всё соединено вместе: этот стройный и высоко возносящийся над головою лес сводов, окна огромные, узкие, с бесчисленными изменениями и переплетами, присоединение к этой ужасающей колоссальности массы самых мелких, пестрых украшений, эта легкая паутина резьбы, опутывающая его своею сетью, обвивающая его от подножия до конца шпица и улетающая вместе с ним на небо; величие и вместе красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такие достоинства, которых никогда кроме этого времени не вмещала в себе архитектура.

те достоинства

Вступая в священный мрак этого храма, сквозь который фантастически глядит разноцветный цвет окон, поднявши глаза кверху, где теряются пересекаясь стрельчатые своды

один над другим, один над другим, и им конца нет, — весьма естественно ощутить в душе невольный ужас присутствия святыни, которой не смеет и коснуться дерзновенный ум человека.

а. глядят разноцветные окон<ные?>

б. глядят разноцветные стекла длинных окон [невольно]

Вступая в священный мрак этого храма, сквозь который фантастически глядит разноцветный цвет окон, поднявши глаза кверху, где теряются пересекаясь стрельчатые своды один над другим, один над другим, и им конца нет, — весьма естественно ощутить в душе невольный ужас присутствия святыни, которой не смеет и коснуться дерзновенный ум человека.

<где> отдаленно высоко переплетают<ся> неразветвленные стрельчатые своды, и им

Вступая в священный мрак этого храма, сквозь который фантастически глядит разноцветный цвет окон, поднявши глаза кверху, где теряются пересекаясь стрельчатые своды

один над другим, один над другим, и им конца нет, — весьма естественно ощутить в душе невольный ужас присутствия святыни, которой не смеет и коснуться дерзновенный ум человека.

присутст<вия> священного

Вступая в священный мрак этого храма, сквозь который фантастически глядит разноцветный цвет окон, поднявши глаза кверху, где теряются пересекаясь стрельчатые своды один над другим, один над другим, и им конца нет, — весьма естественно ощутить в душе невольный ужас присутствия святыни, которой не смеет и коснуться дерзновенный ум человека. Но она исчезла, эта прекрасная архитектура!

нет.

Как только энтузиазм средних веков угас и мысль человека раздробилась и устремилась на множество разных целей, как только единство и целостность одного исчезло — вместе с тем исчезло и величие.

единство и устремление помыш<лений>

человека к одному исчезло

Силы его, раздробившись, сделались малыми; он произвел вдруг во всех родах множество удивительных вещей, но истинно великого, исполинского уже не было.

и исполинского

Византийцы, убежавши из своей развратной столицы, занятой мусульманами, перепортили вкус европейцев и колоссальную их архитектуру.

занятой магоме<танскою> луною

Византийцы, убежавши из своей развратной столицы, занятой мусульманами, перепортили вкус европейцев и колоссальную их архитектуру.

разнесли и перепортили

Византийцы давно уже не имели древнего аттического вкуса; они уже не имели и первоначального византийского и принесли только испорченные остатки его.

обратились к памятникам греков и начали

сооружать здания по образцу древних таким же самым образом, как творения классиков стали законодателями новейшим и рабски оковали самих гениев, все упрямо вообразили себе, что истинно изящный вкус непременно должен быть греков и [чрез] [обр<аз?>] самый образ строений не должен ни на шаг отступать от греческого. Это сделалось совершенною модою и было так же легкомысленно и легко, как мода, т. е. не основано ни на чем. Никто не потрудился подумать о том, <что> архитектура возник<ает?> из среды самой страны, ее климата, ее удобства жизни, из образа жизни самого народа, из [образа его жизни] его характера, его потребностей, его привычек, его нужд. Безделица, хотели только, чтоб рыбы жили на земле так же, как и звери. Архитектура, следовавшая за средней, была так странна и безвкусна, какую вряд ли [где можно было] когда <2 нрзб.> отыскать, потому что византийцы давно уже не имели древнего аттического вкуса и принесли уже довольно испорченный вкус

Они языческие, круглые, пленительные,

сладострастные формы куполов и колонн
тщились применить к христианству и приме-
нили так же неудачно, как неудачно привили
христианство к своей языческой жизни, дрях-
лой, лишенной свежести.

Они языческие [сладострастные]

Они языческие, круглые, пленительные,
сладострастные формы куполов и колонн
тщились применить к христианству и приме-
нили так же неудачно, как неудачно привили
христианство к своей языческой жизни, дрях-
лой, лишенной свежести.

силились облечь в христианство

Они языческие, круглые, пленительные,
сладострастные формы куполов и колонн
тщились применить к христианству и приме-
нили так же неудачно, как неудачно привили
христианство к своей языческой жизни, дрях-
лой, лишенной свежести.

так же неудачно [соединили] облекли, как
соединили, как неудачно, как дурно привили
к себе христианство, к своей лишенной све-
жести и молодости жизни

Купол вытянулся вверх и сделался почти угловатым, стройные линии, фронтоны как-то странно изломались и произвели ничтожные формы.

Купол растянулся

Купол вытянулся вверх и сделался почти угловатым, стройные линии, фронтоны как-то странно изломались и произвели ничтожные формы.

а. почти островатым

б. и сделался почти угловатым и грушеобразным

Купол вытянулся вверх и сделался почти угловатым, стройные линии, фронтоны как-то странно изломались и произвели ничтожные формы.

стройные линии фронтона как-то изломались, и произо<шла> странная форма

В таком виде получили эту архитектуру европейцы, которые с своей стороны изменили ее еще более, потому что в душе своей еще

носили первоначальный образ готический и мысль, совершенно противоположную расслабленной многосторонности греков.

Они еще более изме<ни>ли ее

В таком виде получили эту архитектуру европейцы, которые с своей стороны изменили ее еще более, потому что в душе своей еще носили первоначальный образ готический и мысль, совершенно противоположную расслабленной многосторонности греков.

носили готическую, потому что [не умели] не могли отделаться совершенно от тяжести готического вку<са?>

Тогда произошли тяжелые дворцы с колоннами, полуколоннами без всякой цели.

и тогда произошли тяжелые, неуклюжие

Тогда произошли тяжелые дворцы с колоннами, полуколоннами без всякой цели.

нет

Всё это было робко, мелко. Это была не роскошь, но искаженность простоты.

не помещавшими<ся в> виде длинных и стройных галерей, какие необходимы были в городах под южным аттическим небом. Колонны лепили<сь> напротив к самым стенам, не поддерживая ничего и отнимая только свет у <о>кон, которые сделались тоже необыкновен<ными>, не оканчивались стрельча<тою> дугою готическою или круглою аркою римскою, или даже просто ровною линиею, но получили что-то похожее на самую плоскую арку по пря<мой> линии, только несколько [изогнувшею<ся>] выпукло

Множество мифологических голов и украшений без смысла, облепив тяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крепких черт ее нежными и не выразили никакой идеи.

нет.

Множество мифологических голов и украшений без смысла, облепив тяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крепких черт ее нежными и не выразили никакой идеи.

облепили

Множество мифологических голов и украшений без смысла, облепив тяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крепких черт ее нежными и не выразили никакой идеи.

и не придали ей

Множество мифологических голов и украшений без смысла, облепив тяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крепких черт ее нежными и не выразили никакой идеи.

ее черт нежными [Здание]

Стремление в высоту, сообщавшее величие и легкость самым тяжелым массам, исчезло; вместо того они разъехались в ширину.

и вместо того

Стремление в высоту, сообщавшее величие и легкость самым тяжелым массам, исчезло; вместо того они разъехались в ширину.

ну.

в ширину Памяти<ики?>

Но церкви, ~ утонченность.

Но архитектура церквей [представляет еще гораздо], строенных в то время, т. е. в шестнадцатом и 17 столетии [и 18 ст<олетии>], представляет самое безобразное, без всякой идеи, без всякого понятия о величии и красоте, по крайней мере я жалче того ничего не могу найти

В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротенькие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий; при этом часто удерживался и готической шпиз, но уже не тот легкий и прозрачный,

который под рукою художника средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к небу.

Прямая линия везде

В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротенькие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий; при этом часто удерживался и готической шпиз, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к небу.

с выпуклою

В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротенькие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий; при этом часто удерживался и готической шпиз, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к небу.

она ничего не имела

В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю

длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротенькие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий; при этом часто удерживался и готической шпиг, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к небу.

окна с круглыми арками мелкие [без] кучею глаза<ют> в здании

В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротенькие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий;

при этом часто удерживался и готической шпиг, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к небу.

а. пилястры, иногда даже и

б. пилястры, полуколонны, никогда не тянувшиеся

В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротенькие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий; при этом часто удерживался и готической шпиг, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый,

массивный, который уже вовсе не летел к небу.

в середину

В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротенькие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий; при этом часто удерживался и готической шпиг, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к небу.

нет.

В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при

полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротенькие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий; при этом часто удерживался и готической шпиц, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к небу.

и второй этаж этих же самых колонн

В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротень-

кие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий; при этом часто удерживался и готической шпиг, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к небу.

крыша ломаными линия<ми>

В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротенькие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий; при этом часто удерживался и готической шпиг, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника средних веков

принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к небу.

великого художника

В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротенькие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий; при этом часто удерживался и готической шпиз, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к небу.

такую легкость

В них прямая линия без всякого условия

вкуса соединялась с выгнутою и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу, или раскиданные без всякой гармонии, пилястры, не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротенькие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий; при этом часто удерживался и готической шпиг, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к небу. Всё, что только отзывалось высокими, устремленными кверху готическими деталями, было оставлено как безвкусное.

потому что [всё] отвергнуто было всё летящее кверху, все стрельчатые и узкие своды и тонкие линии сопровождали здание снизу [доверху] до самой верши<ны>, всё это было оставлено

Хотя в продолжение XVIII века вкус

несколько улучшился, но из этого не выиграли мы ровно ничего: он улучшился в веригах чужих форм.

В продолжение

Хотя в продолжение XVIII века вкус несколько улучшился, но из этого не выиграли мы ровно ничего: он улучшился в веригах чужих форм.

в чужих формах

Тяжесть готическая была справедливо изгнана совершенно, потому что она в греческой форме была уже до невозможности безобразна.

[Он у] Тяжесть готического

Тогда еще с большим рвением стали изучать древние формы, но изучали так, как робкие ученики, копирующие с точностью мелкие подробности оригинала и позабывающие об идее целого.

и с боль<шим>

Тогда еще с большим рвением стали изу-

чать древние формы, но изучали ~ в целом.

почитая их венцом вкуса. Они воображали, что [постигнули] гораздо более достигнули своей цели, что, наконец, совершенно постигнули вкус древних. Но между прочим они были далеки [сами], никак не подозревая, так же, как неопытный ученик, копируя, воображает, что снимок совершенно точен, потому что все малейшие подробно<сти> и тонкости оригинала у него сохранены, между тем как посторонний зритель, ставши на далекое расстояние, увидит тотч<ас>, что абрис и скелет всего целого сделан совершенно неправильно. Древние не так нуждались в огромных [зда<ниях>] строениях для жительства как мы. Круг всех потребностей наших раздал<ся> пообширнее и [от размера всего строения] оттого необходимо было, <чтобы> [размер наших зданий был более. Но ошибка вот в чем заключа<лась?>, мы увеличили размер всего строения, но уменьшили]

Колонны ~ украшениями его.

Купол и колонны очаровали совершенно [нас] все<х>, везде начали употреблять, но [в

них] [совершенно] [сделали] они все<?> разместились у нас совершенно не так, как ран<ее> размещал сладострастный вкус аттический

Размер самого строения мы увеличили гораздо более, а размер купола в отношении к строению уменьшили.

а размер самого купола уменьшили

Мы не посмотрели в увеличительное стекло на строение, которое избрали моделью; не взглянули на него, отошедши на известное расстояние, но смотрели вблизи.

с которого хотели делать модель

Мы не посмотрели в увеличительное стекло на строение, которое избрали моделью; не взглянули на него, отошедши на известное расстояние, но смотрели вблизи.

или лучше не взглянули

Мы не посмотрели в увеличительное стекло на строение, которое избрали моделью; не взглянули на него, отошедши на известное

расстояние, но смотрели вблизи.
на значительное расстояние

Мы не посмотрели в увеличительное стекло на строение, которое избрали моделью; не взглянули на него, отошедши на известное расстояние, но смотрели вблизи.

но рассмотрели вблизи, заметили все по-
дробно<ти> и [не заметили] <1 нрзб.> цело-
сти всего здания и отношения частей между
собой. Забыли, что нужно увеличить все ча-
сти, увеличили только некоторые

Видя его пустынную и одиночество на-
верху здания, прибавили к нему несколько
других, возвысили для этого под ними баш-
ни — и куполы стали походить на грибы.
ЛБ18

Ар — над ними (опечатка?)

И купол, это лучшее, прелестнейшее творе-
ние вкуса, сладострастный, воздушно-выпук-
лый, который должен был обнять всё строе-
ние и роскошно отдыхать на всей его массе
белую, облачную своей поверхностью, исчез

совершенно.

и прелестнейшее творение греческого роскошного вкуса [который до]

И купол, это лучшее, прелестнейшее творение вкуса, сладострастный, воздушно-выпуклый, который должен был обнять всё строение и роскошно отдыхать на всей его массе белую, облачную своей поверхностью, исчез совершенно.

сладострастный легко

И купол, это лучшее, прелестнейшее творение вкуса, сладострастный, воздушно-выпуклый, который должен был обнять всё строение и роскошно отдыхать ~ огромном виде.

и роскошную выпуклою белизною [сво<е>ю должен был упоительно] своей правильной массы упоительно, неж<но?> отделяться в небе на всей массе строения. [Я говорю] Это<т> купол потерял совершенно свое значение. Он, который должен был [тотчас] непосредственно ложиться сверх его фронтона [своей] и под которым карниз должны были подпирасть колонны, идущие во всю вели-

чину здания. Я не могу никак удержать<ся>, чтобы здесь еще не сделать замечания о куполе. Чем он более, чем необъятнее и далее обнимает всю массу, тем он более выполняет свое назначение. Если строение [высоко] более идет в вышину, нежели в ширину, тогда [купол] горе поставить [купол <?>] на узкой вышине купол. Это смешно и больше ничего, [самое] и неприличность это<го> так очевидна, что самые архитекторы, употреблявшие [это] его вопреки назначению [стрем<ились?>] как [будто] бы чувствовали сами это и старались его почти плоскую выпуклость возвысить и сделать почти остроконечную, но это уже не могло скрасить их строений и ни одно [строение] <1 нрзб.> созда<ние> не осталось великим по своему духу, не выключая даже римского Петра, колоссальнейшего строения. Строение, над которым должен лечь купол, должно быть массивно и [гораздо шире в вышину, нежели] самый большой размер<?> должно иметь в ширину. Здание должно идти до самой вершины своей в одинаковом виде, не изменяя формы, не перерезываясь другим этажем, составляю-

щим контраст первому, или разделившись на башни или вдруг [изменив] уменьш<ивши> совершенно размер. Он может быть также<?> величествен и хорош, если строение разделится на этажи, но в таком только случае, чтобы эти этажи постепенно уменьшали свою величину и шли кверху как будто лестницею или пирамидою, но чтобы ширина каждого этажа была несравненно обширнее вышины и чтобы послед<ний> этаж всё же <был> столько велик и широк, чтобы купол не пот<ерял?> величественного [всего<?>] своего пространства, чему пример представляет величественный мавзолей Шер-Шаха у индусов, которые удивительным чутьем и инстинктом поняли <...> Купол должен иметь цвет самого строения, лучше ежели он весь белого цвета как и всё [строение] здание как [стали] употребляли [афиняне] его греки в счастливое время развития своего вкуса. Ослепительная белизна сообщает [ему] неизъяснимую очаровательность и сладострастие его легко выпуклой форме. От этого [то] самого-то и вид Иерусали<ма>, когда приближаешься к неприступной стене его, из-за

которой как белые облака являются [в ослепительной красоте и сами куполы?] один из-за другого выпуклые куполы, когда цвет воздуха темнеет и [обложен] скрыт [тучами], тогда вид еще разительнее, белизна ослепительно ярка.

Портик с колоннами, это ясное произведение аттического стройного вкуса, который не терпел над собою никаких надстроек, у нас тоже пропал: ему не догадались дать колоссального размера, раздвинуть во всю ширину здания, возвысить во всю вышину его; его не развили, не увеличили, но стали употреблять в обыкновенном виде.

И фронтоны, это [стройное] правильное, изящное произведение греческого ясного, стройного ума

Портик с колоннами, это ясное произведение аттического стройного вкуса, который не терпел над собою никаких надстроек, у нас тоже пропал: ему не догадались дать колоссального размера, раздвинуть во всю ширину здания, возвысить во всю вышину его; его не

развили, не увеличили, но стали употреблять в обыкновенном виде.

не должен терпеть

Портик с колоннами, это ясное произведение аттического стройного вкуса, который не терпел над собою никаких надстроек, у нас тоже пропал: ему не догадались дать колоссального размера, раздвинуть во всю ширину здания, возвысить во всю вышину его; его не развили, не увеличили, но стали употреблять в обыкновенном виде.

ничего, никаких надстроек, никакого продолжения здания

Портик с колоннами, это ясное произведение аттического стройного вкуса, который не терпел над собою никаких надстроек, у нас тоже пропал: ему не догадались дать колоссального размера, раздвинуть во всю ширину здания, возвысить во всю вышину его; его не развили, не увеличили, но стали употреблять в обыкновенном виде.

этот фронтон у нас совершенно потерял свое значение

Портик с колоннами, это ясное произведение аттического стройного вкуса, который не терпел над собою никаких надстроек, у нас тоже пропал: ему не догадались дать колоссального размера, раздвинуть во всю ширину здания, возвысить во всю вышину его; его не развили, не увеличили, но стали употреблять в обыкновенном виде.

а. боялись дать

б. боялись или не догадались дать колоссальный размер

Портик с колоннами, это ясное произведение аттического стройного вкуса, который не терпел над собою никаких надстроек, у нас тоже пропал: ему не догадались дать колоссального размера, раздвинуть во всю ширину здания, возвысить во всю вышину его; его не развили, не увеличили, но стали употреблять в обыкновенном виде.

во всю вышину его [Его подавляли кучею надстроек, считали невоз<можным?>]

Портик с колоннами, это ясное произведе-

ние аттического стройного вкуса, который не терпел над собою никаких надстроек, у нас тоже пропал: ему не догадались дать колоссального размера, раздвинуть во всю ширину здания, возвысить во всю вышину его; его не развили, не увеличили, но стали употреблять в обыкновенном виде.

не развивали, не увеличивали, но оставляли в обыкновенном <виде>

Удивительно ли, ~ подавили и уничтожили его совершенно.

Но так <как> зда<ния>м требовалось непременно колоссальности, то сверх его начали нагромаживать [Так в рукописи.] в церквях и дворцах башни и массы, [соверш<енно?>] ничуть не отвечающие ему, которые подавили

Таким самым образом поэт, не имеющий обширного гения, всегда недоволен одним простым сюжетом и вместо того, чтобы развить его и сделать огромным, он привязывает к нему множество других; его поэма обременяется пестротой разных предметов, но не

имеет одной господствующей мысли и не выражает одного целого.

а. как человек

б. как поэт

В начале XIX столетия вдруг распространилась мысль об аттической простоте и так же, как обыкновенно бывает, обратилась в моду и отразилась вдруг на всем, начиная с дамских костюмов, преобразовавшихся в небрежное, легкое одеяние гетер.

проникла во всё

В начале XIX столетия вдруг распространилась мысль об аттической простоте и так же, как обыкновенно бывает, обратилась в моду и отразилась вдруг на всем, начиная с дамских костюмов, преобразовавшихся в небрежное, легкое одеяние гетер.

дамских костюмов [<в> которые все начали одеваться]

Казалось, еще ближе присмотрелись к древним; еще глубже изучили их дух; но всё, что ни строили по их образцу, всё носило от-

печаток мелкости и миниатюрности: узнали искусства более связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства давать величие всему целому и определить ему размер, способный вызвать изумление.

а. пригляде<лись>

б. присмотрели<сь> к духу древних

Казалось, еще ближе присмотрелись к древним; еще глубже изучили их дух; но всё, что ни строили по их образцу, всё носило отпечаток мелкости и миниатюрности: узнали искусства более связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства давать величие всему целому и определить ему размер, способный вызвать изумление.

более изучили

Казалось, еще ближе присмотрелись к древним; еще глубже изучили их дух; но всё, что ни строили по их образцу, всё носило отпечаток мелкости и миниатюрности: узнали искусства более связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства давать величие всему целому и определить

ему размер, способный вызвать изумление.
по образцу дре<вних>

Казалось, еще ближе присмотрелись к древним; еще глубже изучили их дух; но всё, что ни строили по их образцу, всё носило отпечаток мелкости и миниатюрности: узнали искусства более связывать и гармонизировать между собою части, но не узнали искусства давать величие всему целому и определить ему размер, способный вызвать изумление.
определить границ<у>

Казалось, еще ближе присмотрелись к древним; еще глубже изучили их дух; но всё, что ни строили по их образцу, всё носило отпечаток мелкости и миниатюрности: узнали искусства более связывать и гармонизировать между собою части, но не узнали искусства давать величие всему целому и определить ему размер, способный вызвать изумление.
достойный вызвать удивление

Это новое стремление решительно было издержано на мелочные беседки, павильоны

в садах и подобные, небольшие игрушки.

Этот ви<д?>

Это новое стремление решительно было издержано на мелочные беседки, павильоны в садах и подобные, небольшие игрушки. Они носили в себе много аттического, но их нужно было рассматривать в микроскоп.

издержано на мелочи; беседки, павильоны в садах и другие небольшие игрушки носили

Они носили в себе много аттического, но их нужно было рассматривать в микроскоп.

а. но дурно то, что

б. но увы<?> их

В огромных же публичных зданиях не считали за нужное ими руководствоваться: они сделались наконец просты до плоскости.

Публичное же

В огромных же публичных зданиях не считали за нужное ими руководствоваться: они сделались наконец просты до плоскости.

[их] не считали ~ удерж<ивать?>

В огромных же публичных зданиях не считали за нужное ими руководствоваться: они сделались наконец просты до плоскости.

до глупости

Самое вредное направление архитектуре внушила мысль о соразмерности, не о той соразмерности, которая должна быть в строении в отношении к нему самому, но просто о соразмерности в отношении к окружающим его зданиям.

не о той соразмерности [мнимой]

Это всё равно, если бы гений стал удерживаться от оригинального и необыкновенного, потому только, что перед ним будут слишком уже низки и ничтожны обыкновенные люди.

как гений должен удерживаться потому только от оригинального и необыкновенного

Это всё равно, если бы гений стал удерживаться от оригинального и необыкновенного, потому только, что перед ним будут слишком уже низки и ничтожны обыкновенные люди.

слишком низки будут

Эта соразмерность состояла еще в том, чтобы строение, как бы велико ни было в своем объеме, но непременно чтобы казалось малым.

сколько ни велико бы было

Его стали уединять и помещать на такой огромной и обширной площади, что оно казалось еще более ничтожным.

ста<ра>лись уединить и поместить

Как будто бы старались нарочно внушить мысль, что великое совсем не велико, как будто бы насильно старались истребить в душе благоговение и сделать человека равнодушным ко всему.

что его не существ<ует?>, как будто старались отнять у души невольно чувство <?> благоговения [отнять душу <у> невольно ищущего благоговения]

Как будто бы старались нарочно внушить мысль, что великое совсем не велико, как

будто бы насильно старались истребить в душе благоговение и сделать человека равнодушным ко всему.

равнодушным ко всему. Как бы ни казалось это далеким от произведения влияния на жизнь и характер людей, но оно [им<ет>] точно имеет влияние <?>, отсюда невольное уменьшение религиозности, охлаждение энтузиазма, на который, хотя неза<метно?>, но действуют [хотя ~ действуют несмотря на то, что как не [чу<вствительно?>] видно, но [вл<ияют?>] чувствительно незаметно действуют] [каждый день] видимые предметы

Домы старались делать как можно более похожими один на другого; но они более были похожи на сараи или казармы, нежели на веселые жилища людей.

более однообразными, как можно более похожими

Домы старались делать как можно более похожими один на другого; но они более были похожи на сараи или казармы, нежели на веселые жилища людей.

а. они более

б. они стали походить более

Совершенно гладкая их форма ничуть не принимала живости от маленьких правильных окон, которые в отношении ко всему строению были похожи на зажмуренные глаза.

а. несмотря на маленькие окна

б. несмотря на маленькие правильные четырехугольные окна

И эту архитектуру мы еще недавно тщеславились, как совершенством вкуса, и настроили целые города в ее духе!

нет

И эту архитектуру мы еще недавно тщеславились, как совершенством вкуса, и настроили целые города в ее духе!

старали<сь> [чтобы] города непременно были

Осмелился бы ~ сумасшедшим.

а. и чтобы <какое->нибудь особенно

б. и поставить среди их какое-нибудь произведение, носящее отпечаток особенной архитектуры [счита<ли>] [почли бы то] почитали едва ли не сумасшествием. Боже сохрани, если бы даже теперь кто-нибудь возле здания в аттическом вкусе вздумал непосредственно воздвигнуть готическое

Оттого новые города не имеют никакого вида: они так правильны, так гладки, так монотонны, что, прошедши одну улицу, уже чувствуешь скуку и отказываешься от желания заглянуть в другую.

а. что уже один взгляд на них рождает скуку

б. что уже прошедши одну улицу чувствуешь скуку и верно откажешься и далее как в тексте.

Напрасно ищет взгляд, чтобы одна из этих беспрерывных стен в каком-нибудь месте вдруг возросла и выбросилась на воздух смелым переломленным сводом или изверглась какою-нибудь башней-гигантом.

чтобы они хотя в одном месте

Напрасно ищет взгляд, чтобы одна из этих непрерывных стен в каком-нибудь месте вдруг возросла и выбросилась на воздух смелым переломленным сводом или изверглась какою-нибудь башней-гигантом.

а. возросли и выскочили каким-нибудь башней-гигантом

б. возросли и бросились на воздух каким-нибудь смелым переломленным сводом

Старинный германский городок с узенькими улицами, с пестрыми домиками и высокими колокольнями имеет вид, несравненно более говорящий нашему воображению.

Эта архитектурная нетерпимость вкуса [просто] убивает [все] дарования зодчего, она [его ведет] сообщает ему односторонность и лениво ведет по одной и той же убитой дороге

Даже вид какого-нибудь восточного города с высокими, тонкими минаретами, с восточными пестрыми куполами, потонувшими в садах, имеет более характера, более дышит

поэзией и воображением, нежели наши европейские города позднейшей архитектуры.

издали [гораздо] имеет более эффекта и более пленяет воображение, нежели наш европейский позднейшей архитектуры: узкие, высокие, тонкие и стройные минареты между [низкими] [обыкновенными] плоскими<?> домами или широкими и массивными турецкими куполами, облепленными резьбою [всё это прямо бросается] так <же> нам бросаются на глаза, так же веселят их, так же хороши [летающие] с устремленными копьями к небу, <как> тополи среди [кр<углых?>] деревьев, раскинувшихся круглыми массами

Башни огромные, колоссальные необходимы в городе, не говоря уже о важности их назначения для христианских церквей.

Я уже не говорю

Кроме того, что они составляют вид и украшение, они нужны для сообщения городу резких примет, чтобы служить маяком, указывавшим бы путь всякому, не допуская сбиться с пути.

но они нужны для доставления красоты

Кроме того, что они составляют вид и украшение, они нужны для сообщения городу резких примет, чтобы служить маяком, указывавшим бы путь всякому, не допуская сбиться с пути.

для сообщения городу примет знаком, маяком

Кроме того, что они составляют вид и украшение, они нужны для сообщения городу резких примет, чтобы служить маяком, указывавшим бы путь всякому, не допуская сбиться с пути.

не допуская их заблудиться

Они еще более нужны в столицах для наблюдения над окрестностями.

Они нужны в столицах более всего

У нас обыкновенно ограничиваются высотой, дающею возможность обглядеть один только город.

город. Слишком колоссальное тотчас пуга-

ет нас

Между тем как для столицы необходимо видеть по крайней мере на полтора верста во все стороны и для этого, может быть, один только или два этажа лишних — и всё изменяется.

столице

Между тем как для столицы необходимо видеть по крайней мере на полтора верста во все стороны и для этого, может быть, один только или два этажа лишних — и всё изменяется.

верст по крайней мере на полтора

Объем кругозора по мере возвышения распространяется необыкновенною прогрессией. изумительною прогрессиею

Столица получает существенную выгоду, обозревая провинции и заранее предвидя всё; здание, сделавшись немного выше обыкновенного, уже приобретает величие; художник выигрывает, будучи более настроен колос-

сальностию здания к вдохновению и сильнее чувствуя в себе напряжение.

а. то, что приобретает величие заключая в себе колоссальность

б. бедное<?> здание немного сделавшись выше

Столица получает существенную выгоду, обозревая провинции и заранее предвидя всё; здание, сделавшись немного выше обыкновенного, уже приобретает величие; художник выигрывает, будучи более настроен колоссальностию здания к вдохновению и сильнее чувствуя в себе напряжение.

настроен колоссальностью строения, невольно ощущает смелое напряжение

Это направление архитектуры старалось как будто нарочно скрывать свое величие, вместо того, чтобы как можно более выказывать его пространству.

Это ж направление

Это направление архитектуры старалось как будто нарочно скрывать свое величие,

вместо того, чтобы как можно более выказывать его пространству.

как будто нарочно стара<лось?> скрывать

Это направление архитектуры старалось как будто нарочно скрывать свое величие, вместо того, чтобы как можно более выказывать его пространству.

а. показыва<ть>

б. как можно более выказать

Это направление архитектуры старалось как будто нарочно скрывать свое величие, вместо того, чтобы как можно более выказывать его пространству. ЛБ18;

Ар — пространство (опечатка?)

Нет, не таков закон великого: строение должно неизмеримо возвышаться почти над головою зрителя; чтобы он стал, пораженный внезапным удивлением, едва будучи в состоянии окинуть глазами его вершину.

нет.

Нет, не таков закон великого: строение

должно неизмеримо возвышаться почти над головою зрителя; чтобы он стал, пораженный внезапным удивлением, едва будучи в состоянии окинуть глазами его вершину.

строение должно [Тогда]

Нет, не таков закон великого: строение должно неизмеримо возвышаться почти над головою зрителя; чтобы он стал, пораженный внезапным удивлением, едва будучи в состоянии окинуть глазами его вершину.

окинуть поднятыми вверх глазами

И потому строение всегда лучше, если стоит на тесной площади.

ежели стоит

К нему может идти улица, показывающая его в перспективе, издали, но оно должно иметь поражающее величие вблизи.

вдали

К нему может идти улица, показывающая его в перспективе, издали, но оно должно иметь поражающее величие вблизи.

непрерывно должно иметь

Чтобы кареты гремели у самого его подножия!

у самого подножия его

Чтобы люди лепились под ним и своею малостью увеличивали его величие!

проходили мимо под ним

Чтобы люди лепились под ним и своею малостью увеличивали его величие!

нас поражающее величие?>

Дайте человеку большое расстояние — и он уже будет глядеть выше, гордо на находящиеся пред ним предметы; ему покажется всё малым.

Дать человеку расстояние большое

Дайте человеку большое расстояние — и он уже будет глядеть выше, гордо на находящиеся пред ним предметы; ему покажется всё малым.

на находящееся пред ним

Дайте человеку большое расстояние — и он уже будет смотреть выше, гордо на находящиеся пред ним предметы; ему покажется всё малым.

уже ему всё покажется малым

Мы так непостижимо устроены, наши нервы так странно связаны, что только внезапное, оглушающее с первого взгляда, производит на нас потрясение.

внезап<ное> и оглушающее

Мы так непостижимо устроены, наши нервы так странно связаны, что только внезапное, оглушающее с первого взгляда, производит на нас потрясение.

потр<ясает?>

И потому вышину строения подымайте в соразмерности с площадью, на которой оно стоит.

строение увеличивай

И потому вышину строения подымайте в

соразмерности с площадью, на которой оно стоит.

к площади

И потому вышину строения подымайте в соразмерности с площадью, на которой оно стоит.

на которой стоит

Если оно с последнего края площади кажется малым, и зритель не ощущает изумления, но должен для этого близко подходить к нему, то здание пропало, а вместе с ним пропали труды и издержки, употребленные на сооружение его.

кажется мало

Если оно с последнего края площади кажется малым, и зритель не ощущает изумления, но должен для этого близко подходить к нему, то здание пропало, а вместе с ним пропали труды и издержки, употребленные на сооружение его.

для этого должен

Если оно с последнего края площади кажется малым, и зритель не ощущает изумления, но должен для этого близко подходить к нему, то здание пропало, а вместе с ним пропали труды и издержки, употребленные на сооружение его.

слишком близко подходить

Если оно с последнего края площади кажется малым, и зритель не ощущает изумления, но должен для этого близко подходить к нему, то здание пропало, а вместе с ним пропали труды и издержки, употребленные на сооружение его.

такое строение [погибло] пропало

Если оно с последнего края площади кажется малым, и зритель не ощущает изумления, но должен для этого близко подходить к нему, то здание пропало, а вместе с ним пропали труды и издержки, употребленные на сооружение его.

вместе с тем

Если оно с последнего края площади ка-

жется малым, и зритель не ощущает изумления, но должен для этого близко подходить к нему, то здание пропало, а вместе с ним пропали труды и издержки, употребленные на сооружение его.

к созиданию его

Но возвращаюсь к простоте архитектуры, которая заразила наш XIX век.

19 века

Сами греки чувствовали, что одни прямые линии и совершенная простота строений будут казаться уже чересчур плоскими, особенно если множество такого рода строений соединятся вместе.

будет казаться плоскою и уже слишком обыкновенною

Сами греки чувствовали, что одни прямые линии и совершенная простота строений будут казаться уже чересчур плоскими, особенно если множество такого рода строений соединятся вместе.

если множество строений такого рода

Они чувствовали, что строгая правильность и гладкость строения должна непременно иметь возле себя какую-нибудь противоположность, чтобы быть более оригинальной и заметной.

Они кажется чувствовали

Они чувствовали, что строгая правильность и гладкость строения должна непременно иметь возле себя какую-нибудь противоположность, чтобы быть более оригинальной и заметной.

возле себя непременно

И потому простирали над ними навес древесный.

навес деревьев

Белизна прямолинейной стены или строения с колоннами фронтона, выказываясь из-за темной гущи зелени, действительно хороша, потому что составляет контраст с облачным расположением дерева, почти всегда неправильно, но красиво раскидывающегося

СВОИ ВЕТВИ.

нет

Белизна прямолинейной стены или стройного с колоннами фронтона, выказываясь из-за темной гущи зелени, действительно хороша, потому что составляет контраст с облачным расположением дерева, почти всегда неправильно, но красиво раскидывающего свои ветви.

потому уже, что составляет

Белизна прямолинейной стены или стройного с колоннами фронтона, выказываясь из-за темной гущи зелени, действительно хороша, потому что составляет контраст с облачным расположением дерева, почти всегда неправильно, но красиво раскидывающего свои ветви.

расположением деревьев

Белизна прямолинейной стены или стройного с колоннами фронтона, выказываясь из-за темной гущи зелени, действительно хороша, потому что составляет контраст с облач-

ным расположением дерева, почти всегда неправильно, но красиво раскидывающего свои ветви.

всегда красиво раскидывающих

Как только здание их окружалось другими и находилось среди города, они чувствовали излишнюю простоту его и старались придать сколько можно более игры.

Но как только

Как только здание их окружалось другими и находилось среди города, они чувствовали излишнюю простоту его и старались придать сколько можно более игры.

старались придать ему

Мысль о дереве и о природе прежде всего приходила им в голову.

бросалась им

Но в городе дерево — драгоценность; тогда они чаще начали употреблять не гладкие дорические колонны, но большею частью коринфские с капителью из завитых листьев.

и оттого

Но в городе дерево — драгоценность; тогда они чаще начали употреблять не гладкие дорические колонны, но большею частью коринфские с капителью из завитых листьев.

употреблять <колонны>, не гладкие дорические или [тосканские] <но> коринфские

Вообще убирать строения листьями, вьющимися гроздьями винограда или украшениями, носящими неясный образ ветвей дерева, было инстинктом у всех народов.

или неясным образом [дерева] ветвей дерева, вьющихся листьев винограда

Вообще убирать строения листьями, вьющимися гроздьями винограда или украшениями, носящими неясный образ ветвей дерева, было инстинктом у всех народов.

было как <бы> инстинктом

Они невольно, слепо следовали тайному внушению своего вкуса.

внушению своего вкуса. красота безотчет-

на и является как будто назло мимо правил, извергается из вкуса. Едва по ней составят правил<a>, она вдруг ускользает и творит вновь исключения

В готической архитектуре более всего заметен отпечаток, хотя неясный, тесно сплетенного леса, мрачного, величественного, где топор не звучал от века.

Так в готической архитектуре

В готической архитектуре более всего заметен отпечаток, хотя неясный, тесно сплетенного леса, мрачного, величественного, где топор не звучал от века.

хотя неясный отпечаток

В готической архитектуре более всего заметен отпечаток, хотя неясный, тесно сплетенного леса, мрачного, величественного, где топор не звучал от века.

густого, сплетенного тесно леса

В готической архитектуре более всего заметен отпечаток, хотя неясный, тесно спле-

тенного леса, мрачного, величественного, где топор не звучал от века.

не звучал, не раздавался от века

Эти стремящиеся нескончаемыми линиями украшения и сети сквозной резьбы не что другое, как темное воспоминание о стволе, ветвях и листьях древесных.

а. воспоминание ветвей и листьев<?>

б. воспоминание ствола, ветвей и листьев древесных

И потому смело возле готического строения ставьте греческое, исполненное стройности и простоты: оно будет стоять между ними, как между величественными, прекрасными деревьями.

а. исполненное самого роскош<ного>

б. исполненное стройной простоты здания [и готическое]

И потому смело возле готического строения ставьте греческое, исполненное стройности и простоты: оно будет стоять между ними, как между величественными, прекрасными

ми деревьями.
стоять возле

И потому смело возле готического строения ставьте греческое, исполненное стройности и простоты: оно будет стоять между ними, как между величественными, прекрасными деревьями.

между прекрасными деревьями

И готическое и греческое получают от этого двойную прелесть.

получит от этого

Истинный эффект заключен в резкой противоположности; красота никогда не бывает так ярка и видна, как в контрасте.

нет

Истинный эффект заключен в резкой противоположности; красота никогда не бывает так ярка и видна, как в контрасте.

а. Никогда так не выгодна и не видна красота двух разных

б. Никогда не бывает так ярка и видна кра-

сота, как в контрасте [Чем похожи <2 нрзб.> вкус, ум, который бы в контрасте любил] [Само собою разумеется, чтобы постигнут<ь>]

Контраст тогда только бывает дурен, когда располагается грубым вкусом или, лучше сказать, совершенным отсутствием вкуса, но, находясь во власти тонкого, высокого вкуса, он первое условие всего и действует ровно на всех.

а. Контраст может

б. Контраст бывает дурен тогда только

Контраст тогда только бывает дурен, когда располагается грубым вкусом или, лучше сказать, совершенным отсутствием вкуса, но, находясь во власти тонкого, высокого вкуса, он первое условие всего и действует ровно на всех.

когда он располагается

Контраст тогда только бывает дурен, когда располагается грубым вкусом или, лучше сказать, совершенным отсутствием вкуса, но, находясь во власти тонкого, высокого вкуса, он

первое условие всего и действует ровно на всех.

а. дурным вкусом

б. грубым вкусом

Контраст тогда только бывает дурен, когда располагается грубым вкусом или, лучше сказать, совершенным отсутствием вкуса, но, находясь во власти тонкого, высокого вкуса, он первое условие всего и действует ровно на всех.

но во власти тонкого вкуса

Контраст тогда только бывает дурен, когда располагается грубым вкусом или, лучше сказать, совершенным отсутствием вкуса, но, находясь во власти тонкого, высокого вкуса, он первое условие всего и действует ровно на всех.

он выше всего. [Он] Эффект действует на всех

Разные части его гармонируют между собою по тем же законам, по которым цвет палевый гармонирует с синим, белый с голу-

бым, розовый с зеленым и так далее.

Таким образом, цвет палевый всегда гармонирует с синим, несмотря на их совершенну<ю> противополож<ность>

Разные части его гармонируют между собою по тем же законам, по которым цвет палевый гармонирует с синим, белый с голубым, розовый с зеленым и так далее.

но соединение зеленого с синим или красного с черным отзыва<ется> чем-то варварским

Всё зависит от вкуса и от умения расположить.

еще более от умения

Не мешайте только в одном здании множества разных вкусов и родов архитектуры.

в одном и том же <здании>

Пусть каждое носит в себе что-то целое и самобытное, но пусть противоположность между этими самобытными в отношении их друг к другу будет резка и сильна. ЛБ18

Ар — Пусть каждая (опечатка?)

Пусть каждое носит в себе что-то целое и самобытное, но пусть противоположность между этими самобытными в отношении их друг к другу будет резка и сильна.

но пусть контраст

Пусть каждое носит в себе что-то целое и самобытное, но пусть противоположность между этими самобытными в отношении их друг к другу будет резка и сильна.

будет сильнее

Чем более в городе памятников разных родов зодчества, тем он интереснее; тем чаще заставляет осматривать себя, останавливаться с наслаждением на каждом шагу.

тем более среди его гуляний глав с наслаждением останавливает<ся> на каждом шагу. В истине этого никто не будет спорить, кроме бездарных, безвкусных, тяжелых поклонников старых правил, которых впрочем они сами [плохо] не слишком понимают

Неужели было бы хорошо, если бы в английском саду вместо непрерывных, неожиданных видов гуляющий находил ту же самую дорожку или, по крайней мере, так похожую своими окрестностями на виденную им прежде, что она кажется давно известною?

Хорошо ли бы было

Неужели было бы хорошо, если бы в английском саду вместо непрерывных, неожиданных видов гуляющий находил ту же самую дорожку или, по крайней мере, так похожую своими окрестностями на виденную им прежде, что она кажется давно известною?

в аглицком саду

Неужели было бы хорошо, если бы в английском саду вместо непрерывных, неожиданных видов гуляющий находил ту же самую дорожку или, по крайней мере, так похожую своими окрестностями на виденную им прежде, что она кажется давно известною?

вместо того, чтобы показывались беспрестанно неожиданные и новые виды [зрит<ель>] гуляющий находил бы

Неужели было бы хорошо, если бы в английском саду вместо непрерывных, неожиданных видов гуляющий находил ту же самую дорожку или, по крайней мере, так похожую своими окрестностями на виденную им прежде, что она кажется давно известною?

со своими окрестностями

Неужели было бы хорошо, если бы в английском саду вместо непрерывных, неожиданных видов гуляющий находил ту же самую дорожку или, по крайней мере, так похожую своими окрестностями на виденную им прежде, что она кажется давно известною?

поневоле кажущуюся

Терпимость нам нужна; без нее ничего не будет для художества.

Терпимость, терпимость! Бога ради подавайте нам терпимость

Все роды хороши, когда они хороши в своем роде.

нет.

Какая бы ни была архитектура: гладкая массивная египетская, огромная ли, пестрая индусов, роскошная ли мавров, вдохновенная ли и мрачная готическая, грациозная ли греческая — все они хороши, когда приспособлены к назначению строения; все они будут величественны, когда только истинно постигнуты.

огромная ли и пестрая

Какая бы ни была архитектура: гладкая массивная египетская, огромная ли, пестрая индусов, роскошная ли мавров, вдохновенная ли и мрачная готическая, грациозная ли греческая — все они хороши, когда приспособлены к назначению строения; все они будут величественны, когда только истинно постигнуты.

мрачная и летящая к небу готическая

Какая бы ни была архитектура: гладкая массивная египетская, огромная ли, пестрая индусов, роскошная ли мавров, вдохновенная ли и мрачная готическая, грациозная ли гре-

ческая — все они хороши, когда приспособлены к назначению строения; все они будут величественны, когда только истинно постигнуты.

приспособленные

Какая бы ни была архитектура: гладкая массивная египетская, огромная ли, пестрая индусов, роскошная ли мавров, вдохновенная ли и мрачная готическая, грациозная ли греческая — все они хороши, когда приспособлены к назначению строения; все они будут величественны, когда только истинно постигнуты.

а. но тогда только, когда

б. но только смотрите [поглубже] подальше, постигайте глубже и точнее их истинные стили, без того они будут ничтожны

Она чисто европейская, создание европейского духа и потому более всего прилична нам.

чисто европейское создание

Она чисто европейская, создание европей-

ского духа и потому более всего прилична нам.

идет нам

Чудное ее величие и красота превосходит все другие.

величие ее

Но из милости, из сострадания ее ломайте, не коверкайте ее!

Но не ломайте ее, не коверкайте ее

Я предпочитаю потому еще готическую архитектуру, что она более дает разгула художнику.

предпочитаю еще и потому

Воображение живее и пламеннее стремится в высоту, нежели в ширину.

Воображение [светлее]

Линии и бескарнизные готические пилястры, узко одна от другой, должны лететь через всё строение.

пиластры

Горе, если они отстоят далеко друг от друга, если строение не перевысило по крайней мере вдвое своей ширины, если не втрое!
отстоят несуразно<?>

Горе, если они отстоят далеко друг от друга, если строение не перевысило по крайней мере вдвое своей ширины, если не втрое!

а. вышины

б. своей ширины по край <ней> мере вдвое

Горе, если они отстоят далеко друг от друга, если строение не перевысило по крайней мере вдвое своей ширины, если не втрое!
если не втрое! [Окна огромны и]

Оно тогда уничтожилось само в себе. Возносите его таким, каким оно быть должно: чтобы выше, выше, сколько можно выше, поднимались его стены, чтобы гуще, как стрелы, как тополи, как сосны, окружали их бесчисленные угóльные столбы!

нет.

Возносите его таким, каким оно быть должно: чтобы выше, выше, сколько можно выше, поднимались его стены, чтобы гуще, как стрелы, как тополи, как сосны, окружали их бесчисленные угольные столбы!

стены строе<ния>

Возносите его таким, каким оно быть должно: чтобы выше, выше, сколько можно выше, поднимались его стены, чтобы гуще, как стрелы, как тополи, как сосны, окружали их бесчисленные угольные столбы! ЛБ18;

Ар — как тополы

Возносите его таким, каким оно быть должно: чтобы выше, выше, сколько можно выше, поднимались его стены, чтобы гуще, как стрелы, как тополи, как сосны, окружали их бесчисленные угольные столбы!

готические столпы

никакого перереза, или перелома, или карниза, давшего бы другое направление или уменьшившего бы размер строения!

размер

чтобы они были ровны от основания до самой вершины!

но ровными с основания

Огромнее окна, разнообразнее их форму, колоссальнее их высоту!

колоссальнее их высоту [и более всего]

чтобы всё, чем более подымалось кверху, тем более бы летело и сквозило.

чтобы чем

И помните самое главное: никакого сравнения высоты с шириною.

главное

Здесь одна законодательная идея — высота.

нет.

Я уверен, что некоторые будут утверждать, что постройка здания слишком высокого бесполезна, потому что нам нужно больше места, что высота ни к чему не служит и даром

истрачивает материалы.

[много] что много найдется таких людей, которые будут возражать мне и утверждать

Я уверен, что некоторые будут утверждать, что постройка здания слишком высокого бесполезна, потому что нам нужно больше места, что высота ни к чему не служит и даром истрачивает материалы.

строение зданий слишком высокими бесполезно

Я уверен, что некоторые будут утверждать, что постройка здания слишком высокого бесполезна, потому что нам нужно больше места, что высота ни к чему не служит и даром истрачивает материалы.

[что строение назначается] для того, чтобы более было места

Я уверен, что некоторые будут утверждать, что постройка здания слишком высокого бесполезна, потому что нам нужно больше места, что высота ни к чему не служит и даром истрачивает материалы.

истрачивает материал

Но я вовсе не советую этот готический образ строений употреблять на театры, на биржи, на какие-нибудь комитеты и вообще на здания, назначаемые для собраний веселящегося, или торгующего, или работающего народа.

Но я спрошу с своей стороны: разве советую

Но я вовсе не советую этот готический образ строений употреблять на театры, на биржи, на какие-нибудь комитеты и вообще на здания, назначаемые для собраний веселящегося, или торгующего, или работающего народа.

для каких-нибудь [пар<?>] театров, гульбищ и собраний веселящегося города

Со мною согласится всякой, что нет величественнее, возвышеннее и приличнее архитектуры для здания христианскому богу, как готическая.

величественнее и возвышеннее

Со мною согласится всякой, что нет величественнее, возвышеннее и приличнее архитектуры для здания христианскому богу, как готическая.

для храмов христианскому богу

И что же должны мы тогда уничтожить, чего лишиться?

должны уничтожить тогда

Величественного, колоссального, при взгляде на которое мысли устремляются к одному и отрывают молельщика от низкой его хижины.

а. Того

б. Дивного <?> величественного впечатления

Величественного, колоссального, при взгляде на которое мысли устремляются к одному и отрывают молельщика от низкой его хижины.

а. которое прежде всего

б. которое при одном взгляде устремляет

мысли к одному

Величественного, колоссального, при взгляде на которое мысли устремляются к одному и отрывают молельщика от низкой его хижины.

и отрывает

Величественного, колоссального, при взгляде на которое мысли устремляются к одному и отрывают молельщика от низкой его хижины.

от его низкой хижины

Весьма не мешает вспомнить великую старую истину, что народ не в силах понять религии в такой же самой чистоте и бестелесности, как получившие высшее образование, что на него более всего производят впечатление видимые предметы; что чем меньше этот видимый предмет на него действует, тем слабее его энтузиазм и простая вера.

Помните

Весьма не мешает вспомнить великую ста-

рую истину, что народ не в силах понять религии в такой же самой чистоте и бестелесности, как получившие высшее образование, что на него более всего производят впечатление видимые предметы; что чем меньше этот видимый предмет на него действует, тем слабее его энтузиазм и простая вера.

бесплотности

Великолепие повергает простолюдина в какое-то онемение и оно-то единственная пружина,двигающая диким человеком.

Простолюдина великолепие повергает и далее как в тексте.

Необыкновенное поражает всякого, но тогда только, когда оно смело, резко и разом бросается в глаза.

первое бросится на глаза

Здесь уже прочь всякое скряжничество и расчет!

а. В этом случае

б. В этом деле

Здесь уже прочь всякое скряжничество и расчет!

прочь всякой расчет и

В противном случае этот расчет будет не расчет; и выгода, возникшая из него, будет выгода одного человека перед выгодою целого человечества.

потому выгода

В противном случае этот расчет будет не расчет; и выгода, возникшая из него, будет выгода одного человека перед выгодою целого человечества.

есть выгода

Вальтер Скотт первый отряхнул пыль с готической архитектуры и показал свету всё ее достоинство.

с этой архитектуры

Вальтер Скотт первый отряхнул пыль с готической архитектуры и показал свету всё ее достоинство.

всю ее роскошь

Они очень милы, очень приятны для глаз, но, увы, истинного величия, дышащего в великих зданиях старины, в них нет.

величия

Они очень милы, очень приятны для глаз, но, увы, истинного величия, дышащего в великих зданиях старины, в них нет.

[уже] нет в них

Они, несмотря на стрельчатые окна и шпицы, не сохраняют в целом истинно готического вкуса и уклонились от образцов.

готического духа

Во-первых, они сами по себе вовсе не огромны (великий недостаток готического строения); во-вторых, весь этот лес четырехгранных тонких столбов и линий, союдно стремящихся чрез всё строение, позабыт или отвергнут вовсе, оставшаяся чрез это гладкость нечувствительно дает им совершенно другое выражение.

не выс<оки?> и не огромны

Во-первых, они сами по себе вовсе не огромны (великий недостаток готического строения); во-вторых, весь этот лес четырехгранных тонких столбов и линий, союзностремящихся чрез всё строение, позабыт или отвергнут вовсе, оставшаяся чрез это гладкость нечувствительно дает им совершенно другое выражение.

(первый и <1 нрзб.> недостаток для готического строения)

Во-первых, они сами по себе вовсе не огромны (великий недостаток готического строения); во-вторых, весь этот лес четырехгранных тонких столбов и линий, союзностремящихся чрез всё строение, позабыт или отвергнут вовсе, оставшаяся чрез это гладкость нечувствительно дает им совершенно другое выражение.

тянущ<ихся>

Во-первых, они сами по себе вовсе не огромны (великий недостаток готического строения); во-вторых, весь этот лес четырех-

гранных тонких столбов и линий, союзностремящихся чрез всё строение, позабыт или отвергнут вовсе, оставшаяся чрез это гладкость нечувствительно дает им совершенно другое выражение.

[и строен<ие>] и плоская гладкость

Во-первых, они сами по себе вовсе не огромны (великий недостаток готического строения); во-вторых, весь этот лес четырехгранных тонких столбов и линий, союзностремящихся чрез всё строение, позабыт или отвергнут вовсе, оставшаяся чрез это гладкость нечувствительно дает им совершенно другое выражение.

вторгается

Во-первых, они сами по себе вовсе не огромны (великий недостаток готического строения); во-вторых, весь этот лес четырехгранных тонких столбов и линий, союзностремящихся чрез всё строение, позабыт или отвергнут вовсе, оставшаяся чрез это гладкость нечувствительно дает им совершенно другое выражение.

другое выражение. [После]

Могущественным словом Вальтер Скотта вкус к готическому распространился быстро везде и проникнул во всё.

и проложил путь

Еще не сделавшись великим, он уже сделался мелким: сельские домики, шкафы, ширмы, столы, стулья — всё обратилось в готическое.

даже ширмы

И эти величественные, прекрасные украшения употреблены были на игрушки.

а. упо<треблены?>

б. украшения ~ на игру

Век наш так мелок, желания так разбросаны по всему, знания наши так энциклопедически, что мы никак не можем усредоточить на одном каком-нибудь предмете наших помыслов и оттого поневоле раздробляем все наши произведения на мелочи и на прелестные игрушки.

так мелок [что мы позабыли<?>]

Век наш так мелок, желания так разбросаны по всему, знания наши так энциклопедически, что мы никак не можем усредоточить на одном каком-нибудь предмете наших помыслов и оттого поневоле раздробляем все наши произведения на мелочи и на прелестные игрушки.

мысли

Век наш так мелок, желания так разбросаны по всему, знания наши так энциклопедически, что мы никак не можем усредоточить на одном каком-нибудь предмете наших помыслов и оттого поневоле раздробляем все наши произведения на мелочи и на прелестные игрушки.

не можем никак

Век наш так мелок, желания так разбросаны по всему, знания наши так энциклопедически, что мы никак не можем усредоточить на одном каком-нибудь предмете наших помыслов и оттого поневоле раздробляем все

наши произведения на мелочи и на прелестные игрушки.

а. усредоточить на одном чем-нибудь наши мысли

б. усредоточить ~ наши мысли

Век наш так мелок, желания так разбросаны по всему, знания наши так энциклопедически, что мы никак не можем усредоточить на одном каком-нибудь предмете наших помыслов и оттого поневоле раздробляем все наши произведения на мелочи и на прелестные игрушки.

и все наши

Мы имеем чудный дар делать всё ничтожным.

Мы всё сделаем ничтожным

Из готической мы делаем серьги, футляры для часов; греческую мы употребляем в беседках.

а. часы

б. пьедесталы для ч<асов?>

В публичных же и огромных зданиях показываем такую архитектуру, которую вряд ли можно признать особенным родом.

самых<?> огромных

В ней столько безмыслия, такое негармоническое соединение частей, такое отсутствие всякого воображения, что недостает сил назвать ее имеющею свой характер архитектурую.

а. В ней мы столько <2 нрзб.>

б. В ней столько бессмыслия

В ней столько безмыслия, такое негармоническое соединение частей, такое отсутствие всякого воображения, что недостает сил назвать ее имеющею свой характер архитектурую.

а. несмотря на то, что воображают делать по самым строгим правилам

б. что вряд ли можно дать ей какой-нибудь род. Готическая возникла из нашего климата

в. Истинный

г. такое отсут<ст>в<и>е всякого воображения, несмотря на самодовольную уверенность

ность архитекторов, что они не отступили ни на шаг от Витрувия

Есть рудник, ~ нужд ее.

Архитектура Востока доселе еще не трону-та нами. Мы как будто в отмщение азиатцам за их [пренебрежение] презрение ко всему европейскому платили им тем же презрением. Решительно, громко провозгласили безвкусным всё, созданное азиатцами и отложили всякое попечение об точном и беспристрастном исследовании направления их архи<тектуры>. Я [никак] совсем [не берусь] не имею намерения утверждать, чтобы азиатцы имели преимущество перед Европою

Жизнь азиатцев никогда не имела такого многостороннего развития, как европейцев: никогда потребности их не были так разнообразны и бесчисленны как наши, и потому очень естественно, что обыкновенные жилища их лишены пестроты, ясности и стройности; они уединенны, однообразны, так же скучны отсутствием всякой мысли, как самый азиатец во время своего покоя.

Жизнь их

Жизнь азиатцев никогда не имела такого многостороннего развития, как европейцев: никогда потребности их не были так разнообразны и бесчисленны как наши, и потому очень естественно, что обыкновенные жилища их лишены пестроты, ясности и стройности; они уединенны, однообразны, так же скучны отсутствием всякой мысли, как самый азиатец во время своего покоя.

нужды их

Жизнь азиатцев никогда не имела такого многостороннего развития, как европейцев: никогда потребности их не были так разнообразны и бесчисленны как наши, и потому очень естественно, что обыкновенные жилища их лишены пестроты, ясности и стройности; они уединенны, однообразны, так же скучны отсутствием всякой мысли, как самый азиатец во время своего покоя.

всякой мысли о многообразных занятиях человека

Жизнь азиатцев никогда не имела такого многостороннего развития, как европейцев: никогда потребности их не были так разнообразны и бесчисленны как наши, и потому очень естественно, что обыкновенные жилища их лишены пестроты, ясности и стройности; они уединенны, однообразны, так же скучны отсутствием всякой мысли, как самый азиатец во время своего покоя.

нет.

Но зато везде, куда ни проникала только азиатская роскошь, огромная, великолепная, та роскошь, которая блещет в их волшебных сказках, везде, куда ни проникала эта увешенная ожерельями дочь восточного воображения, там стоят донныне дворцы, великолепие которых изумительно.

изумительно донныне

Строение их захватывало целые веки; целый народ, целая нация над ним трудилась, и предки верили, как в неотразимое предопределение, что здание будет окончено их потомками.

[Они редки] Их немного, они редко встречаются глазам иногда среди пустыни и там еще более поразительны, потому что построение [В рукописи: на построение] их [целый десяток] иногда захватывало целый десяток веков

Строение их захватывало целые веки; целый народ, целая нация над ним трудилась, и предки верили, как в неотразимое предопределение, что здание будет окончено их потомками.

целая нация, целый народ часто трудился

Строение их захватывало целые веки; целый народ, целая нация над ним трудилась, и предки верили, как в неотразимое предопределение, что здание будет окончено их потомками.

как в неотразимое предопределение верил

Строение их захватывало целые веки; целый народ, целая нация над ним трудилась, и предки верили, как в неотразимое предопределение, что здание будет окончено их потом-

ками.

строение будет же когда-нибудь окончено

Везде, куда ни проникала эта всемогущая массивная роскошь или дикий энтузиазм первоначальной их религии, везде громоздились памятники, ужасные своею огромностию, перед которыми мысль немеет от изумления, когда вспомнишь, как бедны были их средства и познания; как ничтожны их машины для поднятия и укрепления этих страшных масс.

везде стояли

Везде, куда ни проникала эта всемогущая массивная роскошь или дикий энтузиазм первоначальной их религии, везде громоздились памятники, ужасные своею огромностию, перед которыми мысль немеет от изумления, когда вспомнишь, как бедны были их средства и познания; как ничтожны их машины для поднятия и укрепления этих страшных масс.

нет.

Еще более изумление овладевает духом, когда видишь, как почти дикий, неразвившийся человек развился внезапно на этом гигантском здании; как был он проникнут и восторжен мыслью о божестве, что невольно показал разоблачение своего гения и упредил медленные годы векового образования.

Еще больш<e> изумляешься

Еще более изумление овладевает духом, когда видишь, как почти дикий, неразвившийся человек развился внезапно на этом гигантском здании; как был он проникнут и восторжен мыслью о божестве, что невольно показал разоблачение своего гения и упредил медленные годы векового образования.

дикий вкус

Еще более изумление овладевает духом, когда видишь, как почти дикий, неразвившийся человек развился внезапно на этом гигантском здании; как был он проникнут и восторжен мыслью о божестве, что невольно показал разоблачение своего гения и упредил медленные годы векового образования.

развернулся внезапно

Еще более изумление овладевает духом, когда видишь, как почти дикий, неразвившийся человек развился внезапно на этом гигантском здании; как был он проникнут и восторжен мыслью о божестве, что невольно показал разоблачение своего гения и упредил медленные годы векового образования.

[и] как до [В рукописи: без<?>] того был

Еще более изумление овладевает духом, когда видишь, как почти дикий, неразвившийся человек развился внезапно на этом гигантском здании; как был он проникнут и восторжен мыслью о божестве, что невольно показал разоблачение своего гения и упредил медленные годы векового образования.

своею мыслью

Еще более изумление овладевает духом, когда видишь, как почти дикий, неразвившийся человек развился внезапно на этом гигантском здании; как был он проникнут и восторжен мыслью о божестве, что невольно

показал разоблачение своего гения и упредил медленные годы векового образования.

показал постепенное разоблачение

Взгляните на этот массивный, величественный Триченгурский храм у индусов, едва ли не одно из первых зданий по величине своей.

Массивный, великий

Взгляните на этот массивный, величественный Триченгурский храм у индусов, едва ли не одно из первых зданий по величине своей.

едва ли не первое по величине своей в мире здание

Это пирамидальное склонение массы кверху, постепенное уменьшение этажей, бездна индейских портиков, облепливающих их стены, пилястры, громоздящиеся над пилястрами, колонны над колоннами, как будто ступающие одна на другую, чтобы скорее достать вершины этой массы — всё это явление совершенно оригинального вкуса.

а. Бездна индейских жилищ

б. Это пирамидальное [его] склонение всей массы кверху ~ бездна, облепливающих стены этой массы ломящихся индейских портиков [бездна индейских портиков над портиками <1 нрзб.>, которые вlepлены в стены]

Это пирамидальное склонение массы кверху, постепенное уменьшение этажей, бездна индейских портиков, облепливающих их стены, пилястры, громоздящиеся над пилястрами, колонны над колоннами, как будто ступающие одна на другую, чтобы скорее достать вершины этой массы — всё это явление совершенно оригинального вкуса.

лезущие одна на другую, чтобы достать до самой вершины, [облепливают] улепливающие нескончаемые стены этой массы

Это пирамидальное склонение массы кверху, постепенное уменьшение этажей, бездна индейских портиков, облепливающих их стены, пилястры, громоздящиеся над пилястрами, колонны над колоннами, как будто ступающие одна на другую, чтобы скорее достать

вершины этой массы — всё это явление совершенно оригинального вкуса.

всё это представляет явление

Но если ~ чисто и величаво.

Масса сама по себе тяжела, видишь и кажется чувствуешь ее страшную тяжесть, [в ней] в этой тяжести нет неуклюжего

Если этот род не может быть совершенно усвоен нами, то европейцы вообще могут заимствовать с пользой это пирамидальное или конусообразное устремление кверху — резкое отличие индейского стиля.

К сожалению этот род

Если этот род не может быть совершенно усвоен нами, то европейцы вообще могут заимствовать с пользой это пирамидальное или конусообразное устремление кверху — резкое отличие индейского стиля.

усвоен нами. Он слишком велик, слишком колоссален для Европы и при том самом [строение нельзя определить для нашего назначения] строению нельзя дать места и упо-

ребления у нас. По величине своей и устремлению в высоту он [может] мог бы быть употреблен только для церквей, но для церквей христианских он очень много дышит языческим

Если этот род не может быть совершенно усвоен нами, то европейцы вообще могут заимствовать с пользою это пирамидальное или конусообразное устремление кверху — резкое отличие индейского стиля.

Но европейцы могут

Если этот род не может быть совершенно усвоен нами, то европейцы вообще могут заимствовать с пользою это пирамидальное или конусообразное устремление кверху — резкое отличие индейского стиля.

а. устремление

б. или [лучше] иногда конусообразное устремление

Если этот род не может быть совершенно усвоен нами, то европейцы вообще могут заимствовать с пользою это пирамидальное

или конусообразное устремление кверху — резкое отличие индейского стиля.

а. какими почти всегда отличается индейский вкус

б. резко отличающее индейский стиль, во вкусе которого [есть] Магабилипурский храм и несколько других строений, соединяющих уже с массивностью и легкость, может служить образцом

Восточная архитектура дворцов представляет совершенно противоположный род: здесь царство азиатской роскоши.

здесь азиатская роскошь

Строение раздается пространнее в ширину.

но могущество высоты в нем не потеряно

Огромный восточный купол, или совершенно круглый, или выгибающийся, как сладострастная ваза, опрокинутая вниз, или в виде шара, или обремененный, облепленный резьбою и украшениями, как богатая митра,

патриархально властвует над всем зданием; внизу, у самого подножия строения небольшие куполы целою оградой обходят его пространные стены, как покорные рабы; со всех сторон летят тонкие минареты, представляющие самый очаровательный контраст своею легкою, веселою торньюрою с важным, величественным видом всего здания.

Ку<пол>

Огромный восточный купол, или совершенно круглый, или выгибающийся, как сладострастная ваза, опрокинутая вниз, или в виде шара, или обремененный, облепленный резьбою и украшениями, как богатая митра, патриархально властвует над всем зданием; внизу, у самого подножия строения небольшие куполы целою оградой обходят его пространные стены, как покорные рабы; со всех сторон летят тонкие минареты, представляющие самый очаровательный контраст своею легкою, веселою торньюрою с важным, величественным видом всего здания.

не совершенно круглый, но выгибающийся<ся>

Огромный восточный купол, или совершенно круглый, или выгибающийся, как сладострастная ваза, опрокинутая вниз, или в виде шара, или обремененный, облепленный резьбою и украшениями, как богатая митра, патриархально властвует над всем зданием; внизу, у самого подножия строения небольшие куполы целою оградю обходят его пространные стены, как покорные рабы; со всех сторон летят тонкие минареты, представляющие самый очаровательный контраст своею легкою, веселою торньюрою с важным, величественным видом всего здания.

облепленный резьбою [Над строкой начато исправление: на котором резьба]

Огромный восточный купол, или совершенно круглый, или выгибающийся, как сладострастная ваза, опрокинутая вниз, или в виде шара, или обремененный, облепленный резьбою и украшениями, как богатая митра, патриархально властвует над всем зданием; внизу, у самого подножия строения небольшие куполы целою оградю обходят его про-

странные стены, как покорные рабы; со всех сторон летят тонкие минареты, представляющие самый очаровательный контраст своею легкою, веселою торньюрою с важным, величественным видом всего здания.

как [богатая] <1 нрзб.> яркая митра

Огромный восточный купол, или совершенно круглый, или выгибающийся, как сладострастная ваза, опрокинутая вниз, или в виде шара, или обремененный, облепленный резьбою и украшениями, как богатая митра, патриархально властвует над всем зданием; внизу, у самого подножия строения небольшие куполы целою оградю обходят его пространные стены, как покорные рабы; со всех сторон летят тонкие минареты, представляющие самый очаровательный контраст своею легкою, веселою торньюрою с важным, величественным видом всего здания.

властвует как патриарх, как [великий монарх] восточный повелитель над всем строением

Огромный восточный купол, или совер-

шенно круглый, или выгибающийся, как сладострастная ваза, опрокинутая вниз, или в виде шара, или обремененный, облепленный резьбою и украшениями, как богатая митра, патриархально властвует над всем зданием; внизу, у самого подножия строения небольшие куполы целою оградю обходят его пространные стены, как покорные рабы; со всех сторон летят тонкие минареты, представляющие самый очаровательный контраст своею легкою, веселою торньюрою с важным, величественным видом всего здания.

у самого подножия здания

Огромный восточный купол, или совершенно круглый, или выгибающийся, как сладострастная ваза, опрокинутая вниз, или в виде шара, или обремененный, облепленный резьбою и украшениями, как богатая митра, патриархально властвует над всем зданием; внизу, у самого подножия строения небольшие куполы целою оградю обходят его пространные стены, как покорные рабы; со всех сторон летят тонкие минареты, представляющие самый очаровательный контраст своею

легкою, веселою торньюрою с важным, величественным видом всего здания.

великолепным видом

Так величественный магометанин в широком, убранном золотом и каменьями, платье возлежит среди гурий стройных, обнаженных, ослепительных своею белизною.

как величественный магометанин [в чалме, окружен<ной> жемчугами, в од<ежде?>]

Так величественный магометанин в широком, убранном золотом и каменьями, платье возлежит среди гурий стройных, обнаженных, ослепительных своею белизною.

шитом золотом

Так величественный магометанин в широком, убранном золотом и каменьями, платье возлежит среди гурий стройных, обнаженных, ослепительных своею белизною.

посреди гурий

Нигде зодчество не принимало столько разнообразных форм, как на Востоке.

Нигде архитектура

Нигде зодчество не принимало столько разнообразных форм, как на Востоке.
разных форм

Нигде зодчество не принимало столько разнообразных форм, как на Востоке.
как на Востоке. [Дух]

Там каждое здание выливалось, можно сказать, всегда мимо прежних условий, или, лучше сказать, оно выливалось, облеченное новыми условиями собственного предчувствия, сходствовавшими с прежними разве только в самом отдаленном начале религиозном или национальном.

а. в них можно только отыскать

б. сходству с другим в самом отдаленном начале его — в религиозном

Вся Индия усеяна прекрасными зданиями.
прекраснейшими зданиями, исполнены [такой] соверше оригинальности? [такого резкого отличия между

собою]

Каждое из них сохраняет свое резкое отличие, свой особый отпечаток, до такой степени, что их совершенно нельзя подвести под одну категорию.

особый печаток

Каждое из них сохраняет свое резкое отличие, свой особый отпечаток, до такой степени, что их совершенно нельзя подвести под одну категорию.

до такой крайности

Множество разных куполов всех возможных форм, вовсе не похожих один на другого, украшений и убранств, совсем отличных и всегда новых, — всё говорит о необыкновенном воображении их, которое не стеснялось никакими правилами.

которые не стеснялись

Множество разных куполов всех возможных форм, вовсе не похожих один на другого, украшений и убранств, совсем отличных и

всегда новых, — всё говорит о необыкновенном воображении их, которое не стеснялось никакими правилами.

никакими правилами и никаким кодексом

Впрочем, причиною этого разнообразия, может быть, было бесчисленное множество сект, наполняющих Индию, производивших вечную оппозицию, вечную раздражительность воображения.

производивших вечную оппозицию в иде<ях?>, вечное раздражение воображения

Но более исполнены роскоши очаровательной, которою говорит восточная природа, те здания, которых коснулся вкус аравитян.

а. Еще более

б. Но были более

Но более исполнены роскоши очаровательной, которою говорит восточная природа, те здания, которых коснулся вкус аравитян.

роскоши, роскоши очаровательной

Но более исполнены роскоши очаровательной, которую говорит восточная природа, те здания, которых коснулся вкус аравитян.

как <1 нрзб.> восточная природа

Но более исполнены роскоши очаровательной, которую говорит восточная природа, те здания, которых коснулся вкус аравитян.

к которым тронул<ся>

В Азии, во время этих разрушительных встреч новых и старых народов, особенно магометан, произошло необыкновенное смешение архитектур, произошли самые дерзкие отступления.

особенно магометанских

В Азии, во время этих разрушительных встреч новых и старых народов, особенно магометан, произошло необыкновенное смешение архитектур, произошли самые дерзкие

отступления.

а. такие

б. <1 нрзб.> дерзкие отступления создания
[Но вообще те здания, которые носят в себе
более отпечатка воображения арабов]

Но никогда, нигде не соединялось смелое с
такою прекрасною роскошью, как у аравитян.
Никогда не соединялось

Но никогда, нигде не соединялось смелое с
такою прекрасною роскошью, как у аравитян.
с такою роскошью, с такою прекрасною
роскошью

Они заимствовали от природы всё то, что
есть в ней верх прекраснейшего.
что было в ней самого прекраснейшего

Их архитектура не носит на себе печати
дремучих лесов; она вся состоит из цветов.
не носит в себе элементов дремучих лесов
и мрака<?>

Она убрана цветами, она потоплена целым

морем цветов, прекрасных, роскошных, какими убрана нежная долина Кашемира.

морем цветов, цве<тов?> прекрасных

Она убрана цветами, она потоплена целым морем цветов, прекрасных, роскошных, какими убрана нежная долина Кашемира.

какими изоб<илует?>

Их узорные колонны увенчаны тюльпаном; их резьба в виде незабудок и цветов с четырьмя лепестками или развивающихся роз; их галереи похожи на ветви пальм, вершинами своими образующих своды.

нет.

Их узорные колонны увенчаны тюльпаном; их резьба в виде незабудок и цветов с четырьмя лепестками или развивающихся роз; их галереи похожи на ветви пальм, вершинами своими образующих своды.

а. соед<иняющихся?>

б. вершиною своею образующих <...>

Всё отозвалось необыкновенной роскошью

цветистого их вкуса.

нет.

Эта архитектура как-то именно создалась для жизни, отданной наслаждениям, для веселых, светлых жилищ человека.

Какая архитек<ту>ра пошла бы так для частных домов [<1 нрзб.> как арабская]

Она решительно изгнала из себя всё мрачное.

Она изгоняя из

Здание так прелестно, очаровательно, как восточная красавица с черными, яркими как молния глазами, в пестром своем убранстве и драгоценных ожерельях.

так мило и очаровательно возвы<шается>

Здание так прелестно, очаровательно, как восточная красавица с черными, яркими как молния глазами, в пестром своем убранстве и драгоценных ожерельях.

с черными [живыми]

Здание так прелестно, очаровательно, как восточная красавица с черными, яркими как молния глазами, в пестром своем убранстве и драгоценных ожерельях.

в перстн<ях?> своих, убранстве [Внизу той же страницы написано: Первых внушителей [архитек<туры> зодчества]

Это колонны, не гладкие, но распещренные украшениями от пьедестала до капители.

Это сквозные прозрачные колонны

Это колонны, не гладкие, но распещренные украшениями от пьедестала до капители.

облепленные украшениями

Иногда эти колонны бывают совершенно сквозные и прозрачные: резьба проникает их насквозь.

колонны встречаются

Иногда эти колонны бывают совершенно сквозные и прозрачные: резьба проникает их

насквозь.

проходит насквозь

Здание, как бы ни было громоздко, но с такими колоннами кажется воздушно.

а. кажется соверш<енно?>

б. как бы ни было оно громоздко

Здание, как бы ни было громоздко, но с такими колоннами кажется воздушно.

с этими колоннами

Почему бы, казалось, нам не перенести их на свою почву?

европейцам не заметить это и не перенести это

Но ум и вкус человека представляют странное явление: прежде нежели достигнет истины, он столько даст объездов, столько наделает несообразностей, неправильностей, ложного, что после сам дивится своей негодливости.

Но странное

Но ум и вкус человека представляют странное явление: прежде нежели достигнет истины, он столько даст объездов, столько наделает несообразностей, неправильностей, ложного, что после сам дивится своей недогадливости.

он достигнет к истине

Но ум и вкус человека представляют странное явление: прежде нежели достигнет истины, он столько даст объездов, столько наделает несообразностей, неправильностей, ложного, что после сам дивится своей недогадливости.

такие сделает объезды

Но ум и вкус человека представляют странное явление: прежде нежели достигнет истины, он столько даст объездов, столько наделает несообразностей, неправильностей, ложного, что после сам дивится своей недогадливости.

фальшивого

Обо всех сих памятниках Европа и не забо-

тилась.

и заботиться не хоте<ла>

Один только вкус китайцев, который можно назвать самым мелким, самым ничтожным из всех восточных народов, каким-то поветрием занесся к нам в конце XVIII столетия. вкус китайской

Один только вкус китайцев, который можно назвать самым мелким, самым ничтожным из всех восточных народов, каким-то поветрием занесся к нам в конце XVIII столетия. самым низшим

Один только вкус китайцев, который можно назвать самым мелким, самым ничтожным из всех восточных народов, каким-то поветрием занесся к нам в конце XVIII столетия. в конце XVIII столетия. вкус, который решительно не способен ни к чему великому

Хорошо, что европейцы, по обыкновению своему, тотчас обратили его на мостики, павильоны, вазы, камины, а не вздумали при-

способить к большим строениям.

обратили его на мостики [беседки в садах]

Хорошо, что европейцы, по обыкновению своему, тотчас обратили его на мостики, павильоны, вазы, камины, а не вздумали приспособить к большим строениям.

приспособлять к строениям

Этот вкус точно был недурен в безделках, потому что европейцы его тотчас усовершенствовали по-своему и дали ему ту прелесть, которой он сам в себе не имеет, так же как и его народ не имеет энергии, несмотря на всю свою образованность.

сам по себе не имеет

Этот вкус точно был недурен в безделках, потому что европейцы его тотчас усовершенствовали по-своему и дали ему ту прелесть, которой он сам в себе не имеет, так же как и его народ не имеет энергии, несмотря на всю свою образованность.

и народ его

Это архитектура катакомб индейских и египетских, где эти два народа так удивительно сошлись между собою и дали повод подзревать древнее между ими родство.

сошлись между собою [что]

Главный характер ее — тяжесть.
характер ее должен быть

Здесь всё должно соединиться в массу и толщу; здание тяжело ступает, как на слоновых пядях, на коротких, тяжелых колоннах, которых ширина своим диаметром равняется почти с высотой.

а. <на> коротких, тол<стых>

б. <на> коротких и далее как в тексте.

Здесь всё должно соединиться в массу и толщу; здание тяжело ступает, как на слоновых пядях, на коротких, тяжелых колоннах, которых ширина своим диаметром равняется почти с высотой.

почти равняется

Здесь всё должно соединиться в массу и

толщ; здание тяжело ступает, как на слоно-
вых пядях, на коротких, тяжелых колоннах,
которых ширина своим диаметром равняется
почти с высотой.

с высотой их

На ней как будто отпечаталась тяжесть
земли, внутри которой она скрывает тяжелое
свое величие.

свое тяжелое величие

То, что порок в других родах ее, то здесь до-
стоинство.

То, что [было] порок

То, что порок в других родах ее, то здесь до-
стоинство.

то здесь первое достоинство

Эта подземная архитектура имеет что-то
также величавое, хотя внушает совершенно
другие мысли.

Она

Эта подземная архитектура имеет что-то

также величавое, хотя внушает совершенно другие мысли.

также величава

Эта подземная архитектура имеет что-то также величавое, хотя внушает совершенно другие мысли.

другие мысли. [Если художник]

Здесь тяжесть не безобразна, а величественна, потому что составляет главную идею всего здания.

всего создания

Если художник предположил создать тяжелое и массивное и выполнил это, его творение верно будет хорошо; но когда начертал он план тяжелого, а из него вышло вовсе не тяжелое, или наоборот, когда он замыслил произвести легкое, а вышло тяжелое, то это уже решительно дурно.

а. и исполнил это точно

б. и исполнил это хорошо

Если художник предположил создать тя-

желое и массивное и выполнил это, его творение верно будет хорошо; но когда начертал он план тяжелого, а из него вышло вовсе не тяжелое, или наоборот, когда он замыслил произвести легкое, а вышло тяжелое, то это уже решительно дурно.

величественно

Если художник предположил создать тяжелое и массивное и выполнил это, его творение верно будет хорошо; но когда начертал он план тяжелого, а из него вышло вовсе не тяжелое, или наоборот, когда он замыслил произвести легкое, а вышло тяжелое, то это уже решительно дурно.

он мыслил

Если художник предположил создать тяжелое и массивное и выполнил это, его творение верно будет хорошо; но когда начертал он план тяжелого, а из него вышло вовсе не тяжелое, или наоборот, когда он замыслил произвести легкое, а вышло тяжелое, то это уже решительно дурно.

нет.

Здание это, когда с него сбрасывали землю и оно выходило на свет, представляло всегда странный и вместе страшный вид; как будто бы земля выказывала свою глубокую внутренность, как будто бы мрак очутился вдруг среди яркого света, мрак, только освещаемый светом, а не прогоняемый им, как египетская урна или мертвая голова среди пиршеств.

Эта архитектура

Здание это, когда с него сбрасывали землю и оно выходило на свет, представляло всегда странный и вместе страшный вид; как будто бы земля выказывала свою глубокую внутренность, как будто бы мрак очутился вдруг среди яркого света, мрак, только освещаемый светом, а не прогоняемый им, как египетская урна или мертвая голова среди пиршеств.

земля выказала

Здание это, когда с него сбрасывали землю и оно выходило на свет, представляло всегда странный и вместе страшный вид; как будто бы земля выказывала свою глубокую внут-

ренность, как будто бы мрак очутился вдруг среди яркого света, мрак, только освещаемый светом, а не прогоняемый им, как египетская урна или мертвая голова среди пиршеств.

кото<рый> свет освещает, но

Мне кажется, напрасно эту архитектуру вгоняют в землю: показавшись вдруг, нечаянно, среди светлых, легких домиков, она должна непременно поразить всякого и произвести свой эффект.

Мне кажется, что напрасно

В строениях такого рода все части состоят из тяжестей, но при всем том отношения их между собою исполнены какой-то внутренней; несколько страшной гармонии и создать в этом роде совершенное весьма нелегко.

В нем, хотя все части дышат тяжестью

В строениях такого рода все части состоят из тяжестей, но при всем том отношения их между собою исполнены какой-то внутренней; несколько страшной гармонии и создать в этом роде совершенное весьма нелегко.

а. но в отношении их между собою наблюда<ется> великая гармония

б. но отношение их между собою исполнено гармонии

В строениях такого рода все части состоят из тяжестей, но при всем том отношения их между собою исполнены какой-то внутренней; несколько страшной гармонии и создать в этом роде совершенное весьма нелегко.

и сделать ~ совершенное здание

Египетская архитектура надземная составляет совершенно другой род: она массивна тоже; но стройность и простота в высшей степени с нею неразлучны; главный же ее характер — колоссальность.

величайшая

Египетская архитектура надземная составляет совершенно другой род: она массивна тоже; но стройность и простота в высшей степени с нею неразлучны; главный же ее характер — колоссальность.

характер ее

Чем она глаже снизу доверху, без всяких разделений и резких украшений, тем лучше.

Даже чем глаже она

Но не употребляйте её на небольшие мостики: без колоссальности эта архитектура менее нежели ничто.

Но, бога ради не употребляйте ее

Еще раз повторяю: всякая архитектура прекрасна, если соблюдены все ее условия и если она выбрана совершенно согласно назначению строения.

согласно [к] назначению здания

Без этой благонамеренной, беспристрастной терпимости не будет ни истинных талантов, ни истинно величественных произведений.

Терпимость, терпимость нам нужна, без нее не будет

Прочь этот схолацизм, предписывающий строения ранжировать под одну мерку и

строить по одному вкусу!
по одному вкусу! [Поболее в]

Город должен состоять из разнообразных масс, если хотим, чтобы он доставлял удовольствие взорам.

удовольствие взору

Пусть в нем совокупится более различных вкусов.

более совокупится

Пусть в одной и той же улице возвышается и мрачное готическое, и обремененное роскошью украшений восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройным размером греческое.

величественное готическое

Пусть в одной и той же улице возвышается и мрачное готическое, и обремененное роскошью украшений восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройным размером греческое.

массивное, обремененное роскошью

резьбою и украшениями восточное

Пусть в одной и той же улице возвышается и мрачное готическое, и обремененное роскошью украшений восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройным размером греческое.

простое

Пусть в нем будут видны: и легко выпуклый млечный купол, и религиозный бесконечный шпигц, и восточная митра, и плоская крыша италиянская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелиск.

нет.

Пусть в нем будут видны: и легко выпуклый млечный купол, и религиозный бесконечный шпигц, и восточная митра, и плоская крыша италиянская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелиск.

плоской

Пусть в нем будут видны: и легко выпуклый млечный купол, и религиозный бесконечный шпигц, и восточная митра, и плоская крыша италиянская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелиск.

млечный, сладостра<стный>

Пусть в нем будут видны: и легко выпуклый млечный купол, и религиозный бесконечный шпигц, и восточная митра, и плоская крыша италиянская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелиск.

религиозный темный, бесконечный шпигц
[теряющийся в небе]

Пусть в нем будут видны: и легко выпуклый млечный купол, и религиозный бесконечный шпигц, и восточная митра, и плоская крыша италиянская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелиск.

египетская пирамида

Пусть в нем будут видны: и легко выпуклый млечный купол, и религиозный бесконечный шпиц, и восточная митра, и плоская крыша италийская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелиск.

колонна и обелиск

Пусть как можно реже дома сливаются в одну ровную, однообразную стену, но клонятся то вверх, то вниз.

как можно менее

Пусть как можно реже дома сливаются в одну ровную, однообразную стену, но клонятся то вверх, то вниз.

дома соединяются

Пусть как можно реже дома сливаются в одну ровную, однообразную стену, но клонятся то вверх, то вниз.

но идут

Пусть разных родов башни как можно чаще разнообразят улицы.

разнообразят улицу

Неужели найдется такой смельчак или, лучше сказать, несмельчак, который бы ровное место в природе осмелился сравнить с видом утесов, обрывов, холмов, выходящих один из-за другого?

Можно ли [срав<нить?>] ровное гладкое место в природе сравнить с тем [<видом?> горы над <1 нрзб.>] возвыше<нием?> в виде утесов, обрывов, холмов, <которые> выходят один из другого. [Но мне скажут, что нельзя же для частных домов и] Но я знаю, что соглашаясь на разнообразие зданий общественных, со мною будут [не соглашаться] спорить в том, что [долж<ны?>] частные дома не должны в нем [принимать разнообразный архитекту<рный>] разнообразить фасад свой. Правда в столицах, где меркантильность и существенные выгоды выгнали великолепное украшение и употребляют его на пустые мелочи, [в столицах] там дома частные не могут принимать такого разнообразия и смелости архитектуры. Но из этого никак не следу<ет>, чтобы лепить совершенно однообразными.

Возьмите самые старинные города немецкие или фламандские. Они несмотря на всю невыгоду своих узеньких улиц имеют то преимущество; <что> сохраняют характерно<сть>. Массы домов их, на которых можно читать всю летопись города, [нимало] совсем не сливаются в однообразную стену; дома делятся один от другого и отличаются бесконечным разнообраз<ием> своих фронтонов, украшенных или вазами, или другими украшениями, всегда разными; окна исполненные бесчисленных вариантов. Я согласен, что дома должны в столицах выигрывать побольше места и потому тут колонны и арки совершенно не нужны, а особливо в городах север<ных>, где отнимают еще и солнце у жителей. Тут должна быть архитектура совершенно гладкая, строение почти не должно [выходить] выступать или уходить выпуклостями и уступами, их главная идея четырехуголь<ник>. Но эту четырехугольную стену можно [представить <?>] скрасить разным образом. Ее можно испестрить всею тысячью разных украшений [В рукописи: разными украшения<ми>] или всю обратить в клетку и

решетчатую образную поверхность как есть некоторые дома в Венеции или [обратить всю] [превратить всю] поверхность его составить всю из линий и узоров, густо один на другом идущих прямо с низу доверху, натурально перемежая это поперечными противоположностями или множеством таких украшений, которые архитекторы совершенно изгнали из своих кодексов. Но между этими домами необходимо помещать совершенно гладкие, без всяких карнизов. Тогда дома будут лучше отделяться один от другого [и всегда лучше?]. Еще другое украшение гладких домов балконы. [Это самое] Доныне делают их и делали слишком просто и очень мало варьируют, между тем как они могут составить прелестное украшение. Их нужно как можно поболее лепить к дому по всем этажам его, чтобы балкон висел над балконом, чугунные перила как можно [эфирнее] воздушнее и разнообразнее решетку. [Чтобы] От них пускать вниз множество висящих чугунных украшений. Тогда они сообщат легкость не одной массе дома. При этом [это] сообщают живость городу [жители

чаще] сидящие на балконе группы, внушая какую-то веселость.

Но и в гладкой, простой архитектуре сколько можно найти нового. Это<му> [для] доказательством может служить прекрасная лютеранская кирка, строящаяся Брюловым, архитектором, который доселе у нас один только показал решительный истинный талант. Жаль, что ему до сих пор не поручено еще ни одно колоссальное дело. [что до сих пор еще ни одно колоссальное дело [не попало] [не поручено ему] [Я уверен за]] Но если только это последует, [то античное <?> изящное искусство верно не будет вместе <1 нрзб.> обширную надеждою] то во мне заранее теплится предчувствие, что я увижу гениальное творение

Далее зачеркнутый текст:

Если же группы не на всех балконах показываются, тогда выставлять на них цветы. Для этого можно приделывать их к окнам, и дом, облеченный этою сквозною <?> паутиною балкон<ов> с цветами и амфитеатром го-

лов, освещенный солнцем, всегда будет картиною [Лучше гораздо, если дома б<ыли бы?>] Разнообразие могут придать еще окна. Есть много родов окон, которых архитектора тоже не внесли в свой словарь. Образцы их может представить архитектура фламандская. Есть окна широкие четырехугольные с тонкими и густыми переплетами, есть окна узкие, длинные и делятся только вдоль [переплетом], есть окна, окончивающие<ся> вверх правильным треугольником, стрельчатую аркою, есть [двойные, тройные] окна, соедин<енные> по два, по три вместе. Будучи размещены строгим и тонким вкусом, они скрасят здание. Но главное правило то, чтобы окна делать большого размера и погуще их, особливо в ту сторону, где солнце. Через это дом будет весел. Всегда лучше, ежели дом более высок, нежели [широк] и длинен, и потому дом, имеющий слишком длинный фасад, лучше делить таким образом, чтобы он казался двумя или тремя домами, чтобы единственно по соединении [можно наблюдать] его видно было только симметрию. [К этому месту, по-видимому, относится вставка в конце

страницы: Но между рядом узких и высоких домов [не дурно] не мешает иногда поместить <ть> и длинные, раз <у>меется, чтобы [эти] они не были похожи на ту гладкую, неуклюжую длину, какую обыкновенно положили у нас употреблять для казарм, конюшен и других зданий] Но для архитектора, одаренного гением, можно представить столько бесчисленных оттенков [Так в рукописи.] [различия], какие не могут прийти на ум нам, пишущим только <о> том, что ему назначено исполнять на деле. Но как только архитектор коснулся здания, [не для] назначенного не для существенных и мелких выгод человека, его должна в ту же минуту осенить мысль о великом, он должен разом оторваться от низменных расчетов, развязать все [препятствия] вериги, связывающие свободную мысль и волебно-прекрасную устремить к небу

Архитектор-творец должен иметь глубокое познание во всех родах зодчества.

Истинный архитектор

Он менее всего должен пренебрегать вку-

сом тех народов, которым мы в отношении художеств обыкновенно оказываем презрение.

в художественном отношении

Он менее всего должен пренебрегать вкусом тех народов, которым мы в отношении художеств обыкновенно оказываем презрение.

а. привык<ли>

б. обыкновенно<енно> показываем

Но самое главное: должен изучить всё в идее, а не в мелочной наружной форме и частях. Но для того, чтобы изучить в идее, нужно быть ему гением и поэтом.

Тогда они соста<вят> ему великий запас. Но [впрочем для это] [более всего ему должно] гению, умевшему бы вдруг схватить [резкое] физиогномию каждого <...> [Это] У него <2 нрзб.> ничего не значить если он обременен [занят] всеми чертами [стр<оения>] здания. Сколько ни затверди он имен, сколько ни заметь он последние [точки] <1 нрзб.>, все украшения здания, он всё будет мелок, ничто-

жен и пуст, если не имеет истинного гения, если он не поэт. [Общая] Идея здания ему во веки будет недоступна. Он будет похож на [того] любопытного в басне Крылова, который заметил букашек и таракашек, но не заметил слона.

Но обратимся к архитектуре городов.
к городу

Город нужно строить таким образом, чтобы каждая часть, каждая отдельно взятая масса домов представляла живой пейзаж.

отдельн<ая> и не отде<льная> масса
дом<ов>

Город нужно строить таким образом, чтобы каждая часть, каждая отдельно взятая масса домов представляла живой пейзаж.

могла представить пестрый пейзаж

Нужно толпе домов придать игру, чтобы она, если можно так выразиться, заиграла резкостями, чтобы она вдруг врезалась в память и преследовала бы воображение.

Нужно непременно толпе

Нужно толпе домов придать игру, чтобы она, если можно так выразиться, заиграла резкостями, чтобы она вдруг врезалась в память и преследовала бы воображение.

заиграла контрастами, резкостями

Нужно толпе домов придать игру, чтобы она, если можно так выразиться, заиграла резкостями, чтобы она вдруг врезалась в память и преследовала бы воображение.

а. так чтобы ее

б. так, чтобы она вдруг

Есть такие виды, которые век помнишь, и есть такие, которых при всех усилиях не можешь заметить в памяти.

[и] есть такие виды

Есть такие виды, которые век помнишь, и есть такие, которых при всех усилиях не можешь заметить в памяти.

которые, бог знает, сколько употребляешь

времени, чтобы заметить

Зодчество грубее и вместе колоссальнее других искусств, как-то: живописи, скульптуры и музыки, и потому эффект его — в эффекте.

Архитектура грубее

Зодчество грубее и вместе колоссальнее других искусств, как-то: живописи, скульптуры и музыки, и потому эффект его — в эффекте.

эффект ее

Масса города имеет уже тем выгоду, что ее вдруг можно изменить, исправить по своему произволу.

тем имеет выгоду для художника

Масса города имеет уже тем выгоду, что ее вдруг можно изменить, исправить по своему произволу.

поправить [и до]

Иногда одно только строение среди ее — и

она совершенно изменяет вид свой, принимает другое выражение; так, как всякой рисунок ученика вдруг оживляется под кистью или карандашом его учителя, который в одном месте подкрепит, в другом отделит, в третьем только тронет, — и всё уже не то.

между ними

Иногда одно только строение среди ее — и она совершенно изменяет вид свой, принимает другое выражение; так, как всякой рисунок ученика вдруг оживляется под кистью или карандашом его учителя, который в одном месте подкрепит, в другом отделит, в третьем только тронет, — и всё уже не то.

а. уже вся

б. уже оно изменяет вид ее

Иногда одно только строение среди ее — и она совершенно изменяет вид свой, принимает другое выражение; так, как всякой рисунок ученика вдруг оживляется под кистью или карандашом его учителя, который в одном месте подкрепит, в другом отделит, в третьем только тронет, — и всё уже не то.

она принимает совершенно другое выражение

Иногда одно только строение среди ее — и она совершенно изменяет вид свой, принимает другое выражение; так, как всякой рисунок ученика вдруг оживляется под кистью или карандашом его учителя, который в одном месте подкрепит, в другом отделит, в третьем только тронет, — и всё уже не то.

а. как

б. так же, как негодный и вялый рисунок

Иногда одно только строение среди ее — и она совершенно изменяет вид свой, принимает другое выражение; так, как всякой рисунок ученика вдруг оживляется под кистью или карандашом его учителя, который в одном месте подкрепит, в другом отделит, в третьем только тронет, — и всё уже не то.

тронет кистью, и рисунок заиграл вдруг и выходит совершенно другим

Притом самые ошибки уже подают идею о том, как избежать их, бесхарактерное подает

мысль о характерном, мелкое и плоское вызывают в противоположность дерзкое и необыкновенное, углубление вниз подает идею о возвышении вверх и наоборот.

Притом гению всё дает пищу. Самые ошибки уже дают ему идею и понуждают к противн<ому?> [совершенно] и открывают совершенно новую мысль поправить их <1 нрзб.>, превратить во что-то оригинальное

Притом самые ошибки уже подают идею о том, как избежать их, бесхарактерное подает мысль о характерном, мелкое и плоское вызывают в противоположность дерзкое и необыкновенное, углубление вниз подает идею о возвышении вверх и наоборот.

Самые плоскости уже вызывают из него в противоположность им неплоское

Притом самые ошибки уже подают идею о том, как избежать их, бесхарактерное подает мысль о характерном, мелкое и плоское вызывают в противоположность дерзкое и необыкновенное, углубление вниз подает идею о возвышении вверх и наоборот.

дает ему идею

Гений — богач страшный, перед которым
ничто весь мир и все сокровища.
и все его [золотые] сокровища

При построении городов нужно обращать
внимание на положение земли.

Больше всего нужно обращать внимание
на положение городов

Города строятся или на возвышении и хол-
мах, или на равнинах.

а. Два рода

б. Обыкновенно два рода бывает горо-
до<в>, город на возвышении и холм<ах> и го-
род на равнине

Город на возвышении менее требует искус-
ства, потому что там природа работает уже
сама, то подымает дома на величественных
холмах своих и кажет их великанами из-за
других домов, то опускает их вниз, чтобы
дать вид другим.

Первый

Город на возвышении менее требует искусства, потому что там природа работает уже сама, то подымает дома на величественных холмах своих и кажет их великанами из-за других домов, то опускает их вниз, чтобы дать вид другим.

уже природа работает

Город на возвышении менее требует искусства, потому что там природа работает уже сама, то подымает дома на величественных холмах своих и кажет их великанами из-за других домов, то опускает их вниз, чтобы дать вид другим.

она подымает

Город на возвышении менее требует искусства, потому что там природа работает уже сама, то подымает дома на величественных холмах своих и кажет их великанами из-за других домов, то опускает их вниз, чтобы дать вид другим.

нет.

В нем можно более употреблять гладких и одинаковых домов, потому что неровное положение земли уже дает им некоторым образом разнообразие, помещая их в разных местоположениях.

одинаких, обыкновенных<?> прямых домов

В нем можно более употреблять гладких и одинаковых домов, потому что неровное положение земли уже дает им некоторым образом разнообразие, помещая их в разных местоположениях.

потому что разное

В нем можно более употреблять гладких и одинаковых домов, потому что неровное положение земли уже дает им некоторым образом разнообразие, помещая их в разных местоположениях.

а. Как в тексте

б. измен<ение> земли

В нем можно более употреблять гладких и одинаковых домов, потому что неровное по-

ложение земли уже дает им некоторым образом разнообразие, помещая их в разных местоположениях.

дает каждому <?> разную физиогномию

В нем можно более употреблять гладких и одинаковых домов, потому что неровное положение земли уже дает им некоторым образом разнообразие, помещая их в разных местоположениях.

помещая его не в одинаком положении

Нужно наблюдать только, чтобы дома показывали свою вышину один из-за другого, так, чтобы стоящему у подошвы казалось, что на него глядит двадцатиэтажная масса.

Там нужно наблюдать

Нужно наблюдать только, чтобы дома показывали свою вышину один из-за другого, так, чтобы стоящему у подошвы казалось, что на него глядит двадцатиэтажная масса.

шли террасами, возвышаясь один на другом

Там мало нужно искусства, где природа одолевает искусство; там искусство, только для того, чтобы украсить ее.

Этот город всегда грозно величественен. Итак, природа одолевает искусство, по крайней мере искусство только украшает ее.

Но где положение земли гладко совершенно, где природа спит, там должно работать искусство во всей силе.

а. Но где природа гладка и однообра<зна>

б. Но где положение земли совершенно гладко и ровно [город должен]

Но где положение земли гладко совершенно, где природа спит, там должно работать искусство во всей силе.

там должно работать, во всей силе работать искусство

Оно должно пропестрить, если можно сказать, изрыть, скрыть, равнину, оживить мертвенность гладкой пустыни.

изреза<ть>

Здесь однообразии и простота домов будет большая погрешность.

гладкость домов

Здесь однообразии и простота домов будет большая погрешность.

страшная погрешность

Здесь архитектура должна быть как можно своенравнее: принимать суровую наружность, показывать веселое выражение, дышать древностью, блестеть новостью, обдавать ужасом, сверкать красотой, быть то мрачной, как день, обхваченный грозой с громовыми облаками, то ясною, как утро в солнечном сиянии.

грациозное выражение

Здесь архитектура должна быть как можно своенравнее: принимать суровую наружность, показывать веселое выражение, дышать древностью, блестеть новостью, обдавать ужасом, сверкать красотой, быть то мрачной, как день, обхваченный грозой с громовыми облаками, то ясною, как утро в

солнечном сиянии.

обольщать красотою?>

Здесь архитектура должна быть как можно своенравнее: принимать суровую наружность, показывать веселое выражение, дышать древностью, блестеть новостью, обладать ужасом, сверкать красотою, быть то мрачной, как день, обхваченный грозой с громовыми облаками, то ясною, как утро в солнечном сиянии.

быть ясною

Здесь архитектура должна быть как можно своенравнее: принимать суровую наружность, показывать веселое выражение, дышать древностью, блестеть новостью, обладать ужасом, сверкать красотою, быть то мрачной, как день, обхваченный грозой с громовыми облаками, то ясною, как утро в солнечном сиянии.

потопленное в солнечном сиянии

Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и

предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе.

великая летопись мира

Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе.

Гово<рит?>

Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе.

когда уже ни [песни] предания, ни песни, ни монеты, ничто не говорит

Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе.

а. о существовании погибшего народа

б. о погибшей стране

Пусть же она, хоть отрывками, является

среди ~ собственного возвышения.

а. напоминает нам о то<м>

б. является в городах, [как пуст<ынник?>]
[как старец, вышедший на свет из полувекового св<оего?> заключения] напоминает о том, что[-нибудь<?>] <3 нрзб.> народе [что] живет искусство. Пусть она разом погружает нас в воспоминание и движет духовную нашу деятельность

Неужели однако же невозможно создание (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежних условий?

Но неужели

Неужели однако же невозможно создание (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежних условий?

нет.

Неужели однако же невозможно создание (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежних

условий?

а. совершенно отдел<ьной?>

б. совершенно особенной, новой

Неужели однако же невозможно создание (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежних условий?

а. мимо всех услов<ий>

б. мимо всех прежних условий

(сноска) Мне прежде приходила очень странная мысль: я думал, что весьма не мешало бы иметь в городе одну такую улицу, которая бы вмещала в себе архитектурную летопись.

Мне часто

(сноска) Мне прежде приходила очень странная мысль: я думал, что весьма не мешало бы иметь в городе одну такую улицу, которая бы вмещала в себе архитектурную летопись.

я думал всё о том

(сноска) Мне прежде приходила очень странная мысль: я думал, что весьма не мешало бы иметь в городе одну такую улицу, которая бы вмещала в себе архитектурную летопись.

которая вмещала бы

(сноска) Чтобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами, — прошедши которые, зритель видел бы с двух сторон возвышающиеся величественные здания первобытного дикого вкуса, общего первоначальным народам.

а. вошедши

б. прошедши ворота

(сноска) Чтобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами, — прошедши которые, зритель видел бы с двух сторон возвышающиеся величественные здания первобытного дикого вкуса, общего первоначальным народам.

громад<ные> [тяжелые] и величественные здания

(сноска) Чтобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами, — прошедши которые, зритель видел бы с двух сторон возвышающиеся величественные здания первобытного дикого вкуса, общего первоначальным народам.

всем первоначальным народам

(сноска) Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готическою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в

себе стихии нового вкуса.

в стройную красавицу греческую в полном
соверш<енстве>

(сноска) Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готическою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса.

александрийского вкуса

(сноска) Потом постепенное изменение ее

в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готическою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса.

с плоскими куполами [и раскидистую]

(сноска) Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в рим-

скую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готическою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса.

<1 нрзб.> пеструю

(сноска) Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готиче-

скою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса.

с арками и колоннами

(сноска) Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готическою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица

оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса.

потом вдруг снова начинающе<ся> диким временем

(сноска) Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готическою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса.

а. в <1 нрзб,>

б. потом<?> разом вознесшею<ся>

(сноска) Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готическою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смещением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса.

а. аравий<ской?>

б. богат<ой> прекрасной смелой аравийской

(сноска) Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в ко-

лоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готическою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса.

а. потом

б. и тут же подымающеюся в первоначальной дикости готическою

(сноска) Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и визан-

тийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готическою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса.

чисто готическою <4 нрзб.>

(сноска) Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, по-

том готико-арабскою, потом чисто готической, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса. ред.;

ЛБ18 — древнюю греческую;

Ар — древнею греческую

(сноска) Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готической, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к ви-

зантийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса.

в новом фраке

(сноска) Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готическою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса.

уже позаклучившими бы в себе все сти-

хии [нового] нашего вкуса

(сноска) Эта улица сделалась бы тогда в некотором отношении историею развития вкуса, и кто ленив перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать всё.

а. была бы историею всего человечества

б. тогда бы сделалась в некотором отношении историею всего человечества

(сноска) Эта улица сделалась бы тогда в некотором отношении историею развития вкуса, и кто ленив перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать всё.

а. и вместо

б. и кто ленив читать многотомную всеобщую историю

(сноска) Эта улица сделалась бы тогда в некотором отношении историею развития вкуса, и кто ленив перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать всё.

а. пройти бы по улице

б. пройти бы по ней

(сноска) Эта улица сделалась бы тогда в некотором отношении историею развития вкуса, и кто ленив перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать всё.

узнать минувшую жизнь человечества

Когда дикий и малоразвившийся человек, которому одна природа, еще грубо им понимаемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота и тайный инстинкт вкуса, отчего же мы, которых все способности так обширно развились, которые более видим и понимаем природу во всех ее тайных явлениях, — отчего же мы не производим ничего совершенно проникнутого таким богатством нашего познания?

человек [черпающ<ий>]

Когда дикий и малоразвившийся человек, которому одна природа, еще грубо им пони-

маемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота и тайный инстинкт вкуса, отчего же мы, которых все способности так обширно развились, которые более видим и понимаем природу во всех ее тайных явлениях, — отчего же мы не производим ничего совершенно проникнутого таким богатством нашего познания?

только еще грубо понимаемая им

Когда дикий и малоразвившийся человек, которому одна природа, еще грубо им понимаемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота и тайный инстинкт вкуса, отчего же мы, которых все способности так обширно развились, которые более видим и понимаем природу во всех ее тайных явлениях, — отчего же мы не производим ничего совершенно проникнутого таким богатством нашего познания?

служит руководителем

Когда дикий и малоразвившийся человек,

которому одна природа, еще грубо им понимаемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота и тайный инстинкт вкуса, отчего же мы, которых все способности так обширно развились, которые более видим и понимаем природу во всех ее тайных явлениях, — отчего же мы не производим ничего совершенно проникнутого таким богатством нашего познания?

и вдохновением [когда]

Когда дикий и малоразвившийся человек, которому одна природа, еще грубо им понимаемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота и тайный инстинкт вкуса, отчего же мы, которых все способности так обширно развились, которые более видим и понимаем природу во всех ее тайных явлениях, — отчего же мы не производим ничего совершенно проникнутого таким богатством нашего познания?

и этот создает творения, в которых

Когда дикий и малоразвившийся человек, которому одна природа, еще грубо им понимаемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота и тайный инстинкт вкуса, отчего же мы, которых все способности так обширно развились, которые более видим и понимаем природу во всех ее тайных явлениях, — отчего же мы не производим ничего совершенно проникнутого таким богатством нашего познания?

инстинкт вкуса и некоторое совершен<ство>

Когда дикий и малоразвившийся человек, которому одна природа, еще грубо им понимаемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота и тайный инстинкт вкуса, отчего же мы, которых все способности так обширно развились, которые более видим и понимаем природу во всех ее тайных явлениях, — отчего же мы не производим ничего совершенно проникнутого таким богатством нашего познания?

отчего же народ

Когда дикий и малоразвившийся человек, которому одна природа, еще грубо им понимаемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота и тайный инстинкт вкуса, отчего же мы, которых все способности так обширно развились, которые более видим и понимаем природу во всех ее тайных явлениях, — отчего же мы не производим ничего совершенно проникнутого таким богатством нашего познания?

а. так безгранично

б. так огромно

Когда дикий и малоразвившийся человек, которому одна природа, еще грубо им понимаемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота и тайный инстинкт вкуса, отчего же мы, которых все способности так обширно развились, которые более видим и понимаем природу во всех ее тайных явлениях, — отчего же мы не производим ничего совершенно

проникнутого таким богатством нашего познания?

а. видим природу и дивные ее <1 нрзб.>

б. видим и понимаем

Когда дикий и малоразвившийся человек, которому одна природа, еще грубо им понимаемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота и тайный инстинкт вкуса, отчего же мы, ~ нашего познания?

почему же мы не производим совершенно оригинального

Идея для зодчества вообще была черпана из природы, но тогда, когда человек сильно чувствовал на себе ее влияние; теперь же искусство поставил он выше самой природы, — разве не может он черпать своих идей из самого искусства или, лучше сказать, из гармонического слияния природы с искусством?

для архитектуры

Идея для зодчества вообще была черпана из природы, но тогда, когда человек сильно

чувствовал на себе ее влияние; теперь же искусство поставил он выше самой природы, — разве не может он черпать своих идей из самого искусства или, лучше сказать, из гармонического слияния природы с искусством?

черпана была

Идея для зодчества вообще была черпана из природы, но тогда, когда человек сильно чувствовал на себе ее влияние; теперь же искусство поставил он выше самой природы, — разве не может он черпать своих идей из самого искусства или, лучше сказать, из гармонического слияния природы с искусством?

чувствовал ~ влияние [Природа]

Идея для зодчества вообще была черпана из природы, но тогда, когда человек сильно чувствовал на себе ее влияние; теперь же искусство поставил он выше самой природы, — разве не может он черпать своих идей из самого искусства или, лучше сказать, из гармонического слияния природы с искусством?

Но человек [<1 нрзб.>] искусство поставил теперь

Рассмотрите только, какую страшную изобретательность показал он на мелких изделиях утонченной роскоши; рассмотрите все эти модные безделицы, которые каждый день являются и гибнут, рассмотрите их, хотя в микроскоп, если так они не останавливают вашего внимания.

какую он страшную изобретательность показал

Рассмотрите только, какую страшную изобретательность показал он на мелких изделиях утонченной роскоши; рассмотрите все эти модные безделицы, которые каждый день являются и гибнут, рассмотрите их, хотя в микроскоп, если так они не останавливают вашего внимания.

модные безделушки

Рассмотрите только, какую страшную изобретательность показал он на мелких изделиях утонченной роскоши; рассмотрите все эти модные безделицы, которые каждый день являются и гибнут, рассмотрите их, хотя в

микроскоп, если так они не останавливают
вашего внимания.

кучей являются

Рассмотрите только, какую страшную
изобретательность показал он на мелких из-
делиях утонченной роскоши; рассмотрите все
эти модные безделицы, которые каждый день
являются и гибнут, рассмотрите их, хотя в
микроскоп, если так они не останавливают
вашего внимания.

рассмотрите, хоть

Рассмотрите только, какую страшную
изобретательность показал он на мелких из-
делиях утонченной роскоши; рассмотрите все
эти модные безделицы, которые каждый день
являются и гибнут, рассмотрите их, хотя в
микроскоп, если так они не останавливают
вашего внимания.

если они так не останавливают внимания.

Какого они исполнены тонкого вкуса!
Какого тонкого вкуса они исполнены

какие принимают они совершенно небывалые прелестные формы!

новые, совершенно небывалые формы

Они создаются в таком особенном роде, который еще никогда не встречался.

како<й> никогда еще не видыван

Резьба и тонкая отделка их так незаимствованы и вместе с тем так хороши, что мы иногда долго любуемся ими, и увы!

так оригинальны, так незаимствованы ни отку<да> и вместе так хороши

Резьба и тонкая отделка их так незаимствованы и вместе с тем так хороши, что мы иногда долго любуемся ими, и увы!

долго разглядываем

вовсе не ощущаем жалости при виде, как гибнет вкус человека в ничтожном и временном, тогда как он был бы заметен в неподвижном и вечном.

<когда> видим

вовсе не ощущаем жалости при виде, как гибнет вкус человека в ничтожном и временном, тогда как он был бы заметен в неподвижном и вечном.

ум человека

Разве мы не можем эту раздробленную мелочь искусства превратить в великое?

из этого раздробленного на мелочи искусства извлечь великое

Неужели всё то, что встречается в природе, должно быть непременно только колонна, купол и арка!

Неужели мы видим вокруг себя только колонну, купол и арку

Сколько других ~ и поэт.

[Разве] И если мы де можем заимствовать целой идеи, потому что идея сильно велика, то разве не можем заимствовать этой роскоши совершенно новых украшений.

(сноска) Статья эта ~ и оригинальности.
нет.

АЛ-МАМУН

(Варианты по ЛБ18)

Ни один государь не принимал правления в такую блестящую эпоху своего, государства, как Ал-Мамун.

Нигде

Грозный калифат величественно возвышался на классической земле древнего мира.
на развалинах

Он обнимал на востоке всю цветущую юго-западную Азию и замыкался Индиєю, на западе он простирался по берегам Африки до Гибралтара.

Он обнимал всю цветущую юго-восточную Азию

Он обнимал на востоке всю цветущую юго-западную Азию и замыкался Индиєю, на западе он простирался по берегам Африки до Гибралтара.

он с<т>лался

Он обнимал на востоке всю цветущую юго-западную Азию и замыкался Индиєю, на западе он простирался по берегам Африки до Гибралтара.

а. и ограничивался?

б. и встречал Гибралтар

Сильный флот покрывал Средиземное море; Багдад, столица этого нового чудесного мира, видел повеления свои исполняющимися в отдаленных краях провинций; Бассора, Нигабур и Куфа зрели новообращенную Азию, стекающуюся в свои блестящие школы; Дамаск мог одеть всех сластолюбцев дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и араб уже думал, как бы осуществить на земле рай Магомета, создавал водопроводы, дворцы, целые леса пальм, где сладострастно били фонтаны и дымились благовония Востока.

флот успешен?

Сильный флот покрывал Средиземное море; Багдад, столица этого нового чудесного

мира, видел повеления свои исполняющимися в отдаленных краях провинций; Бассора, Нигабур и Куфа зрели новообращенную Азию, стекающуюся в свои блестящие школы; Дамаск мог одеть всех сластолюбцев дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и араб уже думал, как бы осуществить на земле рай Магомета, создавал водопроводы, дворцы, целые леса пальм, где сладострастно били фонтаны и дымились благовония Востока.

знойная столица

Сильный флот покрывал Средиземное море; Багдад, столица этого нового чудесного мира, видел повеления свои исполняющимися в отдаленных краях провинций; Бассора, Нигабур и Куфа зрели новообращенную Азию, стекающуюся в свои блестящие школы; Дамаск мог одеть всех сластолюбцев дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и араб уже думал, как бы осуществить на земле рай Магомета, создавал водопроводы, дворцы, целые леса пальм, где сладострастно били фонтаны и дымились благо-

вония Востока.

влекли всю новообращенную Азию в свои блестящие школы

Сильный флот покрывал Средиземное море; Багдад, столица этого нового чудесного мира, видел повеления свои исполняющимися в отдаленных краях провинций; Бассора, Нигабур и Куфа зрели новообращенную Азию, стекающуюся в свои блестящие школы; Дамаск мог одеть всех сластолюбцев дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и араб уже думал, как бы осуществить на земле рай Магомета, создавал водопроводы, дворцы, целые леса пальм, где сладострастно били фонтаны и дымились благовония Востока.

рай Магомета [Он]

Сильный флот покрывал Средиземное море; Багдад, столица этого нового чудесного мира, видел повеления свои исполняющимися в отдаленных краях провинций; Бассора, Нигабур и Куфа зрели новообращенную Азию, стекающуюся в свои блестящие школы;

Дамаск мог одеть всех сластолюбцев дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и араб уже думал, как бы осуществить на земле рай Магомета, создавал водопроводы, дворцы, целые леса пальм, где сладострастно били фонтаны и дымились благовония Востока.

леса садов

Сильный флот покрывал Средиземное море; Багдад, столица этого нового чудесного мира, видел повеления свои исполняющимися в отдаленных краях провинций; Бассора, Нигабур и Куфа зрели новообращенную Азию, стекающуюся в свои блестящие школы; Дамаск мог одеть всех сластолюбцев дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и араб уже думал, как бы осуществить на земле рай Магомета, создавал водопроводы, дворцы, целые леса пальм, где сладострастно били фонтаны и дымились благовония Востока.

дымились восточные благовония

И к такому развитию роскоши еще не успе-

ла привиться ни одна нравственная болезнь
политического общества.

развитию и роскоши

И к такому развитию роскоши еще не успе-
ла привиться ни одна нравственная болезнь
политического общества.

присоединиться

Все части этой великой империи, этого ма-
гометанского мира были связаны довольно
сильно, и связь эта укреплена была волею
необыкновенного Гаруна, который постигнул
все разнообразные способности своего наро-
да.

целого магометанского мира

Все части этой великой империи, этого ма-
гометанского мира были связаны довольно
сильно, и связь эта укреплена была волею
необыкновенного Гаруна, который постигнул
все разнообразные способности своего наро-
да.

укреплена была [мудрою]

Все части этой великой империи, этого магометанского мира были связаны довольно сильно, и связь эта укреплена была волею необыкновенного Гаруна, который постигнул все разнообразные способности своего народа.

который понял и

Он не был исключительно государь-философ, государь-политик, государь-воин или государь-литератор.

[или] государь философ, [или] государь-политик, или государь-воин

Просвещение чужеземное он прививал к своей нации в такой только степени, чтобы помочь развитию ее собственного.

Просвещение чуждое он прививал к арабам только в такой степени, чтобы помочь развитию их собственного

Гарун умел ~ определенно.

а. [Он] При азиатском [деспотизме] образе правления, где не столько страшен верховный властитель, сколько его наместники, же-

лающие каждый в свою очередь быть деспотом, он умел обуздать их страхом своей вездесущности. От визирских чертогов до последнего кадия всякой боялся встретить переоде<того> всезрящего калифа

б. При азиатском образе правления Гарун весь административный>

в. Как в тексте со следующими вариантами:

Гарун умел ускорить весь административный государственный ход и исполнение повелений страхом своей вездесущности.

государственный ход [стра<хом?>]

Гарун умел ускорить весь административный государственный ход и исполнение повелений страхом своей вездесущности.

[своих] повелений

Гарун умел ускорить весь административный государственный ход и исполнение повелений страхом своей вездесущности.

вездесущности. [В азиатских]

Наместники и эмиры, из которых каждый

обыкновенно стремится быть деспотом, опасались встретить всезрящего, переодетого калифа — и правление без законов двигалось крепко и определенно.

при азиатских формах правления

В таком виде принял государство Ал-Мамун, государь, которого Царьград назвал великодушным покровителем наук, которого имя история внесла в число благодетелей человеческого рода и который замыслил государство политическое превратить в государство муз.

Царьград называл

В таком виде принял государство Ал-Мамун, государь, которого Царьград назвал великодушным покровителем наук, которого имя история внесла в число благодетелей человеческого рода и который замыслил государство политическое превратить в государство муз.

который хотел политическое общество превратить

Он был одарен всею живостию и способно-
стию к долгому изучению.

жаждою

Его характер исполнен был благородства.

а. Он исполне<н>

б. Его характер ~ благородством

Он был влюблен в науку и влюблен совер-
шенно бескорыстно: он любил науку для нее
же самой, не думая о ее цели и применении.

для науки

Он был влюблен в науку и влюблен совер-
шенно бескорыстно: он любил науку для нее
же самой, не думая о ее цели и применении.

не думал

Он предался ей с исключительною стра-
стью.

с исключительным <...>

Многообъемлющий и точный философ
Греции не мог сойтись с их воображением,
слишком стремительным, слишком колос-

сальным и восточным, но аравийские ученые, занимаясь долгое время копотливою работою, уже несколько привыкнули к точности и формальности и оттого принялись за него с ученым энтузиазмом.

а. Он

б. Многообъемлющий философ Греции

Многообъемлющий и точный философ Греции не мог сойтись с их воображением, слишком стремительным, слишком колоссальным и восточным, но аравийские ученые, занимаясь долгое время копотливою работою, уже несколько привыкнули к точности и формальности и оттого принялись за него с ученым энтузиазмом.

не мог отвечать и сойт<ись>

Многообъемлющий и точный философ Греции не мог сойтись с их воображением, слишком стремительным, слишком колоссальным и восточным, но аравийские ученые, занимаясь долгое время копотливою работою, уже несколько привыкнули к точности и формальности и оттого принялись за

него с ученым энтузиазмом.

слишком стремительным и колоссальным

Многообъемлющий и точный философ Греции не мог сойтись с их воображением, слишком стремительным, слишком колоссальным и восточным, но аравийские ученые, занимаясь долгое время копотливою работою, уже несколько привыкнули к точности и формальности и оттого принялись за него с ученым энтузиазмом.

нашли в нем, в богатстве себе пищу

Эти бесконечные выводы, это облечение в видимость и порядок того, что они прежде чувствовали в душе пламенными отрывками, не могли не околдовать тогдашних ученых.

не могли не овладеть

Эти бесконечные выводы, это облечение в видимость и порядок того, что они прежде чувствовали в душе пламенными отрывками, не могли не околдовать тогдашних ученых.

ИХ

Воспитанный под их влиянием Ал-Мамун, исполненный истинной жажды просвещения, употреблял все старания ввести в свое государство этот чуждый дотоле греческий мир.

а. влюбился до страсти в мысль толкования<?>

б. и в душе исполненный истинной жажды просвещения <...>

Багдад распротер дружелюбные длани всему ученому тогдашнему свету.

тогдашнему миру

Милости калифа были открыты всякому, кто принадлежал к какому бы то ни было званию, какой бы ни был он религии, каких бы ни был исполнен противоречащих начал.

День<ги>

Милости калифа были открыты всякому, кто принадлежал к какому бы то ни было званию, какой бы ни был он религии, каких бы ни был исполнен противоречащих начал.

к какому [Далее над строкой написано и

зачеркнуто: бы] званию ученых [Далее начато: [Ца<рьградские>] Естественное дело, что более царьградские греки]

Естественно, что тогда более всего приносили свои познания в Багдад те, которые еще сохраняли в душе своей образ политеизма, облеченного христианскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммония Саккаса, Плотина и других последователей неоплатонизма, которые уже не находили поля для своих ученых ристаний в Царьграде, слишком занятом спорами о догмах христианства.

приб<ывали?>

Естественно, что тогда более всего приносили свои познания в Багдад те, которые еще сохраняли в душе своей образ политеизма, облеченного христианскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммония Саккаса, Плотина и других последователей неоплатонизма, которые уже не находили поля для своих ученых ристаний в Царьграде, слишком занятом спорами о догмах христи-

анства.

еще носили

Естественно, что тогда более всего приносили свои познания в Багдад те, которые еще сохраняли в душе своей образ политеизма, облеченного христианскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммония Саккаса, Плотина и других последователей новоплатонизма, которые уже не находили поля для своих ученых ристаний в Царьграде, слишком занятом спорами о догмах христианства.

а. обезображенными

б. христианскими идеями

Естественно, что тогда более всего приносили свои познания в Багдад те, которые еще сохраняли в душе своей образ политеизма, облеченного христианскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммония Саккаса, Плотина и других последователей новоплатонизма, которые уже не находили поля для своих ученых ристаний в Царьграде, слишком занятом спорами о догмах христи-

анства.

новоплатонических последователей и которые

Естественно, что тогда более всего приносили свои познания в Багдад те, которые еще сохраняли в душе своей образ политеизма, облеченного христианскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммония Саккаса, Плотина и других последователей новоплатонизма, которые уже не находили поля для своих ученых ристаний в Царьграде, слишком занятом спорами о догмах христианства.

слишком подавленном

Визири и эмиры старались окружить свой двор учеными пришельцами.

нет.

Очевидно, что административная часть была как будто чем-то второстепенным, что правители должны были многое, относящееся к управлению, поверять усмотрению своих секретарей и любимцев, что эти любимцы

были иногда вовсе невежды, часто получали пронырствами места, что всё это должно было отозваться на народе и впоследствии времени обрушиться на самих правителей.

Естест<венно>

Очевидно, что административная часть была как будто чем-то второстепенным, что правители должны были многое, относящееся к управлению, поверять усмотрению своих секретарей и любимцев, что эти любимцы были иногда вовсе невежды, часто получали пронырствами места, что всё это должно было отозваться на народе и впоследствии времени обрушиться на самих правителей.

поверять [совершенному] полномочному усмотрению

Очевидно, что административная часть была как будто чем-то второстепенным, что правители должны были многое, относящееся к управлению, поверять усмотрению своих секретарей и любимцев, что эти любимцы были иногда вовсе невежды, часто получали пронырствами места, что всё это должно бы-

ло отозваться на народе и впоследствии времени обрушиться на самих правителей.

вовсе невежи

Очевидно, что административная часть была как будто чем-то второстепенным, что правители должны были многое, относящееся к управлению, поверять усмотрению своих секретарей и любимцев, что эти любимцы были иногда вовсе невежды, часто получали пронырствами места, что всё это должно было отозваться на народе и впоследствии времени обрушиться на самих правителей.

получали иногда пронырствами своими места

Толпа теоретических философов и поэтов, занявших правительственные места, не может доставить государству твердого правления.

никогда почти не может

Их сфера совершенно отдельна; они пользуются верховным покровительством и текут по своей дороге.

Их область должна быть вовсе отдельна, их направление священнее и выше, они должны пользоваться покровительством, а не действовать в своей сфере, облекшись формою государственного слуги

Отсюда исключаются те великие поэты, которые соединяют в себе и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человека, проникли минувшее и прозрели будущее, которых глагол слышится всем народом.

Из этого без сомнения исключаются

Отсюда исключаются те великие поэты, которые соединяют в себе и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человека, проникли минувшее и прозрели будущее, которых глагол слышится всем народом.

[узрели] увидели будущее

Мудрые властители чествуют их своею бедою, берегут их драгоценную жизнь и опасаются подавить ее многосторонней деятель-

ностью правителя.

Их мудрые властители чествуют

Мудрые властители чествуют их своею бедою, берегут их драгоценную жизнь и опасаются подавить ее многосторонней деятельностью правителя.

Они берегут

Благородный Ал-Мамун истинно желал сделать счастливыми своих подданных.

бесчисленных

Он знал, что верный путеводитель к тому — науки, клонящиеся к развитию человека.

путеводитель к тому есть просвещение, науки

Он всеми силами заставлял своих подданных принимать вводимое им просвещение.

а. Он заставлял своих

б. Он подданных всеми силами заставлял

Но просвещение, вводимое Ал-Мамуном,

менее всего отвечало природным элементам и колоссальности воображения арабов.

силе, природным элементам

Но просвещение, вводимое Ал-Мамуном, менее всего отвечало природным элементам и колоссальности воображения арабов.

колоссальности арабского <...>

Лишенные энергии начала политеизма, обратившиеся в кучу слов, дерзко обезображенные идеи христианства, странно озарившие тогдашние науки, не слившиеся с ними, но, можно сказать, уничтожившие их своим преобладанием — представляли совершенный контраст пламенной природе араба, у которого воображение слишком потопляло тощие выводы холодного ума.

а. в который

б. под видом которых и

в. которыми облекались тогдашние науки

г. странно, вяло и недовольно и далее как в тексте.

Лишенные энергии начала политеизма,

обратившиеся в кучу слов, дерзко обезображенные идеи христианства, странно озарившие тогдашние науки, не слившиеся с ними, но, можно сказать, уничтожившие их своим преобладанием — представляли совершенный контраст пламенной природе араба, у которого воображение слишком потопляло тощие выводы холодного ума.

умалившие их

Лишенные энергии начала политеизма, обратившиеся в кучу слов, дерзко обезображенные идеи христианства, странно озарившие тогдашние науки, не слившиеся с ними, но, можно сказать, уничтожившие их своим преобладанием — представляли совершенный контраст пламенной природе араба, у которого воображение слишком потопляло тощие выводы холодного ума.

всё это представляло

Лишенные энергии начала политеизма, обратившиеся в кучу слов, дерзко обезображенные идеи христианства, странно озарившие тогдашние науки, не слившиеся с ними,

но, можно сказать, уничтожившие их своим преобладанием — представляли совершенный контраст пламенной природе араба, у которого воображение слишком потопляло тощие выводы холодного ума.

сухие, тощие выводы

Этот чудный народ не шел, а летел к своему развитию.

чудесный народ

Гений его вдруг оказывался в войне, торговле, искусствах, мануфактурах и роскошной поэзии Востока.

и в роскошной поэзии

Его доселе небывалые в истории человечества стихии вспыхнули богато, ярко, странно и совершенно оригинально.

стихии <вспыхнули> ярко, странно, пестро, сильно

Казалось, этот народ обещал дотоле невиданное совершенство нации.

он обещал доселе невиданное совершен-

ство народа

Но Ал-Мамун не понял его.

Но благородный и просвещенный Ал-Мамун не понял своего народа

Он упустил из вида великую истину: что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть, в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий.

а. И того еще более он не понял великой [пра<вды>] истины

б. Он еще более ~ истину

Он упустил из вида великую истину: что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть, в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий.

<1 нрзб.> образование

Он упустил из вида великую истину: что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть, в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий.

из собственных

Но для араба поле подвигов было заграждено этим бесплодным чужестранным просвещением.

Но поле подвигов для арабов

Самый космополитизм Ал-Мамуна, открывавшего вход в государство ученым всех партий, уже зашел несколько далеко.

в свое государство

Выгоды, которые в государстве получали христиане, не могли не возродить в собственных его подданных ненависти, а вместе и презрения к самым даже полезным их учреждениям, — и народ уже терял любовь к свое-

му калифу.

получали в государстве одни иностранцы

Выгоды, которые в государстве получали христиане, не могли не возродить в собственных его подданных ненависти, а вместе и презрения к самым даже полезным их учреждениям, — и народ уже терял любовь к своему калифу.

презрения и к самым их полезным учреждениям

Выгоды, которые в государстве получали христиане, не могли не возродить в собственных его подданных ненависти, а вместе и презрения к самым даже полезным их учреждениям, — и народ уже терял любовь к своему калифу.

к своему калифу. Правление Ал-Мамуна отзывалось тоже космополитизмом

В правлении Ал-Мамун был больше философ-теоретик, нежели философ-практик, каким бы должен быть государь.

Он был философ-теоретик

В правлении Ал-Мамун был больше философ-теоретик, нежели философ-практик, каким бы должен быть государь. ред.;

ЛБ18 — а не философ-практик;

Ар — нежели не философ-практик

Он знал жизнь своего народа из описаний, из рассказов других, а не изведал сам, как очевидец, как изведал его великий Гарун.

Он, кажется, знал

Он знал жизнь своего народа из описаний, из рассказов других, а не изведал сам, как очевидец, как изведал его великий Гарун.

из рассказов других, он получ<ил> это познание через другие руки

В азиатских образах правления, не имеющих определенных законов, вся административная часть падает на самого монарха, и потому деятельность его должна быть необыкновенна, внимание его должно быть вечно напряжено; он не может ввериться совершенно никому, и глаз его должен иметь многосто-

ронность Аргуса: минуту засни он — и его полномочные наместники вдруг возрастают, и государство наполняется миллионами деспотов.

вся [тягость] административная

В азиатских образах правления, не имеющих определенных законов, вся административная часть падает на самого монарха, и потому деятельность его должна быть необыкновенна, внимание его должно быть вечно напряжено; он не может ввериться совершенно никому, и глаз его должен иметь многосторонность Аргуса: минуту засни он — и его полномочные наместники вдруг возрастают, и государство наполняется миллионами деспотов.

а. деятель<ность>

б. [административная] деятельность

В азиатских образах правления, не имеющих определенных законов, вся административная часть падает на самого монарха, и потому деятельность его должна быть необыкновенна, внимание его должно быть вечно

напряжено; он не может верить совершенно никому, и глаз его должен иметь многосторонность Аргуса: минуту засни он — и его полномочные наместники вдруг возрастают, и государство наполняется миллионами деспотов.

а. глаза его устремлены на всех

б. внимание должно ~ напряжено

В азиатских образах правления, не имеющих определенных законов, вся административная часть падает на самого монарха, и потому деятельность его должна быть необыкновенна, внимание его должно быть вечно напряжено; он не может верить совершенно никому, и глаз его должен иметь многосторонность Аргуса: минуту засни он — и его полномочные наместники вдруг возрастают, и государство наполняется миллионами деспотов.

Минута усыпления монарха

В азиатских образах правления, не имеющих определенных законов, вся административная часть падает на самого монарха, и по-

тому деятельность его должна быть необыкновенна, внимание его должно быть вечно напряжено; он не может ввериться совершенно никому, и глаз его должен иметь многосторонность Аргуса: минуту засни он — и его полномочные наместники вдруг возрастают, и государство наполняется миллионами деспотов.

государство его

Христиане, которые стали наконец вмешиваться в административные должности, не могли узнать народного духа и обычаев земли.

Иностранцы, которые нача<ли> наконец получать и [государственные] административные должности

Притом самое иноверство их было невыносимо для араба, еще сохранявшего энтузиазм и нетерпимость.

самая разность их религии была невыносима

И когда имя Ал-Мамуна повторялось на

устах ученых тогдашнего века, когда его гостеприимство привлекало пестрые флаги к берегам сирийским, власть его внутри государства становилась между тем слабее.

на устах все<x> ученых

И когда имя Ал-Мамуна повторялось на устах ученых тогдашнего века, когда его гостеприимство привлекало пестрые флаги к берегам сирийским, власть его внутри государства становилась между тем слабее.

его власть между тем становилась слабее
внутри государства

Жители провинций, никогда не видавшие своего калифа, мало дорожили его именем.

Жители [отда<ленных>]

Военная сила ослабла.

нет.

Просвещение обыкновенно стремилось из Багдада, как из центра, уменьшаясь и угасая по мере приближения к отдаленным границам.

Просвещение стремившееся

Просвещение обыкновенно стремилось из Багдада, как из центра, уменьшаясь и угасая по мере приближения к отдаленным границам.

становилось темнее и угасало

Просвещение обыкновенно стремилось из Багдада, как из центра, уменьшаясь и угасая по мере приближения к отдаленным границам.

к отдаленным провинциям

На границах стояли войска, еще полные фанатизма, еще стремившиеся огнем и мечом водружать веру Магомета.

Там стояли

Сильные эмиры их, почувствовавши слабость связи Багдада, думали о независимости, и Ал-Мамун уже при жизни своей видел отторжение Персии, Индии и дальних провинций Африки.

Сильные прав<ители?>

Сильные эмиры их, почувствовав сла-
бость связи Багдада, думали о независимости,
и Ал-Мамун уже при жизни своей видел от-
торжение Персии, Индии и дальних провин-
ций Африки.

связи Багдада [уже]

Но, может быть, всё это неверное направ-
ление администрации было бы еще исправи-
мое зло, если бы Ал-Мамун не простер уже
слишком далеко своей любви к истине.

Наконец самую любовь свою к истине Ал-
Мамун простер слишком далеко. Над строка-
ми написано: Но может быть всё это невер-
ное направление администрации было бы
еще исправимое зло

Исполненный ума чисто теоретического,
будучи выше суеверий и предрассудков, бу-
дучи ближе ознакомлен с некоторыми дог-
мами христианства, нежели его предшествен-
ники, он не мог не видеть всех бесчисленных
противоречий, пламенных нелепостей, кото-
рые вырывались всеместно в постановлениях

исступленного творца Корана.

нет.

Исполненный ума чисто теоретического, будучи выше суеверий и предрассудков, будучи ближе познакомлен с некоторыми догмами христианства, нежели его предшественники, он не мог не видеть всех бесчисленных противоречий, пламенных нелепостей, которые вырывались всеместно в постановлениях испступленного творца Корана.

пламенных и грубых нелепостей

Исполненный ума чисто теоретического, будучи выше суеверий и предрассудков, будучи ближе познакомлен с некоторыми догмами христианства, нежели его предшественники, он не мог не видеть всех бесчисленных противоречий, пламенных нелепостей, которые вырывались всеместно в постановлениях испступленного творца Корана.

а. которыми наполнены

б. которые вырывались поминутно

Он решился очистить и преобразовать свя-

ценную книгу магометан и — в то самое время, когда еще все низшие государственные ступени, вся чернь была уверена, что она принесена с неба и когда усомниться в мало-важном постановлении ее уже считалось величайшим преступлением.

а. Он пред<принял?>

б. Он решился преобразовать, очистить, исправить

Он решился очистить и преобразовать священную книгу магометан и — в то самое время, когда еще все низшие государственные ступени, вся чернь была уверена, что она принесена с неба и когда усомниться в мало-важном постановлении ее уже считалось величайшим преступлением.

книгу магометан [книгу]

Он решился очистить и преобразовать священную книгу магометан и — в то самое время, когда еще все низшие государственные ступени, вся чернь была уверена, что она принесена с неба и когда усомниться в мало-важном постановлении ее уже считалось ве-

личайшим преступлением.

нет.

Он решился очистить и преобразовать священную книгу магометан и — в то самое время, когда еще все низшие государственные ступени, вся чернь была уверена, что она принесена с неба и когда усомниться в мало-важном постановлении ее уже считалось величайшим преступлением.

в каком-нибудь постановлении

Он решился очистить и преобразовать священную книгу магометан и — в то самое время, когда еще все низшие государственные ступени, вся чернь была уверена, что она принесена с неба и когда усомниться в мало-важном постановлении ее уже считалось величайшим преступлением.

считалось магометанами

Полугреческой образ мыслей Ал-Мамуна чуждался совершенно слепого энтузиазма его подданных.

а. Полухристианский

- б. Полугреческий
- в. Полуцареградский

Полугреческой образ мыслей Ал-Мамуна чуждался совершенно слепого энтузиазма его подданных.

не мог понять

Первым шагом к образованию своего народа он почитал истребление энтузиазма, того энтузиазма, который составлял существование народа аравийского, того энтузиазма, которому он обязан был всем своим развитием и блестящею эпохою, подорвать который значило подорвать политический состав всего государства.

Он считал первым шагом к образованию своего народа истребить энтузиазм, тот энтузиазм

Первым шагом к образованию своего народа он почитал истребление энтузиазма, того энтузиазма, который составлял существование народа аравийского, того энтузиазма, которому он обязан был всем своим развитием

и блестящею эпохою, подорвать который значило подорвать политический состав всего государства. ЛБ18

Ар — который составил

Первым шагом к образованию своего народа он почитал истребление энтузиазма, того энтузиазма, который составлял существование народа аравийского, того энтузиазма, которому он обязан был всем своим развитием и блестящею эпохою, подорвать который значило подорвать политический состав всего государства.

тот энтузиазм

Первым шагом к образованию своего народа он почитал истребление энтузиазма, того энтузиазма, который составлял существование народа аравийского, того энтузиазма, которому он обязан был всем своим развитием и блестящею эпохою, подорвать который значило подорвать политический состав всего государства.

обязан он

Первым шагом к образованию своего народа он почитал истребление энтузиазма, того энтузиазма, который составлял существование народа аравийского, того энтузиазма, которому он обязан был всем своим развитием и блестящею эпохою, подорвать который значило подорвать политический состав всего государства.

воль<ным?> развитием

Первым шагом к образованию своего народа он почитал истребление энтузиазма, того энтузиазма, который составлял существование народа аравийского, того энтузиазма, которому он обязан был всем своим развитием и блестящею эпохою, подорвать который значило подорвать политический состав всего государства.

блестящею своею жизнью

Первым шагом к образованию своего народа он почитал истребление энтузиазма, того энтузиазма, который составлял существование народа аравийского, того энтузиазма, которому он обязан был всем своим развитием

и блестящею эпохою, подорвать который значило подорвать политический состав всего государства.

подорвавши который, подрывалось и всё политическое тело государства

Ему нелепее, несообразнее всего казался Магометов рай, куда араб переносил всю чувственную земную жизнь свою, жизнь, назначенную для наслаждения и сладострастия.

нелепее всего, несообразнее

Но Ал-Мамун не принял в соображение того, что это постановление изверглось из огненного аравийского климата, из огненной природы араба, — что этот рай для магометанина есть великий оаз среди пустыни его жизни, что надежда в этот рай одна только заставляла чувственного араба терпеливо сносить бедность, притеснение, подавлять в душе своей зависть при виде утопающего в роскоши сибарита.

не сообразил

Но Ал-Мамун не принял в соображение то-

го, что это постановление изверглось из огненного аравийского климата, из огненной природы араба, — что этот рай для магометанина есть великий оаз среди пустыни его жизни, что надежда в этот рай одна только заставляла чувственного араба терпеливо сносить бедность, притеснение, подавлять в душе своей зависть при виде утопающего в роскоши сибарита.

а. что рай Магометов

б. что это<т> рай для его последова<телей>

Но Ал-Мамун не принял в соображение того, что это постановление изверглось из огненного аравийского климата, из огненной природы араба, — что этот рай для магометанина есть великий оаз среди пустыни его жизни, что надежда в этот рай одна только заставляла чувственного араба терпеливо сносить бедность, притеснение, подавлять в душе своей зависть при виде утопающего в роскоши сибарита.

а. что чувствен<ный> араб терпеливо сносил бедность, притеснение

б. что надежда в этот рай одна заставляла

~ притеснение

Мысль, что и он будет наконец находиться среди гурий, среди роскоши, превышающей роскошь земных владык, одна могла быть доступна для такой чувственности и цветистости воображения, какими природа наделила араба, и что, может быть, с дальнейшим только развитием его могла нечувствительно очиститься его вера.

утопать

Мысль, что и он будет наконец находиться среди гурий, среди роскоши, превышающей роскошь земных владык, одна могла быть доступна для такой чувственности и цветистости воображения, какими природа наделила араба, и что, может быть, с дальнейшим только развитием его могла нечувствительно очиститься его вера.

среди великолепнейшей роскоши, превышающей всяку<ю> земную

Мысль, что и он будет наконец находиться среди гурий, среди роскоши, превышающей

роскошь земных владык, одна могла быть доступна для такой чувственности и цветистости воображения, какими природа наделила араба, и что, может быть, с дальнейшим только развитием его могла нечувствительно очиститься его вера.

цветистого воображения

Мысль, что и он будет наконец находиться среди гурий, среди роскоши, превышающей роскошь земных владык, одна могла быть доступна для такой чувственности и цветистости воображения, какими природа наделила араба, и что, может быть, с дальнейшим только развитием его могла нечувствительно очиститься его вера.

[Но европеизм Ал-Мамун<a>]

Мысль, что и он будет наконец находиться среди гурий, среди роскоши, превышающей роскошь земных владык, одна могла быть доступна для такой чувственности и цветистости воображения, какими природа наделила араба, и что, может быть, с дальнейшим только развитием его могла нечувствительно очи-

ститься его вера.

а. дальнейшее развитие араба уже по начальным законам

б. с дальнейшим развитием араба

Мысль, что и он будет наконец находиться среди гурий, среди роскоши, превышающей роскошь земных владык, одна могла быть доступна для такой чувственности и цветистости воображения, какими природа наделила араба, и что, может быть, с дальнейшим только развитием его могла нечувствительно очиститься его вера.

могла бы только очиститься нечувствительно

Но Ал-Мамун не постигал азиатской природы своих подданных.

Но полуевропеизм Ал-Мамунов

Можно себе представить силу негодования многочисленного класса народа, когда распространились вести о преобразованиях калифовых.

когда дошли наконец до него вести

Как должен был принять это народ, который уже за одно покровительство христианам и привязанность к иностранцам обвинял гласно калифа в мотализме, или ереси?
народа который

Грубая толпа прежних точных исполнителей Корана жестоким упорством своим наконец заставила калифа взяться за оружие.
закоре<нелых> [букв<альных>] точных исполнителей

Гонением своим он воскресил опять в арабах дикой фанатизм, но уже не тот фанатизм, который сдвинул прежде кочевых обитателей Аравии в одну массу, — он произвел оппозиционный фанатизм, который растерзал массу, который посеял плевелы к недрах государства, который разбудил дикие страсти араба, который дал нож и яд ненависти в руки исступленных последователей ислама, который произвел множество ослепленных сект и ужаснее всего секту карматианов, долго еще свирепствовавшую под именем Сирийских

Убийц, во время крестовых походов.
он произвел

Гонением своим он воскресил опять в арабах дикой фанатизм, но уже не тот фанатизм, который сдвинул прежде кочевых обитателей Аравии в одну массу, — он произвел оппозиционный фанатизм, который растерзал массу, который посеял плевелы к недрах государства, который разбудил дикие страсти араба, который дал нож и яд ненависти в руки исступленных последователей ислама, который произвел множество ослепленных сект и ужаснее всего секту карматитанов, долго еще свирепствовавшую под именем Сирийских Убийц, во время крестовых походов.

оппозиционный фанатизм, фанатизм, который

Гонением своим он воскресил опять в арабах дикой фанатизм, но уже не тот фанатизм, который сдвинул прежде кочевых обитателей Аравии в одну массу, — он произвел оппозиционный фанатизм, который растерзал массу, который посеял плевелы к недрах госу-

дарства, который разбудил дикие страсти араба, который дал нож и яд ненависти в руки исступленных последователей ислама, который произвел множество ослепленных сект и ужаснее всего секту карматианов, долго еще свирепствовавшую под именем Сирийских Убийц, во время крестовых походов.

24 После «последователей ислама»: [посреди]

Гонением своим он воскресил опять в арабах дикой фанатизм, но уже не тот фанатизм, который сдвинул прежде кочевых обитателей Аравии в одну массу, — он произвел оппозиционный фанатизм, который растерзал массу, который посеял плевелы к недрах государства, который разбудил дикие страсти араба, который дал нож и яд ненависти в руки исступленных последователей ислама, который произвел множество ослепленных сект и ужаснее всего секту карматианов, долго еще свирепствовавшую под именем Сирийских Убийц, во время крестовых походов.

множество сект [и мнений]

Гонением своим он воскресил опять в арабах дикой фанатизм, но уже не тот фанатизм, который сдвинул прежде кочевых обитателей Аравии в одну массу, — он произвел оппозиционный фанатизм, который растерзал массу, который посеял плевелы к недрах государства, который разбудил дикие страсти араба, который дал нож и яд ненависти в руки иступленных последователей ислама, который произвел множество ослепленных сект и ужаснее всего секту карматианов, долго еще свирепствовавшую под именем Сирийских Убийц, во время крестовых походов.

ужаснее всех

Среди волнений, оказывавшихся в разных концах государства, среди смут и партий, рассыпая одною рукою благоденствия и милости на школы, фабрики, искусства, поражая другую непокорных, иступленных подданных, умер благородный Ал-Мамун.

И среди волнений

Среди волнений, оказывавшихся в разных концах государства, среди смут и партий, рас-

сыпая одною рукою благодаяния и милости на школы, фабрики, искусства, поражая другою непокорных, исступленных подданных, умер благородный Ал-Мамун.

а. на фабрики

б. на школы, фабрики и искусства

Среди волнений, оказывавшихся в разных концах государства, среди смут и партий, сыпая одною рукою благодаяния и милости на школы, фабрики, искусства, поражая другою непокорных, исступленных подданных, умер благородный Ал-Мамун.

и поражая другою

Среди волнений, оказывавшихся в разных концах государства, среди смут и партий, сыпая одною рукою благодаяния и милости на школы, фабрики, искусства, поражая другою непокорных, исступленных подданных, умер благородный Ал-Мамун.

своих подданных

Во всяком случае он дал поучительный урок.

а. он представил собою

б. он представил поучительный пример

Он показал собою государя, который при всем желании блага, при всей кротости сердца, при самоотвержении и необыкновенной страсти к наукам, был между прочим невольно одною из главных пружин, ускоривших падение государства.

После «показал собою»: [как]

Он показал собою государя, который при всем желании блага, при всей кротости сердца, при самоотвержении и необыкновенной страсти к наукам, был между прочим невольно одною из главных пружин, ускоривших падение государства.

при всей страстной любви к [благу] просвещению, при всем желании блага

Он показал собою государя, который при всем желании блага, при всей кротости сердца, при самоотвержении и необыкновенной страсти к наукам, был между прочим невольно одною из главных пружин, ускоривших

падение государства.

кротости своего сердца

Он показал собою государя, который при всем желании блага, при всей кротости сердца, при самоотвержении и необыкновенной страсти к наукам, был между прочим невольно одною из главных пружин, ускоривших падение государства.

при всем самоотвержении

Он показал собою государя, который при всем желании блага, при всей кротости сердца, при самоотвержении и необыкновенной страсти к наукам, был между прочим невольно одною из главных пружин, ускоривших падение государства.

пружин падения своего государства

ЖИЗНЬ

[Варианты, при которых шифр не указан, —
из ЛБ18]

(Варианты по ЛБ18 и ЛБ22)

Бедному сыну пустыни снился сон:
Бедному жителю

Лежит и расстилается великое Средиземное море, и с трех разных сторон глядят в него: палящие берега Африки с тонкими пальмами, сирийские голые пустыни и многолюдный, весь изрытый морем берег Европы.

глядят в него бер<ега>

Лежит и расстилается великое Средиземное море, и с трех разных сторон глядят в него: палящие берега Африки с тонкими пальмами, сирийские голые пустыни и многолюдный, весь изрытый морем берег Европы.

движущийся, многолюдней, изрытый

Пирамида над пирамидою; граниты глядят серыми очами, обтесанные в сфинксов; идут бесчисленные ступени.

а. гранитные горы, превращенные

б. гранитные [горы] глядят обтесанные
ЛБ18;

ЛБ22 — граниты глядят серыми очами, обделанные

Пирамида над пирамидою; граниты глядят серыми очами, обтесанные в сфинксов; идут бесчисленные ступени.

ЛБ18 — идут ступени, бесчисленные ступени, покрытые народом

ЛБ22 — идут величавые ступени

Стоит он величавый, питаемый великим Нилом, весь убранный таинственными знаками и священными зверями.

убранный

Стоит он величавый, питаемый великим Нилом, весь убранный таинственными знаками и священными зверями.

убранный мумиями, жрецами [таинствен<ными>] [священными] таинственными зверями [и священными?>]

Стоит и неподвижен, как очарованный,
как мумия, несокрушимая тлением.
несокрушаемая

Стоит и неподвижен, как очарованный,
как мумия, несокрушимая тлением.
После «тлением»: [Цветут]

Раскинула вольные колонии веселая Греция.
нет.

Кишат на Средиземном море острова, по-топленные зелеными рощами; кинамон, виноградные лозы, смоковницы помавают облитыми медом ветвями; колонны, белые как перси девы, круглятся в роскошном мраке древесном; мрамор страстный дышит, зажженный чудным резцом, и стыдливо любит свою прекрасною наготою; увитая гроздиями, с тирсами и чашами в руках, она оста-

новилась в шумной пляске.

а. острова бесчисленные

б. острова как пегины<?> при берегу

Кишат на Средиземном море острова, потопленные зелеными рощами; кинамон, виноградные лозы, смоковницы помавают облитыми медом ветвями; колонны, белые как перси девы, круглятся в роскошном мраке древесном; мрамор страстный дышит, зажженный чудным резцом, и стыдливо любит свою прекрасною наготою; увитая гроздиями, с тирсами и чашами в руках, она остановилась в шумной пляске.

а. все в гармонических

б. все потопленные

Кишат на Средиземном море острова, потопленные зелеными рощами; кинамон, виноградные лозы, смоковницы помавают облитыми медом ветвями; колонны, белые как перси девы, круглятся в роскошном мраке древесном; мрамор страстный дышит, зажженный чудным резцом, и стыдливо любит свою прекрасною наготою; увитая гроз-

диями, с тирсами и чашами в руках, она остановилась в шумной пляске.

колонны [белые] как обла<ка>

Кишат на Средиземном море острова, потопленные зелеными рощами; кинамон, виноградные лозы, смоковницы помавают облитыми медом ветвями; колонны, белые как перси девы, круглятся в роскошном мраке древесном; мрамор страстный дышит, зажженный чудным резцом, и стыдливо любит свою прекрасною наготою; увитая гроздиями, с тирсами и чашами в руках, она остановилась в шумной пляске.

мрамор нежный

Кишат на Средиземном море острова, потопленные зелеными рощами; кинамон, виноградные лозы, смоковницы помавают облитыми медом ветвями; колонны, белые как перси девы, круглятся в роскошном мраке древесном; мрамор страстный дышит, зажженный чудным резцом, и стыдливо любит свою прекрасною наготою; увитая гроздиями, с тирсами и чашами в руках, она оста-

новилась в шумной пляске.

оживленный

Кишат на Средиземном море острова, потопленные зелеными рощами; кинамон, виноградные лозы, смоковницы помавают облитыми медом ветвями; колонны, белые как перси девы, круглятся в роскошном мраке древесном; мрамор страстный дышит, зажженный чудным резцом, и стыдливо любит свою прекрасною наготою; увитая гроздиями, с тирсами и чашами в руках, она оставилась в шумной пляске.

и любит и стыдится

Кишат на Средиземном море острова, потопленные зелеными рощами; кинамон, виноградные лозы, смоковницы помавают облитыми медом ветвями; колонны, белые как перси девы, круглятся в роскошном мраке древесном; мрамор страстный дышит, зажженный чудным резцом, и стыдливо любит свою прекрасною наготою; увитая гроздиями, с тирсами и чашами в руках, она оставилась в шумной пляске.

увитый

Кишат на Средиземном море острова, потопленные зелеными рощами; кинамон, виноградные лозы, смоковницы помавают облитыми медом ветвями; колонны, белые как перси девы, круглятся в роскошном мраке древесном; мрамор страстный дышит, зажженный чудным резцом, и стыдливо любит свою прекрасною наготою; увитая гроздиями, с тирсами и чашами в руках, она остановилась в шумной пляске.

народ остановился

Жрицы молодые и стройные с разметанными кудрями вдохновенно вонзили свои черные очи.

Жрицы с черными очами и разметанными кудрями вдохновенно вонзили <...>

Тростник, связанный в цевницу, тимпаны, мусикийские орудия мелькают, перевитые плющом.

Звонкий тростник <1 нрзб.> связан в цевницу

Тростник, связанный в цевницу, тимпаны,
музыкальные орудия мелькают, перевитые
плющом.

и музыкальные орудия

Тростник, связанный в цевницу, тимпаны,
музыкальные орудия мелькают, перевитые
плющом.

лежат небрежно разбросанные по вет-
вям древесным

Корабли как мухи толпятся близ Родоса и
Корциры, подставляя сладострастно выгибаю-
щийся флаг дыханию ветра.

толпятся под Родосом, Корсирою и закры-
вают всё Архипелагское море

И всё стоит неподвижно, как бы в окамене-
лом величии.

в окаменелом, неподвижном величии

Стоит и распростирается железный Рим,
устремляя лес копий и сверкая грозною ста-
лью мечей, вперив на всё завистливые очи и

протянув свою жилистую десницу.

Стоит на италийском берегу

Стоит и распростирается железный Рим,
устремляя лес копий и сверкая грозною ста-
лью мечей, вперив на всё завистливые очи и
протянув свою жилистую десницу.

устремив

Стоит и распростирается железный Рим,
устремляя лес копий и сверкая грозною ста-
лью мечей, вперив на всё завистливые очи и
протянув свою жилистую десницу.

сверкая светом

Стоит и распростирается железный Рим,
устремляя лес копий и сверкая грозною ста-
лью мечей, вперив на всё завистливые очи и
протянув свою жилистую десницу.

Перед «вперив ~ очи»: [грубый, суровый, с
львиными]

Стоит и распростирается железный Рим,
устремляя лес копий и сверкая грозною ста-
лью мечей, вперив на всё завистливые очи и

протянув свою жилистую десницу.
и протянувши

Но он неподвижен, как и всё, и не тронется
львиными членами.
нежится<?>

Весь воздух небесного океана висел сжа-
тый и душный.

Перед «Весь воздух» начато: Вместе с

Великое Средиземное море не шелохнет,
как будто бы царства предстали все на страш-
ный суд перед кончиною мира.

а. как будто умер

б. как будто царства предстали

Великое Средиземное море не шелохнет,
как будто бы царства предстали все на страш-
ный суд перед кончиною мира.

перед концом мира

И говорит Египет, помавая тонкими паль-
мами, жилицами его равнин, и устремляя иг-
лы своих обелисков: «Народы, слушайте!»

пом<ав>ая пальмами своих равнин

И говорит Египет, помавая тонкими паль-
мами, жилицами его равнин, и устремляя иг-
лы своих обелисков: «Народы, слушайте!»
подым<ая> иглы своих <1 нрзб.> обелисков

И говорит Египет, помавая тонкими паль-
мами, жилицами его равнин, и устремляя иг-
лы своих обелисков: «Народы, слушайте!»
Всё суета!

Всё тлен.

После «Всё тлен»: [всё прах]

Прочь желания и наслаждения!
желание и наслаждение

И говорит ясный, как небо, как утро, как
юность, светлый мир греков, и, казалось, вме-
сто слов, слышалось дыхание цевницы:
«Жизнь сотворена для жизни».
как день

И говорит ясный, как небо, как утро, как

юность, светлый мир греков, и, казалось, вме-
сто слов, слышалось дыхание цевницы:
«Жизнь сотворена для жизни».

как [<1 нрзб.> волны]

И говорит ясный, как небо, как утро, как
юность, светлый мир греков, и, казалось, вме-
сто слов, слышалось дыхание цевницы:
«Жизнь сотворена для жизни».

<1 нрзб.> цевницами

Развивай жизнь свою и развивай вместе с
нею ее наслаждения. Всё носи ему.

Развивай жизнь свою, [развивай всё, что]
и с нею всё, [что] составляет музыку жизни.
Всё для наслаждений, для наслаждений пре-
крас<ных>. Беден человек, ищущий не в себе
наслаждений, они в самодоволь<стве>. Беден
народ и государство, сохнувшее за расчетом
торговли и недовольное собою

Всё в мире; всё, чем ни владеют боги, всё в
нем; умеи находить его.

Всё в нем

Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель мира; венчай дубом и лавром прекрасное чело свое!

житель мира

мчись на колеснице, проворно правя конями, на блистательных играх.

а. гордо

б. пра<вя> гордыми конями

в. искусно пра<вя> конями

Далее корысть и жадность от вольной и гордой души!

Далее от

Резец, палитра и цевница созданы быть властителями мира, а властительницею их — красота.

Резец и палитра

Резец, палитра и цевница созданы быть властителями мира, а властительницею их — красота.

быть правителями

Увивай плющом и гроздием свою благо-
вонную главу и прекрасную главу стыдливой
подруги.

главу подруги. [Стремись к красоте, она од-
на <1 нрзб.> в мире]

И говорит покрытый железом Рим, потря-
сая блестящим лесом копий: «Я постигнул
тайну жизни человека.

мускулистый

И говорит покрытый железом Рим, потря-
сая блестящим лесом копий: „Я постигнул
тайну жизни человека.

возлежа на щитах и потря<сая>

Мал для души размер искусств и наслажде-
ний.

Мал размер для души

Презренна жизнь народов и человека без
громких подвигов.

жизнь и государства

Славы, славы жаждай, человек!

Слава и желание — удел человека

В порыве нерасказанного веселия, оглушенный звуком железа, несись на сомкнутых щитах бранноносных легионов!

[в вихре] оглушенный звуком и <...>

Слышишь ли, как у ног твоих собрался весь мир и, потрясая копьями, слился в одно восклицание?

Ты слышишь ли, как

Слышишь ли, как у ног твоих собрался весь мир и, потрясая копьями, слился в одно восклицание?

потрясая копья

Слышишь ли, как твое имя замирает страхом на устах племен, живущих на краю мира?

Ты слышишь ли, как твое [безымянное?] имя

Слышишь ли, как твое имя замирает страхом на устах племен, живущих на краю ми-

ра?

на устах отдаленных

Всё, что ни объемлет взор твой, наполняй
своим именем.

Оно наполнило весь, мир

Стремись вечно: нет границ миру — нет
границ и желанию.

Нет границ

Дикий и суровый, далее и далее захватывай
мир — ты завоюешь наконец небо“.

Больше и больше стремись дикий народ,
более захватывай [земли] мира

К востоку обратила и Греция свои влажные
от наслаждения, прекрасные очи; к востоку
обратил Египет свои мутные, бесцветные
очи.

обратил и Египет

К востоку обратила и Греция свои влажные
от наслаждения, прекрасные очи; к востоку
обратил Египет свои мутные, бесцвет-

ные очи.

раскосые<?> очи

Камениста земля; презренен народ; немногочисленная весь прислонилась к обнаженным холмам, изредка, неровно оттененным иссохшею смоковницею.

[бедный] [низ<кий>] невеликий город лепится

Камениста земля; презренен народ; немногочисленная весь прислонилась к обнаженным холмам, изредка, неровно оттененным иссохшею смоковницею.

осененным

За низкою и ветхою оградой стоит ослица.

а. Стоит ослица и в простых

б. Стоит за оград<ой> ослица

В деревянных яслях лежит младенец; над ним склонилась непорочная мать и глядит на него исполненными слез очами; над ним высоко в небе стоит звезда и весь мир осияла чудным светом.

исполненными влагою<?> слез очами

В деревянных яслях лежит младенец; над ним склонилась непорочная мать и глядит на него исполненными слез очами; над ним высоко в небе стоит звезда и весь мир осияла чудным светом.

светит звезда и тихо

Задумался древний Египет, увитый иероглифами, понижая ниже свои пирамиды; беспокойно глянула прекрасная Греция; опустил очи Рим на железные свои копья; приникла ухом великая Азия с народами-пастырями; нагнулся Арарат, древний прапращур земли...

беспокойно взирает

ШЛЕЦЕР, МИЛЛЕР И ГЕРДЕР

(Варианты по ЛБ18)

Шлецер, Миллер и Гердер были великие зодчие всеобщей истории.

Эти три мужа были великими зодчими

Он хотел одним взглядом обнять весь мир, всё живущее.

После „всё живущее“: [Он хотел тысячно]

Казалось, как будто бы он силился иметь сто аргусовых глаз, для того чтобы разом видеть сбывающееся во всех отдаленных углах мира.

он хотел

Казалось, как будто бы он силился иметь сто аргусовых глаз, для того чтобы разом видеть сбывающееся во всех отдаленных углах мира.

что[бы за одним] разом

Его слог — молния, почти вдруг блещущая

то там, то здесь и освещающая предметы на одно мгновение, но зато в ослепительной ясности.

а. освещающая на мгновение предметы

б. освещающая предметы на мгновение

Он имел достоинство в высшей степени сжимать всё в малообъемный фокус и двумя, тремя яркими чертами, часто даже одним эпитетом обозначать вдруг событие и народ.

в самый малообъемный фокус

Он имел достоинство в высшей степени сжимать всё в малообъемный фокус и двумя, тремя яркими чертами, часто даже одним эпитетом обозначать вдруг событие и народ.

[и] двумя тремя яркими мыслями

Он имел достоинство в высшей степени сжимать всё в малообъемный фокус и двумя, тремя яркими чертами, часто даже одним эпитетом обозначать вдруг событие и народ.

одним даже эпитетом

Его эпитеты удивительно горячи, дерзки,

кажутся плодом одной счастливой минуты, одного внезапного вдохновения и так исполнены резкой, поражающей правды, что не скоро бы пришли на ум определившему себя на долгое глубокое исследование, выключая только, если этот исследователь будет сам Шлецер.

никогда бы не пришли

Его эпитеты удивительно горячи, дерзки, кажутся плодом одной счастливой минуты, одного внезапного вдохновения и так исполнены резкой, поражающей правды, что не скоро бы пришли на ум определившему себя на долгое глубокое исследование, выключая только, если этот исследователь будет сам Шлецер.

разве этот

Он не был историк, и я думаю даже, что он не мог быть историком.

я думаю, что он даже

Его мысли слишком отрывисты, слишком горячи, чтобы улечься в гармоническую,

стройную текучесть повествования.

После „стройную текучесть“: [историка]

Он анализировал мир и все отжившие и живущие народы, а не описывал их; он рассекал весь мир анатомическим ножом, резал и делил на массивные части, располагал и отделял народы таким же образом, как ботаник распределяет растения по известным ему признакам.

все бывшие на нем

Он анализировал мир и все отжившие и живущие народы, а не описывал их; он рассекал весь мир анатомическим ножом, резал и делил на массивные части, располагал и отделял народы таким же образом, как ботаник распределяет растения по известным ему признакам.

не описывал его

Он анализировал мир и все отжившие и живущие народы, а не описывал их; он рассекал весь мир анатомическим ножом, резал и делил на массивные части, располагал и отде-

лял народы таким же образом, как ботаник распределяет растения по известным ему признакам.

рассекал его

Он анализировал мир и все отжившие и живущие народы, а не описывал их; он рассекал весь мир анатомическим ножом, резал и делил на массивные части, располагал и отделял народы таким же образом, как ботаник распределяет растения по известным ему признакам.

а. таким же образом ботаник

б. располагал народы

в. располагал и отделял народы таким же [самым] образом, как ботаник

И оттого начертание его истории, казалось бы, должно быть слишком скелетным и сухим; но, к удивлению, всё у него сверкает такими резкими чертами, могущественный удар его глаза так верен, что, читая этот сжатый эскиз мира, замечаешь с изумлением, что собственное воображение горит, расширяется и дополняет всё по такому же самому

закону, который определил Шлецер одним всемогущим словом, иногда оно стремится еще далее, потому что ему указана смелая дорога.

его начертание истории

И оттого начертание его истории, казалось бы, должно быть слишком скелетным и сухим; но, к удивлению, всё у него сверкает такими резкими чертами, могущественный удар его глаза так верен, что, читая этот сжатый эскиз мира, замечаешь с изумлением, что собственное воображение горит, расширяется и дополняет всё по такому же самому закону, который определил Шлецер одним всемогущим словом, иногда оно стремится еще далее, потому что ему указана смелая дорога.

казалось бы ему

И оттого начертание его истории, казалось бы, должно быть слишком скелетным и сухим; но, к удивлению, всё у него сверкает такими резкими чертами, могущественный удар его глаза так верен, что, читая этот сжа-

тый эскиз мира, замечаешь с изумлением, что собственное воображение горит, расширяется и дополняет всё по такому же самому закону, который определил Шлецер одним всемогущим словом, иногда оно стремится еще далее, потому что ему указана смелая дорога.

всё это исполнено

И оттого начертание его истории, казалось бы, должно быть слишком скелетным и сухим; но, к удивлению, всё у него сверкает такими резкими чертами, могущественный удар его глаза так верен, что, читая этот сжатый эскиз мира, замечаешь с изумлением, что собственное воображение горит, расширяется и дополняет всё по такому же самому закону, который определил Шлецер одним всемогущим словом, иногда оно стремится еще далее, потому что ему указана смелая дорога.

читая это сжатое его представление всего мира

Будучи одним из первых, тревожимых

мыслью о величии и истинной цели всеобщей истории, он долженствовал быть непременно гением оппозиционным.

он должен был непременно быть

Это положение сообщило ему сильную энергию, жар и даже досаду на близорукость предшественников, прорывающиеся очень часто в его сочинениях.

которая прорывается

Это положение сообщило ему сильную энергию, жар и даже досаду на близорукость предшественников, прорывающиеся очень часто в его сочинениях.

После „в его сочинениях“: [Слово]

Он уничтожает их одним громовым словом, и в этом одном слове соединяется и наслаждение, и сардоническая усмешка над пораженным, и вместе несокрушимая правда; его справедливее, нежели Канта, можно назвать всесокрушающим.

Он уничтожает часто

Он уничтожает их одним громовым словом, и в этом одном слове соединяется и наслаждение, и сардоническая усмешка над пораженным, и вместе несокрушимая правда; его справедливее, нежели Канта, можно назвать всесокрушающим.

После „наслаждение“: [над на<?>]

Всегда действующие в оппозиционном духе слишком увлекаются своим положением и в энтузиастическом порыве держатся только одного правила: противоречить всему прежнему.

Всегда почти действовавш<ие>

Всегда действующие в оппозиционном духе слишком увлекаются своим положением и в энтузиастическом порыве держатся только одного правила: противоречить всему прежнему.

а. предавались своим

б. предавались желанию

в. увлекались своим направле<нием> [и рано]

Всегда действующие в оппозиционном духе слишком увлекаются своим положением и в энтузиастическом порыве держатся только одного правила: противоречить всему прежнему.

в энтузиастическом порыве [своем] нечувствительно принимали правило принимать за истину то, что противуречит всему прежнему

В этом случае нельзя упрекнуть Шлецера: германский дух его стал неколебим на своем месте.

его дух

Он как строгий, всезрящий судия; его суждения резки, коротки и справедливы.

строгий, зор<кий>

Он как строгий, всезрящий судия; его суждения резки, коротки и справедливы.

суждения его

Он как строгий, всезрящий судия; его суждения резки, коротки и справедливы.

но всегда справедливы

Может, быть, некоторым покажется странным, что я говорю о Шлецере, как о великом зодчем всеобщей истории, тогда как его мысли и труды по этой части улеглись в небольшой книжке, изданной им для студентов, — но эта маленькая книжка принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь целые томы; ее можно сравнить с небольшим окошком, к которому приставивши глаз поближе можно увидеть весь мир.

мы говорим

Может, быть, некоторым покажется странным, что я говорю о Шлецере, как о великом зодчем всеобщей истории, тогда как его мысли и труды по этой части улеглись в небольшой книжке, изданной им для студентов, — но эта маленькая книжка принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь целые томы; ее можно сравнить с небольшим окошком, к которому приставивши глаз поближе можно увидеть весь мир.

труд улегся

Может, быть, некоторым покажется странным, что я говорю о Шлецере, как о великом зодчем всеобщей истории, тогда как его мысли и труды по этой части улеглись в небольшой книжке, изданной им для студентов, — но эта маленькая книжка принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь целые томы; ее можно сравнить с небольшим окошком, к которому приставивши глаз поближе можно увидеть весь мир.

к числу тех книг

Может, быть, некоторым покажется странным, что я говорю о Шлецере, как о великом зодчем всеобщей истории, тогда как его мысли и труды по этой части улеглись в небольшой книжке, изданной им для студентов, — но эта маленькая книжка принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь целые томы; ее можно сравнить с небольшим окошком, к которому приставивши глаз поближе можно увидеть весь мир.

читая которую

Может, быть, некоторым покажется странным, что я говорю о Шлецере, как о великом зодчем всеобщей истории, тогда как его мысли и труды по этой части улеглись в небольшой книжке, изданной им для студентов, — но эта маленькая книжка принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь целые томы; ее можно сравнить с небольшим окошком, к которому приставивши глаз поближе можно увидеть весь мир.

После „целые томы“: [она кажется]

Может, быть, некоторым покажется странным, что я говорю о Шлецере, как о великом зодчем всеобщей истории, тогда как его мысли и труды по этой части улеглись в небольшой книжке, изданной им для студентов, — но эта маленькая книжка принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь целые томы; ее можно сравнить с небольшим окошком, к которому приставивши глаз поближе можно увидеть весь мир.

сквозь которое приставивши к нему ближе глаз

Он вдруг осеняет светом и показывает, как нужно понять, и тогда сам собою наконец видишь всё.

видишь как нужно приняться

Миллер представляет собою историка совершенно в другом роде.

представляет собою гений совершенно особенный

Он не схватывает вдруг за одним взглядом всего и не сжимает его мощною рукою, но он исследывает всё находящееся в мире спокойно, поочередно, не показывая той быстроты и поспешности, с какою выражается автор, опасющийся, чтобы у него не перехватил кто-нибудь мысли и не предупредил его.

не отня<л?>

Слово исследование весьма идет к его стилю; его повествование именно исследовательное.

исследовательно

Как человек государственный, он более

всего занимается изложением форм правления и законов существующих и минувших государств; но он не предпочитает эту сторону до такой степени, чтобы оставить совершенно в тени все другие, к чему способен бывает историк односторонний и чего не мог избежать и Герен, напротив того, он обращает внимание и на всё сопредельное.

эту часть чтобы

Как человек государственный, он более всего занимается изложением форм правления и законов существующих и минувших государств; но он не предпочитает эту сторону до такой степени, чтобы оставить совершенно в тени все другие, к чему способен бывает историк односторонний и чего не мог избежать и Герен, напротив того, он обращает внимание и на всё сопредельное.

После „способен бывает“: [один только]

Как человек государственный, он более всего занимается изложением форм правления и законов существующих и минувших государств; но он не предпочитает эту сторону

до такой степени, чтобы оставить совершенно в тени все другие, к чему способен бывает историк односторонний и чего не мог избежать и Герен, напротив того, он обращает внимание и на всё сопредельное.

и от

Как человек государственный, он более всего занимается изложением форм правления и законов существующих и минувших государств; но он не предпочитает эту сторону до такой степени, чтобы оставить совершенно в тени все другие, к чему способен бывает историк односторонний и чего не мог избежать и Герен, напротив того, он обращает внимание и на всё сопредельное.

а. он обращает глубокое внимание

б. напротив, он обращает внимание

Заметно даже, что он охотнее занимается временами первобытными и вообще теми эпохами, когда народ еще не был подвержен образованности и порокам, сохранял свои простые нравы и независимость.

более занимается

Заметно даже, что он охотнее занимается временами первобытными и вообще теми эпохами, когда народ еще не был подвержен образованности и порокам, сохранял свои простые нравы и независимость.

После „временами первобытными“: [европейских народов] [когда]

Заметно даже, что он охотнее занимается временами первобытными и вообще теми эпохами, когда народ еще не был подвержен образованности и порокам, сохранял свои простые нравы и независимость.

теми эпох<ами>

Заметно даже, что он охотнее занимается временами первобытными и вообще теми эпохами, когда народ еще не был подвержен образованности и порокам, сохранял свои простые нравы и независимость.

а. меньше

б. еще ~ цивилизации

Заметно даже, что он охотнее занимается

временами первобытными и вообще теми эпохами, когда народ еще не был подвержен образованности и порокам, сохранял свои простые нравы и независимость.

сохранял свою простую ц<ивилизацию?>

Это время изображает он с ясною подробностью, с тихим жаром, как будто позабываясь и воображая видеть себя среди своих добрых швейцарцев.

а. Везде выражает

б. Здесь он изображает

в. Эти времена он изображает

Это время изображает он с ясною подробностью, с тихим жаром, как будто позабываясь и воображая видеть себя среди своих добрых швейцарцев.

с величайшею

Это время изображает он с ясною подробностью, с тихим жаром, как будто позабываясь и воображая видеть себя среди своих добрых швейцарцев.

[воображ<ая?>]

Это время изображает он с ясною подробностью, с тихим жаром, как будто позабываясь и воображая видеть себя среди своих добрых швейцарцев.

видеть своих

Главный результат, царствующий в его истории, есть тот, что народ тогда только достигает своего счастья, когда сохраняет свято обычаи своей старины, свои простые нравы и свою независимость.

а. Везде явл<ялось?>

б. Главное начало, царствующее

Главный результат, царствующий в его истории, есть тот, что народ тогда только достигает своего счастья, когда сохраняет свято обычаи своей старины, свои простые нравы и свою независимость.

а. состоит

б. то

Благородство мыслей и любовь к свободе проникают всё его творение.

проникает

Мысль о единстве и нераздельной целости не служит такою целью, к которой бы явно устремлялось его повествование; он даже никогда не говорит о нем, но единство чувствуется в целом творении несмотря на то, что он, кажется, забывает вовсе дела всего мира, занявшись одним народом.

неразделимой целости

Мысль о единстве и нераздельной целости не служит такою целью, к которой бы явно устремлялось его повествование; он даже никогда не говорит о нем, но единство чувствуется в целом творении несмотря на то, что он, кажется, забывает вовсе дела всего мира, занявшись одним народом.

а. но чтобы<?> цель

б. но единственно

Мысль о единстве и нераздельной целости не служит такою целью, к которой бы явно устремлялось его повествование; он даже никогда не говорит о нем, но единство чувству-

ется в целом творении несмотря на то, что он, кажется, забывает вовсе дела всего мира, занявшись одним народом.

совершенно оставляет один народ, занявшись другим

История его не состоит из непрерывной движущейся цепи происшествий; драматического искусства в нем нет; везде виден размышляющий мудрец.

в нем совсем нет

История его не состоит из непрерывной движущейся цепи происшествий; драматического искусства в нем нет; везде виден размышляющий мудрец.

а. глубоко размышляющий философ

б. глубоко размышляющий мудрец

Он не выказывает слишком ярко своих мыслей; они у него таятся так скромно, иногда в таком незаметном уголке, что не ищущий не найдет их никогда; но зато они так высоки и глубоки, что открывшему их открывается, по выражению Вагнера в Фаусте, на

земле небо.

уголку [исто<рии?>]

Он не выказывает слишком ярко своих мыслей; они у него таятся так скромно, иногда в таком незаметном уголке, что не ищущий не найдет их никогда; но зато они так высоки и глубоки, что открывшему их открывается, по выражению Вагнера в Фаусте, на земле небо.

их не найдет

Он не выказывает слишком ярко своих мыслей; они у него таятся так скромно, иногда в таком незаметном уголке, что не ищущий не найдет их никогда; но зато они так высоки и глубоки, что открывшему их открывается, по выражению Вагнера в Фаусте, на земле небо.

а. открывает<ся> целое

б. открывает<ся> седьмое небо

в. по выражению Гетева Варнера в Фаусте
открывается на земле небо

Он не выказывает слишком ярко своих

мыслей; они у него таятся так скромно, иногда в таком незаметном уголке, что не ищущий не найдет их никогда; но зато они так высоки и глубоки, что открывшему их открывается, по выражению Вагнера в Фаусте, на земле небо. ред.;

ЛБ18, Ар — Варнера

Этот скромный, незаметный слог его и отсутствие ослепляющей яркости производит в душе невольное сожаление: чрез него Миллер очень мало известен или, лучше сказать, не так известен, как должен бы быть.

его слог

Этот скромный, незаметный слог его и отсутствие ослепляющей яркости производит в душе невольное сожаление: чрез него Миллер очень мало известен или, лучше сказать, не так известен, как должен бы быть.

производит невольно сожаление в душе

Этот скромный, незаметный слог его и отсутствие ослепляющей яркости производит в душе невольное сожаление: чрез него Мил-

лер очень мало известен или, лучше сказать, не так известен, как должен бы быть.

а. не так известен как был он

б. не так известен как бы должен быть известен

в. не так известен как бы должен был

Одни сильно проникнутые мыслью о истории и способные к тонкому развитию могут только вполне понимать его, другим же он кажется легким и не глубокомысленным.

почувствовавшие в себе мысли

Одни сильно проникнутые мыслью о истории и способные к тонкому развитию могут только вполне понимать его, другим же он кажется легким и не глубокомысленным.

способны вполне

Гердер представляет совершенно отличный образ воззрения.

противуположный

Он видит уже совершенно духовными глазами.

После „духовными глазами“: [Он види<т>]

У него владычество идеи вовсе поглощает
осязательные формы.

совершенно поглощает

У него владычество идеи вовсе поглощает
осязательные формы.

видимые формы

Он выпытывает глубоко, вдохновенно, как
брамин природы, — название, которое прида-
ют ему немцы.

полно как индейский брамин по выраже-
нию немцев

У него крупнее группируются события; его
мысли все высоки, глубоки и всемирны.

всеобщи [Но всё же]

Они у него являются мало соединенными с
видимую природою и как будто извлеченны-
ми из одного только чистого ее горнила.

помещаются<?> без соединения

Они у него являются мало соединенными с видимою природою и как будто извлеченными из одного только чистого ее горнила.

и [кажутся] как будто отвлеченными

Если событие колоссально и заключается в идее — оно у него разворачивается всё, со всеми своими сокровенными явлениями; но если слишком коснулось жизни и практического, оно у него не получает определенного колорита.

если оно слишком

Если он нисходит до частных лиц и деятелей истории, они у него не так ярки, как общие группы; они принимают слишком общую физиогномию; они у него или добрые, или злые; все бесчисленные оттенки характеров, всё смешение и разнообразие качеств, познание которых достаётся в удел вззирающему с недоверчивостию на других, все эти оттенки у него исчезли.

Если же снисходит до самых лиц ~ деятелей

Если он нисходит до частных лиц и деятелей истории, они у него не так ярки, как общие группы; они принимают слишком общую физиогномию; они у него или добрые, или злые; все бесчисленные оттенки характеров, всё смешение и разнообразие качеств, познание которых достаётся в удел взирающему с недоверчивостию на других, все эти оттенки у него исчезли.

они у него принимают даже

Если он нисходит до частных лиц и деятелей истории, они у него не так ярки, как общие группы; они принимают слишком общую физиогномию; они у него или добрые, или злые; все бесчисленные оттенки характеров, всё смешение и разнообразие качеств, познание которых достаётся в удел взирающему с недоверчивостию на других, все эти оттенки у него исчезли.

в них только два соверш<енно?>

Если он нисходит до частных лиц и деятелей истории, они у него не так ярки, как общие группы; они принимают слишком об-

щую физиогномию; они у него или добрые, или злые; все бесчисленные оттенки характеров, всё смешение и разнообразие качеств, познание которых достается в удел взирающему с недоверчивостью на других, все эти оттенки у него исчезли.

После „разнообразия качеств“: [у него]

Если он нисходит до частных лиц и деятелей истории, они у него не так яркие, как общие группы; они принимают слишком общую физиогномию; они у него или добрые, или злые; все бесчисленные оттенки характеров, всё смешение и разнообразие качеств, познание которых достается в удел взирающему с недоверчивостью на других, все эти оттенки у него исчезли.

а. достается тому, кто глубоко

б. достается тому, кто много изведal и рожден не

в. достается много изведа<вшему> и оттого взирающему с недоверчивостью

Он мудрец ~ занятиях жизни.
нет.

Как поэт он выше Шлецера и Миллера.
выше и Шлецера и Миллера

Как поэт он всё создает и переваривает в себе, в своем уединенном кабинете, полный высшего откровения, избирая только одно прекрасное и высокое, потому что это уже принадлежность его возвышенной и чистой души.

Но как поэт ~ создает

Как поэт он всё создает и переваривает в себе, в своем уединенном кабинете, полный высшего откровения, избирая только одно прекрасное и высокое, потому что это уже принадлежность его возвышенной и чистой души.

полный одного

Но высокое и прекрасное вырываются часто из низкой и презренной жизни или же вызываются натиском тех бесчисленных и разнохарактерных явлений, которые беспрестанно пестрят жизнь человеческую и кото-

рых познание редко дается отвлеченному от жизни мудрецу.

вырывается часто

Но высокое и прекрасное вырываются часто из низкой и презренной жизни или же вызываются натиском тех бесчисленных и разнохарактерных явлений, которые беспрестанно пестрят жизнь человеческую и которых познание редко дается отвлеченному от жизни мудрецу.

или оно вызывается

Но высокое и прекрасное вырываются часто из низкой и презренной жизни или же вызываются натиском тех бесчисленных и разнохарактерных явлений, которые беспрестанно пестрят жизнь человеческую и которых познание редко дается отвлеченному от жизни мудрецу.

которые пестрят жизнь человечества

Стиль его более нежели у кого другого, исполнен живописи и широкого размера, потому что он поэт и этим резко отличается от

Миллера, философа-законодателя, всегда спокойного и размышляющего, и Шлецера, философа-критика, всегда почти резкого и недовольного.

у кого-нибудь другого

Стиль его более нежели у кого другого, исполнен живописи и широкого размера, потому что он поэт и этим резко отличается от Миллера, философа-законодателя, всегда спокойного и размышляющего, и Шлецера, философа-критика, всегда почти резкого и недовольного.

а. отличается от Миллера мудреца

б. отличается от Миллера философа-законодателя и от Шлецера философа-критика, всегда почти резкого

Мне кажется, что если бы глубокость результатов Гердера, нисходящих до самого начала человечества, соединить с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростию Миллера, тогда бы вышел такой историк, который бы мог написать всеобщую историю.

а. к глубокости великих исследований Гердера

б. глубокость результатов Гердера, простирающи<хся> ~ человечества

Мне кажется, что если бы глубокость результатов Гердера, нисходящих до самого начала человечества, соединить с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростию Миллера, тогда бы вышел такой историк, который бы мог написать всеобщую историю.

взглядом и резким осуждением

Мне кажется, что если бы глубокость результатов Гердера, нисходящих до самого начала человечества, соединить с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростию Миллера, тогда бы вышел такой историк, который бы мог написать всеобщую историю.

краткою [умерен<ною>]

Я разумею однако ж под словом драматического искусства не то искусство, которое со-

стоит в умении вести разговор, но в драматическом интересе всего творения, который сообщил бы ему неодолимую увлекательность, тот интерес, который иногда дышит в исторических отрывках Шиллера и особенно в тридцатилетней войне и которым отличается почти всякое немногосложное происшествие.

не умение вести разговор, но собственно драматический интерес всего творения

Я разумею однако ж под словом драматического искусства не то искусство, которое состоит в умении вести разговор, но в драматическом интересе всего творения, который сообщил бы ему неодолимую увлекательность, тот интерес, который иногда дышит в исторических отрывках Шиллера и особенно в тридцатилетней войне и которым отличается почти всякое немногосложное происшествие.

который бы ему сообщил

Я разумею однако ж под словом драматического искусства не то искусство, которое состоит в умении вести разговор, но в драматическом интересе всего творения, который со-

общил бы ему неодолимую увлекательность, тот интерес, который иногда дышит в исторических отрывках Шиллера и особенно в тридцатилетней войне и которым отличается почти всякое немногосложное происшествие.

дышит ~ особенно

Я разумею однако ж под словом драматического искусства не то искусство, которое состоит в умении вести разговор, но в драматическом интересе всего творения, который общил бы ему неодолимую увлекательность, тот интерес, который иногда дышит в исторических отрывках Шиллера и особенно в тридцатилетней войне и которым отличается почти всякое немногосложное происшествие.

означается всякое

Я бы к этому присоединил еще в некоторой степени занимательность рассказа Вальтера Скотта и его умение замечать самые тонкие оттенки; к этому присоединил бы шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах, и тогда бы, мне кажется, составился такой историк, како-

го требует всеобщая история.

Но я бы к этому

Я бы к этому присоединил еще в некоторой степени занимательность рассказа Вальтера Скотта и его умение замечать самые тонкие оттенки; к этому присоединил бы шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах, и тогда бы, мне кажется, составилась такой историк, какого требует всеобщая история.

очаровательность

Я бы к этому присоединил еще в некоторой степени занимательность рассказа Вальтера Скотта и его умение замечать самые тонкие оттенки; к этому присоединил бы шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах, и тогда бы, мне кажется, составилась такой историк, какого требует всеобщая история.

а. к тому присовокупить умение замечать крупные черты и умение представлять их в действующем виде [Далее начато: Шекспира (не зачеркнуто).]

б. к тому шекспировское умение развивать крупные черты характера в малых границах

Я бы к этому присоединил еще в некоторой степени занимательность рассказа Вальтера Скотта и его умение замечать самые тонкие оттенки; к этому присоединил бы шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах, и тогда бы, мне кажется, составилась такой историк, какого требует всеобщая история.

тогда бы вышел наконец

Но до того времени Миллер, Шлецер и Гердер долго останутся великими путеводителями.

останутся долго

Они много, очень много осветили всеобщую историю, и если в нынешнее время мы имеем несколько замечательных сочинений, то этим обязаны им одним.

мы имеем несколько замечательных сочинений [об этом предмете] в нынешние времена

Они много, очень много осветили всеобщую историю, и если в нынешнее время мы имеем несколько замечательных сочинений, то этим обязаны им одним.

После „обязаны им одним“: [без которых]

О МАЛОРОССИЙСКИХ ПЕСНЯХ

(Варианты по ПЖМНП, 1834)

Только в последние годы, в эти времена стремления к самобытности и собственной народной поэзии, обратили на себя внимание малороссийские песни, бывшие до того скрытыми от образованного общества и державшиеся в одном народе.

После „в одном народе“: Доказательством этому служат вышедшие недавно издания гг. Максимовича и Срезневского

(Сноска) Впрочем, любители музыки и поэзии могут несколько утешиться: недавно издано прекрасное собрание песен Максимовичем, и при нем голоса, переложенные Алябьевым.

нет.

Выступает ли козацкое войско в поход с тишиною и повиновением; извергает ли из самопалов потоп дыма и пуль; кружает ли вольно мед, вино; описывается ли ужасная казнь гетмана, от которой дыбом подымается волос, мщение ли козаков, вид ли убитого козака, с широко раскинутыми руками на траве, с разметанным чубом, клеткы ли орлов в небе, спорящих о том, кому из них выдирать козацкие очи: всё это живет в песнях и окинуто смелыми красками.

описываются ли

Годы эти были проводимы женщинами в тоске, в ожидании своих мужей, любовников, мелькнувших перед ними в своем пышном военном убранстве, как сновидение, как мечта.

мужей и любезных

Против него ничто вся остальная жизнь; она живет одним этим мгновением.

одним им, одним этим

Жди меня, пока не возвращусь из дальней
дороги».

я не возвращусь

О, если б я знала, если бы видела, откуда
будет ехать мой милый: я бы ему по всей до-
роге мостила мосты из зеленого тростника и
всё бы ждала его в гости.

я видела

«Зачем же ~ сердце».

Если с такою, как я, то... помоги ему, боже!
когда же не с такою, но с худшею — разлучи
его, боже!

Везде новые краски, везде простота и
невыразимая нежность чувств.

Везде новые черты, новые краски

Часто вместо целого внешнего находится
только одна резкая черта, одна часть его.

целого внешнего предмета

*Шли коровы из дубровы, а овечки с
поля.*

*Выплакала кари очи, край милого
стоя.
Ой ревнула корова из череды
йдучи:
Наскучило миленького ждучи*

Во многих песнях нет одной общей мысли, так что они походят на ряд куплетов, из которых каждый заключает в себе отдельную мысль. ПЖМНП, 1834;

Ар — одной мысли

Но зато из этой пестрой кучи вышибаются такие куплеты, которые поражают самую очаровательную безотчетностью поэзии.
очаровательною

Они никогда не могли излиться из души человека в обыкновенном состоянии, при настоящем воззрении на предмет.
в прозаическом состоянии

Только тогда, когда вино перемешает и разрушит весь прозаический порядок мыслей, когда мысли непостижимо странно в разногласии звучат внутренним согласием, в та-

ком-то разгуле, торжественном, больше нежели веселом, душа, к непостижимой загадке, изливается нестерпимо-унылыми звуками.

в каком-то разгуле

Только тогда, когда вино перемешает и разрушит весь прозаический порядок мыслей, когда мысли непостижимо странно в разногласии звучат внутренним согласием, в таком-то разгуле, торжественном, больше нежели веселом, душа, к непостижимой загадке, изливается нестерпимо-унылыми звуками.

более нежели

Только тогда, когда вино перемешает и разрушит весь прозаический порядок мыслей, когда мысли непостижимо странно в разногласии звучат внутренним согласием, в таком-то разгуле, торжественном, больше нежели веселом, душа, к непостижимой загадке, изливается нестерпимо-унылыми звуками.

в непостижимой загадке

Весь таинственный состав его требует звуков, одних звуков. ПЖМНП, 1834;

Ар — нет

Иногда звуки ее принимают мужественную физиогномию; становятся сильны, могучи, крепки; стопы тяжело ударяют в землю, и кажется, как будто бы под них можно плясать одного только гопака.

После «только гопака»: или трепака

Он отделяется вдруг от земли, чтобы ударить в нее блестящими подковами и взвестись опять на воздух.

чтобы сильнее ударить

Ничто не может быть сильнее народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни; если натиски насилий и непреодолимых вечных препятствий не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали из него жалобы и если эти жалобы не могли иначе и нигде выразиться, как только в его песнях.

выше

МЫСЛИ О ГЕОГРАФИИ

(Варианты по ПЛГ, 1831)

Велика и поразительна область географии: край, где кипит юг и каждое творение бьется двойною жизнью, и край, где в искаженных чертах природы прочитывается ужас и земля превращается в оледенелый труп; исполины-горы, парящие в небо, заброшенный небрежно, дышащий всюю роскошью растительной силы и разнообразия вид, и раскаленные пустыни и степи, оторванный кусок земли посреди безграничного моря, люди и искусство, и предел всего живущего!

небрежною кистью очаровательный, полный разнообразия вид

Его более всего ~ занять его.

Но удовлетворять этому любопытству нужно с большою осторожностью; подавать то наперед, что ближе к нему, без чего нельзя проразуметь другого, вести его на лестницу самого с первой ступени, а не переносить через несколько ступеней разом. И потому фи-

зическая география, как ближайшая, должна более занять его; политическая же войти только общим очерком своим.

Гораздо лучше, ~ тонкого отличия.

География, по моему мнению, должна быть преподаваема воспитанникам в два различные возраста их детства. В первом классе должен быть наброшен весь эскиз мира; все части земного шара должны составить одно целое, одну прекрасную поэму, в которой выразилась идея великого творца. В поэме этой всё должно быть ясно, всё поставлено, утверждено на своем месте; в ней всё должно быть живо, ярко, всякая часть должна соответствовать прочим и ни одна не должна принимать окончательной, мелкой отделки. В другом классе или возрасте эта идея, начертанная в голове воспитанника, только раздвигается. Тут он рассматривает в микроскоп тот самый мир, который схватил он доселе простым взглядом. Тут же политическая география может более войти в состав поэмы; юный ум ознакомливается короче с техническими терминами и положениями науки.

Воспитанник не должен ~ наполнит красками.
нет.

Фигура земли ~ вид земли, но никак не допускать до подробностей, т. е. означать все мелкие мысы и искривления берегов.

Преподаватель более всего должен стараться, чтобы дитя удержало в памяти своей вид, фигуру земли. Для этого нужно заставлять его чаще чертить наизусть такую-то землю, такое-то море; а чтобы облегчить трудность, сопряженную с таким занятием, он должен замечать ему сходство такой-то земли с видимым физическим предметом (Европы, например, с сидящею на коленях женщиною или летящим драконом) и т. п.

Гораздо лучше ~ часть света.
нет.

Но в порядке частей света ~ островами.

Порядок частей света должен быть для воспитанника расположен таким образом: пер-

вое место должна занимать Азия, как колыбель человечества; второе Африка, как жаркое юношество; третье Европа — зрелость и мужество; четвертое Америка и наконец разрозненные по необозримому океану острова.

Такое разделение, мне кажется, будет гораздо естественнее. Прежде всего воспитанник должен составить себе общее характеристическое понятие о каждой из них.

Такое разделение для него, кажется, естественнейшее: в это время своего возраста воспитанник обыкновенно проходит начало древней истории и уже ознакомлен с священными событиями ветхого завета, которые все совершились в Азии. Дитя наперед всего должно непременно составить себе общее характеристическое понятие о каждой из сих частей света.

Во-первых, об Азии, где всё так велико и обширно, где люди так важны, так холодны с вида и вдруг кипят неукротимыми страстями; при детском уме своем думают, что они умнее всех; где всё гордость и рабство; где всё

одевается и вооружается легко и свободно, всё наездничает; где турок рад просидеть целый век, поджав ноги и куря кальян свой, и где бедуин как вихорь мчится по пустыне; где вера переходит в фанатизм, и вся страна — страна вероисповеданий, разлившихся отсюда по всему миру.

где так всё велико

Об Африке, где солнце жжет и океаны песчаных степей растягиваются на неизмеримое пространство, львы, тигры, кокосы, пальмы и человек, мало чем разнящийся наружностью и своими чувственными наклонностями от обезьян, кочующих по ней ордами; и т<ак> далее.

разнящийся и наружностью

Показав разветвление их по лицу земли, должно показать вид их, форму, состав, образование и наконец характер и отличие каждой цепи, всё это не сухо, не с подробною ученостью, но так, чтобы он знал, что такая-то цепь из темных и твердых гранитов, что внутренность другой белая, известковая или

глинистая, рыхлая, желтая, темная, красная или наконец самых ярких цветов земель и камней.

преподаватель показывает

Показав разветвление их по лицу земли, должно показать вид их, форму, состав, образование и наконец характер и отличие каждой цепи, всё это не сухо, ~ нужно показать высочайшие точки, примечательные явления на них и высоту, до которой подымался человек.

нет.

Не мешало ~ его воображения.

нет.

Процесс и расселение растительной силы по земле должно показать на карте лестницею градусов: где растение юга — хозяин, куда перешло оно как гость, под каким градусом умирает, где начинается растение севера, где и оно наконец, гибнет, прозябение прекращается, природа обмирает в объятиях студеного океана и чудный полюс закутывается

недоступными для человека льдами.

Преподаватель должен показать процесс и расселение растительной силы по земле [После «особенный вид ее» отрывки в ПЖМНП, 1834 расположены в следующем порядке: «Весьма полезны ~ эскимосом»; «История географии ~ о земле нашей»; «Слог преподавателя ~ извлекать пользы»; «Преподаватель должен ~ неясность»; «При исчислении ~ образ правления» (соответствует: «При исчислении характера легкого»); «Понятие о величине ~ в России»; «Означив на карте ~ юного вкуса» (соответствует: «При изображении ~ юного вкуса»); «История из редка ~ с историей»; «Ленность и непонятливость ~ в пользу науки?»]

Произведения искусства ~ непонятна.
нет.

При исчислении народов преподаватель необходимо обязан показать каждого физиогномию и те отпечатки, которые принял его характер, так сказать, от географических причин. ~ характера легкого.

от географических причин: от климата, от

положения земли; как величественная, разительная природа подымает человека до идеальности и деятельного стремления духа, как роскошная и упоительная вдыхает в него чувственные склонности. — Верное познание физиогномии каждого народа сколько любопытно для воспитанника вначале, столько и важно по последствиям: оно объяснит ему потом, отчего одному народу необходим такой именно, другому иной образ правления.

Но как у нас нет таких карт, то преподавателю небольшого труда стоит сделать оные самому.

труда будет стоять

Тени сии становятся чем далее, тем крепче и наконец превращаются в мрак, по мере того, как природа дичает и человек оканчивается бездушным эскимосом.

После «бездушным эскимосом» отрывок: История географии должна необходимо войти некоторыми фактами своими в состав преподавания. Нельзя пропустить, говоря об Америке, времени и обстоятельств открытия

оной; об Африке — отважных путешествий, совершенных во внутренность ее, для сорвания с нее покрывала неизвестности; о северных экспедициях, о пути в Индию и проч. и проч. Разумеется, что всё это должно быть не так пространно, не так учено, как требуется для возрастов высших; но так, чтобы воспитанник видел, какие величайшие усилия, какие неимоверные, благородные подвиги были производимы для того, чтобы доставить ему верные сведения о земле нашей.

Величину земель, ~ и форма.

Понятие о величине земли каждого государства должно внушать воспитаннику так, чтобы оно навсегда врезалось в памяти его; исчисление квадратных миль и механическое затверживание их никогда не будет иметь успеха, наведет скуку, смешается, потеряется — и из единиц и десятков останутся только нули в голове его. Чтоб избежать этого, я полагаю взять одну землю за среднюю пропорциональную, и по ней определять величину прочих. Положим: я беру Францию; говорю: она имеет столько-то квад.<ратных>

миль; но Россия больше ее во столько раз, Пруссия меньше столько-то, к Италии недостает целой половины, чтобы сделаться по величине равною Франции. Небесполезно при этом показывать воспитаннику вырезанное из картонной бумаги каждое государство, которое, будучи сложено с другими, составило бы одну плотную массу земли. Положив одно государство на другое, например, Францию на Россию, он тотчас увидит, сколько раз содержится она в России.

При изображении ~ характер его.

Означив на карте, им же начертанной, место главного города, воспитанник должен узнать его положение, вид и резкими, сильными и немногими чертами обозначить характер его.

Преподаватель обязан исторгнуть из обширного материала всё, что бросает на город отличие и отменяет его от множества других.

Воспитатель обязан

Пусть воспитанник знает, что такое Рим,

что Париж, что Петербург.

дитя знает

Во многих наших географиях и до сих пор еще в определениях губернского города рассказывается, что в нем есть гимназия, соборная церковь; уездного, что в нем есть уездное училище и т. п.

нет.

Для этого не мешает чаще показывать фасады примечательнейших зданий: тогда необыкновенный вид их врежется в памяти, притом это послужит невольно и нечувствительно к образованию юного вкуса.

приносить с собою в класс фасады

Для этого не мешает чаще показывать фасады примечательнейших зданий: тогда необыкновенный вид их врежется в памяти, притом это послужит невольно и нечувствительно к образованию юного вкуса.

нет.

Для этого не мешает чаще показывать фа-

сады примечательнейших зданий: тогда необыкновенный вид их врежется в памяти, притом это послужит невольно и нечувствительно к образованию юного вкуса.

врежется в память навеки

Для этого не мешает чаще показывать фасады примечательнейших зданий: тогда необыкновенный вид их врежется в памяти, притом это послужит невольно и нечувствительно к образованию юного вкуса.

послужит вместе и лучшим средством

Протекшее должно быть слишком разительно и разве уже происходить из чисто географических причин, чтобы заставить вызывать его.

должно иметь сильное влияние на судьбу мира

Слог преподавателя должен быть увлекающий, живописный; все поразительные местоположения, великие явления природы должны быть окинуты яркими красками.

огненными красками

Слог его ~ нарисованною картиною.

Преподаватель должен пользоваться всеми такими мгновениями и привязывать к ним сведения, кои без того были бы сухими; но только искусно, в противном случае они развяжутся сами и улетят из памяти.

Богатый для сего запас заключается в описаниях путешественников, которых множество и из которых, кажется, донныне в этом отношении мало умели извлекать пользы.

После «извлекать пользы» отрывок: Преподаватель должен быть обилён сравнениями, потому что первоначальный возраст более прочих возрастов жаждет примеров и подобию. В эти примеры, в эти уподобления должны входить предметы, сколько можно ближайши к ещё ограниченным его понятиям, и ни одною чертою, ни одним порывом не должны они вырываться из области детского мира. Самые же факты науки должны возвышаться постепенно; но до такой только высоты, до которой может подняться дитя с своими бережно развивающимися понятиями. Пе-

решагнув эту заповедную черту, педагог облетается в туман и неясность.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ

(Варианты по ЛБ18)

Это — светлое воскресение живописи, пребывавшей долгое время в каком-то полулетаргическом состоянии.

Она светлое

Это — светлое воскресение живописи, пребывавшей долгое время в каком-то полулетаргическом состоянии.

а. находи<вшейся...>

б. пребывавшей около двух половин двух веков

Это — светлое воскресение живописи, пребывавшей долгое время в каком-то полулетаргическом состоянии.

летаргическом

Не стану говорить о причине этого необыкновенного застоя, хотя она представ-

ляет занимательный предмет для исследования, замечу только, что если конец 18 столетия и начало 19 ничего не произвели полного и колоссального в живописи, то зато они много разработали ее части.

Я не буду говорить

Не стану говорить о причине этого необыкновенного застоя, хотя она представляет занимательный предмет для исследования, замечу только, что если конец 18 столетия и начало 19 ничего не произвели полного и колоссального в живописи, то зато они много разработали ее части.

об причине ~ онемения

Не стану говорить о причине этого необыкновенного застоя, хотя она представляет занимательный предмет для исследования, замечу только, что если конец 18 столетия и начало 19 ничего не произвели полного и колоссального в живописи, то зато они много разработали ее части.

хотя бы она могла представить

Не стану говорить о причине этого необыкновенного застоя, хотя она представляет занимательный предмет для исследования, замечу только, что если конец 18 столетия и начало 19 ничего не произвели полного и колоссального в живописи, то зато они много разработали ее части.

Я замечу только

Не стану говорить о причине этого необыкновенного застоя, хотя она представляет занимательный предмет для исследования, замечу только, что если конец 18 столетия и начало 19 ничего не произвели полного и колоссального в живописи, то зато они много разработали ее части.

начало

Каждый из этих атомов развит и постигнут несравненно глубже, нежели в прежние времена.

а. Но все эти

б. Но каждый из этих атом<ов>

в. Но каждый из этих мелких атомов

Каждый из этих атомов развит и постигнут несравненно глубже, нежели в прежние времена.

а. был развит

б. развился и постигнулся

Каждый из этих атомов развит и постигнут несравненно глубже, нежели в прежние времена.

неж<ели> он постигался в прежние

Заметили такие тайные явления, каких прежде никто не подозревал.

Замечены

Вся та природа, которую чаще видит человек, которая его окружает и живет с ним, вся эта видимая природа, вся эта мелочь, которую пренебрегали великие художники, достигли изумительной истины и совершенства.

и <1 нрзб.> и [которая]

Вся та природа, которую чаще видит человек, которая его окружает и живет с ним, вся

эта видимая природа, вся эта мелочь, которую пренебрегали великие художники, достигли изумительной истины и совершенства.

достигла изумительной живо<сти?>

Вся та природа, которую чаще видит человек, которая его окружает и живет с ним, вся эта видимая природа, вся эта мелочь, которую пренебрегали великие художники, достигли изумительной истины и совершенства.

После «и совершенства»: [Можно сказать, что в этот век человек]

Всё тайное в ее лоне, весь этот немой язык пейзажа подмечены или, лучше сказать, украдены, вырваны из самой природы; хотя всё это украдено отрывками, хотя все произведения этого века похожи более на опыты или, лучше сказать, записки, материалы, свежие мысли, которые наскоро вносит путешественник в свою книгу с тем, чтобы не позабыть их и чтобы составить из них после нечто целое.

в природе

Всё тайное в ее лоне, весь этот немой язык пейзажа подмечены или, лучше сказать, украдены, вырваны из самой природы; хотя всё это украдено отрывками, хотя все произведения этого века похожи более на опыты или, лучше сказать, записки, материалы, свежие мысли, которые наскоро вносит путешественник в свою книгу с тем, чтобы не позабыть их и чтобы составить из них после нечто целое.

подмечено

Всё тайное в ее лоне, весь этот немой язык пейзажа подмечены или, лучше сказать, украдены, вырваны из самой природы; хотя всё это украдено отрывками, хотя все произведения этого века похожи более на опыты или, лучше сказать, записки, материалы, свежие мысли, которые наскоро вносит путешественник в свою книгу с тем, чтобы не позабыть их и чтобы составить из них после нечто целое.

украдено, вырвано

Всё тайное в ее лоне, весь этот немой язык пейзажа подмечены или, лучше сказать, украдены, вырваны из самой природы; хотя всё это украдено отрывками, хотя все произведения этого века похожи более на опыты или, лучше сказать, записки, материалы, свежие мысли, которые наскоро вносит путешественник в свою книгу с тем, чтобы не позабыть их и чтобы составить из них после нечто целое.

нашего<?> века

Всё тайное в ее лоне, весь этот немой язык пейзажа подмечены или, лучше сказать, украдены, вырваны из самой природы; хотя всё это украдено отрывками, хотя все произведения этого века похожи более на опыты или, лучше сказать, записки, материалы, свежие мысли, которые наскоро вносит путешественник в свою книгу с тем, чтобы не позабыть их и чтобы составить из них после нечто целое.

а. чтобы после из <...>

б. чтобы не позабыть их и после составить

ИЗ НИХ

Живопись раздробилась на низшие ограниченные ступени: гравировка, литография и многие мелкие явления были с жадностью разрабатываемы в частях.

а. раздоби<лась> у нас на литографии, гравировки, на множество наконец чрезвычайно миниатюрных явлений

б. раздоби<лась> у нас на низшие<?> сорта, гравировка, литография и многочис<лен-ные?> мелкие явления в частях своих с жадно<стью> были разработаны

Этим обязаны мы 19 веку.

Этим всем именно мы обяза<ны>

Взгляните на эти беспрестанно появляющиеся отрывки, перспективы, пейзажи, которые решительно в 19 веке определили слияние человека с окружающею природою: как в них делится и выходит окинутая мраком и освещенная светом перспектива строений!

беспрестанно являющиеся

Взгляните на эти беспрестанно появляющиеся отрывки, перспективы, пейзажи, которые решительно в 19 веке определили слияние человека с окружающей природою: как в них делится и выходит окинутая мраком и освещенная светом перспектива строений!
особенно пейзажей

Взгляните на эти беспрестанно появляющиеся отрывки, перспективы, пейзажи, которые решительно в 19 веке определили слияние человека с окружающей природою: как в них делится и выходит окинутая мраком и освещенная светом перспектива строений!

а. и слияния

б. которые решительно прин<адлежат?>

Взгляните на эти беспрестанно появляющиеся отрывки, перспективы, пейзажи, которые решительно в 19 веке определили слияние человека с окружающей природою: как в них делится и выходит окинутая мраком и освещенная светом перспектива строений!
нет.

как сквозит освещенная вода, как дышит
она в сумраке ветвей!

как дышит в них вода в темном сумраке
ветвей

как ярко и знойно уходит прекрасное небо
и оставляет предметы перед самыми глазами
зрителя!

как ярко уходит в них

как ярко и знойно уходит прекрасное небо
и оставляет предметы перед самыми глазами
зрителя!

все предметы на глазах зрителя

и; вместе, при всей этой резкости, какая
роскошная нежность, какая подмечена тай-
ная музыка в предметах обыкновенных, бес-
чувственных!

[<1 нрзб.>] в са<мой?> их резкости

Но что сильнее всего постигнуто в наше
время, так это освещение. ред.;

ЛБ18 — и наконец, что сильнее всего по-
стигнуто;

Ар — Но что сильнее постигнуто

Но что сильнее всего постигнуто в наше время, так это освещение.

в нашем веке

Освещение придает такую силу и, можно сказать, единство всем нашим творениям, что они, не имея слишком глубокого достоинства, показывающего гений, необыкновенно приятны для глаз.

не имея сами<?> никакого [слишком] глубокого достоинства

Освещение придает такую силу и, можно сказать, единство всем нашим творениям, что они, не имея слишком глубокого достоинства, показывающего гений, необыкновенно приятны для глаз.

показывавшего бы гений

Освещение придает такую силу и, можно сказать, единство всем нашим творениям, что они, не имея слишком глубокого достоинства, показывающего гений, необыкновенно

приятны для глаз.

После «необыкновенно»: [однако же]

Они общим выражением своим не могут не поразить, хотя, внимательно рассматривая, иногда увидишь в творце их необширное познание искусства.

поразят

Они общим выражением своим не могут не поразить, хотя, внимательно рассматривая, иногда увидишь в творце их необширное познание искусства.

а. не увидишь ничего, что б

б. не увидишь такого, что бы показало глубокое

в. [не увидишь], должно согласиться, [глубокого] обширного познания искусства

Возьмите все беспрестанно являющиеся гравюры, эти отпрыски яркого таланта, в которых дышит и веет природа так, что они кажутся как будто оцвечены колоритом.

эти блестящие от<п>ры<ски?>

Возьмите все беспрестанно являющиеся гравюры, эти отпрыски яркого таланта, в которых дышит и веет природа так, что они кажутся как будто оцвечены колоритом.

в которых дышит природа

Возьмите все беспрестанно являющиеся гравюры, эти отпрыски яркого таланта, в которых дышит и веет природа так, что они кажутся как будто оцвечены колоритом.

что кажется как буд<то> [притом<?>] оцвечена

В них заря так тонко светлеет на небе, что всматриваясь, кажется, видишь алый отблеск вечера; деревья, облитые сиянием солнца, как будто покрыты тонкою пылью; в них яркая белизна сладострастно сверкает в самом глубоком мраке тени.

нет.

В них заря так тонко светлеет на небе, что всматриваясь, кажется, видишь алый отблеск вечера; деревья, облитые сиянием солнца, как будто покрыты тонкою пылью; в них яр-

кая белизна сладострастно сверкает в самом глубоком мраке тени.

Где деревья, освещенные сиянием <?> солнца, <1 нрзб.> как бы пылят

В них заря так тонко светлеет на небе, что всматриваясь, кажется, видишь алый отблеск вечера; деревья, облитые сиянием солнца, как будто покрыты тонкою пылью; в них яркая белизна сладострастно сверкает в самом глубоком мраке тени.

а. где яркая белизна красавицы

б. где яркая белизна

Рассматривая их, кажется, боишьсядохнуть на них.

рассматривая которые

Всякой от первого до последнего — топорщится произвести эффект, начиная от поэта до кондитера, так что эти эффекты, право, уже надоедают, и, может быть, 19 век по странной причуде своей наконец обратится ко всему безэффектному.

топорщится произвести

Всякой от первого до последнего — торопится произвести эффект, начиная от поэта до кондитера, так что эти эффекты, право, уже надоедают, и, может быть, 19 век по странной причуде своей наконец обратится ко всему безэффектному.

от ученого поэта

Всякой от первого до последнего — торопится произвести эффект, начиная от поэта до кондитера, так что эти эффекты, право, уже надоедают, и, может быть, 19 век по странной причуде своей наконец обратится ко всему безэффектному.

уже начинают надоедать

Впрочем, можно сказать, что эффекты более всего выгодны в живописи и вообще во всем том, что видим нашими глазами.

Однако

Впрочем, можно сказать, что эффекты более всего выгодны в живописи и вообще во всем том, что видим нашими глазами.

менее всего приторны

Там, если они будут ложны и неуместны, то их ложность и неуместность тотчас видна всякому.

а. Но более всего они отвратительны?

б. потому, если они будут ложны и несообразны

Там, если они будут ложны и неуместны, то их ложность и неуместность тотчас видна всякому.

то эта ложь и несообразность

Там, если они будут ложны и неуместны, то их ложность и неуместность тотчас видна всякому.

вдруг видна

Но в произведениях, ~ знаком отличия.

Но они бывают отвратительны, если [не употреблены талантом] употреблены не талантом в тех произведениях, которые подлежат одному духовному оку, которые всегда почти бывают ложны: тень представляют

светом и свет — тенью, которые дурачат толпу, глядящую видимыми, поверхностными глазами, но отвратительны в глазах истинного [це<нителя>] понимающего таким же самым образом, как отвратителен ~ подлый человек, украшенный знаками отличий. Эти эффекты отвратительнее всего в литера<тур>е, когда они сделаются целью бесстыдных торгашей, а не людей, дышащих искусством. Следствия их вредны, потому что [добра<я?>] простодушная толпа принимает блестящую ложь.

Но всё это однако ж не относится к нынешнему делу.

Но рассуждение это

Но всё это однако ж не относится к нынешнему делу.

а. Как в тексте.

б. к его разбору

Должно признаться, что в общей массе стремление к эффектам более полезно, нежели вредно: оно более двигает вперед, нежели назад, и даже в последнее время подвинуло

всё к усовершенствованию.

Должно признать

Должно признаться, что в общей массе стремление к эффектам более полезно, нежели вредно: оно более двигает вперед, нежели назад, и даже в последнее время подвинуло всё к усовершенствованию.

стремление к эффектам в общей массе

Должно признаться, что в общей массе стремление к эффектам более полезно, нежели вредно: оно более двигает вперед, нежели назад, и даже в последнее время подвинуло всё к усовершенствованию.

и даже, можно сказать, сильно подвинуло вперед

Желая произвести эффект, многие более стали рассматривать предмет свой, сильнее напрягать умственные способности.

а. более многие начал<и>

б. более многие стали

И если верный эффект оказывался боль-

шею частью только в мелком, то этому виною безлюдие крупных гениев, а не огромное раздробление жизни и познаний, которым обыкновенно приписывают.

являлся

И если верный эффект оказывался большею частью только в мелком, то этому виною безлюдие крупных гениев, а не огромное раздробление жизни и познаний, которым обыкновенно приписывают.

расстроенное раздробление знаний

И если верный эффект оказывался большею частью только в мелком, то этому виною безлюдие крупных гениев, а не огромное раздробление жизни и познаний, которым обыкновенно приписывают.

которому обыкновенно приписывают причину

Притом стремление к эффектам обделало многие мелкие части чрезвычайно удовлетворительно и резко своею очевидностию сделало их доступными для всех.

это стремление

Притом стремление к эффектам обделало многие мелкие части чрезвычайно удовлетворительно и резкою своею очевидностию сделало их доступными для всех. ЛБ18;

Ар — многие части

Притом стремление к эффектам обделало многие мелкие части чрезвычайно удовлетворительно и резкою своею очевидностию сделало их доступными для всех.

и низшей толпе

Не помню, кто-то сказал, что в 19 веке невозможно появление гения всемирного, обнявшего бы в себе всю жизнь 19 века.

кто сказал

Не помню, кто-то сказал, что в 19 веке невозможно появление гения всемирного, обнявшего бы в себе всю жизнь 19 века.

объемлющего бы

Это совершенно несправедливо, и такая

мысль исполнена безнадежности и отзывается каким-то малодушием.

такое отчаяние, безнадежность

Это совершенно несправедливо, и такая мысль исполнена безнадежности и отзывается каким-то малодушием.

показывает только какое-то душевное малодушие произнесшего ее

Напротив: никогда полет гения не будет так ярок, как в нынешние времена.

никогда ге<ний>

Никогда не были для него так хорошо приготовлены материалы, как в 19 веке.

приготовлены так хорошо

И его шаги уже верно будут исполински и видимы всеми от мала до велика.

уже всегда будут

Картина Брюлова может назваться полным, всемирным созданием.

может называться

Мысль ее принадлежит совершенно вкусу нашего века, который вообще, как бы сам чувствуя свое страшное раздробление, стремится совокуплять все явления в общие группы и выбирает сильные кризисы, чувствуемые целою массою.

нашему <...>

Мысль ее принадлежит совершенно вкусу нашего века, который вообще, как бы сам чувствуя свое страшное раздробление, стремится совокуплять все явления в общие группы и выбирает сильные кризисы, чувствуемые целою массою.

стремится как бы чувствуя сам свое страшное раздробление, [к общим] стремится [создавать] совокуплять

Мысль ее принадлежит совершенно вкусу нашего века, который вообще, как бы сам чувствуя свое страшное раздробление, стремится совокуплять все явления в общие группы и выбирает сильные кризисы, чувствуемые целою массою.

В одно

Мысль ее принадлежит совершенно вкусу нашего века, который вообще, как бы сам чувствуя свое страшное раздробление, стремится совокуплять все явления в общие группы и выбирает сильные кризисы, чувствуемые целою массою.

После «целою массою»: [Таким]

Всякому известны прекрасные создания, к которым принадлежат Видение Валтазара, Разрушение Ниневии и несколько других, где в страшном величии представлены великие катастрофы, которые составляют совершенство освещения, где молния в грозном величии озаряет ужасный мрак и скользит по верушкам голов молящегося народа.

к которым принадлежит

Всякому известны прекрасные создания, к которым принадлежат Видение Валтазара, Разрушение Ниневии и несколько других, где в страшном величии представлены великие катастрофы, которые составляют совершен-

ство освещения, где молния в грозном величии озаряет ужасный мрак и скользит по верушкам голов молящегося народа.

нет.

Всякому известны прекрасные создания, к которым принадлежат Видение Валтазара, Разрушение Ниневии и несколько других, где в страшном величии представлены великие катастрофы, которые составляют совершенство освещения, где молния в грозном величии озаряет ужасный мрак и скользит по верушкам голов молящегося народа.

эти великие катастрофы [где]

Всякому известны прекрасные создания, к которым принадлежат Видение Валтазара, Разрушение Ниневии и несколько других, где в страшном величии представлены великие катастрофы, которые составляют совершенство освещения, где молния в грозном величии озаряет ужасный мрак и скользит по верушкам голов молящегося народа.

После «молящегося народа»: [Должно]

Общее выражение этих картин поразительно и исполнено необыкновенного единства.

Общие мы<сли>

Но в них вообще только одна идея этой мысли.

а. Но это

б. Но вообще эта мысль показывает

в. Но вообще в них только и далее как в тексте.

Они похожи на отдаленные виды; в них только общее выражение.

Они вообще похожи

Мы чувствуем только страшное положение всей толпы, но не видим человека, в лице которого был бы весь ужас им самим зримого разрушения.

с лицом, на котором был

Ту мысль, которая виделась нам в такой отдаленной перспективе, Брюлов вдруг поставил перед самыми нашими глазами.

которая [так] виделась

Ту мысль, которая виделась нам в такой отдаленной перспективе, Брюлов вдруг поставил перед самыми нашими глазами.

После «нашими глазами»: [Он разви<л?>]

Эта мысль у него разрослась огромно и как будто нас самих захватила в свой мир.

и картина<?> как будто захватила нас са-
мих

Создание ~ всеобщего.

Никто столько не сил<ил>ся произвести всеобщий эффект и никто так не исполнил этого, как Брюлов. В его картине всё [все образы<?>] от великого до малого, всё означено так, <чтобы> произвести явление и дать себя заметить, всё, всё, начиная от общей огромной местн<ости> всего разрушения до последнего камня на мостовой, до [от] мальчи<ка>, вонзившего свой взгляд [свой острый взгляд] в зрителя. Самое смелое и резкое вместе <?>, освещение, молния, которая не осветила, но залила своим светом всю картину, весь пер-

вый план, придав сверкающую яркость [Далее было: уменьшив] каждому предмету и сделавшая матовым весь бьющий вдали пожар огненной лавы, который без этого никогда [Этим словом заканчивается страница, дальнейший текст остался несогласованным.] потому что огонь в великом сиянии своем [был] доселе неуловим для художника. Все группы кинуты мощно, так дерзко, вольно и ярко, как только может кинуть всемогущая рука гения.

Всё создание их заключено в минуте мгновения, наставшей за последним ударом землетрясения и можно сказать <?> еще не протывшей.

Этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, [оста<?>] оглушенный [стра<шною>] ужасною [Не дописано, далее начато: распростер] которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами<?> [Старая] мать, уже не желающая бежать и непреклонная на [прось<бы>] моления сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель.

Это место заменено было другим, соответ-

ствующим тексту Ар, со следующими вариантами:

Создание и обстановку своей мысли произвел он необыкновенным и дерзким образом: он схватил молнию и бросил ее целым потоком на свою картину.

а. Создание сво<ей?>

б. Создание, исполнение, установленность<?>

в. Создание, обстановку

Создание и обстановку своей мысли произвел он необыкновенным и дерзким образом: он схватил молнию и бросил ее целым потоком на свою картину.

дерзостно

Молния у него залила и потопила всё, как будто бы с тем, чтобы всё выказать, чтобы ни один предмет не укрылся от зрителя.

потопила и всё

Молния у него залила и потопила всё, как будто бы с тем, чтобы всё выказать, чтобы ни один предмет не укрылся от зрителя.

всё выказать зрителю

Молния у него залила и потопила всё, как будто бы с тем, чтобы всё выказать, чтобы ни один предмет не укрылся от зрителя.

После «ни один предмет»:

а. признак разнообразного таланта

б. печать многостороннего направления

Молния у него залила и потопила всё, как будто бы с тем, чтобы всё выказать, чтобы ни один предмет не укрылся от зрителя.

не ускользнул из вида зрителей

Оттого на всем у него разлита необыкновенная яркость.

От этого на них всех разлилась

Фигуры он кинул сильно такою рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря камней, эта грянувшая

на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклонная на моления сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха, взирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежною яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — всё это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

[Но] вся картина облечена фосфорическим светом. Для поэта его картина — могущественная красота. Фигуры он кинул дерзко такою рукою, какою<?> мечет только могущественный гений. [Он] В создании их он правил самым воображением своим так мощно и сильно, как житель пустыни правит араб-

ским бегуном. У него [всё разнообразие подчинилось одной воле]

Фигуры он кинул сильно такою рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря камней, эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклонная на моления сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха, взирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежною яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — всё это у

него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

После «плащом»: [и]

Фигуры он кинул сильно такою рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря камней, эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклонная на мольбы сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха, взирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира,

жрец в белом саване, с безнадежною яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — всё это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

После «вихря каменьев»: [Эта группа]

Фигуры он кинул сильно такою рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря каменьев, эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклонная на моления сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким

забвением страха, взирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежною яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — всё это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

кинувшая свою еще никогда даже

Фигуры он кинул сильно такую рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря камней, эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый ~ слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха, взирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежною яростью мечущий взгляд свой

на весь мир, — всё это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

нет.

Фигуры он кинул сильно такою рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря каменье, эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклонная на моления сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха, взирающая на страшное

явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежною яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — всё это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

она с страхом

Фигуры он кинул сильно такою рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря камней, эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклонная на моления сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом от-

ступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха, взирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежною яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — всё это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

с забвением

Фигуры он кинул сильно такою рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря камней, эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклон-

ная на моления сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха, взирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежно яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — всё это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

а. означавшее

б. знаменующее наконец

Фигуры он кинул сильно такою рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря камней, эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила,

оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклонная на моления сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха, взирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежною яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — всё это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

а. Этот жрец, мечущий

б. Этот жрец как бы в

в. Этот жрец в белом саване, мечущий
взгляд ярости

Фигуры он кинул сильно такою рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря камней, эта грянувшая

на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклонная на моления сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха, взирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежною яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — всё это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

нет.

Фигуры он кинул сильно такою рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы,

гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря камней, эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклонная на мольбы сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха, вззирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежно яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — всё это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

так дерзко

Фигуры он кинул сильно такою рукою, какою мечет только могущественный гений: эта вся группа, остановившаяся в минуту уда-

ра и выразившая тысячи разных чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря камней, эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклонная на мольбы сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха, вззирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежно яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — всё это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

может свести один Брюлов

Я не стану изъяснять содержания картины

и приводить толкования и пояснения на изображенные события.

делать толкование изображенным событиям

Для этого у всякого есть глаз и мерило чувства; притом же это слишком очевидно, слишком касается жизни человека и той природы, которую он видит и понимает, потому-то они доступны всем от мала до велика; я замечу только те достоинства, те резкие отличия, которые имеет в себе стиль Брюлова, тем более, что эти замечания вероятно сделали немногие.

потому что это

Для этого у всякого есть глаз и мерило чувства; притом же это слишком очевидно, слишком касается жизни человека и той природы, которую он видит и понимает, потому-то они доступны всем от мала до велика; я замечу только те достоинства, те резкие отличия, которые имеет в себе стиль Брюлова, тем более, что эти замечания вероятно сделали немногие.

и слишком касается к жизни человека

Для этого у всякого есть глаз и мерило чувства; притом же это слишком очевидно, слишком касается жизни человека и той природы, которую он видит и понимает, потому-то они доступны всем от мала до велика; я замечу только те достоинства, те резкие отличия, которые имеет в себе стиль Брюлова, тем более, что эти замечания вероятно сделали немногие.

потому что эти

Для этого у всякого есть глаз и мерило чувства; притом же это слишком очевидно, слишком касается жизни человека и той природы, которую он видит и понимает, потому-то они доступны всем от мала до велика; я замечу только те достоинства, те резкие отличия, которые имеет в себе стиль Брюлова, тем более, что эти замечания вероятно сделали немногие.

сделали вероятно немногие

Брюлов первый из живописцев, у которого

пластика достигла верховного совершенства.
пластика достигает

Его фигуры, несмотря на ужас всеобщего события и своего положения, не вмещают в себе того дикого ужаса, наводящего содрогание, каким дышат суровые создания Микеланджело.

ужас всеобщей катастрофы

Его фигуры, несмотря на ужас всеобщего события и своего положения, не вмещают в себе того дикого ужаса, наводящего содрогание, каким дышат суровые создания Микеланджело.

не дышат тем диким ужасом, тем ужасом, наводящим содрогание

У него нет также того высокого преобладания небесно-непостижимых и тонких чувств, которыми весь исполнен Рафаэль.

тонких, небесно-непостижимых чувств.

Они заглушают его своею красотою.

заглушают своею красотою, красотою пла-

стической, красотой [известной] человека, так блистательно проявлявшеюся у древних

У него не так, как у Микеля-Анжела, у которого тело только служило для того, чтобы показать одну силу души, ее страдания, ее вопль, ее грозные явления, у которого пластика погибала, контура человека приобретала исполинский размер, потому что служила только одеждою мысли, эмблемою, у которого являлся не человек, но только его страсти. [а. одну силу, один б. одну силу души, одно страдание] ЛБ18;

Ар — одну силу душевного страдания

У него не так, как у Микеля-Анжела, у которого тело только служило для того, чтобы показать одну силу души, ее страдания, ее вопль, ее грозные явления, у которого пластика погибала, контура человека приобретала исполинский размер, потому что служила только одеждою мысли, эмблемою, у которого являлся не человек, но только его страсти.

Перед «ее вопль»: [ее муки]

У него не так, как у Микеля-Анжела, у которого тело только служило для того, чтобы показать одну силу души, ее страдания, ее вопль, ее грозные явления, у которого пластика погибала, контура человека приобретала исполинский размер, потому что служила только одеждою мысли, эмблемою, у которого являлся не человек, но только его страсти.

а. у него физика пог<ибла>

б. у которого физика погибала

У него не так, как у Микеля-Анжела, у которого тело только служило для того, чтобы показать одну силу души, ее страдания, ее вопль, ее грозные явления, у которого пластика погибала, контура человека приобретала исполинский размер, потому что служила только одеждою мысли, эмблемою, у которого являлся не человек, но только его страсти.

приобрела

У него не так, как у Микеля-Анжела, у которого тело только служило для того, чтобы показать одну силу души, ее страдания, ее вопль, ее грозные явления, у которого пласти-

ка погибала, контура человека приобретала исполинский размер, потому что служила только одеждою мысли, эмблемою, у которого являлся не человек, но только его страсти.

вывескою мысли

У него не так, как у Микеля-Анжела, у которого тело только служило для того, чтобы показать ~ своей природы.

показать свою красоту и природу

Страсти, чувства, верные, огненные, выражаются на таком прекрасном облике, в таком прекрасном человеке, что наслаждаешься до упоения.

прекрасном теле

Страсти, чувства, верные, огненные, выражаются на таком прекрасном облике, в таком прекрасном человеке, что наслаждаешься до упоения.

на таком

Страсти, чувства, верные, огненные, выражаются на таком прекрасном облике, в таком

прекрасном человеке, что наслаждаешься до упоения.

наслаждаешься им

Когда я глядел в третий, в четвертый раз, мне казалось, что скульптура, которая была постигнута в таком пластическом совершенстве древними, что скульптура эта перешла наконец в живопись, и сверх того проникнулась какой-то тайной музыкой.

что скульптура, та скульптура

Когда я глядел в третий, в четвертый раз, мне казалось, что скульптура, которая была постигнута в таком пластическом совершенстве древними, что скульптура эта перешла наконец в живопись, и сверх того проникнулась какой-то тайной музыкой. Его человек исполнен прекрасно-гордых движений, женщина его блещет, но она не женщина Рафаэля, с тонкими, незаметными, ангельскими чертами, она женщина страстная, сверкающая, южная, италианка во всей красе полудня, мощная, крепкая, пылающая всею роскошью страсти, всем могуществом красоты,

прекрасная как женщина.

нет.

Его человек исполнен прекрасно-гордых движений, женщина его блещет, но она не женщина Рафаэля, с тонкими, незаметными, ангельскими чертами, она женщина страстная, сверкающая, южная, италианка во всей красе полудня, мощная, крепкая, пылающая всею роскошью страсти, всем могуществом красоты, прекрасная как женщина. Везде у него преобладает и блестит [а. бле<стит?> б. сверк<ает>] женщина, не женщина Рафаэля

Его человек исполнен прекрасно-гордых движений, женщина его блещет, но она не женщина Рафаэля, с тонкими, незаметными, ангельскими чертами, она женщина страстная, сверкающая, южная, италианка во всей красе полудня, мощная, крепкая, пылающая всею роскошью страсти, всем могуществом красоты, прекрасная как женщина.

но женщина страстная

Его человек исполнен прекрасно-гордых

движений, женщина его блещет, но она не женщина Рафаэля, с тонкими, незаметными, ангельскими чертами, она женщина страстная, сверкающая, южная, италианка во всей красе полудня, мощная, крепкая, пылающая всею роскошью страсти, всем могуществом красоты, прекрасная как женщина. ЛБ18;

Ар — италианская

Все общие движения ~ упруга и роскошна.
нет.

Явись идеальность, явись перевес мысли, и она бы имела совершенно другое выражение, она бы не произвела того впечатления; чувство жалости и страстного трепета не наполнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и верной истины, утратилась бы вовсе.

преобладание мыс<ли>

Явись идеальность, явись перевес мысли, и она бы имела совершенно другое выражение, она бы не произвела того впечатления; чувство жалости и страстного трепета не на-

полнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и верной истины, утратилась бы вовсе.

она бы имела совершенно другое впечатление

Явись идеальность, явись перевес мысли, и она бы имела совершенно другое выражение, она бы не произвела того впечатления; чувство жалости и страстного трепета не наполнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и верной истины, утратилась бы вовсе.

сладкого, страстного трепета

Явись идеальность, явись перевес мысли, и она бы имела совершенно другое выражение, она бы не произвела того впечатления; чувство жалости и страстного трепета не наполнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и верной истины, утратилась бы вовсе.

После «и мысль прекрасная»: [волнующая мысль]

Явись идеальность, явись перевес мысли, и она бы имела совершенно другое выражение, она бы не произвела того впечатления; чувство жалости и страстного трепета не наполнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и верной истины, утратилась бы вовсе.

и художества

Явись идеальность, явись перевес мысли, и она бы имела совершенно другое выражение, она бы не произвела того впечатления; чувство жалости и страстного трепета не наполнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и верной истины, утратилась бы вовсе.

мысль утратилась бы

Нам не разрушение, не смерть страшны; напротив, в этой минуте есть что-то поэтическое, стремящее вихрем душевное наслаждение; нам жалка наша милая чувственность, нам жалка прекрасная земля наша.

не минута разрушения, не смерть страшна

Нам не разрушение, не смерть страшны;
напротив, в этой минуте есть что-то поэтиче-
ское, стремящее вихрем душевное наслажде-
ние; нам жалка наша милая чувственность,
нам жалка прекрасная земля наша.

есть уже что-то

Нам не разрушение, не смерть страшны;
напротив, в этой минуте есть что-то поэтиче-
ское, стремящее вихрем душевное наслажде-
ние; нам жалка наша милая чувственность,
нам жалка прекрасная земля наша.

душевное явление

Он постигнул во всей силе эту мысль.

После «эту мысль»: верно, он истинный в
душе художник и поэт

Он представил человека как можно пре-
краснее; его женщина дышит всем, что есть
лучшего в мире.

женщина его, о как она создана для жизни,
для наслажден<ия>, как она дышит

Он представил человека как можно пре-

краснее; его женщина дышит всем, что есть лучшего в мире.

прекрасного [в природе]

Ее глаза светлые как звезды, ее дышащая нею и силою грудь обещают роскошь блаженства.

Какую роскошь блаженства обещают ее светлые как звезды глаза, ее дышащая нею и силою грудь

И эта прекрасная, этот венец творения, идеал земли, должна погибнуть в общей гибели наряду с последним презренным творением, которое недостойно было и ползать у ног ее.

идеал земной красоты

И эта прекрасная, этот венец творения, идеал земли, должна погибнуть в общей гибели наряду с последним презренным творением, которое недостойно было и ползать у ног ее.

должна погибнуть безжалостно

И эта прекрасная, этот венец творения,
идеал земли, должна погибнуть в общей гибели
наряду с последним презренным творением,
которое недостойно было и ползать у ног
ее.

видеть это прекрасное творение

Слезы, испуг, рыдание — всё в ней пре-
красно.

всё в нем прекрасно

В его картинах целое море блеска.

У него везде

Это его характер.

нет.

Тени его резки, сильны, но в общей массе
тонут и исчезают в свете.

но однако же в общей массе

Кисть его можно назвать сверкающею,
прозрачною.

Его кисть

Выпуклость прекрасного тела у него как будто просвечивает и кажется фарфоровою; свет, обливая его сиянием, вместе проникает его.

а. Его

б. Тело у него про<свечивает?>

в. Выпуклость прекрасного тела просвечивает у него [как]

Выпуклость прекрасного тела у него как будто просвечивает и кажется фарфоровою; свет, обливая его сиянием, вместе проникает его.

обливая, как будто [обливая] заливая своим сиянь<ем>

Выпуклость прекрасного тела у него как будто просвечивает и кажется фарфоровою; свет, обливая его сиянием, вместе проникает его.

вместе с тем как будто проникает его насквозь

Свет у него так нежен, что кажется фосфорическим.

нет.

Самая тень кажется у него как будто прозрачною и при всей крепости дышит какою-то чистою, тонкою нежностью и поэзией.

Самая тень у него как <будто> прозрачна

Самая тень кажется у него как будто прозрачною и при всей крепости дышит какою-то чистою, тонкою нежностью и поэзией.

тонкою, чистою нежностью

Его кисть остается навеки в памяти.

Кисть его надолго остается

Я прежде видел одну только его картину: семейство Витгенштейна.

только одну картину его

Она с первого раза, вдруг врезалась в мое воображение и осталась в нем вечно в своем ярком блеске.

а. Она оста<лась?>

б. Она с первого разу вдруг врезалась в воображение мое и осталась

Она с первого раза, вдруг врезалась в мое воображение и осталась в нем вечно в своем ярком блеске.

в сверкающем своем блеске

Когда я шел смотреть картину: Разрушение Помпеи, у меня прежняя вовсе вышла из головы.

я позабыл о ней [и]

Я приближался вместе с толпою к той комнате, где она стояла, и на минуту, как всегда бывает в подобных случаях, я позабыл вовсе о том, что иду смотреть картину Брюлова, я даже позабыл о том, есть ли на свете Брюлов.

Я шел

Я приближался вместе с толпою к той комнате, где она стояла, и на минуту, как всегда бывает в подобных случаях, я позабыл вовсе о том, что иду смотреть картину Брюлова, я даже позабыл о том, есть ли на свете Брюлов.

в этих случаях

Но когда я взглянул на нее, когда она блеснула передо мною, в мыслях моих, как молния, пролетело слово: Брюлов!

а. Ког<да>

б. Но когда она бле<снула?>

в. Но когда я глянул и далее как в тексте.

Кисть его вмещает в себе ту поэзию, которую чувства наши всегда знают и видят даже отличительные признаки, но слова их никогда не расскажут.

то море поэзии

Кисть его вмещает в себе ту поэзию, которую чувства наши всегда знают и видят даже отличительные признаки, но слова их никогда не расскажут.

только чувствуешь и можешь узнать, всегда чувства наши знают и видят

Колорит его так ярок, каким никогда почти не являлся прежде, его краски горят и мечутся в глаза.

Колорит у него

Они были бы нестерпимы, если бы явились у художника градусом ниже Брюлова, но у него они облечены в ту гармонию и дышат тою внутреннею музыкою, которой исполнены живые предметы природы.

в такую гармонию

Они были бы нестерпимы, если бы явились у художника градусом ниже Брюлова, но у него они облечены в ту гармонию и дышат тою внутреннею музыкою, которой исполнены живые предметы природы.

которою дышат

Но главный признак и что выше всего в Брюлове, так это необыкновенная многосторонность и обширность гения.

Наконец главный признак и общий, самый великий характер Брюлова

Но главный признак и что выше всего в Брюлове, так это необыкновенная многосторонность и обширность гения.

это есть необыкновенная

Он ничем не пренебрегает: всё у него, начиная от общей мысли и главных фигур до последнего камня на мостовой, живо и свежо.

всё у него до последнего камня на мостовой

Обыкновенно художник прежних времен всегда почти избирал себе какую-нибудь одну сторону и в нее погружал весь талант свой, развивавшийся оттого в необыкновенном и каком-то отвлеченном величии.

художники ~ избирали

Обыкновенно художник прежних времен всегда почти избирал себе какую-нибудь одну сторону и в нее погружал весь талант свой, развивавшийся оттого в необыкновенном и каком-то отвлеченном величии.

в нее погружали

Обыкновенно художник прежних времен всегда почти избирал себе какую-нибудь одну сторону и в нее погружал весь талант свой, развивавшийся оттого в необыкновенном и каком-то отвлеченном величии.

до необыкновенного величия

Рафаэль обыкновенно писал одни только лица, одно развитие на них небесных страстей и помышлений, всё прочее, даже одежду, бросал он доделывать ученикам своим.

а. он бросал и отдавал

б. он бросал доделывать

Все другие великие художники, настроенные высокостью религиозною или высокостью страстей, небрегли об окружающем и второстепенном в их картинах.

высокою религиозностью человека

Все другие великие художники, настроенные высокостью религиозною или высокостью страстей, небрегли об окружающем и второстепенном в их картинах.

и о второстепенном

У них небо является всегда бурое; облака похожи более на копны сена или на гранитные массы; дерево или детски однообразно своею правильностью, или негармониче-

ски-безобразно своею неправильностью.

а. дерево бывало или однообразно-детское

б. дерево или однообразно-детски

Но у Брюлова, напротив, все предметы от великих до малых для него драгоценны.

все для него драгоценны

Он силится схватить природу исполинскими объятиями и сжимает ее с страстью любовника.

силится сжать

Может быть, в этом ему помогла много раздробленная разработка в частях, которую приготовил для него 19 век.

много помогла ему

Может быть, в этом ему помогла много раздробленная разработка в частях, которую приготовил для него 19 век.

котору<ю> приуготовил

Может быть, Брюлов, явившись прежде, не получил бы того разностороннего и вместе

полного и колоссального стремления.
явившись в другое <время?>

Может быть, Брюлов, явившись прежде, не получил бы того разностороннего и вместе полного и колоссального стремления.
не получил бы так

Может быть, Брюлов, явившись прежде, не получил бы того разностороннего и вместе полного и колоссального стремления.
колоссального желания

Оттого-то его произведения, может быть, первые, которые живостью, чистым зеркалом природы, доступны всякому.

а. которые до<с>т<упны?>

б. которые живостью, похищенною из самой природы, доступны всякому

Его произведения первые, которых могут понимать (хотя неодинаково) и художник, имеющий высшее развитие вкуса, и не знающий, что такое художество.

Его произведения, может быть, первые

Его произведения первые, которых могут понимать (хотя не одинаково) и художник, имеющий высшее развитие вкуса, и не знающий, что такое художество.

которые может понимать

Его произведения первые, которых могут понимать (хотя не одинаково) и художник, имеющий высшее развитие вкуса, и не знающий, что такое художество.

и не понимающий

Они первые, которым сужден завидный удел пользоваться всемирною славою, и высшею степенью их есть до сих пор: Последний день Помпеи, которую по необыкновенной обширности и соединению в себе всего прекрасного, можно сравнить разве с оперою, если только опера есть действительно соединение троинственного мира искусств: живописи, поэзии и музыки.

всемирностью славы

Они первые, которым сужден завидный

удел пользоваться всемирною славою, и высшею степенью их есть до сих пор: Последний день Помпеи, которую по необыкновенной обширности и соединению в себе всего прекрасного, можно сравнить разве с оперою, если только опера есть действительно соединение троинственного мира искусств: живописи, поэзии и музыки. ЛБ18;

Ар — в себе всего

Они первые, которым сужден завидный удел пользоваться всемирною славою, и высшею степенью их есть до сих пор: Последний день Помпеи, которую по необыкновенной обширности и соединению в себе всего прекрасного, можно сравнить разве с оперою, если только опера есть действительно соединение троинственного мира искусств: живописи, поэзии и музыки.

сравнить только

БОРИС ГОДУНОВ. ПОЭМА ПУШКИНА

(Первоначальные варианты рукописи)

Но в ней, напротив того, природа на
небольшом пространстве показала страшную
нерегулярность и разнообразие.

между ними

— «А самое-то сочинение действительно
ли чувствительно написано?»

А самое это

— «А самое-то сочинение действительно
ли чувствительно написано?»

с чувством напис<ано>

«И конечно чувствительно!» — подхватил
книгопродавец, кинув убийственный взгляд
на его истертую шинель: «если бы не чув-
ствительно, то не разобрали бы 400 экзempla-
ров в два часа!»

гордо кинув

Но ни томительный, как слияние радости и грусти, свет луны, так дивно вызывающий из глубины души серебряный сонм видений, когда ночное небо бесплотно обнимется вдохновением и земля полна непонятной любви к нему, ни те живые чувства, пробуждающиеся у нас мгновенно, когда чудный город гремит и блещет, мосты дрожат, толпы людей и теней мелькают по улицам и по палевым стенам домов-гигантов, которых окна, как бесчисленные огненные очи, кидают пламенные дороги на снежную мостовую, так странно сливающиеся с серебряным светом месяца, — ничто не в состоянии было его вывести из какой-то торжественной задумчивости; какая-то священная грусть, тихое негодование сохранялось в чертах его, как будто бы он слышал в душе своей пророчество о вечности, как будто бы душа его терпела муки, невыразимые, непостижимые для земного...

После «в чертах его»: как будто бы душа его терпела муки невыразимые, непостижимые для

Но ни томительный, как слияние радости

и грусти, свет луны, так дивно вызывающий из глубины души серебряный сонм видений, когда ночное небо бесплотно обнимется вдохновением и земля полна непонятной любви к нему, ни те живые чувства, пробуждающиеся у нас мгновенно, когда чудный город гремит и блещет, мосты дрожат, толпы людей и теней мелькают по улицам и по палевым стенам домов-гигантов, которых окна, как бесчисленные огненные очи, кидают пламенные дороги на снежную мостовую, так странно сливающиеся с серебряным светом месяца, — ничто не в состоянии было его вывести из какой-то торжественной задумчивости; какая-то священная грусть, тихое негодование сохранялось в чертах его, как будто бы он слышал в душе своей пророчество о вечности, как будто бы душа его терпела муки, невыразимые, непостижимые для земного...

После «терпела муки»: непостижимые

Часто, слушая, как всенародно судят и толкуют о поэте, когда прения их воздымают бурю и запенившиеся уста горланят на торжествах — думаю во глубине души своей: не свя-

тотатство ли это?

горланят всенародно

Как дрожит, как стонет бессильное земное,
пока всё не сольется в духовное море, пока
потоп благодарных слез не хлынет дождем в
размученную грудь, не прольет примирения
между двумя враждующими природами чело-
века.

не хлынет дождем на

Когда из безобразного земного черепа из-
влекают результат — ослепительный камень,
когда из струн исторгают звуки — какой же
они результат хотят извлечь из звуков?

блестящий

Когда человек исчезнет и душа на ветхих
его развалинах воздвигнется в величествен-
ном, необъятном здании.

на бранных

Когда человек исчезнет и душа на ветхих
его развалинах воздвигнется в величествен-
ном, необъятном здании.

В ДУХОВНОМ

Читайте вместе, и если дивные его буквы не ударят разом в тайные струны сердец ваших, обратив в непостижимый трепет все нервы, не брызнут ответными слезами и души ваши почувствуют разъединение — закрой книгу и не трать пустых слов.

После «слезами»: на глаза

«Боже! — часто говорю себе: — какое высокое, какое дивное наслаждение даруешь ты человеку, поселяя в одну душу ответ на жаркой вопрос другой!»

думаю во глубине души своей

Столько блага, столько пользы, столько счастья миру — и никто не понимал его...

людям

Звон серебряного неба с его светлыми херувим<ам>и стремится по жилам...

его лазурными

Но нет! оно как творец, как благодать!

Но нет, ты

О ПОЭЗИИ КОЗЛОВА

(Первоначальные варианты рукописи

Светлый, полный — раздольное море жизни — мир древних греков не властен был дать направление поэзии Козлова.

привлечь к себе

Когда весь блеск, всё разнообразие постоянно светлой, в бесчисленных формах проявляющейся жизни природы слились для него в одну ужасную единицу — в мрак, — могла ли душа жить прежними ясными явлениями?

мира

Когда весь блеск, всё разнообразие постоянно светлой, в бесчисленных формах проявляющейся жизни природы слились для него в одну ужасную единицу — в мрак, — могла ли душа жить прежними ясными явлениями?

светлыми

Душе нашего поэта желалось обвиться око-

ло этой гордо-одинокой души, исполински замышлявшей заключить в себе в замену отвергнутого собственный, ею же созданный, нестройный и чудный мир и, обвившись около нее, горько улыбнуться уже не существующей для нее прежней Илиаде жизни.

заклучавшей

Кроткое христианское величие веры, так доступное человеку в то страшное мгновение перерождения его, — проникло и облекло чистым сиянием своим всё полученное им в сообществе с душою этого исполина, с которым меряться не имел он достаточных сил, и сообщило ему индивидуальность, без которой он был бы только бессильным подражателем.

сравниться не дано ему

Он сильно дает чувствовать все великие, горькие траты сво<и>, часто собирает в один момент всё исчезнувшее, живо представляет его во всем ослепительном блеске, чтобы показать вместе, чего стоит ему позабыть и удалить мысль о нем.

После «сво<и>» : иногда

Он сильно дает чувствовать все великие, горькие траты сво<и>, часто собирает в один момент всё исчезнувшее, живо представляет его во всем ослепительном блеске, чтобы показать вместе, чего стоит ему позабыть и удалить мысль о нем.

После «вместе»: с тем

Он сильно дает чувствовать все великие, горькие траты сво<и>, часто собирает в один момент всё исчезнувшее, живо представляет его во всем ослепительном блеске, чтобы показать вместе, чего стоит ему позабыть и удалить мысль о нем.

После «позабыть»: о нем

Глядя на радужные цвета и краски, которыми кипят и блещут его роскошные картины природы, тотчас узнаешь с грустью, что они уже утрачены для него навеки: зрящему никогда не показались бы они в таком ярком и даже увеличенном блеске.

никогда бы не показались

Весь нераздельный мир свой носит в душе и не властен оторваться от него.

После «носит в»: собстве<нной>

Иногда стремление его центробежно и будто хочет разлиться во внешнем, но для того только, чтобы снова с большей силой устремиться к своему центру, самому себе, как будто угадывая, что там только его жизнь, что там только найдет ответ себе.

к самому себе, как будто угадывая, что там его жизнь, там только

Если он долго останавливается на внешнем каком-нибудь предмете, он уже лишает его индивидуальности, он проявляет уже в нем самого себя, видит и развивает в нем мир собственной души.

Когда же долее остановится он на каком-нибудь предмете

Мне кажутся и доньше странными замечания и упреки многих Козлову, что в поэмах у него вечное торжество и однообразие жизни, что лица его не имеют полной романической

отделки и не живут собственной жизнью, что «Безумная» нимало не похожа на русскую крестьянку, словом, требуют от Козлова того, чего только вправе мы требовать от Пушкина, забывая, что для Козлова полная разнообразия внешняя жизнь не существует, что весь мир его сосредоточился в нем самом и его одного силен он следить в многообразных изменениях.

что поэмы его

Мне кажутся и доньше странными замечания и упреки многих Козлову, что в поэмах у него вечное торжество и однообразие жизни, что лица его не имеют полной романической отделки и не живут собственной жизнью, что «Безумная» нимало не похожа на русскую крестьянку, словом, требуют от Козлова того, чего только вправе мы требовать от Пушкина, забывая, что для Козлова полная разнообразия внешняя жизнь не существует, что весь мир его сосредоточился в нем самом и его одного силен он следить в многообразных изменениях.

что вся она сосредоточилась в нем самом и

одну ее силен он следить в ее многообразных изменениях

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗАПИСКИ 1836 ГОДА

[Варианты, при которых шифр не указан, — из ЛБ8].

(Варианты по ЛБ8 и ЦД1)

...В самом деле, куда забросило русскую столицу — на край света!

Эх

...В самом деле, куда забросило русскую столицу — на край света!

После «столицу»: в Чухну

Странный народ русский: была столица в Киеве — здесь слишком тепло, мало холоду; переехала русская столица в Москву — нет, и тут мало холода: подавай бог Петербург!

Удивительный народ [наш]

Странный народ русский: была столица в

Киеве — здесь слишком тепло, мало холоду; переехала русская столица в Москву — нет, и тут мало холода: подавай бог Петербург!

После «в Киеве»: нет, не слюбилось

Выкинет ~ сторону. ЦД1;

ПС, 1837 — нет;

ЛБ8 — [Пожалуста] Сделай милость, русская <столица>, не переезжай уж далее, ну что за охота присоседиться к северному ледовитому полюсу [к северу]. Я говорю это потому, что русская столица, как кажется, давно это [об этом] мотает на ус, непостоянный русский народ [непостоянная красавица] страшно желает поглядеть вблизи, что [это] за народ белые медведи. На семьсот верст убежать от матушки. «Экой востроногой какой», говорит [думает] московский народ, прищурив глаз [прищуривая глаза] на чухонскую сторону

Зато какая дичь между матушкойю и сынком!

какая чепуха

Зато какая дичь между матушкой и сыном!

а. между тем

б. между матерью и сыном

Воздух продернут туманом; на бледной, серо-зеленой земле обгорелые пни, сосны, ельник, кочки...

в воздухе туман

Воздух продернут туманом; на бледной, серо-зеленой земле обгорелые пни, сосны, ельник, кочки...

на земле кочки, обгорелые пни, сосны, ельник

Хорошо еще, что стрелой летящее шоссе да русские поющие и звенящие тройки духом пронесут мимо.

а. шоссе пронесет мимо всего этого благодаря русским тройкам

б. стрелой ~ тройки пронесут мимо всего этого

А какая разница, какая разница между

ими двумя!

А какая разница. [Ух] Ах какая разница

Она еще до сих пор русская борода, а он уже аккуратный немец.

Москва до сих пор еще

Она еще до сих пор русская борода, а он уже аккуратный немец.

После «русская борода»: в картузе толст<ый> купец

Она еще до сих пор русская борода, а он уже аккуратный немец. ЦД1;

ПС, 1837 — а он уже ловкий европеец;

ЛБ8 — Петербург ходит в немецком платье, в круглой шляпе [Москва толстый] тоненькой с длинным кивером

Как раскинулась, как расширилась старая Москва!

как разъехалась

Какая она нечесанная! ЦД1;

ПС, 1837 — нет;

ЛБ8 — Какая нечесанная она

Как сдвинулся, как вытянулся в струнку
щеголь Петербург!

[Петербург] Как съежил<ся>

Как сдвинулся, как вытянулся в струнку
щеголь Петербург!

как вытянулся [молодой]

Ему есть куда поглядеться.

куда глядеться

Как только заметит он на себе перышко
или пушок, ту ж минуту его щелчком.

Сейчас, как только

Как только заметит он на себе перышко
или пушок, ту ж минуту его щелчком. ЦД1;

ПС, 1837 — ту же минуту его прочь;

ЛБ8 — щелчком его

Москва — старая домоседка, печет блины,
глядит издали и слушает рассказ, не подыма-
ясь с кресел, о том, что делается в свете; Пе-

Петербург — разбитной малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европою, раскланивается с заморским людом.

а. и глядит издали, что делается

б. и глядит и слушает издали, не поднимаясь с кресел, что и далее как в тексте

в. и глядит и слушает сплетни через третий, десятые руки, не заботясь, верны они или нет

Москва — старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не поднимаясь с кресел, о том, что делается в свете; Петербург — разбитной малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европою, раскланивается с заморским людом. Петербург [совсем] никогда не сидит дома, но всегда одет и [стоит] похаживает на кордоне ЛБ8;

Петербург всегда одет и похаживает на кордоне, охорашиваясь перед Европою, которую ЦД1 — видит, но не слышит

Петербург весь шевелится, от погребов до чердака; с полночи начинает печь француз-

ские хлеба, которые назавтра все съест немецкий народ, и во всю ночь то один глаз его светится, то другой; Москва ночью вся спит, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на все четыре стороны, выезжает с калачами на рынок.

с погребов

Петербург весь шевелится, от погребов до чердака; с полночи начинает печь французские хлеба, которые назавтра все съест немецкий народ, и во всю ночь то один глаз его светится, то другой; Москва ночью вся спит, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на все четыре стороны, выезжает с калачами на рынок.

еще день не прошел, он уж печет хлеба на завтра, которые все съест

Петербург весь шевелится, от погребов до чердака; с полночи начинает печь французские хлеба, которые назавтра все съест немецкий народ, и во всю ночь то один глаз его светится, то другой; Москва ночью вся спит, и на другой день, перекрестившись и

поклонившись на все четыре стороны, выезжает с калачами на рынок. ЦД1, ЛБ8;

ПС, 1837 — разноплеменный народ

Петербург весь шевелится, от погребов до чердака; с полночи начинает печь французские хлебы, которые назавтра все съест немецкий народ, и во всю ночь то один глаз его светится, то другой; Москва ночью вся спит, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на все четыре стороны, выезжает с калачами на рынок.

то то<т?>

Петербург весь шевелится, от погребов до чердака; с полночи начинает печь французские хлебы, которые назавтра все съест немецкий народ, и во всю ночь то один глаз его светится, то другой; Москва ночью вся спит, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на все четыре стороны, выезжает с калачами на рынок.

и раскланявшись на все стороны

Петербург наблюдает большое приличие в

своей одежде, не любит пестрых цветов и никаких резких и дерзких отступлений от моды; зато Москва требует, если уж пошло на моду, то чтобы во всей форме была мода: если талия длинна, то она пускает ее еще длиннее; если отвороты фрака велики, то у ней, как сарайные двери.

в своих костю<мах>

Петербург наблюдает большое приличие в своей одежде, не любит пестрых цветов и никаких резких и дерзких отступлений от моды; зато Москва требует, если уж пошло на моду, то чтобы во всей форме была мода: если талия длинна, то она пускает ее еще длиннее; если отвороты фрака велики, то у ней, как сарайные двери.

никаких дерзких и слишком резких отступлений в моде

Петербург наблюдает большое приличие в своей одежде, не любит пестрых цветов и никаких резких и дерзких отступлений от моды; зато Москва требует, если уж пошло на моду, то чтобы во всей форме была мода: если та-

лия длинна, то она пускает ее еще длиннее; если отвороты фрака велики, то у ней, как сарайные двери.

а. Москва зато, если схватится за мо<ду>

б. Москва зато требует чтоб, если пошло на моду

Петербург наблюдает большое приличие в своей одежде, не любит пестрых цветов и никаких резких и дерзких отступлений от моды; зато Москва требует, если уж пошло на моду, то чтобы во всей форме была мода: если талия длинна, то она пускает ее еще длиннее; если отвороты фрака велики, то у ней, как сарайные двери.

пустит еще длиннее

Петербург наблюдает большое приличие в своей одежде, не любит пестрых цветов и никаких резких и дерзких отступлений от моды; зато Москва требует, если уж пошло на моду, то чтобы во всей форме была мода: если талия длинна, то она пускает ее еще длиннее; если отвороты фрака велики, то у ней, как сарайные двери.

такие, что прохожего не пропустят?». Если ворота широки, то она делает себе с каретный сарай

Петербург — аккуратный человек, совершенный немец, на всё глядит с расчетом и прежде, нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва — русский дворянин, и если уж веселится, то веселится до упаду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане; она не любит середины.

После «совершенный немец»: [расчетливый?>]

Петербург — аккуратный человек, совершенный немец, на всё глядит с расчетом и прежде, нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва — русский дворянин, и если уж веселится, то веселится до упаду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане; она не любит середины.

нет.

Петербург — аккуратный человек, совершенный немец, на всё глядит с расчетом и прежде, нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва — русский дворянин, и если уж веселится, то веселится до упаду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане; она не любит середины.

русская борода

Петербург — аккуратный человек, совершенный немец, на всё глядит с расчетом и прежде, нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва — русский дворянин, и если уж веселится, то веселится до упаду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане; она не любит середины.

Если уже

Петербург — аккуратный человек, совершенный немец, на всё глядит с расчетом и прежде, нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва — русский дворянин, и если уж веселится, то веселится до упа-

ду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане; она не любит середины.

не любит середины

В Москве все журналы, как бы ученые ни были, но всегда к концу книжки оканчиваются картинкою мод; петербургские редко прилагают картинки; если же приложат, то с непривычки взглянувший может перепугаться.

какие бы ученые ни были

В Москве все журналы, как бы ученые ни были, но всегда к концу книжки оканчиваются картинкою мод; петербургские редко прилагают картинки; если же приложат, то с непривычки взглянувший может перепугаться.

но всегда есть приличная<?> картинка мод

В Москве все журналы, как бы ученые ни были, но всегда к концу книжки оканчиваются картинкою мод; петербургские редко прилагают картинки; если же приложат, то с

непривычки взглянувший может перепутаться.

зато, если приложат

В Москве все журналы, как бы учены ни были, но всегда к концу книжки оканчиваются картинкою мод; петербургские редко прилагают картинки; если же приложат, то с непривычки взглянувший может перепутаться.

то уж глядеть бывает страшно

Московские журналы говорят о Канте, Шеллинге и проч. и проч.; в петербургских журналах говорят только о публике и благонамеренности...

В Москве говорят

В Москве журналы идут наряду с веком, но опаздывают книжками; в Петербурге журналы нейдут наравне с веком, но выходят аккуратно, в положенное время.

но чрезвычайно отстают

В Москве журналы идут наряду с веком, но

опаздывают книжками; в Петербурге журналы нейдут наравне с веком, но выходят аккуратно, в положенное время.

не идут наряду

В Москве журналы идут наряду с веком, но опаздывают книжками; в Петербурге журналы нейдут наравне с веком, но выходят аккуратно, в положенное время.

но аккуратно выдают книжки

Москва всегда едет, завернувшись в медвежью шубу, и большею частью на обед; Петербург в байковом сюртуке, заложив обе руки в карман, летит во всю прыть на биржу или «в должность».

всегда ездит

Москва всегда едет, завернувшись в медвежью шубу, и большею частью на обед; Петербург в байковом сюртуке, заложив обе руки в карман, летит во всю прыть на биржу или «в должность».

обедать

Москва всегда едет, завернувшись в медвежью шубу, и большую часть на обед; Петербург в байковом сюртуке, заложив обе руки в карман, летит во всю прыть на биржу или «в должность».

а. Петербург идет [пе<шком?>] во всю прыть

б. Петербург пешком и далее как в тексте.

Москва гуляет до четырех часов ночи и на другой день не подымется с постели раньше второго часу; Петербург тоже гуляет до четырех часов, но на другой день, как ни в чем не бывал, в девять часов спешит в своем байковом сюртуке в присутствие.

пьянствует до 4-х часов

Москва гуляет до четырех часов ночи и на другой день не подымется с постели раньше второго часу; Петербург тоже гуляет до четырех часов, но на другой день, как ни в чем не бывал, в девять часов спешит в своем байковом сюртуке в присутствие.

уже некогда кушать кофий

Москва гуляет до четырех часов ночи и на другой день не подымется с постели раньше второго часу; Петербург тоже гуляет до четырех часов, но на другой день, как ни в чем не бывал, в девять часов спешит в своем байковом сюртуке в присутствие.

тоже пьянствует до 4<x> часов

Москва гуляет до четырех часов ночи и на другой день не подымется с постели раньше второго часу; Петербург тоже гуляет до четырех часов, но на другой день, как ни в чем не бывал, в девять часов спешит в своем байковом сюртуке в присутствие.

[как ни в чем не бывало]

Москва гуляет до четырех часов ночи и на другой день не подымется с постели раньше второго часу; Петербург тоже гуляет до четырех часов, но на другой день, как ни в чем не бывал, в девять часов спешит в своем байковом сюртуке в присутствие.

летит

Москва гуляет до четырех часов ночи и на

другой день не подымется с постели раньше второго часу; Петербург тоже гуляет до четырех часов, но на другой день, как ни в чем не бывал, в девять часов спешит в своем байковом сюртуке в присутствие.

После «в присутствие»:

а. Москва нужна для России, Петербург <...>

б. Москва нужна для России. Для Петербурга нужна Россия

В Москву тащится Русь с деньгами в кармане и возвращается налегке; в Петербург едут люди безденежные и разъезжаются во все стороны света с изрядным капиталом.

народ

В Москву тащится Русь с деньгами ~ закупать; в Петербург идет русский народ пешком летнею порою строить и работать.

в зимних кибитках по зимним ухабам [продавать] с деньгами в кармане сбывать и закупать

В Москву тащится Русь в зимних кибитках

по зимним ухабам сбывать и закупать; в Петербург идет русский народ пешком летнею порою строить и работать.

летом

В Москву тащится Русь в зимних кибитках по зимним ухабам сбывать и закупать; в Петербург идет русский народ пешком летнею порою строить и работать.

без копейки в кармане

Москва — кладовая, она наваливает тюки да вьюки, на мелкого продавца и посмотреть не хочет; Петербург весь расточился по кусочкам, разделился, разложился на лавочки и магазины и ловит мелких покупателей.

всё растаскал

Москва — кладовая, она наваливает тюки да вьюки, на мелкого продавца и посмотреть не хочет; Петербург весь расточился по кусочкам, разделился, разложился на лавочки и магазины и ловит мелких покупателей.

После «разложился»: [для]

Москва — кладовая, она наваливает тюки да вьюки, на мелкого продавца и смотреть не хочет; Петербург весь расточился по кусочкам, разделился, разложился на лавочки и магазины и ловит мелких покупателей.

нет.

Москва говорит: «коли нужно покупщику, сыщёт»; Петербург сует вывеску под самый нос, подкапывается под ваш пол с «Ренским погребом» и ставит извозчичью биржу в самые двери вашего дома.

сует вам под нос вывеску

Москва говорит: «коли нужно покупщику, сыщёт»; Петербург сует вывеску под самый нос, подкапывается под ваш пол с «Ренским погребом» и ставит извозчичью биржу в самые двери вашего дома.

подбирается под пол ваших комнат

Москва говорит: «коли нужно покупщику, сыщёт»; Петербург сует вывеску под самый нос, подкапывается под ваш пол с «Ренским погребом» и ставит извозчичью биржу в са-

мые двери вашего дома.

нет.

Москва не глядит на своих жителей, а шлет товары во всю Русь; Петербург продает галстухи и перчатки своим чиновникам.

не думает о себе

Москва не глядит на своих жителей, а шлет товары во всю Русь; Петербург продает галстухи и перчатки своим чиновникам.

продает чиновникам галстухи и перчатки

Москва — большой гостиный двор; Петербург — светлый магазин.

гостиный двор, темный [куда]

Петербург любит подтрунить над Москвою, над ее аляповатостью, неловкостью и безвкусием; Москва кольнет Петербург тем, что он человек продажный и не умеет говорить по-русски. ЦД1;

ПС, 1837 — над ее неловкостью и безвкусием;

ЛБ8 — над ее неловкостью и аляповатостью

Петербург любит подтрунить над Москвою, над ее аляповатостью, неловкостью и безвкусицей; Москва кольнет Петербург тем, что он человек продажный и не умеет говорить по-русски. ЦД1;

ПС, 1837 — он не умеет говорить по-русски;

ЛБ8 — он человек продажный и говорит бог знает по каковскому наречью

В Петербурге, на Невском проспекте, гуляют в два часа люди, как будто сошедшие с журнальных модных картинок, выставляемых в окна, даже старухи с такими узенькими талиями, что делается смешно; на гуляньях в Москве всегда попадетя в самой середине модной толпы какая-нибудь матушка с платком на голове и уже совершенно без всякой талии.

а. по Невскому проспекту

б. в 2 часа на Невском проспекте как будто кто-нибудь высыпал <1 нрзб.> с картинки мод

В Петербурге, на Невском проспекте, гуляют в два часа люди, как будто сошедшие с

журнальных модных картинок, выставляемых в окна, даже старухи с такими узенькими талиями, что делается смешно; на гуляньях в Москве всегда попадетя в самой середине модной толпы какая-нибудь матушка с платком на голове и уже совершенно без всякой талии.

ни одной дурной толстой талии не сыще<те> даже у старух

В Петербурге, на Невском проспекте, гуляют в два часа люди, как будто сошедшие с журнальных модных картинок, выставляемых в окна, даже старухи с такими узенькими талиями, что делается смешно; на гуляньях в Москве всегда попадетя в самой середине модной толпы какая-нибудь матушка с платком на голове и уже совершенно без всякой талии.

в Москве какое бы ни было избранное гулянье

В Петербурге, на Невском проспекте, гуляют в два часа люди, как будто сошедшие с журнальных модных картинок, выставляемых

мых в окна, даже старухи с такими узенькими талиями, что делается смешно; на гуляньях в Москве всегда попадетя в самой середине модной толпы какая-нибудь матушка с платком на голове и уже совершенно без всякой талии.

всегда попадетя матушка

Сказал бы еще кое-что, но —
Дистанция огромного размера!..
нет.

РЕЦЕНЗИИ ИЗ «СОВРЕМЕННОКА»

(Варианты по ЛБ18)
В Плавание по Белому морю и Соловецкий монастырь.

Несколько занимательных замечаний о северной природе.

Небольшая брошюрка. Есть несколько мест [В рукописи: местностей] [очень] интересных

Несколько занимательных замечаний о северной природе.

а. о природе и севере

б. где

Желательно было бы слышать более о сем угрюмом и знаменитом в наших летописях монастыре, где древле томились в заточении наши опальные патриархи и святители. Это [<1 нрзб.>] сторона угрюмая [и уны<лая>], места [Далее было: заточения] изгнаний и заточения [Далее начато: а. где томились когда-то б. виновных], знаменитые в наших летописях

Желательно было бы слышать более о сем угрюмом и знаменитом в наших летописях монастыре, где древле томились в заточении наши опальные патриархи и святители.

где оканчивали<?> [томились] жизнь бесплодно в бедном, убогом монашестве

Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год, артиллерии полковника И. Р.

Когда возвратились ~ кружок.

[Ничто так не занимало нас, без сомнения, это всякой скажет, как] рассказы наших офицеров, возвратившихся из-за границы [после

славного вступления наших] войск в Париж. Каждого рассказ о приключениях, собственно с ним приключившихся, был так занимателен, что всегда собирал около себя кружок жадных слушателей. И теперь еще, если [старый ве<теран?>] бывший в то время наш офицер, большею частью уже ветеран, уже во фраке, начнет рассказывать, то они [всегда] возбуждают наше <...> Потому что действительно жизнь каждого из них была исполнена не простых случаев [Далее начато: а. Но ни один из наших офицеров до сих пор не б. и потому что всякое слово] и потому что слова их были простая истина.

Это место, оставшееся не зачеркнутым, заменено следующим:

Когда возвратились наши войска из славного [путешествия], [Тр<?>] в Париж, каждый офицер нес кучу воспоминаний о приключениях. Их рассказы [потому] были чрезвычайно любопытны, потому что [<1 нрзб.>] [Европы] всё европейское видели со свежими любопытными чувствами новичка, с которым жадно делиться чувствами и потому что рассказывались тоже новичкам, еще не видев-

шим всего это<го>. Как встречали жители русские войска, что такого говорили о русских войсках. Словом, [каждого] один только<?> постой русского офицера на немецкой квартире уже составлял сам собою роман, тем более поразительный, что рассказывался в простоте [без всяких претензий] и самой живой правде... Наши воины все сделались тогда интересны. Еще и донныне, если бывший в Париже офицер, уже ветеран, уже во фраке, уже с проседью в голове, начинал рассказывать, то около него невольно собирался кружок

Но ни один из наших офицеров до сих пор не вздумал записать свои рассказы в той истине и простоте, в какой они изливаются изустно.

в такой совершенно простоте и истине

Но ни один из наших офицеров до сих пор не вздумал записать свои рассказы в той истине и простоте, в какой они изливаются изустно.

в какой рассказ<ывал>

То, что случилось с ними, как с людьми частными, почитают они слишком неважным, и очень ошибаются.

Некоторые обращали внимание на реляции — дело, требующее уже самого глубокого соображения [Далее было: и между тем чуждого для больш<инства?>], многих средств и [интересного для небольшого] числа посвященных [в военное звание], но случившееся с ним как с частным человеком [он] вообще, как почитают и многие, <считает> неважным и очень ошибается

Их простые рассказы иногда вносят такую черту в историю, какой нигде не дороешься.
их простые записки

Их простые рассказы иногда вносят такую черту в историю, какой нигде не дороешься.
такую внесут черту

Их простые рассказы иногда вносят такую черту в историю, какой нигде не дороешься.
как не докопаешься в пространнейших трактатах о минувших кампаниях

Возьмите, например, эту книгу: она не отличается блестящим слогом и замашками опытного писателя; но всё в ней живо и везде слышен очевидец.

Возьмите вы эту книгу, прочитайте ее

Возьмите, например, эту книгу: она не отличается блестящим слогом и замашками опытного писателя; но всё в ней живо и везде слышен очевидец.

ни блестящим слогом, ни замашкою писателя

Возьмите, например, эту книгу: она не отличается блестящим слогом и замашками опытного писателя; но всё в ней ~ для ума.

но она [проста] любопытна и для [читателя] [Далее было: едва начинающего читать, и для умного наблюдателя, поставляющего себе из чтения новые богатства ума. Вся эта гибель романов и пустых и <1 нрзб.> толстых и тонких <...>] который читает только для времяпрепровождения и для которого из чтения извлекаются новые<?> богатства для ума. Это

множе<ство> [новых] романов, наводняющих нас последнее время, канут безвыходно, а книгу эту конечно<?> будут читать и после нас, как читаем теперь мы ее. Никто, кроме полугра<мотных> литераторов не станет смотреть ни на слог ее, ни на шероховатость периодов.

Письма леди Рондо.

Книжка замечательная.
довольно замечательная

Леди Рондо пишет к приятельнице своей о себе, о своих чувствах, о том, что занимательно для нее одной, но мимоходом задевает и историю.

Сочинительница

Леди Рондо пишет к приятельнице своей о себе, о своих чувствах, о том, что занимательно для нее одной, но мимоходом задевает и историю.

интересно для ней

Леди Рондо пишет к приятельнице своей о себе, о своих чувствах, о том, что занимательно

но для нее одной, но мимоходом задевает и историю.

делает такие замечания, которые принадлежат истории. Далее: Она передала [два-три] замеча<тельные?> [слова] изречен<ия> княгини Долгорукой, изречения, выказывающие ее высокую душу

Несколько беглых слов о Петре II, об императрице Анне Ивановне, о Бироне прибавляют новые черты к их портретам.

[Две-три черты] Два-три замечания об императрице

Несколько беглых слов о Петре II, об императрице Анне Ивановне, о Бироне прибавляют новые черты к их портретам.

и Бироне

Несколько беглых слов о Петре II, об императрице Анне Ивановне, о Бироне прибавляют новые черты к их портретам.

дают новую черту

Путешествие вокруг света.

Есть книги, пишущиеся для того общества,

которое нужно как детей заохочивать и принуждать к чтению.

Есть книги, которые пишутся [именно] для всей массы общества и особенно той, которую [а. для всей массы [народа] общества б. для всех сословий, но более для тех, которые [требуют] преимущественно требуют образования, для людей [неученых] не учившихся или мало ученых, словом для людей светских, для людей [занятых] слишком занятых жизнью, расчетами или для людей не занятых ничем, стало быть для многочисленно<й> [и может быть] и лучше для всей массы общества, которой] нужно как детей заохочивать и принуждать [заставлять] читать. [В это] Отсюда произошло множество книг для всеобщего употребления, облеченных общепонятным приятным языком, книг, которые приносят пользу тем, что нечувствительно образовывали и приготавливали [Вместо «для всеобщего ~ приготавливали»: а. всемирных, назначе<нных?> б. всеобщих, общенародных, которых цель дать знаниям сколько можно более заманчивый вид, облечь их чистым общепонятным языком, представить сколько можно объемистее.

Эта цель достигала своей цели и польза, принесенная ею, была велика, она нечувствительно образовывала толпу и приготавлила нам читателей

В этом случае бескорыстнее действовали англичане, которые, при всей народной гордости, отличаются своею филантропией, составляют общества для распространения нравственности, воздержания и проч.

бескорыстнее всего действовали

В этом случае бескорыстнее действовали англичане, которые, при всей народной гордости, отличаются своею филантропией, составляют общества для распространения нравственности, воздержания и проч.

а. нация, при всей сильной

б. нация, при своей

В этом случае бескорыстнее действовали англичане, которые, при всей народной гордости, отличаются своею филантропией, составляют общества для распространения нравственности, воздержания и проч.,

- а. всегда питавшая любовь почти космополитическую ко всему человечеству
- б. часто<?> показывав<шая>
- в. отличавшаяся своею филантропиею

В этом случае бескорыстнее действовали англичане, которые, при всей народной гордости, отличаются своею филантропией, составляют общества для распространения нравственности, воздержания и проч.,

а. [Там составлялись целые] Составлявшая общества

В этом случае бескорыстнее действовали англичане, которые, при всей народной гордости, отличаются своею филантропией, составляют общества для распространения нравственности, воздержания и проч.

возвращения свободы невольникам и тому подобные

издают и распускают по свету безденежно, или по чрезвычайно низкой цене, множество полезных книг для народа.

а. Эти общества издают и распускают

б. издававшая и распускаящая

издают и распускают по свету безденежно, или по чрезвычайно низкой цене, множество полезных книг для народа.

После «безденежно»: [самые]

издают и распускают по свету безденежно, или по чрезвычайно низкой цене, множество полезных книг для народа.

по чрезвычайно малой

издают и распускают по свету безденежно, или по чрезвычайно низкой цене, множество полезных книг для народа.

самое полезное

Что изобретет англичанин, то углубит, расширит и разнесет по всему свету француз.

Там [наконец] на некоторое время пробудилось желание представить науки сколько возможно сообразно [Вместо «сообразно»: в ясном виде и сообразном еще] с начинающими развиваться [с развивающ<имся>] способностями<ми>. [Далее было: Должно изумлять, с

каким искусством, как постепенно следовал за душевным развитием воспитанника, развивал ему свою систему. Науки самые отвлеченные [делались] [начинались] у них делались сведением всех. К этому месту относится приписка на соседней странице: [Рассмотрите только множество выходящих книг для воспитания детей или для народа]] То, что у англичан потребно<сть>, то у французов вдруг обратится в моду. Он кинется со всею жадностью перенимать, распространит, увеличит, разнесет <по> всему свету как оригинальное и собственное [Вместо «разнесет ~ собственное»: и разбрасает как оригинально<e>]

Едва появилось во Франции одно дешевое издание, как уже на другой год нахлынул потоп дешевых изданий.
дешевое сочинение

Едва появилось во Франции одно дешевое издание, как уже на другой год нахлынул потоп дешевых изданий.
уже на другой год целый потоп дешевых

<сочинений?>

Еще не успеет Европа получить одно, как является другое.

а. Труды, издержки

б. Сочинения, труды, издержки идут быстро, скоро в обращение, и не успела Европа получить их последние произведения, уже они занимают новым чем<-то>, уже в руках их движется, отработав его живо, скоро сбывают с рук, так же едва оставив для себя какое-нибудь впечатление и даже не оставляют никаких осадков собственно в душе своей [Далее была: Как же, как будто <...>]. Вся нация как будто служит почтою для всей Европы — рынок, где Европа получает и обменивает собственные произведения, как будто вся нация живет для Европы, для <того> только, чтобы приводить в сообщение Европу

в. Еще не успела Европа получить ее последних изданий, уже внутри ее совершен<но> новые являются. Она передает живо, скоро, всей Европе, даже не оставляя осадка собственно для себя, что будто вся нация подрядилась быть почтою или рынком для всей

Европы, где Европа обменивает собственно свои произведения [Еще не успела ~ произведения написано на соседней странице.]

К числу множества таких изданий принадлежит и вышеозначенное.

К числу [таких] множества дешевых изданий

К числу множества таких изданий принадлежит и вышеозначенное.

и означенное выше сочинение

Оно замечательнее других потому, что полезнее.

После «потому, что полезнее»: и более носит в себе целости

Это свод всех путешествий, изображение всего мира в его нынешнем географическом, статистическом и физическом состоянии, словом, книга, более всего находящая себе читателей, потому что путешествие и рассказы путешествий более всего действуют на развивающийся ум.

картина всего

Это свод всех путешествий, изображение всего мира в его нынешнем географическом, статистическом и физическом состоянии, словом, книга, более всего находящая себе читателей, потому что путешествие и рассказы путешествий более всего действуют на развивающийся ум.

нравоописательном, статистическом, физическом виде

Это свод всех путешествий, изображение всего мира в его нынешнем географическом, статистическом и физическом состоянии, словом, книга, более всего находящая себе читателей, потому что путешествие и рассказы путешествий более всего действуют на развивающийся ум.

книга, которая больше всего находит читателей

Это свод всех путешествий, изображение всего мира в его нынешнем географическом, статистическом и физическом состоянии, сло-

вом, книга, более всего находящая себе читателей, потому что путешествие и рассказы путешествий более всего действуют на развивающийся ум.

путешествия и рассказы о путешествиях действуют прежде всего

Это свод всех путешествий, изображение всего мира в его нынешнем географическом, статистическом и физическом состоянии, словом, книга, более всего находящая себе читателей, потому что путешествие и рассказы путешествий более всего действуют на развивающийся ум.

После «развивающийся ум»: [Это] [Оно составлено из самых верных известий, принесенных последними путешественниками и]

Сведения, принесенные новейшими путешественниками, в этой книге вложены в уста одного.

Все сведения, принесенные новыми путешественниками

Быть может, слишком взыскательному чи-

тателю станет досадно при мысли, что всё это рассказывает ему человек не существующий: свежесть впечатлений, сохраняемых очевидцем, ничем незаменима.

Слишком требовательному читателю

Быть может, слишком взыскательному читателю станет досадно при мысли, что всё это рассказывает ему человек не существующий: свежесть впечатлений, сохраняемых очевидцем, ничем незаменима.

[бывает] становится досадно, когда вообразит

Быть может, слишком взыскательному читателю станет досадно при мысли, что всё это рассказывает ему человек не существующий: свежесть впечатлений, сохраняемых очевидцем, ничем незаменима.

рассказывает человек, сам не бывший, идеальный

Быть может, слишком взыскательному читателю станет досадно при мысли, что всё это рассказывает ему человек не существующий:

свежесть впечатлений, сохраняемых очевидцем, ничем незаменима.

и для него ничем незаменима свежесть впечатлений, рассказанных самим очевидцем. Далее: Но эта форма полезна вообще, тем более, что идеальный путешественник ни слова не говорит о своих собственных чувствах

Язык перевода ясен и жив.

Перевод [очень] хорош

Картинки очень хороши.

а. тоже не дурны

б. [совершенно] такие же, как и в оригинале. Далее: Издание для нас очень дешево.

В месяц выходит довольно большая тетрадь в 4, печатанная в два столбца.

В каждый месяц выходит значительная тетрадь

В Москве это же самое сочинение начал переводить г. Полевой.

начал это же сочинение

Он выдал уже один том; если выйдут остальные пять, то и его издание будет дешевое.

а. и дурно сделал, что выдал только один <том?> вместо обещанных шести. Ему особенно нужно было обратить внимание

б. дешево тоже. Пошло же счастье Дюпону Дюрвилю

Атлас к космографии, изд. Ободовским.

Атлас этот принадлежит к вышедшей за два года пред сим космографии г. Ободовского.

Два года назад вышла космография Ободовского, сочинение, могущее подать довольно удовлетворительные сведения [подать первые свед<ения>] для учащихся [Далее начато: Тем], особливо у нас, где в этом роде нет сочинений вовсе [Вместо «у нас ~ вовсе»: для инжеров<?>, потому что в этом роде сочинений у нас нет]. К [Далее начато: а. вышедшей<?> б. означенной при<?>] этой принадлежит этот атлас

Мое новоселье. Альманах на 1836

год, В. Крыловского.

Это альманах!

Боже мой! это альманах! как<ой> же он маленькой! [Далее было: какой невидный, тощий и бедненький, тощий, как голодный кот на старом пепелище]

Какое странное чувство находит, когда глядим на него: кажется, как будто на крыше опустелого дома, где когда-то было весело и шумно, видим перед собою тощего мяукающего кота.

Какое странное чувство, когда глядишь

Какое странное чувство находит, когда глядим на него: кажется, как будто на крыше опустелого дома, где когда-то было весело и шумно, видим перед собою тощего мяукающего кота. как будто бы [Далее было: а. на старом пепелище б. в развали<нах> над пепели<щем>] видишь перед собою на крыше опустелого <дома>, где когда-то веселился, и шумно, тощего мяукающего кота

Когда-то Дельвиг издавал благоуханный

свой альманах!

издавал Дельви́г

В нем цвели имена Жуковского, князя Вяземского, Баратынского, Языкова, Плетнева, Туманского, Козлова.

а. [Имена стояли] [в нем] [под его] [под стихами до<?>] [под кучею душистых стихов] Под вереницею обдуманно обделанных стихов стояли име<на> Жуковского, Пушкина, Баратынского, князя Вяземского, Языкова, Козлова, Туманского. От них чем-то веяло музыкальным

Теперь всё новое, никого не узнаешь: другие люди, другие лица.

Теперь всё другие люди, лица всё незнакомые

В оглавлении, приложенном к началу, стоят имена гг. Куруты, Варгасова, Крыловского, Грена; кроме того, написали еще стихи буква С., буква Ш., буква Щ.

В оглавлении альманаха

В оглавлении, приложенном к началу, стоят имена гг. Куруты, Варгасова, Крыловского, Грена; кроме того, написали еще стихи буква С.,

имена Куруты, Грена, Крыловского, Варгасова

В оглавлении, приложенном к началу, стоят имена гг. Куруты, Варгасова, Крыловского, Грена; кроме того, написали еще стихи буква С., буква Ш., буква Щ.

а. подписалась буква под многими ст<иха>ми?>

б. кроме <того> написал еще какой-то

в. кроме <того> написали стихи ~ буква Щ

Читаем стихи — подобные стихи бывали и в прежнее время; по крайней мере в них всё было ровнее, текучее, сочинители лепетали вслед за талантами.

а. Прочитавши стихи

б. Читаем

Читаем стихи — подобные стихи бывали и в прежнее время; по крайней мере в них всё

было ровнее, текучее, сочинители лепетали
вслед за талантами.

а. таких стихов [что] и тогда много в раз-
ных пустых альмана<хах>

б. таких стихов и тогда много было в раз-
ных книжонках

Читаем стихи — подобные стихи бывали и
в прежнее время; по крайней мере в них всё
было ровнее, текучее, сочинители лепетали
вслед за талантами.

но они были лучше, в них была ровнее
версификация, текучее, потому что они лепе-
тали

Грустно по старым временам!..

по прежним

Сорок одна повесть лучших ино- странных писателей.

Повести, печатанные в разных номерах Те-
лескопа.

Повести, прежде бывшие в Телескопе

Издатель, выбрав их оттуда, выпустил от-
дельными книжками и хорошо сделал.

а. Теперь

б. Издатель выбрал их оттуда

Издатель, выбрав их оттуда, выпустил отдельные книжками и хорошо сделал.
издал отдельные книжки

Издатель, выбрав их оттуда, выпустил отдельные книжками и хорошо сделал.
отчасти прав

Их развезут по первой зимней дороге русские разносчики во все отдаленные города и деревни; они приятно займут в долгие вечера и ночи наших уездных барышень, по крайней мере приятнее, нежели наши самодельные романы.

Будучи развезены [по славной санной дороге] по первой <?> дороге <?> в рогоженных кибитках [нашими сметливыми русскими мужиками]

Их развезут по первой зимней дороге русские разносчики во все отдаленные города и деревни; они приятно займут в долгие вечера

и ночи наших уездных барышень, по крайней мере приятнее, нежели наши самодельные романы.

деревни и города

Их развезут по первой зимней дороге русские разносчики во все отдаленные города и деревни; они приятно займут в долгие вечера и ночи наших уездных барышень, по крайней мере приятнее, нежели наши самодельные романы.

Всё же гораздо лучше, нежели [самодельные] романы [русско<й?>] нашей самодельности, разве

РЕЦЕНЗИИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В «СОВРЕМЕННОК»

(Первоначальные варианты рукописи)
Летописи русской славы.

Памятная книжка в роде календаря, в котором под каждым числом каждого месяца означено случившихся в тот день сражений и все подвиги нашего победоносного войска.

После «книжка»: в которой означено когда и в какие дни случались сражения взятия городов и

Памятная книжка в роде календаря, в котором под каждым числом каждого месяца означено случившихся в тот день сражений и все подвиги нашего победоносного войска.

После «подвиги»: русского

Детский Карамзин.

Издается периодически, в месяц до двух тетрадей.

После «тетрадей»: всё издание [объявлено

из] состоит из

Русские классики. Часть I. Кантемир.

Намерение очень хорошее — издать Кантемира и других старых писателей наших.

Несколько издателей

Довольно дорого и неудобно.

После «неудобно»: держа<ть>

Неудобно потому, что у нас не привыкли к такому мелкому расчету, и всякой будет ожидать лучше всей книги, чтобы куп<ить>.

скорее

На тетрадки обыкновенно разлагаются в Европе огромные издания, для того чтобы облегчить взнос денег для читателей, которые в NB все почти люди бедные.

сочинения

В месяц выходит тетрадь из 10 печатных листов довольно густой печати; при них множество картинок и вся тетрадь обходится по два рубли.

10 печатных листов к

В месяц выходит тетрадь из 10 печатных листов довольно густой печати; при них множество картинок и вся тетрадь обходится по два рубля.

После «листов»:

а. гораздо

б. таких

В месяц выходит тетрадь из 10 печатных листов довольно густой печати; при них множество картинок и вся тетрадь обходится по два рубля.

После «при них»: более

Это можно назвать у нас дешевым.

После «дешевым» начато: Издатели классиков

История поэзии С. Шевырева.

Замечательное явление в нашей литературе.

Одно из замечательных явлений

В первый раз является наш русский оригинальный курс Истории всемирной поэзии.

у нас в России [нашего же писа<теля>]

В первый раз является наш русский оригинальный курс Истории всемирной поэзии.

Истории поэзии всех веков

Из всех доселе писателей наших, преимущественно заним<авшихся> кри<тикою>, бесспорно Шевырев первый, которого имя останется в летописях нашей литературы.

Из всех наших когда-либо суц<ествовавших>

Из всех доселе писателей наших, преимущественно заним<авшихся> кри<тикою>, бесспорно Шевырев первый, которого имя останется в летописях нашей литературы.

После «доселе»:

а. [существовавших] бывших наших критических писателей

б. исключительно занимавшихся у нас критикою

В следующем томе поместим обстоятельный разбор этого важного сочинения.

а. Об это<м>

б. В скором времени надеемся представить

Он и она.

Романы в нашей литературе завелись теперь трех родов: романы пятнадцатирублевые, всегда почти толс<тые>, длинные, солидные, в 4 частях по 300 страниц в каждой, другие романы средней руки, романы восьми- и шестьюрублевые, тоже иногда в четырех частях, но бывают и в двух.

После «родов»: Одни романы толстые в чет<ырёх>

Романы в нашей литературе завелись теперь трех родов: романы пятнадцатирублевые, всегда почти толс<тые>, длинные, солидные, в 4 частях по 300 страниц в каждой, другие романы средней руки, романы восьми- и шестьюрублевые, тоже иногда в четырех частях, но бывают и в двух.

После «руки»: тоже иногда в четырех частях

Романы в нашей литературе завелись теперь трех родов: романы пятнадцатирубле-

вые, всегда почти толс<тые>, длинные, солидные, в 4 частях по 300 страниц в каждой, другие романы средней руки, романы восьми- и шестирублевые, тоже иногда в четырех частях, но бывают и в двух.

После «иногда»: в двух

Этого сорта дешевые романы пишутся обыкновенно людьми молодыми; в них много романтического, не бывает недостатка в восклицаниях, и чрезвычайно много точек.

После «молодыми»: к ним принадлеж<ат>

Этого сорта дешевые романы пишутся обыкновенно людьми молодыми; в них много романтического, не бывает недостатка в восклицаниях, и чрезвычайно много точек.

После «романтического»: сценического

Наконец следуют романы пяти- и четырехрублевые; эти состоят большею частью из трех частей, иногда из двух, но эти части уже никак не бывают больше 60 или 90 страниц, а иногда иная часть удается так странно, что в ней всей всего-навсего бывает страниц 36. По-

сле «частью из»: двух

Это русские самородки, и предводитель сего последнего инвалидного войска есть А. А. Орлов, на<д> которым очень любят подшучивать петербургские журналисты.

После «самородки»: и родоначал<ьник>

Это русские самородки, и предводитель сего последнего инвалидного войска есть А. А. Орлов, на<д> которым очень любят подшучивать петербургские журналисты.

этого

Разбираемый роман принадлежит к первому роду, то есть к романам пятнадцатирублевым, хотя автор, как видно из первых страниц, часто бывает очень нетерпелив и никак не посидит на месте и не займется долго одним лицом.

После «автор»:

а. часто бывает

б. как са<...?>

Помнится только, что какой-то граф и ка-

кой-то студент таскаются по улицам в каком-то городе, чуть ли не в Москве, берут Катю и увозят, потом опять берут Катю и, кажется, опять увозят.

После «таскаются»: в каком-то городе кажется

Недовольные.

Стихи местами хороши, везде почти непринужденны, но комического, [а это-то главное], почти нет.

Стихи довольно легки

Путешествие к святым местам.

Путешествия в Иерусалим производят действие магическое в нашем народе.

Для нашего народа путешествия в Иерусалим вообще имеют магическое действие

Почти такое производит на них впечатление <путешествие> в Цареград, как будто невольная признательная черта, сохранившаяся в русском племени, за тот свет, который некогда истекал оттуда.

После «Цареград»: Предметы вообще драгоценные для них, к которым они уже чувствуют невольное благоговение

Почти такое производит на них впечатление <путешествие> в Цареград, как будто невольная признательная черта, сохранившаяся в русском племени, за тот свет, который некогда истекал оттуда.

После «черта»:

а. в грустной

б. природе

Почти такое производит на них впечатление <путешествие> в Цареград, как будто невольная признательная черта, сохранившаяся в русском племени, за тот свет, который некогда истекал оттуда.

После «свет»: который получили мы отсюда

Нередко русской мещанин промышленник сколько-нибудь ученый, бросив дела, отправлялся сам в Иерусалим и Цареград и даже издавал книгу, которую жадно покупали у разносчиков, пропуская множество картин, висящих на шнурочке у него на плечах, несмотря на то, что многие из них разрисова-

ны всякими красками.

После «сколько-нибудь»: наслышавшись и начитавшись

Нередко русской мещанин промышленник сколько-нибудь ученый, бросив дела, отправлялся сам в Иерусалим и Цареград и даже издавал книгу, которую жадно покупали у разносчиков, пропуская множество картин, висящих на шнурочке у него на плечах, несмотря на то, что многие из них разрисованы всякими красками.

висящих у него на плечах на шнурочке

Нередко русской мещанин промышленник сколько-нибудь ученый, бросив дела, отправлялся сам в Иерусалим и Цареград и даже издавал книгу, которую жадно покупали у разносчиков, пропуская множество картин, висящих на шнурочке у него на плечах, несмотря на то, что многие из них разрисованы всякими красками.

После «многие из них»: исписаны [красками] в желтую краску

Прочие книги русский народ читает для <того> только, чтобы прочесть что-нибудь в случае показать себе и другим, что он может прочесть по верхам то, что другой читает по складам — без малейшего внимания к содержанию книги.

После «книги»: читают

Прочие книги русский народ читает для <того> только, чтобы прочесть что-нибудь в случае показать себе и другим, что он может прочесть по верхам то, что другой читает по складам — без малейшего внимания к содержанию книги.

народ уже решительно читает

Прочие книги русский народ читает для <того> только, чтобы прочесть что-нибудь в случае показать себе и другим, что он может прочесть по верхам то, что другой читает по складам — без малейшего внимания к содержанию книги.

После «читает»: Русской

Прочие книги русский народ читает для

<того> только, чтобы прочитать что-нибудь в случае показать себе и другим, что он может прочесть по верхам то, что другой читает по складам — без малейшего внимания к содержанию книги.

После «может»: то, что
Описание Прусского государства.

Книга в роде тех географий, каких расходуется по Руси много и по которым учат у нас детей.

Книги не самые совершенные

Книга в роде тех географий, каких расходуется по Руси много и по которым учат у нас детей. После «географий»:

а. какие расходятся

б. каких у <нас>

в. каких много расходуется

Книга в роде тех географий, каких расходуется по Руси много и по которым учат у нас детей.

После «расходуется»: по лицу всей России

Она что-то среднее: как книга для учени-

ка> она велика, для выучившегося пахнет указкою.

После «среднее»: для

Она что-то среднее: как книга для ученика> она велика, для выучившегося пахнет указкою.

После «велика»: как

Она что-то среднее: как книга для ученика> она велика, для выучившегося пахнет указкою.

После «выучившегося»: она

Указатель губернских и уездных почтовых дорог.

Книжка издана довольно укладисто для дороги, хотя бы можно издать еще укладистее.

После «укладистее»: Разворачивая

Карту не нужно особенно и в большом виде, в дороге нечего разворачивать, лучше придумать как-нибудь поместить ее в страницах самой книги хотя по частям, а еще лучше соединить [описание с топографией].

После «лучше»: поместить в обло<жках?> в середину

Карту не нужно особенно и в большом виде, в дороге нечего разворачивать, лучше придумать как-нибудь поместить ее в страницах самой книги хотя по частям, а еще лучше соединить [описание с топографией].

После «ее»: в середину книги

Карту не нужно особенно и в большом виде, в дороге нечего разворачивать, лучше придумать как-нибудь поместить ее в страницах самой книги хотя по частям, а еще лучше соединить [описание с топографией].

После «[описание с топографией]» : соединить отдельно

Основание Москвы.

Один из тех романов, в роде которых выходит очень много и особенно в Москве.

После «много»: и больше

Один из тех романов, в роде которых выходит очень много и особенно в Москве.

После «в Москве»: Они обыкновенно

Авторы их — часто робкие, молодые, еще не обжегшиеся на огне писатели и поэтому выставляют часто одни только заглавные литеры своего имени и окончивают его точками.

После «имени и»: далее

Авторы их — часто робкие, молодые, еще не обжегшиеся на огне писатели и поэтому выставляют часто одни только заглавные литеры своего имени и окончивают его точками. После «точками»:

а. Многие из них, как видно

б. Герои обыкновенно говорят

Автор обыкновенно заставляет говорить своих героев слогом русских мужичков и купцов, потому что у нас в продолжение десяти последних <лет> со времени появления романов в русском кафтане возникла мысль, что наши исторические лица и вообще все герои прошедшего должны непременно говорить языком нынешнего простого народа и отпус-

кать как можно побольше пословиц.

После «у нас»: уже

Автор обыкновенно заставляет говорить своих героев слогом русских мужичков и купцов, потому что у нас в продолжение десяти последних <лет> со времени появления романов в русском кафтане возникла мысль, что наши исторические лица и вообще все герои прошедшего должны непременно говорить языком нынешнего простого народа и отпускать как можно побольше пословиц.

После «последних <лет>» : <со> времени, которое можно назвать временем русских

Автор обыкновенно заставляет говорить своих героев слогом русских мужичков и купцов, потому что у нас в продолжение десяти последних <лет> со времени появления романов в русском кафтане возникла мысль, что наши исторические лица и вообще все герои прошедшего должны непременно говорить языком нынешнего простого народа и отпускать как можно побольше пословиц.

После «говорить языком»: тепере<шнего>

В последние года два или три новая французская школа, выразив<шаяся> у нас во многих переводных отрывка<х> и мелодрамах на театре, прояви<ла> заметное свое влияние даже и на них.

После «французская школа»:

а. произвела некоторое влияние

б. оказавшая

Подыметя с полатей или с своей печки и выступит таким шагом, как Наполеон; какой-нибудь Василий, Улита или Степан Иванович Кучка после какой-нибудь русской замашки, отпустивши народную поговорку, зарычит вдруг «смерть и ад!»

После «Кучка»: брякнувши чисто русскую поговорку

В другом месте читатель приговорен к тому, что эти мужички засучат рукава и потузят друг друга, но вместо того [он] видит, что они кинули один на другого мрачный взгляд и!! тут обыкновенно автор поставит несколько точек и прибавит: «и поняли друг друга».

После «другом месте»:

а. эти мужички, которые

б. когда чита<тель>

в. к необыкновенному изумлению читателя, вместо

[А] иногда даже прибавит: и в этом безмолвии произошла страшная драма и тому подобное.

После «тому подобное»: Не говоря

В этом уже и упрекать нельзя, что лицо немного похоже на испанца или француза; этого греха не могли избежать и большие наши романы и...

После «француза»: или кого-нибудь

В этом уже и упрекать нельзя, что лицо немного похоже на испанца или француза; этого греха не могли избежать и большие наши романы и...

После «наши романы и...»: В них везде

Общий характер этих маленьких романов, котор<ые> в таком изобилии и так скоро вы-

растают на Руси, есть совершенная детскость.
неболь<ших>

Совсем нет, не глупость, но создание самого незрелого дитяти, которого и то занимает и другое, и того хочется ему и другого, никакой постоянности.

После «никакой постоянности»: ничего у него нет такого, которое бывает

Оттуда у него на одной странице столько несообразностей, сколько у другого в целом томе.

целой

Оттуда у него на одной странице столько несообразностей, сколько у другого в целом томе.

После «у него»: или

У бесталанного, но опытного человека, набившего руку на писаньи, несообразности становятся явны по прочтении только многих страниц, у бесталанного, но неопытного и молодого, их в одной странице наберется

столько, что читатель по ним может вывести безошибочно мнение обо всем сочинении.

После «молодого»:

а. одна

б. довольно прочитать

Если бы мы привели в пример оттуда несколько страниц, они могли бы заставить читателей усмехнуться; незачем наполнять листок нашего журнала плохим тогда, когда можно занять место выпискою чего-нибудь хорошего.

После «когда можно»: провесть

И здесь потому только почтено необходимым сказать о них несколько слов, чтобы <при> другом подобном романе иметь случай не говорить о нем вовсе, а сослаться <на> сказанные нами ныне слова.

После «потому только»: сказано о них вообще несколько слов, чтобы избежать

Убийственная встреча.

Перед Эта книжечка было начато: Так как романы бывают у нас разных родов, так точно и повести

Картины мира.

За несколько лет пред сим на Руси, так же как и в Европе, заметна была вообще охота к чтением нравственным, являвшимся в виде длинных рассуждений и трактатов.

потребность

За несколько лет пред сим на Руси, так же как и в Европе, заметна была вообще охота к чтением нравственным, являвшимся в виде длинных рассуждений и трактатов.

После «нравственным»: к длинным

Психологические сочинения, печатавшиеся в целых огромных томах, имели значительный перевес над всем прочим.

После «сочинения»:

а. огром<ные>

б. являвшие<ся>

Всё прочее, всё практическое, всё легкое, взятое из жизни, считалось пустым и недостойным.

всё взятое

Всё прочее, всё практическое, всё легкое, взятое из жизни, считалось пустым и недостойным.

После «считалось»: нами

Это был век солидный; впрочем, нужно заметить здесь то, что при всем этом нравственность этого века была не очень чиста, и те, которые читали питательные книги, делали под рукою такие шашни и проказы, которые теперь бы слишком бросились всем в глаза.

После «солидный»: величавый

Это был век солидный; впрочем, нужно заметить здесь то, что при всем этом нравственность этого века была не очень чиста, и те, которые читали питательные книги, делали под рукою такие шашни и проказы, которые теперь бы слишком бросились всем в глаза.

замечательно

Это был век солидный; впрочем, нужно заметить здесь то, что при всем этом нрав-

ственность этого века была не очень чиста, и те, которые читали питательные книги, делали под рукою такие шашни и проказы, которые теперь бы слишком бросились всем в глаза.

После «проказы»: что теперь даже

Это был век солидный; впрочем, нужно заметить здесь то, что при всем этом нравственность этого века была не очень чиста, и те, которые читали питательные книги, делали под рукою такие шашни и проказы, которые теперь бы слишком бросились всем в глаза.

После «которые»: признаюсь

Замечательно, что в одно время с таким множеством нравственных сочинений появлялись такие безнравственные, что теперь даже отважнейшие из французских писателей посовестились бы написать.

После «Замечательно, что»: вместе

Все старики тогда читали душеспасительные книги, вся молодежь, напротив, читала

Фоблазов и других, и при внимательном рассмотрении оказывалось даже, что едва ли старики не обгоняли молодежь в своих домашних делах.

После «старики»: в своих домашних делах

Такой раздор теории с практикою был повсеместен в конце 18 столетия.

а. был чрезвычайно явен в конце

б. был явен в 18 столетии

Когда Кант, Шеллинг, Гегель, Окен, как художники, обрабатывали науку, облекая ее точными определительными терминами, анатомически дробя, разделяя и соединяя в единство великую область мышления, их мнения распространялись только в кругу небольшом их слушателей, понимавших трудный, немногословный, почти математический язык их.

После «науку»: их мнения

Но когда мысли их начали рассеиваться, германские писатели, если можно так выразиться, среднего класса люди, большею ча-

стию довольно умные, но без орлиной мысли и таланта, когда начали они эти идеи распложивать собственным мерилom понимания, когда они облекли эти рассуждения красноречивыми фразами, общеупотребительным языком, часто даже лирическим пылом души, то эти творения их распространились повсеместно между всем читающим кругом — и приученные мистицизмом читатели брались охотно за эти книги.

мысли плодить, одевать

В наш век почти общим сочувствием была признана необходимость воплощения всякой мысли практически.

После «необходимость»: пра<ктически>

Живой пример сильнее рассуждения, и никогда мысль не кажется нам так высока, так поразительно высока, так оглушительна своим величием, как когда облечена она [видимой формой], когда разрешается пред нами живым, знакомым миром, когда она, можно сказать, читается духовными нашими глазами из целого создания поэта.

После «[видимой формой]» : олицетворена

Живой пример сильнее рассуждения, и никогда мысль не кажется нам так высока, так поразительно высока, так оглушительна своим величием, как когда облечена она [видимой формой], когда разрешается пред нами живым, знакомым миром, когда она, можно сказать, читается духовными нашими глазами из целого создания поэта.

всего

Божественный учитель и спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божест<венные> мысли свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов.

После «открыл»: на земле

Божественный учитель и спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божест<венные> мысли свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов.

глубокую

Божественный учитель и спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божест<венные> мысли свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов.

После «народов»: Всё это мы говорим к тому

И вот уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль, и только посредственность бывает виною, что изысканная, неправильная мысль иногда предпочитается глубокой и простой.

одушевить

И вот уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль, и только посредственность бывает виною, что изысканная, неправильная мысль иногда предпочитается глубокой и простой.

После «изысканная»: так часто пр<едпочи-
тается>

Детский павильон.

Перед текстом вместо библиографической
справки: Федоров <подчеркнуто>.

Перед Федоров — один из старых наших
было начато: Это

Федоров — один из старых наших литера-
торов, писал трагедии, романы, писал и пере-
водил стихотворения во многих родах, но на-
конец, почувствовавши, что всё на свете суе-
та и что нужно иметь слишком много, чтобы
расшевелить взрослое наше поколение, при-
нялся издавать книжки для детей.

После «переводил»: разные

Он издавал довольно исправно и постоян-
но детский журнал, всегда к новому году гото-
вил нам какой-нибудь подарок в виде альма-
наха.

После «альманаха»: Русская

Академия Российская избрала его в свои

члены и, хотя он не написал такого ученого рассуждения на шести страницах, в котором говорится обыкновенно, что такой-то говорит вот то-то, такой-то вот то-то, а я полагаю, что этот предмет требует разъяснения.

трактата

Академия Российская избрала его в свои члены и, хотя он не написал такого ученого рассуждения на шести страницах, в котором говорится обыкновенно, что такой-то говорит вот то-то, такой-то вот то-то, а я полагаю, что этот предмет требует разъяснения.

После «страницах»: которым многие ученые упрочивают за собою ученость на всю жизнь

Академия Российская избрала его в свои члены и, хотя он не написал такого ученого рассуждения на шести страницах, в котором говорится обыкновенно, что такой-то говорит вот то-то, такой-то вот то-то, а я полагаю, что этот предмет требует разъяснения.

После «такой-то вот то-то, а я»: не знаю, что сказать

Альманах его нынешний име<ет> так же достоинства, как и предыдущие, и дети могут все из него составить себе приятное чтение.

нынешний так же замечателен

Обозрение сельского хозяйства.

Они большею <частью> начинаются узким клином от Москвы и тянутся на восток, раздвигался по мере приближения, <к> Уральск<ому> хребт<у>, захватывая земли губерний: Московской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Вятской, Пермской и Оренбургской.

начинаются от Москвы и тянутся на восток до Уральского хребта

Кроме того, есть еще удельные имения в губерниях остзейских.

После «Кроме того»: на западе от Москвы

Кроме того, есть еще удельные имения в губерниях остзейских.

После «Остзейских»: Какова почва и земля этих

Упомянем слова два о почве и земле, как первых естественных законах организации государственного хозяйства.

о почве этих земель как о главной основе всей промышленности

Центральные земли, то есть земли недалеко от Москвы, губерний Московской, Владимирской, отчасти земли Костромской и Нижегородской, содержат почву песчаную, глинистую, перемежаемую тундрами, илом, кочками, чернозем почти не встречается, — земли, требующие более всего возделки.

После «возделки»: Земли

Земли трех колоссальных губерний Пермской, Вятской и Оренбургской представляют отличный совершенно отдел почвы.

а. Земли обращенные

б. Имения

Земли трех колоссальных губерний Пермской, Вятской и Оренбургской представляют отличный совершенно отдел почвы.

После «Оренбургской»:

а. степная природа мечет

б. раст<ительная>

В Пермской и Вятской владычествует лес,
в Оренбургской сила растительной природы
мечет дань кормовых трав по всему своему
огромному прос<транству>.

разнооб<разных>

Большое количество мергелю представля-
ет средство для удобрения.

Множество

Большое количество мергелю представля-
ет средство для удобрения.

само собою дает

Но рассматривая в этой замечательной
<книге> работающие силы людей, мы видим
еще глубокое младенческое состояние земле-
делия, несмотря на средства, доставляемые
правительством.

а. в этой книге

б. в этой любопыт<ной>

Но рассматривая в этой замечательной <книге> работающие силы людей, мы видим еще глубокое младенческое состояние земледелия, несмотря на средства, доставляемые правительством.

средства и силы людей

Усилия рук без сравнения малы относительно пространства земли.

После «рук»: вообщ<е>

Орудия еще много не облегчены, привыч<ка> и давность обыкновения еще держит место испытующего опыта.

После «облегчены»: старый

Плуг еще доньше тяжел, ленивый медленный серп, бессильный против таких огромных пространств, еще не изгнан косою.

После «серп»: еще не изгнанный косою

Плуг еще доньше тяжел, ленивый медленный серп, бессильный против таких огромных пространств, еще не изгнан косою.

После «не изгнан»: быстрою

Усилия труда более видны в центральных губерниях, где беднее почва, они слабеют, где почва богаче, и наконец совсем исче<зают> в губерниях Пермской, Вятской и Оренбургской, где людей мало против земли, где дикая природа почвы кладет печать дикости и на самого человека.

почти не действуют

Усилия труда более видны в центральных губерниях, где беднее почва, они слабеют, где почва богаче, и наконец совсем исче<зают> в губерниях Пермской, Вятской и Оренбургской, где людей мало против земли, где дикая природа почвы кладет печать дикости и на самого человека.

После «Оренбургской, где»: количество

На тесном уголке земли, хотя бы почва была бесплодна, земледелие возникает и развивается быстро; вначале следствие первой необходимости, оно в возрастающей степени делается необходимо, его развивают потреб-

ности.

После «возникает»: усовершенствует

Земля и человек идет в равной прогрессии; земля, пробуя все силы его, образует и утряет его разви<тие>, сметливость.

люди

Человек находит беспрестанно средства обогащать его.

Человек получал посредством ее новые средства

Итак, естественное дело, что земледелие в России еще долго будет идти медленно, несмотря на все введенные меры правитель<ства>, потому что это дело веков.

После «России»: должно идти медленно

Он раскинут или, лучше сказать, рассеян нечасто, как семена по обширному полю, из которого будет густой хлеб, но только не скоро.

После «раскинут»: нечасто

Возьмите земледела северной и средней <полосы>.

жителя

Много ли ему нужно трудов и усилий, чтобы достать такую пищу и какое другое желание может занять его по удовлетворении этой первой нужды, когда окружающая его глубокая простота никакой не может подать идеи.

низкая

Он способен переменить вдруг<?> свою жизнь, но только тогда, <когда> вокруг его явятся улучшения, а побывавши в городе, русской человек<?> уже бросает земледелие и делается промышленником, и тут вдруг разви<вается> его деятельность и оказывает<ся> его живая, хлопотливая природа; с помощью живости и сметливости он в непродолжительное время делается богачом.

может

Он способен переменить вдруг<?> свою жизнь, но только тогда, <когда> вокруг его

явятся улучшения, а побывавши в городе, русской человек<?> уже бросает земледелие и делается промышленником, и тут вдруг разви<вается> его деятельность и оказывает<ся> его живая, хлопотливая природа; с помощью живости и сметливости он в непродолжительное время делается богачом.

После «промышленником»: быстрые его успехи в этом промысле, его живая хлопотливая природа

Часто слышны вопросы, отчего у нас хуже земле<делие>, нежели в Европе, и мнения, как нам сравниться с Европой.

После «мнения»:

а. что сумеем

б. мы можем

Часто слышны вопросы, отчего у нас хуже земле<делие>, нежели в Европе, и мнения, как нам сравниться с Европой.

После «сравниться»: в этом скоро

Правила построения мореходных и речных пароходов.

Довольно обстоятельное наставление в

строении пароходных судов <с> небольшим взглядом на начало и усовершенствование этого искусства.

После «обстоятельное»: описание

Довольно обстоятельное наставление в строении пароходных судов <с> небольшим взглядом на начало и усовершенствование этого искусства.

После «взглядом на»: первона<чальное>

Торговый адрес-календарь.

При этом сюда вошли статьи по части промышленности и даже проекты не без достоинств, но здесь представляющиеся совершенно отрывками непоказывающими никакого<?>

После «промышленности»:

а. являющ<иеся>

б. представляющиеся>

Продается очень дорого по объему, какой имеет книжка.

Цена 10 рублей очень дорога для книжки, в которой только 120 страниц

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ

(Варианты по ПД2, Пог, ПМск, 1842)

Начнем блестящим изделием типографической роскоши, легким, сверкающим цветком, приветствующим наступающий 1842-й год. ПД2 (бел.);

а. Начнем [с] блестящим произв<едением>

б. Начнем ~ типографской роскоши ПД2 (черн.);

Пог, ПМск, 1842 — нет.

Начнем блестящим изделием типографической роскоши, легким, сверкающим цветком, приветствующим наступающий 1842-й год. ПД2 (бел.);

ПД2 (черн.) — цветком прелестным, легким блестящ<им> сверкающим;

Пог, ПМск, 1842 — нет.

Начнем блестящим изделием типографической роскоши, легким, сверкающим цветком, приветствующим наступающий 1842-й год.

Пог, ПМск, 1842 — нет.

Альманах Утренняя заря с каждым годом издается роскошней. ПД2 (бел.);

ПД2 (черн.) — Альманах Владиславлева ~ роскошней [и ро<скошней?>] [Бумага, картинки [Надписано три неразборчивых слова], печать — сияющая игрушка];

Пог, ПМск, 1842 — нет.

Он украшен теперь портретами красавиц Петербурга. ПД2 (бел.);

ПД2 (черн.) — Его украшают теперь шесть портретов красавиц Петербурга;

Пог, ПМск, 1842 — Альманах украшен семью портретами

Портрет ее импера<торского> высочества Марьи Александровны предводит ими. [Далее начато: И верно всякой русской всмот<рится>] ПД2 (бел.);

а. Невольно останоят

б. Портрет великой княгини Марии Александр<овны> предводит ими [<1 нрзб.>] и верно останоятся все читатели [как обещала]

ПД2 (черн.);

Пог, ПМск, 1842 — Портрет ее императорского высочества великой княгини Марьи Александровны занимает первое место

Выражением и мыслью сквозят черты его, и верно всякой русской накануне Нового года всмотрится в них внимательней, как во что-то светлое, пророческое.

а. Выражение и мысль означены

б. Выражение и мысль сквозят в чертах лица ПД2 (черн.)

Выражением и мыслью сквозят черты его, и верно всякой русской ~ видя ПД2 (бел.), Пог;

а. и как на [будущую] завидную надежду глядит

б. и как во что-то светлое всматривается в нее внимательнее всякой русской пред Новым годом

в. и как во что-то светлое всматриваешься в нее внимательнее. Не без некоторой тайной гордости его просмотрят читатели <1 нрзб.>

г. Все другие портреты прекрасны. Не без

некоторой тайной гордости для русского сердца [его просмотрят читатели], вероятно видя ПД2 (черн.);

ПМск, 1842 — и верно русский ~ пророческое. И все прочие ~ видя

Портрет графини Елены Миха<й>ловны Завадовской блещет всею роскошью ее неувядаемой красоты.

Ан. Л. Завадовская

Портрет графини Елены Миха<й>ловны Завадовской блещет всею роскошью ее неувядаемой красоты.

ПД2 (черн.) — своей неувядаемой красоты

Светлая ясность простоты отражается в лице графини Софьи Александровны Бенкендорф.

ПД2 (черн.) — Ясность простоты отражается в глазах Ал

Южной полнотою взгляда озарено лицо баронессы Екатерины Николаевны Менгден.
а. Южной полнотою <1 нрзб.> оза<рены?>

б. Южной полнотою взгляда баронессы ПД2 (черн.)

Наконец тип чисто славянской красоты виден в профиле княжны Марьи Ивановны Барятинской.

а. Чисто славянская красота

б. Чисто славянское так виднеет<ся> в графине А. Барятинской ПД2 (черн.)

Помещение портретов сияющих наших современниц есть у нас дело еще новое.

ПД2 (черн.) — дело совершенно новое

Их будет рассматривать с жадностью житель отдаленного угла России, куда едва доходят слухи о столице, и не один одаренный высоким художественным вкусом полюбуется ими, «Благоговевя богомольно / Перед святыней красоты» как сказал Пушкин.

ПД2 (черн.) — угла в России

Их будет рассматривать с жадностью житель отдаленного угла России, куда едва доходят слухи о столице, и не один одаренный вы-

соким художественным вкусом полюбуется ими, «Благоговея богомольно / Перед святыней красоты» как сказал Пушкин.

ПД2 (черн.) — художественным чувством

Их будет рассматривать с жадностью житель отдаленного угла России, куда едва доходят слухи о столице, и не один одаренный высоким художественным вкусом полюбуется ими, «Благоговея богомольно / Перед святыней красоты» как сказал Пушкин.

ПД2 (черн.) — нет

И всякой на этот текущий год будет еще радостней дарить или получать Утреннюю<ю> зарю.

ПД2 (бел.) — И всякой на этот год

ПД2 (черн.) — На этот год вероятно всякой

И всякой на этот текущий год будет еще радостней дарить или получать Утреннюю<ю> зарю.

ПД2 (бел.) — получать этот

ПД2 (черн.) — получать альманах Утреннюю зарю

Жаль подвергнуть это блестящее изделие черствому перу суровой критики. ПД2 (бел.);

ПД2 (черн.) — [Это] [Легкое] блестящее произведение даже жаль подвергнуть суровой критике;

Пог, ПМск, 1842 — Жаль ~ строгому перу суровой критики

Содержанье его вполне соответствует своему значению.

ПД2 (черн.) — Содержание [на] [вполне] [отражает] соответствует назначению

Это легкое будуарное чтение красавицы.

Он для легкого [будуарн<ого>] чтения красавицы

Светский слог, гладкость языка, строгое приличие во многих повестях и легкая грациозность некоторых стихов, словом это сияющая игрушка.

приличие [во всем] в повестях и в [стихах мн<огих?>] легких грациозных стихах

Повести самого издателя ~ берегов Тавриды ПД2 (бел.);

ПД2 (черн.) — Повесть самого издателя блещет легкостью и живостью, [<1 нрзб.> во всем видно то же] искусство [из] незначащий сюжет обратить в занимательный, из стихотворений <2 нрзб.>. Но пусть лучше он разносится, этот блестящий мотылек, по всем [пространствам] углам России и поздравляет [их] ~ до берегов сияющей Тавриды;

Пог, ПМск, 1842 — нет.

Примечания

Эскиз этот составлял введение к Истории Малороссии; но так как вся первая часть Истории Малороссии переделана вовсе, то он остался заштатный и помещается здесь как совершенно отдельная статья. (Прим. Гоголя.)

[^^^]

Под именем Пушкина рассеивалось множество самых нелепых стихов. Это обыкновенная участь таланта, пользующегося сильною известностью. Это вначале смешит, но после бывает досадно, когда наконец выходишь из молодости и видишь эти глупости не прекращающимися. Таким образом начали наконец Пушкину приписывать: Лекарство от холеры. Первую ночь и тому подобные. (Прим. Гоголя.)

[^^^]

Мне прежде приходила очень странная мысль: я думал, что весьма не мешало бы иметь в городе одну такую улицу, которая бы вмещала в себе архитектурную летопись. Чтобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами, — прошедши которые, зритель видел бы с двух сторон возвышающиеся величественные здания первобытного дикого вкуса, общего первоначальным народам. Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готическою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, по-

том древнею греческою, в новом костюме и наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса. Эта улица сделалась бы тогда в некотором отношении историею развития вкуса, и кто ленив перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать всё. (Прим. Гоголя.)

[^^^]

4

Статья эта писана давно. В последнее время вкус в Европе улучшился и особенно в нашей любезной России. Многие архитекторы уже ей делают честь; из них должно упомянуть о Брюлове, которого здания исполнены истинною вкуса и оригинальности. (Прим. Гоголя.)

[^^^]

Впрочем, любители музыки и поэзии могут несколько утешиться: недавно издано прекрасное собрание песен Максимовичем, и при нем голоса, переложенные Алябьевым. (Прим. Гоголя.)

[^^^]

Шлегель. (Прим. Гоголя.)

[^^^]

Миллер. (Прим. Гоголя.)

[^^^]

Тацит. (Прим. Гоголя.)

[^^^]

О готах: Прокофий, Иорнанд, Гиббон. (Прим.
Гоголя.)

[^^^]

Шлегель. (Прим. Гоголя.)

[^^^]

О гуннах и об Аттиле: Иорнанд, Детине, Фишер. (Прим. Гоголя.)

[^^^]

Конрад Геснер. (Прим. Гоголя.)

[^^^]